

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Емельянов С. Н.	
<i>Проблемы повышения качества высшего профессионального образования в условиях интеграции с европейским образовательным пространством</i>	<i>4</i>
Морозов В. М.	
<i>Пенитенциарная система Российской Федерации в свете международных стандартов</i>	<i>6</i>
Беляков А. В.	
<i>Криминалистическая характеристика дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества</i>	<i>9</i>
Корнилов А. А.	
<i>Повышение эффективности формирования системы мотивации служебной деятельности сотрудников исправительных учреждений</i>	<i>14</i>
Кудрявцев А. В.	
<i>Деятельность оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы в противодействии коррупции как элемент механизма государственного принуждения</i>	<i>19</i>
Меркурьев В. В., Богачевская Е. А.	
<i>Деструктивное влияние преступной субкультуры на исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы: стратегия противодействия</i>	<i>23</i>
Нагимов М. А.	
<i>Концептуальные основы информационного обеспечения деятельности оперативных подразделений исправительных учреждений по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ</i>	<i>35</i>
Сенкевич В. В.	
<i>Криминологические признаки осужденных за побег</i>	<i>39</i>
Федотова И. Н.	
<i>Взаимодействие учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с Русской Православной Церковью и другими религиозными объединениями</i>	<i>43</i>
Шамсунов А. А.	
<i>Концептуальный подход к правовым основам кадрового обеспечения органов и учреждений ФСИН России</i>	<i>51</i>

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Абрекова М. М.	
<i>Правовые основы как элемент механизма реализации функций государства</i>	<i>57</i>
Амелин Н. М.	
<i>Системные взаимосвязи права, государства и церкви в информационном обществе как предмет теоретико-правового исследования</i>	<i>61</i>
Бавыкин Д. Ю.	
<i>Некоторые особенности тактики неотложных действий на местах происшествий при получении сообщений об угрозе взрыва</i>	<i>66</i>
Баринов А. В., Гудков А. И.	
<i>Смерть должника как основание прекращения поручительства</i>	<i>69</i>
Баринов А. В., Ерохина Н. С.	
<i>Правовая природа аутоагрессивного поведения</i>	<i>71</i>
Батанова Е. М.	
<i>Суд присяжных во Владимирской области: оценивая прошедшее пятилетие</i>	<i>79</i>
Богданов М. Н.	
<i>Квалификация мошенничества как института ответственности уголовного права</i>	<i>81</i>
Бурлакова Я. Ю.	
<i>Роль института мер пресечения, не связанных с ограничением или лишением свободы, в реализации функций уголовного процесса</i>	<i>84</i>
Владимиров С. В.	
<i>Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании наезда транспортным средством на пешехода</i>	<i>88</i>

Волченков В. В.	
Актуальные проблемы противодействия незаконному обороту оружия	93
Егорова О. А.	
Право совместного проживания законных представителей с ребенком: проблемы правоприменения	96
Жильцова В. М.	
Суицид как акт гражданской самозащиты: историко-криминологический анализ	99
Ким В. Е.	
К проблеме криминологической безопасности личности в сфере бытовых отношений	103
Кулагин А. В.	
Особенности гражданского воспитания в образовательных учреждениях МЧС России	106
Лазарева Л. В.	
Судебная экспертиза в уголовном процессе: современное состояние и перспективы развития	111
Миролюбов С. Л.	
Генезис правовой основы использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам: актуальные проблемы	116
Миронов А. Н.	
Юридическая технология как средство реализации правовой политики	119
Невский Н. Н.	
Виктимология: историко-правовые и мировоззренческие основы формирования	125
Павлинов А. В.	
Экономические причины насильственного экстремизма в современной России: прогноз развития, последствия, меры реагирования	128
Паненков А. А., Васнецова А. С.	
Криминологическая оценка состояния террористической преступности в России	133
Полищук С. В.	
Состояние и проблемы системы социально-правовой защиты военнослужащих Спецстроя России и членов их семей	137
Ремизов П. В.	
Методологические предпосылки общетеоретического исследования феномена «критика законодательства»	143
Рубан А. С.	
Организационные вопросы следственного эксперимента	148
Рябчиков В. В., Бородкин М. А.	
Проблемные вопросы института дознания	152
Самитов Э. О., Фатхуллин Р. Р.	
Особенности взаимосвязей элементов криминалистической характеристики истязаний	154
Соколов О. В.	
Понятие оправдательного приговора как акта правосудия и особенности вступления его в законную силу	157
Ткачук Т. А.	
Условия реализации криминалистического обеспечения розыска в раскрытии и расследовании преступлений	159
Третьякова О. Д.	
Понятие дивергенции права	165
Халилов Р. Н.	
Понятие «режим отбывания наказания» в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы	168
Ходжич М. В.	
Основные понятия стратегического планирования как функции стратегического управления	171

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Антонова М. В.	
Значение реформаторских идей М. М. Сперанского для совершенствования государственных преобразований в современной России	174
Каптелин И. В.	
Вопросы осуществления предварительного следствия в условиях социалистической демократии. Реализация конституционных норм на предварительном следствии в СССР	183
Ружин С. В., Шагушина А. В.	
Особенности формирования правосознания российского общества в дореволюционный период	188

Михеева И. В.	
<i>Российские министерства в XIX веке: опыт нормотворческой деятельности</i>	191
Ерин Д. А.	
<i>Промышленная милиция в системе специальных видов советской милиции РСФСР (1919–1921 гг.)</i>	198
Шагаев В. А.	
<i>Вопросы военного права в Соборном уложении 1649 года</i>	202

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Пашкова Т. В.	
<i>Правосознание в Китайской Народной Республике</i>	211
Шаталов Ю. Н.	
<i>Применение электронного мониторинга при исполнении домашнего ареста в Венгрии</i>	218

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

С. Н. Емельянов,
начальник ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ С ЕВРОПЕЙСКИМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ

В современных условиях реформирования системы высшего профессионального образования вопросы повышения его качества представляются наиболее актуальными. Преобразование любого государственного института, равно как и иной сферы деятельности, неизбежно влечет за собой не только внедрение чего-либо нового, прогрессивного, но и отказ от уже наработанного, традиционного. В этой связи процесс реформирования часто сталкивается с определенными сложностями, прежде всего, субъективного характера, что объясняется вполне обоснованными с точки зрения психологии перцептивными проблемами. Именно поэтому переход на двухуровневую систему высшего профессионального образования воспринимается педагогическим сообществом неоднозначно, о чем свидетельствуют многочисленные публикации и обзоры в средствах массовой информации.

Вместе с тем вступление в законную силу Федерального закона от 24 октября 2007 г. № 232-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 44, ст. 5280) поставило точку в спорах и дискуссиях по этому поводу. Таким образом, сегодня задача образовательных учреждений высшего профессионального образования – исполнить требования федерального законодательства и в установленные сроки перейти на реализацию федеральных государственных образовательных стандартов (далее: ФГОС)

нового поколения. При этом, к сожалению, меньше всего обсуждается проблема создания соответствующих условий для реализации указанных ФГОСов, в том числе обусловленных данной проблемой задач, стоящих перед федеральными, ведомственными и региональными органами управления образованием. В связи с этим представляется целесообразным предложить читателям обсудить ряд вопросов, которые, на наш взгляд, имеют важное значение для повышения качества высшего профессионального образования в России в условиях интеграции с европейским образовательным пространством.

В первую очередь мы предлагаем обратиться к целевым индикаторам и социальным эффектам, определенным Федеральной целевой программой развития образования на 2006–2010 годы (далее: Программа), утвержденной постановлением Правительства РФ от 23 декабря 2005 г. № 803 (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 37, ст. 3752). В числе этих социальных эффектов особое внимание следует обратить на такие, как: повышение конкурентоспособности профессионального образования; обновление и качественное совершенствование кадрового состава системы образования; интеграция в европейское образовательное пространство, повышение мобильности профессионального образования, рост экспорта образовательных услуг; повышение эффективности финансирования образования и др.

Каждый из перечисленных показателей Программы предусматривает целый перечень конкретных мер, направленных на достижение намеченных целей. В частности, повышение конкурентоспособности профессионального образования предполагает повышение роли работодателей в подготовке профессиональных кадров. Однако I Мониторинг Российского союза ректоров показал, что эта работа находится в зачаточном состоянии и не имеет единого системного подхода к ее организации. Данные, полученные

в результате пилотного исследования, позволяют сделать некоторые предварительные выводы и выявить ряд следующих тенденций: во-первых, существенное сокращение взаимодействия образовательных учреждений высшей школы и бизнес-структур в 2009 г., свертывание многих программ, которые еще в 2008 г. достаточно активно развивались; во-вторых, отсутствие оперативной и систематизированной информации у 27,5 % вузов и 10,3 % бизнес-структур, каналов ее передачи и налаженного механизма обратной связи; в-третьих, отсутствие у 1/3 вузов каких-либо краткосрочных прогнозов по своему функционированию в 2009 г. (Бизнес и образование – 2009. I Мониторинг Российского союза ректоров. М., 2009). Очевидно, что существующее положение дел и указанные тенденции не способствуют реализации Программы, в том числе повышению качества высшего профессионального образования.

Обновление и качественное совершенствование кадрового состава системы образования предусматривают в числе прочих такую меру, как повышение уровня квалификации преподавательского состава, в частности, увеличение количества профессорско-преподавательского персонала, имеющего ученые степени и звания. Однако, если в 2006 г. число диссертационных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций составляло около 4000, то на 19 декабря 2008 г., по данным официального сайта Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Минобрнауки России, их количество снизилось до 2987 (URL: http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/news/depart/2009/01/spisok_dissovetov_19-12-2008.doc), т. е. в течение двух лет сократилось более чем в 1,3 раза. При этом часть советов приостановила свою работу по вполне обоснованным причинам, связанным в первую очередь с качеством диссертационных исследований, представленных на утверждение ВАК. Вместе с тем сокращение численности диссертационных советов в целом уже приобретает характер тенденции, что, по нашему мнению, никак не способствует увеличению количества профессорско-преподавательского персонала, имеющего ученые степени и звания, а следовательно, обновлению и качественному совершенствованию кадрового состава системы образования.

Следующий показатель социальной эффективности Программы – интеграция в европейское образовательное пространство, повышение мобильности профессионального образования, рост экспорта образовательных услуг – предусматривает такие меры, как: расширение сотрудничества с европейскими странами в области обеспечения качества образования, рост академической мобильности студентов, академического и административного персонала и др.

Для того чтобы получить представление о положении дел в этом направлении, обратимся к результатам экспертных оценок Независимого рейтингового агентства «РейтОР», которое, проанализировав качество образования по таким показателям, как: учебная, научно-исследовательская, международная деятельность, уровень профессиональной компетентности профессорско-преподавательского и исследовательского персонала, используемые ресурсы и уровень развития коммуникаций, – отобрало из почти 15 тысяч университетов мира более 500, включая около сотни вузов России, стран СНГ и Балтии (Агранович М. С мира по вузу. В России впервые составлен глобальный рейтинг университетов // Рос. газ. 2009. 11 февр.). По данным проведенного исследования, сильнейшие российские университеты: МГУ, МГТУ и СПбГУ – занимают места в первой сотне ведущих вузов мира, соответственно: 5, 55 и 84. Достаточно высоко оцениваются позиции еще нескольких российских вузов: СПбГПУ, МИФИ и МФТИ (вторая сотня рейтинга), РУДН, МЭИ и МГИМО(У) (третья сотня рейтинга). Большая часть отобранных для оценки российских вузов присутствует в четвертой сотне рейтинга. Среди основных причин такого положения эксперты называют значительное отставание российских вузов от западных университетов в показателе финансового обеспечения. Лишь сильнейший российский вуз – МГУ им. М. В. Ломоносова – приближается по данному показателю к университетам континентальной Европы. Следующий российский вуз – МГИМО(У) – уступает МГУ в этом показателе в два раза, не говоря о прочих российских вузах. К сожалению, в современных социально-экономических условиях предполагается значительное снижение уровня ресурсного обеспечения.

Таким образом, стартовые позиции и целевые ориентиры в решении вопросов интеграции отечественной системы высшего профессионального образования с европейским образовательным пространством корреспондируются не по всем предусмотренным Программой направлениям, что в конечном итоге может поставить под сомнение достижение намеченных результатов и повлечь снижение качества высшего профессионального образования. В данной ситуации представляется необходимым объе-

В. М. Морозов,
*советник ФСИН России,
декан ФВО ВЮИ ФСИН России
доктор социологических наук, профессор*

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ

Формирование демократического гражданского общества России предопределило необходимость реформирования ее уголовно-исполнительной системы, которая не могла оставаться в отрыве от перемен, происходящих в обществе в целом. Катализатором этого процесса стало вступление нашей страны в 1996 г. в Совет Европы, когда Российская Федерация приняла на себя ряд обязательств, одним из которых является приведение национального законодательства в соответствие с общепринятыми международными нормами и стандартами.

Можно выделить ряд основополагающих направлений деятельности по переходу к управлению отечественными пенитенциарными учреждениями, принятому во всех цивилизованных странах мира.

Первое направление – совершенствование нормативной базы деятельности уголовно-исполнительной системы. За последнее десятилетие было принято 36 федеральных законов и более 40 постановлений Федерального Собрания и Правительства РФ, направленных на государственную поддержку уголовно-исполнительной системы, укрепление гарантий прав граждан, совершивших преступления и временно изолированных от общества. Только в УИК РФ различные поправки вносились 27 раз.

динение усилий педагогических сообществ (Российского союза ректоров, ассоциаций вузов и т. п.), в том числе бизнес-сообщества, ассоциаций работодателей, в разработке стратегических научно обоснованных решений и мер по их реализации при безусловной поддержке государства. Только при таком подходе и при таких условиях мы можем рассчитывать на положительные результаты в реформировании отечественной системы высшего профессионального образования.

Второе направление – улучшение условий содержания лиц, находящихся в следственных изоляторах.

В рамках реализации Федеральной целевой программы «Реформирование уголовно-исполнительной системы на 2002–2006 годы» было создано 14,7 тыс. мест для размещения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 38, ст. 3743). Начиная с 2007 г. ФСИН России приступила к реализации Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)», утвержденной постановлением Правительства РФ от 5 сентября 2006 г. № 540 (Там же. 2006. № 39, ст. 4075). Программой предусматривается ввод в действие 176 тыс. квадратных метров жилой площади в следственных изоляторах, что позволит привести условия содержания подследственных в соответствие с российским законодательством, а в 27 изоляторах – в соответствие с рекомендуемой международной санитарной нормой площади на одного человека в размере 7 квадратных метров.

За счет повышения качества *медицинского обеспечения и медицинской помощи* в два раза снизилось количество больных с активной формой туберкулеза в учреждениях уголовно-исполнительной системы, заболеваемость уменьшилась в 2,5 раза, а смертность – в 3,8 раза по сравнению с 2001 г. Общая заболеваемость и смертность среди лиц, содержащихся в следственных изоляторах, и осужденных за этот период сократилась на 46 %.

Обеспечена реализация принятого в 2005 г. постановления Правительства РФ, утвердив-

шего *новые нормы питания* и материально-бытового обеспечения лиц, содержащихся в изоляции. В рацион питания осужденных включены молоко, яйца, увеличена норма выдачи мяса и других продуктов.

Введены новые нормы *вещевого довольствия* для осужденных. Предусмотрено обеспечение одеждой и обувью новой модификации, что позволяет увеличить сроки их носки и улучшить внешний вид осужденных. Обеспеченность осужденных продовольственными товарами и вещевым имуществом сегодня составляет 100 %.

В настоящее время реализуется пилотный проект по предоставлению им *видеосвидания*. По его результатам будет принято решение об инициировании внесения дополнений в УИК РФ с целью нормативного закрепления данного вида свиданий осужденных с их родственниками или иными лицами.

В течение последних лет укрепляется и развивается *психологическая служба*. Используя современные методики и программы, 3,5 тыс. психологов оказывают профессиональную помощь осужденным и сотрудникам, способствуют разрешению конфликтов, предотвращению нарушений порядка отбывания наказания.

Обеспечивается право осужденных на *получение общего и профессионального образования*. В исправительных учреждениях функционируют 301 вечерняя общеобразовательная школа и 447 учебно-консультационных пунктов, в которых обучаются 75,1 тыс. осужденных.

С целью внедрения в практику обучения современных технологий ФСИН России участвовала в 2007 г. в реализации национального приоритетного проекта «Образование», в рамках которого 327 учебных заведений подключены к сети Интернет и обеспечены лицензионными программными средствами.

Решением Правительства Российской Федерации в 2005 г. ФСИН России от Министерства образования и науки Российской Федерации приняты 334 профессионально-технических училища и 152 их филиала. За период с 2005 по 2008 г. было дополнительно открыто 65 филиалов профессиональных училищ. В прошлом году в этих учебных заведениях обучалось 88,9 тыс. осужденных.

Более 1,8 тыс. осужденных к лишению свободы получают среднее и высшее профессиональное образование по заочной и дистанционной формам обучения на договорной основе.

Реализуется право осужденных на свободу совести и вероисповедания. В настоящее время в учреждениях уголовно-исполнительной системы создано более 1,2 тыс. религиозных общин различной направленности, в которых насчитывается 79 тыс. верующих, действуют 464 храма и 722 молельные комнаты.

В последние годы расширяется применение мер наказания, альтернативных лишению свободы. В настоящее время судами назначается 65 % наказаний без изоляции от общества. На учете в уголовно-исполнительных инспекциях состоят 574,9 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. С 2005 г. обеспечивается исполнение нового вида наказания – обязательные работы.

Третье направление – разработка новых видов наказания. Сегодня проходит согласование проект Федерального закона о введении в действие нового вида наказания – ограничение свободы. В связи с этим прогнозируется постановка на учеты в уголовно-исполнительные инспекции свыше 110 тыс. осужденных к этому виду наказания.

В текущем году при поддержке Еврокомиссии начинается проведение эксперимента по применению электронных систем слежения за осужденными без лишения свободы, а также отбывающими наказание в колониях-поселениях.

Четвертое направление – совершенствование системы общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы, соблюдением прав человека в местах лишения свободы.

Соблюдение прав человека в уголовно-исполнительной системе постоянно контролируется прокуратурой, Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, Общественной палатой, российскими общественными организациями, а также Европейским комитетом по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее: ЕКПП), верховным комиссаром ООН по правам человека, комис-

саром Совета Европы по правам человека, а также представителями международных правозащитных организаций.

В период с 1998 г. по настоящее время делегации ЕКПП осуществили 17 визитов в места лишения свободы, расположенные в различных регионах Российской Федерации. По итогам визитов в 2006–2008 гг. международные эксперты в своих публичных заявлениях указывали, что в сфере условий содержания под стражей достигнут определенный прогресс, российские власти демонстрируют здесь стремление к открытости и дальнейшим преобразованиям.

Десятого июня 2008 г. был принят Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» № 76-ФЗ (Рос. газ. 2008. 18 июня).

Однако еще до его принятия многие общественные объединения активно сотрудничали с уголовно-исполнительной системой и участвовали в контроле за обеспечением прав человека в местах лишения свободы. А в 2007 г. был создан Общественный совет при ФСИН России, основной целью которого является привлечение общественности к решению задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, защите прав и законных интересов сотрудников, а также осужденных и лиц, содержащихся в следственных изоляторах. Во всех территориальных органах ФСИН России также созданы общественные советы.

Только в 2007 г. в пенитенциарных учреждениях страны было зафиксировано более 50 тыс. посещений представителями общественных и правозащитных организаций, разных религиозных конфессий.

Принципиально изменились взаимоотношения со средствами массовой информации. Ежегодно публикуются тысячи материалов о деятельности пенитенциарных учреждений, в том числе проблемных, что позволяет привлечь внимание общества, органов законодательной и исполнительной власти, ускорить принятие важных для реформирования системы решений.

Пятое направление – совершенствование системы регламентации труда осужденных. Так, при разработке проекта Закона РФ «Об

учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» учитывалось, что в части регламентации труда осужденных к лишению свободы с 18 сентября 1975 г. действуют резолюция (75)25 «О труде заключенных» Комитета министров Совета Европы (Сб. док. Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 208), а с 12 февраля 1987 г. – рекомендация № R (87)3 государствам-членам Совета Европы «Относительно Европейских пенитенциарных правил» (Там же. С. 209–263). В связи с этим в закон было включено принципиальное положение о том, что интересы исправления осужденных не должны подчиняться цели получения прибыли от их труда. Статья 17 вышеуказанного закона устанавливает, что, во-первых, труд осужденных обязательно должен быть оплачиваемым, во-вторых, привлечение осужденных к труду возможно лишь в строго определенных формах. В настоящее время предприятия исправительных учреждений перепрофилируются в соответствии с Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 91-ФЗ в центры трудовой адаптации и производственные (трудовые) мастерские, в которых осужденные и будут заняты трудом (Рос. газ. 2007. 9 июня).

Шестое направление – создание правовой основы для эффективной социальной защиты работников уголовно-исполнительной системы и членов их семей.

Благодаря принятию ряда нормативных актов в России стало возможным реализовать некоторые позиции, включенные в Положение о европейских тюрьмах (Минимальные стандартные правила ООН по обращению с заключенными для европейских условий, рекомендация № R (87)3, принятая Кабинетом министров Совета Европы 12 февраля 1987 г.), по предоставлению сотрудникам уголовно-исполнительной системы льгот и гарантий.

В целом можно сказать, что за прошедшие годы созданы необходимые предпосылки для перехода к следующему этапу реформирования уголовно-исполнительной системы, решать имеющиеся проблемы на качественно новом, более высоком, уровне.

Сегодня становится очевидным, что решение задачи приближения отечественной пенитенциарной системы к международ-

ным стандартам требует ее преобразования в реабилитационную систему, способствующую физическому и духовному оздоровлению осужденных, приобретению ими необходимой профессии и образования, возвращению обществу законопослушных и дееспособных граждан, безусловному обеспечению прав, свобод и интересов осужденных, обвиняемых и подозреваемых в совершении преступлений.

С учетом установок, изложенных Президентом РФ Д. Медведевым, о необходимости изменения отношения общества к системе исполнения наказаний в целом представляется необходимым активизировать работу

А. В. Беляков,

*преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Самарского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА

Криминалистическая характеристика преступления по своей природе является своеобразной информационной моделью, которая сформирована на основе анализа практической деятельности по расследованию преступлений.

В настоящее время информация имеет большое значение, и информированность следователя о значимых моментах расследуемого события значительно повышает эффективность его деятельности.

Под криминалистической характеристикой дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, следует понимать совокупность обобщенных и взаимосвязанных типичных данных о преступлении, знание которых оказывает существенное положительное влияние на организацию и проведение расследования преступления.

При определении элементного состава криминалистической характеристики дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, необходимо руководствоваться следующими положениями:

по формированию теоретико-методологических, правовых, психологических и организационных предпосылок реализации международных правовых документов в сфере деятельности ФСИН России.

Библиографический список

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – М., 2008.

2. О Федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)» : постановление Правительства Рос. Федерации от 5 сент. 2006 г. № 540 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 39, ст. 4075.

– во-первых, знание рассматриваемых элементов должно оказывать положительное влияние на расследование преступления;

– во-вторых, данные элементы, являясь системой криминалистически значимой информации, должны быть взаимосвязаны.

Анализ литературы, посвященной криминалистической характеристике и методике расследования преступлений, а также материалов уголовных дел и приговоров судов по преступлениям, предусмотренных ст. 321 УК РФ, позволил сделать вывод о том, что для разрабатываемой методики расследования в рамках криминалистической характеристики целесообразно рассмотреть следующие ее элементы: система данных о способе совершения и сокрытия преступления и следы, наиболее типичные для него; сведения о типичной обстановке совершения преступления; типичные сведения о личности вероятного преступника и потерпевшего; типичные мотивы совершения преступления.

Рассмотрим каждый из них более подробно.

Способ совершения и сокрытия преступления и следы, наиболее типичные для него. Необходимость рассмотрения вопроса о способе дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, в рамках частной криминалистической методики не вызывает сомнения. Мы солидарны с мнением А. Н. Васильева и Н. А. Селиванова, которые считают, что способ совершения преступления выступает одной из основ для разработки частных криминалистических методик (Васильев А. Н.

Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений // Соц. законность. 1975. № 4. С. 63 ; Селиванов Н. А. Сущность методики расследования и ее принципы // Там же. 1976. № 5. С. 61).

Для рассматриваемого вида преступления способ как форма поведения существует во всех случаях, а следовательно, является обязательным элементом его криминалистической характеристики. Знание способа дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, помогает в установлении обстоятельств преступления, орудия преступления, выявлении преступников и оставленных ими следов.

Анализ эмпирического материала позволяет сделать вывод о том, что способы дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, по своей структуре неоднородны. Так, в 20 % случаев преступниками были предприняты действия по подготовке к совершению преступления, в 62 % – прибегали к мерам по сокрытию преступлений, в 31 % – преступления совершены спонтанно без подготовки и преступники не пытались скрыть результаты своих действий.

В связи с этим наиболее приемлемым считаем определение, данное Г. Г. Зуйковым, который под способом совершения преступления понимает «комплекс действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, избранных преступником в соответствии с намеченной целью и теми условиями, в которых осуществлялся преступный замысел» (Зуйков Г. Г. Способ совершения преступлений и способ уклонения от ответственности // Актуальные проблемы усиления борьбы с преступностью в сфере решений XXVI съезда КПСС. Иркутск, 1981. С. 55–57).

По смыслу ст. 321 УК РФ способы совершения рассматриваемого преступления можно разделить на две группы:

- 1) связанные с применением насилия, не опасного либо опасного для жизни и здоровья;
- 2) связанные с угрозой применения насилия, не опасного либо опасного для жизни и здоровья.

В свою очередь, насилие может совершаться с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия и без такового.

В результате анализа специальной литературы и материалов уголовных дел мы выделили следующие предметы, используемые в качестве оружия при совершении рассматриваемого преступления: «заточки» в виде заточенных металлических пластин, кусков проволоки с ручками, изготовленных из фрагментов труб, заточенных железных штырей; бельевая веревка, изготовленная из подручных материалов; гвозди; камни; лезвия от одноразовых бритвенных станков; мебель (табуреты, прикроватные тумбочки, лавки); осколки стекла; рабочий инвентарь (электрод сварочного аппарата, кувалда, черенки от швабр); разогнутая металлическая часть от зажигалки; самодельное шило; спицы вязальные; столовые принадлежности (железные тарелки, ложки, вилки) и др. (Организация режима и обеспечение надзора за осужденными в исправительных учреждениях : сб. материалов положит. опыта. М., 2005. С. 29–33).

Именно на поиске вышеуказанных предметов необходимо сконцентрировать свое внимание при проведении таких следственных действий, как осмотр места происшествия, проверка показаний на месте и обыск.

Наиболее распространенным способом дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, являются нанесение ударов руками и ногами по различным частям тела, удерживание, выкручивание рук, толчки (81 % преступлений).

Способы, связанные с угрозой применения насилия, на практике встречаются гораздо реже и могут осуществляться как лично, так и через посредников. По времени угроза может предшествовать насилию или быть направленной на будущее действие.

Форма выражения угрозы может быть разной, например, устной или письменной, переданной другими средствами связи, с помощью мимики или жестов. Содержание угрозы также различно: от побоев до убийства. Самое главное в таком способе, чтобы потерпевший реально воспринимал данную угрозу по отношению к себе.

В процессе анализа уголовных дел были выявлены следующие типичные способы дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: нанесение ударов головой, руками и ногами по различным частям тела (62,9 %); вы-

кручивание рук, удерживание, толчки (19,6 %); нанесение ударов колющими и режущими предметами (6,2 %); угроза применения насилия (6,2 %); нанесение ударов тупыми предметами (3,1 %); иное (2 %).

Следы, типичные для данного вида преступления, находят свое отражение как в окружающей обстановке совершения преступления, так и на одежде и теле потерпевшего или подозреваемого.

К первой группе следов относятся следы борьбы, которые находят свое отражение в виде сломанных и хаотично разбросанных предметов окружающей обстановки, пятна крови. Однако на месте преступления могут быть оставлены и нетипичные следы. Так, например, особо опасный рецидивист Б. пытался обварить кипящим чаем контролера. В результате при осмотре места происшествия были зафиксированы следы от чая, расположенные на двери и полу (Петуховский М. А. Расследование действий, дезорганизующих работу ИТУ : учеб. пособие. Караганда, 1980. С. 26).

Ко второй группе следов следует отнести одежду поврежденную, с пятнами крови, на теле кровоподтеки, ссадины, гематомы, ушибы мягких тканей, колотые раны и т. д.

Обстановка совершения преступления. Событие преступления и подготовка к нему протекают в определенной обстановке, которая не только оказывает влияние на формирование механизма противоправного деяния, но и запечатлевает действия преступника (Шурухнов Н. Г. Расследование злостного неповиновения и иного противоправного деяния осужденных администрации исправительно-трудового учреждения : учеб. пособие. М., 1988. С. 10).

Проанализировав литературу, посвященную данной теме, а также материалы уголовных дел, мы пришли к выводу, что составными частями содержания обстановки совершения дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, являются: место совершения преступления; время совершения преступления; особая социальная среда в местах лишения свободы.

В ходе проведенного нами исследования было установлено, что большинство случаев дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от обще-

ства, происходит на территории исправительных учреждений. Типичными местами совершения преступлений, предусмотренных ст. 321 УК РФ, являются: помещение отряда (48,6 %); локальные зоны (18,3 %); помещения камерного типа и штрафных изоляторов (14,7 %); служебные помещения сотрудников администрации (9,6 %); производственная зона (4,3 %).

Однако бывают и исключения. Так, например, в январе 2006 г. осужденный Я., отбывающий наказание в колонии-поселении № 3 г. Суража Брянской области, совершил побег. В ходе задержания, которое проходило на одной из улиц г. Суража, Я., оказывая сопротивление сотруднику вышеуказанного исправительного учреждения, нанес последнему два удара кулаком в лицо (Архив Сураж. район. суда Брян. обл. Уголов. дело № 1-172/2006). Об этом же в своей работе говорит и С. В. Назаров, отмечая, что «действия, предусмотренные ст. 321 УК РФ, могут совершаться в отношении осужденных, находящихся не только внутри, но и за территорией исправительного учреждения (например, работающих на выводных объектах, во время бесконвойного передвижения, в период нахождения в отпуске и т. п.). В отношении сотрудников закон вообще не содержит каких-либо ограничений, если эти деяния совершены в связи с осуществлением им служебной деятельности» (Назаров С. В. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: уголовно-правовое и криминологическое исследование : монография / под ред. А. А. Магомедова. Владимир, 2002. С. 30–31).

Наибольшее количество преступлений совершается в период с 12 до 18 ч (27,8 %) и с 18 до 24 ч (37,7 %). Думаем, что выбор такого временного отрезка продиктован тем обстоятельством, что после обеда у осужденных больше свободного времени.

Само преступление по времени может длиться от нескольких секунд до нескольких часов. Так, в частности при событиях, произошедших в августе 2004 г. в ФГУ ИК-3, расположенном в г. Новокуйбышевске Самарской области, осужденного С. избивали в период с 20 до 03 ч четыре раза. Каждое избивание длилось примерно около 10–15 мин (Архив обл. суда Самар. обл. Уголов. дело № 02-37/05).

Еще одно немаловажное замечание – большинство преступлений рассматриваемого вида совершается зимой (24,4 %) или весной (39,3 %).

Н. Г. Шурухнов, с которым мы полностью согласны, отмечает, что «на формирование преступной деятельности пенитенциарных преступников и их поведение на следствии большое влияние оказывает социальная среда» (Шурухнов Н. Г. Криминалистика: учебник. М., 2004. С. 612).

Особенность социальной среды в местах лишения свободы обусловлена действием на их территории неофициальных норм криминальной субкультуры и, в частности, ее разновидности – тюремной субкультуры.

Элементами тюремной социальной среды, которые играют наиболее значимую роль при определении обстановки дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, являются:

- неофициальная стратификация;
- неформальные правила поведения осужденных;
- атрибуты криминальной субкультуры (татуировки, жаргон, клички, жестикация и т. д.).

Личность вероятного преступника и потерпевшего. Данные о личности преступника являются одним из важнейших компонентов криминалистической характеристики преступления. Такой точки зрения справедливо придерживаются большинство ученых-криминалистов (Белкин Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. М., 2001. С. 736 ; Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Минск, 2001. С. 94 ; Шурухнов Н. Г. Указ. соч. С. 416 и др.).

Для криминалистической характеристики дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, имеют значение такие данные о личности преступника, которые указывают на ее закономерные связи с другими элементами, а также влияют на расследование.

При изучении личности преступника важную роль играют следующие криминалистически значимые данные:

- о проявлениях личности в основных сферах деятельности общества (труд, общественная деятельность, быт);
- о социально-психологических и эмоционально-волевых качествах;

– социально-демографического характера (возраст, пол, образование, социальное положение, профессия);

– характеризующие антиобщественное поведение субъекта (Сахарова Е. Г. Расследование причинения вреда здоровью / под ред. В. П. Лаврова. М., 2007. С. 46).

В результате изучения материалов уголовных дел нами было установлено, что подавляющее большинство преступлений, предусмотренных ст. 321 УК РФ, совершены лицами мужского пола (98,4 %), в возрасте от 18 до 29 лет (68 %), как правило, имеющими среднее образование (50,4 %) или не получившими такового (35,5 %), не женатыми (80,4 %), безработными (89,4 %), имеющими одну судимость (57 %). Две и более судимостей на момент совершения преступления соответственно имели 24, 11,6, 7,4 % осужденных. То есть большинство преступлений рассматриваемого вида совершаются теми, кто впервые попал в места лишения свободы. Данное обстоятельство обусловлено, во-первых, желанием таких лиц самоутвердиться в среде осужденных, во-вторых, отсутствием опыта по сокрытию как самого факта совершения преступления, так и его следов. Существует и еще одно объяснение. Лица, занимающие лидирующее положение среди отрицательно настроенных осужденных, как правило, самостоятельно не совершают подобных преступлений, поручая их осуществление другим осужденным. Однако если данное преступление все-таки совершает так называемый авторитет, то его вину может взять на себя другой осужденный.

По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что большинство преступлений, предусмотренных ст. 321 УК РФ, совершают осужденные, отрицательно характеризующиеся администрацией исправительных учреждений (93,5 %). Как правило, администрация, давая отрицательные характеристики осужденным, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 321 УК РФ, руководствуется следующими сведениями о личности подозреваемого (обвиняемого):

- характеризуется отрицательно или крайне отрицательно;
- зарекомендовал себя как нарушитель режима;

- признан злостным нарушителем режима;
- неоднократно водворялся в штрафной изолятор и помещение камерного типа;
- поведение антисоциальное, не дисциплинирован;
- придерживается или пропагандирует «воровские» традиции;
- не желает работать;
- не имеет поощрений (в ходе исследования нами было отмечено, что в отрицательных характеристиках на осужденных, привлекаемых к уголовной ответственности по ст. 321 УК РФ, встречаются случаи наличия поощрений);
- в общении с администрацией дерзок;
- общается и поддерживает отношения с осужденными отрицательной направленности (отрицательно настроенными осужденными).

Анализ сведений о судимости лиц, совершающих рассматриваемый вид преступлений, позволяет сделать вывод о том, что они в основном осуждены за преступления, связанные с применением насилия (63,8 %), причем 52,1 % осужденных судимы за преступления против собственности и 37,8 % – за преступления против жизни и здоровья.

В большинстве случаев в качестве потерпевших выступают сотрудники исправительных учреждений (75 %), чаще всего состоящие на должностях оперативных дежурных или их помощников, инспекторов отдела безопасности (70,2 %). Как правило, это представители мужского пола (97,6 %).

Почти во всех изученных уголовных делах потерпевшие из числа сотрудников характеризовались положительно. В частности, указывалось, что они в отношении осужденных ведут себя корректно, при общении не прибегают к нецензурным выражениям, пользуются уважением со стороны коллег и осужденных.

Что касается потерпевших из числа осужденных, то это в основном также мужчины. Все они, как правило, характеризуются администрацией исправительных учреждений положительно как сотрудничающие с администрацией, являющиеся членами секции дисциплины и порядка, уравновешенные, опрятные, вежливые и корректные в общении с администрацией, хорошо работающие, постоянно повышающие деловую и профессиональную квалификацию, твердо вставшие на путь исправления.

Следует отметить, что некоторые из положительно характеризующихся осужденных-потерпевших по делам о дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, имеют по несколько дисциплинарных взысканий, а также две и более судимости.

Мотивы и цели совершения преступления. «В криминалистической характеристике преступлений существует прямая необходимость иметь обобщенные типичные сведения о мотиве и цели отдельных видов (групп) преступлений, их общих и особенных чертах, следах – последствиях проявления в материальной обстановке и сознании лиц, причастных к преступлению. Знание их способствует целенаправленному выдвижению версий о субъекте и субъективной стороне преступления в складывающихся ситуациях» (Ермолович В. Ф. Указ. соч. С. 210).

Практике известны случаи, когда неустановление мотивов и целей совершения преступления привело к негативным последствиям.

Большинство ученых, рассматривая диспозицию ч. 1 ст. 321 УК РФ, в качестве обязательных альтернативных признаков субъективной стороны называют наличие специальной цели, выражающейся в воспрепятствовании исправлению осужденного, или наличие специального мотива – месть за оказанное содействие администрации учреждения или органу уголовно-исполнительной системы (Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Расширенный уголовно-правовой анализ / под общ. ред. В. В. Мозякова. М., 2002. С. 750 ; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2006. С. 648 ; Уголовное право. Особенная часть : учеб. для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 1997. С. 685 ; Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная : учебник / под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина и С. В. Максимова. М., 1999. С. 730 и др.).

Проведенное нами исследование позволило сделать вывод о том, что при совершении рассматриваемого преступления наиболее распространенной целью является воспрепятствование правомерной деятельности сотрудника исправительных учреждений

(70,5 %). В данном случае мотивом, как правило, выступает желание осужденного оставить у себя в пользование запрещенные предметы (сотовый телефон или его аксессуары, кипятильник и др.) либо нежелание последнего выполнить предъявляемые к нему законные требования.

Таким образом, знание вышеперечисленных элементов криминалистической характеристики дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, существенно повысит эффективность расследования данных преступлений.

А. А. Корнилов,

*старший инспектор отдела наград
управления по работе с личным составом
Федеральной службы исполнения наказаний*

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МОТИВАЦИИ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Сотрудники исправительных учреждений в своей деятельности руководствуются разнонаправленными мотивами или сложной цепочкой последовательно связанных мотивов. Это осложняет использование стимулов. В связи с этим мотивация в данных учреждениях должна опираться на *мотивационный комплекс*, т. е. определенное единство связанных между собой стимулов и мотивов. Термин «единство» предполагает:

- наличие нескольких одновременно воздействующих на сотрудника в процессе служебной деятельности мотивов;
- наличие нескольких стимулов, относящихся к различного рода ресурсам, находящимся в распоряжении исправительного учреждения;
- наличие последовательной причинно-следственной связи между мотивами, являющейся результатом воздействия стимулов;
- устойчивость мотивационных комплексов;
- способность их к модернизации, особенно на основе смены приоритетов стимулов и мотивов.

В распоряжении системы управления всегда должно быть достаточно стимулов,

Библиографический список

1. *Белкин, Р. С.* Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов / Р. С. Белкин. – 3-е изд., доп. – М., 2001.
2. *Ермолович, В. Ф.* Криминалистическая характеристика преступлений / В. Ф. Ермолович. – Минск, 2001.
3. Организация режима и обеспечение надзора за осужденными в исправительных учреждениях : сб. материалов положительного опыта. – М., 2005.
4. *Шурухнов, Н. Г.* Криминалистика : учебник / Н. Г. Шурухнов. – М., 2004.

чтобы использовать их для образования единства с мотивами.

На сегодняшний день в исправительных учреждениях используются устаревшие стимулы, в то время как сам процесс стимулирования мало чем отличается от того, которое применяется в экономически и социально развитых странах.

Необходимо также отметить, что в ряде исправительных учреждений, по мнению С. В. Калашникова, социальные льготы рассматриваются как суррогатный механизм социальной защиты (Калашников С. В. Становление социального государства в России. М., 2003. С. 150).

В учреждениях действуют материальные стимулы двух видов: зарплата и премии, а морально-психологические стимулы, по существу, утратили свою значимость.

Небольшое число стимулов во многом объясняется сложным экономическим положением структурных подразделений уголовно-исполнительной системы, недостаточностью ресурсов для стимулирования. Отсутствие должного количества стимулов не позволяет построить мотивационные комплексы, связанные со всем рядом мотивов. В основном используемые стимулы активизируют только те мотивы, которые связаны с обеспечением жизнедеятельности сотрудника, т. е. с самыми простыми потребностями.

Очевидно, что эта мотивация не имеет безоговорочной связи ни с определенным набором стимулов, ни с соответствующей структурой мотивов. При этом мотивационный комплекс основывается на прошлых или будущих стимулах и на мотивах, которые непосредственно ориентированы не на удов-

летворение каких-либо конкретных потребностей, а на довольно аморфную, но в совокупности чувствуемую мотивационную модель, в которой главным фактором выступает переживание комфорта и толерантных отношений, заложенных в организационной культуре исправительного учреждения.

Устойчивость мотивационных комплексов как единства мотивов и стимулов связана с рядом обстоятельств, которые относятся как к внешней, так и к внутренней среде. В связи с внешней средой устойчивость мотивационных комплексов зависит от экономических и управленческих факторов, которые являются одновременно и ресурсами стимулирования. В экономически развитых территориальных органах исправительные учреждения и следственные изоляторы с устоявшимися регламентами управления, как правило, обеспечивают устойчивое стимулирование, но не всегда это соответствует актуальным мотивам сотрудников учреждений.

Стимулы вследствие их природы менее подвижны, чем мотивы. Даже в том случае, когда организационные условия остаются неизменными, невозможно избежать изменения мотивов и, следовательно, спонтанного изменения мотивационного комплекса. В связи с этим устойчивость мотивационного комплекса как свойство единства мотивов и стимулов должна быть под постоянным управленческим контролем и определяться отношениями, складывающимися между сотрудниками и руководством исправительного учреждения. Как правило, устойчивость мотивационного комплекса восстанавливается или переориентацией стимулов на другие мотивы, или включением в деятельность стимулов, ориентирующих на изменение приоритетов в мотивации.

Таким образом, для повышения эффективности формирования системы стимулирования в исправительном учреждении необходимо следующее:

1. Создать мотивационный комплекс служебной деятельности сотрудников с учетом таких факторов, как:

- научное управление и организация служебной деятельности в исправительных учреждениях;
- повышение квалификации сотрудника с одновременной экономией денежных средств;

- учет региональных и национальных традиций;

- согласованность системы мотивации с конкретной ситуацией, вызванной каким-либо событием;

- учет особенностей работы в особых внешних средах, неблагоприятных для жизнедеятельности человека.

2. Данный комплекс характеризуется:

- наличием нескольких одновременно воздействующих на сотрудника в процессе служебной деятельности мотивов;

- наличием нескольких стимулов, относящихся к различного рода ресурсам;

- наличием последовательной причинно-следственной связи между мотивами;

- устойчивостью мотивационных комплексов;

- их способностью к модернизации, особенно на основе смены приоритетов стимулов и мотивов.

3. Сотрудник исправительного учреждения в процессе исполнения должностных обязанностей, как правило, находится под воздействием нескольких мотивов, которые делятся на три группы:

- непосредственно связанные с должностными обязанностями;

- непосредственно связанные с учреждением;

- имеющие своим происхождением жизнедеятельность человека.

При формировании системы мотивации служебной деятельности сотрудников исправительных учреждений необходимо использовать их в совокупности.

В поддержании состава мотивационного комплекса главным является недопущение спонтанных изменений. В свою очередь, это – отдельная управленческая задача в отношении мотивации. Ее решение основывается:

- на постоянном воспроизведении экономических и социальных условий, адекватных созданному (сформированному) мотивационному комплексу;

- сохранении и соответствующей модификации стимулов, обеспечивающих поддержание мотивационных комплексов.

Успешное создание постоянной системы мотивации, обеспечивающей высокую активность эффективного организационного поведения, возможно только при устойчивом соотношении данных факторов (среды и

стимулов). Регулирование мотивации по направленности связано с ее развитием в том направлении, которое подчинено основным целям и в первую очередь исправительному учреждению. Учитывая вышеизложенное, можно прийти к выводу, что при таком регулировании наблюдается связь только с теми аспектами организационного поведения, которые обращены всеми связями, отношениями и содержанием к внешней среде.

Утвердившийся стиль управления в исправительных учреждениях в основном влияет на следующие особенности регулирования мотивации:

- делегирование стимулирующих воздействий;
- преимущественное использование различных по полярности стимулов.

С нашей точки зрения, исправительные учреждения можно подразделить на две группы. Первую составляют те, в которых основные мотивационные послы сосредоточены в обязанностях начальника исправительного учреждения. Это особенно касается материальных и материально-психологических стимулов. При этом явно просматривается авторитарная модель решения проблем мотивации. Достоинствами подобного регулирования являются:

- возможность использовать существенные материальные стимулы в таком размере, который преодолевает безразличие, следовательно, особенно эффективно воздействует на сотрудников и персонал исправительного учреждения в целом;
- обязательное сопровождение материального стимула своего рода морально-психологической поддержкой, обычно связанной с высокой профессионально-должностной позицией руководителя, распоряжающегося стимулирующим материалом;
- экономически эффективное использование материальных стимулов, особенно таких, как различные стимулирующие выплаты: премии, надбавки и т. п.

Помимо положительных моментов при таком регулировании мотивации наблюдаются следующие недостатки:

- при преимущественной ориентации на стимулирование больших дел или выдающихся заслуг остаются вне влияния результаты, превышающие средние и в какой-то мере являющиеся массовыми, составляю-

щими главный источник прироста количества и качества служебной деятельности;

- недостаточно эффективное участие руководителей других уровней в стимулировании своих сотрудников в зависимости от направления служебной деятельности отдела (охраны, режима и т. д.) при оказании стимулирующего воздействия;
- недостаточная поддержка стимулирующих правил со стороны общественного мнения, как первичных коллективов, так и персонала в целом;
- ослабление роли морально-психологической мотивации.

Указанные положительные и отрицательные стороны данного фактора позволяют сделать вывод, что авторитаризм в регулировании мотивации может быть эффективным только в условиях, которые можно охарактеризовать как исключительные, неординарные.

Данный подход к регулированию мотивации применим к случаям, связанным в большей степени с преодолением кризисных ситуаций или прорывов в каком-либо направлении служебной деятельности, чем с повседневной практикой ее организации.

Во вторую группу входят учреждения, в которых осуществляется делегирование полномочий сверху вниз в области регулирования мотивационных воздействий. Это может быть выражено в существовании:

- различного рода согласительных процедур по мотивации сотрудников исправительного учреждения, осуществляемых различными управленческими структурами (обычно снизу вверх);
- специальных стандартов на стимулы и мотивацию, а также организацию процедур стимулирования;
- процедур, основанных на общественном мнении и участии общественных организаций, в частности профсоюзных организаций уголовно-исполнительной системы, совета ветеранов уголовно-исполнительной системы и т. д. Сущность такого подхода к мотивации состоит в том, что сотрудники в том или ином качестве оказываются включенными в определение условий мотивации и значимости стимулов.

Сильными сторонами подобного подхода к регулированию мотивации можно считать следующее:

– мотивация становится действительно одним из широко используемых способов управления персоналом в исправительных учреждениях;

– мотивация не только связывается с исключительными обстоятельствами, но и включена в процедуру повседневного управления;

– стимулы используются взвешенно, соотношены с действительным личным и групповым вкладом в результаты служебной деятельности;

– стимулируются процесс служебной деятельности, поведение на служебном месте;

– система управления мотивацией является демократичной;

– обеспечивается лучшее развитие и совершенствование мотивации;

– такое регулирование делает мотивацию более чувствительной к значимым для исправительного учреждения событиям.

К недостаткам такого подхода следует отнести:

– наличие многочисленных формальных процедур, придающих системе управления мотивацией бюрократический характер;

– сильное влияние традиций на систему мотивации, которые иногда отражают позицию и мнения отдельных групп сотрудников из руководящего состава, занимающих консервативные или эгоистические позиции;

– появление уравнилельных тенденций в использовании материальных стимулов;

– появление конфликтогенных факторов, отражающих интересы различных групп персонала в управлении мотивацией.

Однако в целом второй стиль регулирования мотивации соответствует исправительным учреждениям и отвечает основам продуктивного организационного поведения.

Финансово-экономическое положение исправительного учреждения определяет регулярность использования в управлении мотивационных воздействий. Стабильное финансово-экономическое положение создает хорошие предпосылки для регулярного применения материальных стимулов в мотивационных комплексах.

Тяжелое финансово-экономическое положение учреждения обычно приводит к разрегулированию в использовании материальных стимулов и в связи с этим к дисбалансу между материальными и нематериальными стимулами.

Подобная ситуация (при затянувшемся неиспользовании материальных стимулов) в результате доводит до снижения значимости, а также девальвации морально-психологических стимулов. Значимость материально-социальных стимулов, напротив, повышается и может послужить в некотором роде фактором, компенсирующим нерегулярность использования материальных стимулов. Другими словами, при сложном финансово-экономическом положении исправительного учреждения возрастает значимость различного рода льгот, привилегий для стимулирования персонала, таких как дополнительное материальное обеспечение, компенсационная, регулятивная, поощрительная психологическая функции (Заводчиков Н. В., Паршков А. В., Смирнова И. Н. Гарантии правовой защиты сотрудников, прекращающих службу в уголовно-исполнительной системе, и вопросы их реализации : лекция. Псков, 2008. С. 14).

Иерархические факторы, влияющие на построение системы мотивации при необеспеченном финансово-экономическом положении учреждения, выражаются в нарушении пропорций материальных стимулов в зависимости от занимаемых должностей и служебного положения.

Естественно, при иерархическом управленческом уровне наблюдаются различия в материальном стимулировании. Это неравенство должно выражаться прежде всего в заработной плате, поскольку именно в ее дифференциации заложены такие признаки служебной деятельности, как квалификация, организационная и экономическая значимость, ответственность, энергозатраты, напряженность, продолжительность служебного времени и т. п. По всем названным показателям работа руководителя исправительного учреждения или следственного изолятора отличается от работы всех других категорий сотрудников исправительного учреждения большими затратами сил, напряженностью, ответственностью и продолжительностью.

Согласно проведенным исследованиям руководители исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы выстраивают следующим образом мотивирующие стимулы: материальные, материально-социальные и морально-психологические. При этом разрыв

между видами стимулов по их значимости у различных руководителей настолько велик, что не позволяет вообще говорить о каком-либо единстве их использования в построении системы мотивации. В связи с этим для построения системы мотивации в использовании стимулов были выделены ориентации:

- на равное использование материальных, материально-социальных и морально-психологических стимулов;
- ситуативное использование стимулов различных видов;
- использование стимулов двух видов;
- использование стимулов одного вида.

В первом случае предпочтение отдается материальной мотивации, однако активно используются и другие стимулы. Здесь есть устойчивая мотивирующая триада, в которой один из стимулов можно назвать ведущим (структурообразующим) при одновременном включении в управление мотивацией и других стимулов. Собственно регулирование и состоит в усилении или, напротив, ослаблении мотивирующих воздействий различных составляющих такой триады. В данном случае речь идет о балансе в использовании стимулов.

Во втором случае все три вида стимулов используются ситуативно, и эта ситуативность в основном связана с умением руководства исправительных учреждений воспользоваться определенным стимулирующим материалом.

Мотивация, организуемая по третьему и четвертому типам, обычно связана с определенными представлениями о человеке, со своего рода гуманитарной составляющей индивидуальной управленческой концепции. При этом могут совершенно не разрабатываться стимулы, ориентирующиеся на морально-психологические мотивы, и упрощенно, по-тейлоровски, использоваться стимулы материального ряда.

В условиях дефицита сотрудников в ряде структурных подразделений уголовно-исполнительной системы учреждения ориентированы на построение сложных и динамичных систем мотивации, в которых постоянно меняется соотношение стимулов, но сохраняется тенденция к обогащению системы мотивации новыми стимулами, ориентированными на удовлетворение большого ряда потребностей.

Возрастной состав как фактор, влияющий на структуру мотивационной системы,

следует рассматривать в двух аспектах, ориентированных:

- на сохранение устойчивости качеств и свойств персонала;
- изменение основных свойств и качеств персонала, непосредственно связанных с возрастом.

В первом случае складывается мотивационная система, ориентированная на основной возрастной состав персонала. Это особенно необходимо в тех случаях, когда возраст персонала по основным профессиональным группам не превышает 30–35 лет. Создается система мотивации, направленная на удовлетворение основных потребностей, соответствующих данной возрастной группе. В тех случаях, когда средний возраст персонала по основным профессиям превышает указанные возрастные пределы, выстраивается система мотивации, призванная повысить привлекательность тех мест, на которые необходимо принимать молодых людей, например, в отдел охраны или отдел режима. Такую мотивационную систему следует рассматривать как временную, призванную решить основную задачу – пополнение штатного персонала необходимыми специалистами молодого и среднего возраста.

Следует также отметить, что в управление мотивацией включены эффекты мотивации. Стимулы и основанная на них мотивация в процессе управления призваны изменить поведение сотрудника и сделать его соответствующим тем задачам, которые он профессионально решает на своем служебном месте. Однако нельзя утверждать, что стимулы всегда приводят к планируемому результату, поскольку, как отмечалось, сотрудник относится к стимулам избирательно, и есть опасность того, что в результате не будет достигнута поставленная цель или она будет достигнута лишь частично. Не исключено, что может быть получен противоположный ожидаемому результат. В соответствии с этим нам могут быть известны определенные воздействующие стимулы. Вместе с тем неясно, как они перерабатываются, что с ними происходит, когда они становятся атрибутом сознания и почему может измениться поведение сотрудников.

Иногда эффекты мотивации бывают столь отличными от ожидаемых, что возникает са-

мостоятельная управленческая проблема изменения, устранения, поправления этих неожиданных эффектов мотивации.

Таким образом, в данном случае имеются в виду только те эффекты, которые не соответствуют запланированным и поэтому не достигают поставленной цели, а следовательно, нуждаются в специальных управленческих воздействиях, т. е. в специальной мотивации для предотвращения их влияния на служебное и организационное поведение сотрудников.

Библиографический список

1. *Анисимов, В. М.* Управление органами, исполняющими наказание (актуальные

вопросы теории и практики) : учеб. пособие / В. М. Анисимов. – М., 1989.

2. *Делягин, М.* По нижней границе. Кому выгодна замена льгот денежными выплатами? / М. Делягин // Ваше право. – 2004. – № 23–24.

3. *Заводчиков, Н. В.* Гарантии правовой защиты сотрудников, прекращающих службу в уголовно-исполнительной системе, и вопросы их реализации : лекция / Н. В. Заводчиков, А. В. Паршков, И. Н. Смирнова. – Псков, 2008.

4. *Калашников, С. В.* Становление социального государства в России / С. В. Калашников. – М., 2003.

А. В. Кудрявцев,
доцент кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Президентом Российской Федерации 31 июля 2008 г. был утвержден Национальный план противодействия коррупции (Рос. газ. 2008. 5 авг.). В нем отмечается, что коррупция, являясь неизбежным следствием избыточного администрирования со стороны государства, по-прежнему серьезно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и повышению эффективности национальной экономики, вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности Российской Федерации.

Вопросы противодействия коррупции имеют важное значение как для всех органов государственной власти различных уровней, так и для правоохранительных органов. Как отметил Президент Российской Федерации Д. А. Медведев на заседании Совета законодателей по вопросам законодательного обес-

печения противодействия коррупции, данное явление разъедает государственные устои и является реальным и системным злом, с которым необходимо бороться.

Ю. И. Калинин назвал проблему коррупции в высшей степени актуальной и для уголовно-исполнительной системы (Ведомости УИС. 2008. № 9. С. 10).

Следует отметить, что наряду с мерами общепрофилактического характера в деятельности по противодействию коррупции весьма значимую роль играют оперативно-розыскные мероприятия, проводимые оперативными подразделениями различных министерств и ведомств, уполномоченных на то федеральным законодательством. Это обусловлено тем, что коррупционные преступления носят завуалированный, неочевидный характер и поэтому относятся к числу высоклатентных и трудновывяемых.

Прежде чем рассмотреть основные направления деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по противодействию коррупции целесообразно кратко остановиться на нескольких теоретических аспектах анализируемого вопроса.

По мнению профессора С. С. Босколова, предупреждение и активное противодействие коррупции является одним из направлений уголовной политики государства (Босхолов С. С. Уголовная политика современной России в условиях конституционно-правового реформирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999).

В этой связи мы разделяем мнение Г. А. Аванесова, который отмечает, что дея-

тельность входящих в механизм государственной власти государственных органов, ведущих борьбу с преступностью, всегда носит политический и социальный характер (Аванесов Г. А. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью : учеб. пособие. М., 1972. С. 19).

Всякая область общественной практики основывается на определенной сумме знаний, составляющих в единстве соответствующую теорию. В этом смысле теория той области общественной практики, которую принято именовать «уголовно-правовой борьбой с преступностью», образуется совокупностью наук уголовно-правового блока: собственно уголовным правом, криминологией, уголовно-процессуальным правом, уголовно-исполнительным правом, криминалистикой, *теорией оперативно-розыскной деятельности* и некоторыми иными, смежными с ними по содержанию в канве ряда частных вспомогательных вопросов (Бажанов С. В. Уголовно-процессуальная политика, экономика и право : монография. Владимир, 2003. С. 20).

А. И. Коробеев в рамках единой уголовной политики выделяет уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, криминологическую и уголовно-исполнительную и т. п. (Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: Проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 46).

Не ставя целью рассмотрение сущности и особенностей уголовной политики на современном этапе развития государства, отметим лишь то, что, по нашему мнению, важно для анализа противодействия коррупции с использованием оперативно-розыскных методов и средств.

Так, весьма интересными представляются исследования, проведенные профессором С. В. Бажановым, результаты которого демонстрируют следующее: лишь 21,7 % респондентов полностью согласны с установками уголовной политики; 38,6 % выразили свое несогласие с ней; 39,7 % считают проводимую уголовную политику в целом приемлемой, но ей присуща излишняя либеральность, которая проявляется, в частности, в наличии пробелов в законодательной регламентации, «двойных стандартах», в моратории на смертную казнь, в мягкости санкций УК РФ, в «трепетном отношении к

элите» (Бажанов С. В. Указ. соч. С. 22–23). Безусловно, выявленные тенденции характерны и для рассматриваемого направления деятельности оперативных подразделений и должны учитываться при формировании стратегии противодействия коррупции.

В широком смысле политика борьбы с коррупцией включает в себя ряд элементов: реформу основных государственных программ; изменение структуры правительства и совершенствование методов контроля над подотчетными органами исполнительной власти; совершенствование моральных и этических аспектов государственной службы; развитие демократических институтов, в том числе свободной прессы; правовое принуждение (Босхолов С. С. Проблема уголовной политики в сфере борьбы с коррупцией // Борьба с коррупцией в условиях демократизации: опыт, причины неудач, перспективы. М., 1999). Полагаем, что использование оперативно-розыскной деятельности в предупреждении коррупционных преступлений относится именно к элементам правового принуждения.

В продолжение сказанного отметим следующее. Сегодня идеи господства права в масштабе того или иного государства, приоритета защиты прав личности и т. д. получили самое широкое распространение. Порицаются насильственные методы властвования и государственного управления, нарушения духа и буквы закона. В то же время вполне понятно, что и в управлении правовым государством значительное место принадлежит принудительным механизмам воздействия, соотношение которых с правовыми регуляторами общественных отношений подчас совсем не очевидно.

Следует помнить, что роль и место принуждения в правовом государстве сводится по своей внутренней сути к вопросу о месте и роли принуждения в правовом воздействии государства, использующего свои властные полномочия в отношении граждан и других лиц.

Еще И. Кант верно отметил, что «все неправоное (неправомерное) препятствует свободе или оказывает ей сопротивление... стало быть... с правом также связано правомочие применять принуждение к тому, кто наносит ущерб этому праву» (Кант И. Критика практического разума. СПб., 1995. С. 18).

Нарушение права неизбежно затрагивает чью-либо личную свободу, поэтому виновник происшедшего должен понести соответствующее наказание посредством правомерного принуждения. Применение же принуждения будет правомерным лишь в том случае, если оно исходит от государства.

Основанием государственного принуждения, как отмечает А. И. Каплунов, является правовая аномалия, которая представляет собой виновное или объективно-противоправное неисполнение лицом юридической обязанности по соблюдению установленных запретов или по исполнению законных требований уполномоченных должностных лиц либо неисполнение конкретных обязанностей, в том числе дополнительных, в связи с совершением правонарушения или возникновением иной потенциальной или реальной угрозы (Каплунов А. И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. 2006. № 3. С. 13). Вряд ли вызовет сомнение мысль о том, что коррупционные преступления, тем более в современном их виде, – это не что иное, как правовая аномалия. В настоящее время термин «правовая аномалия» прочно закрепился в правовой науке для обозначения тех социальных отклонений, которые могут повлечь применение государственного принуждения.

При этом нужно помнить, что при реализации группы принудительных мер (в том числе и оперативно-розыскного характера) можно встать на путь принятия прямолинейных решений, а это чревато нарушением фундаментальных прав и свобод человека и гражданина. Между тем данная деятельность должна вестись на основе и в рамках норм права.

Оперативно-розыскная деятельность в противодействии коррупции является наиболее действенным инструментом государства, позволяющим выявлять высоколатентные коррупционные преступления.

С учетом высокой эффективности и практической значимости оперативно-розыскной деятельности Конвенцией ООН против коррупции (ч. 1 ст. 50), принятой 31 октября 2003 г., рекомендовано проведение таких специальных методов расследования, как: контролируемая поставка, электронные и другие формы наблюдения, агентурные операции, т. е. методы, которые

охватывают совокупность оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных законом об оперативно-розыскной деятельности (Болотский Б. С., Зимин О. В. Правовое регулирование противодействия легализации доходов от преступлений в свете международных соглашений Российской Федерации : лекция. М., 2007. С. 17).

ФСИН России в своей структуре располагает оперативными подразделениями, которые наравне с другими органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность на территории нашей страны, реализуют свои функции в едином правовом пространстве, работа которых направлена на достижение общих целей и задач, используя при этом специфические возможности, применяя схожие средства и методы в решении проблем, касающихся противодействия коррупции.

В частности, деятельность оперативных подразделений ФСИН России предусматривает:

- проведение разведывательно-поисковых мероприятий, направленных на сбор сведений о коррупции, в том числе и оперативное внедрение;
- ведение оперативных разработок коррумпированных должностных лиц;
- формирование банков данных о субъектах коррупционных преступлений;
- обеспечение документирования преступной деятельности коррумпированных должностных лиц;
- проведение мероприятий по защите интересов государства при заключении контрактов на закупку или реализацию продукции с документированием противоправной деятельности коррумпированных должностных лиц и т. п.

При этом деятельность оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы, в том числе и по противодействию коррупции, требует повышения эффективности. Это, по нашему мнению, возможно за счет следующего.

Во-первых, на современном этапе необходима разработка научно обоснованной долгосрочной концепции развития оперативных подразделений УИС. Как справедливо отмечает профессор К. К. Горяинов, объективные условия развития оперативно-розыскной деятельности обуславливают необходимость оп-

ределения ее роли и назначения и в системе исполнения уголовных наказаний. Законодательно установленные цели и задачи оперативно-розыскной деятельности позволяют ее рассматривать как составную часть (подсистему) уголовной юстиции, решающую свои задачи в тесном и непрерывном взаимодействии с органами предварительного следствия, правосудия, безопасности, исполнения наказаний и иными структурами. В то же время оперативно-розыскная деятельность в функциональном отношении имеет самостоятельный характер, отличающийся от административно-правовой, уголовной, процессуальной и уголовно-исполнительной функций системы уголовной юстиции. Причем такая автономность определяется правовыми признаками (основания осуществления оперативно-розыскных мероприятий), спецификой розыскных действий (мероприятий), особенностями информационного обеспечения, а также собственными закономерностями развития (Горяинов К. К. Некоторые направления развития оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Оперативник (сыщик). 2006. № 1. С. 16).

Во-вторых, одной из серьезных проблем в деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы, в особенности в рамках противодействия коррупции, являются проблемы кадрового обеспечения.

Анализ статистических данных о движении кадров в оперативных подразделениях УИС за последние годы выявил неблагоприятные тенденции. Остается высокой текучесть оперативного состава, которая в среднегодовом исчислении (без учета СИЗО и тюрем) достигает 20 %, некомплект составляет 8,5–9 %. Иначе говоря, кадры оперативных подразделений, подведомственных оперативному управлению ФСИН России, обновляются практически каждые пять лет. Более чем у трети (36,8 %) сотрудников стаж оперативной работы не превышает трех лет. Если учесть, что пополнение оперативных подразделений происходит в основном за счет других служб уголовно-исполнительной системы, то вряд ли можно говорить о стабильном росте профессионализма оперативных работников. Более того, стремительное повышение доли сотрудников со стажем службы в опера-

тивных подразделениях свыше пяти лет может привести к нежелательно быстрому старению оперсостава, а следовательно, к массовому увольнению на пенсию и ослаблению профессионального ядра оперативников. В то же время статистические данные убедительно свидетельствуют о том, что непосредственно в уголовной среде, т. е. в исправительных и воспитательных колониях, работают преимущественно молодые, недостаточно опытные оперативные сотрудники (Вагин О. А., Исиченко А. П. Проблемы социальной и правовой защиты сотрудников оперативных подразделений ФСИН России // Проблемы оперативно-розыскной деятельности и безопасности в уголовно-исполнительной системе : сб. ст. / под науч. ред. К. К. Горяинова. М., 2007. С. 24–25). Неблагоприятные тенденции в движении кадров, прежде всего высокая текучесть и отток из системы квалифицированных сотрудников, обусловлено возросшей физической и психологической нагрузкой на персонал уголовно-исполнительной системы, отставанием заработной платы сотрудников от роста прожиточного минимума, нерешенностью вопросов правовой и социальной защиты. И если это справедливо по отношению ко всему персоналу ФСИН России, то применительно к сотрудникам оперативных подразделений справедливо вдвойне. Результаты интервьюирования оперативных работников уголовно-исполнительной системы свидетельствуют о недостаточности знаний и профессиональных навыков, необходимых для эффективного выявления преступлений коррупционной направленности. Это отметили около 67 % опрошенных сотрудников.

Для изменения сложившейся ситуации требуется принятие обоснованной программы, направленной на повышение престижа службы в оперативных подразделениях уголовно-исполнительной системы. Это, в свою очередь, повлечет усиление требований к отбору кадров для работы во ФСИН России с учетом специфики службы (высокий уровень эмоционально-стрессовых нагрузок, наличие факторов риска, повышенное внимание к морально-нравственному облику и т. д.), что положительно отразится на противодействии преступлениям коррупционной направленности.

В-третьих, существует необходимость в более детальной правовой регламентации оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе. Об этом неоднократно говорилось на страницах юридических изданий. Однако предлагаемые пути решения данной проблемы пока не нашли своего практического разрешения.

В заключение необходимо отметить, что вопросы использования оперативно-розыскных возможностей в деятельности по противодействию коррупции являются одними из основополагающих и требуют скорейшего разрешения, а также пристального научного внимания.

В. В. Меркурьев,

*ведущий научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры РФ,
вице-президент Российской
криминологической ассоциации
доктор юридических наук, профессор*

Е. А. Богачевская,

*старший преподаватель
кафедры уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

**ДЕСТРУКТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ПРЕСТУПНОЙ
СУБКУЛЬТУРЫ НА ИСПОЛНЕНИЕ УГОЛОВНОГО
НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ:
СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Преступники переходного периода еще меньше стали опасаться активности правоохранительных органов, чем правонарушители 1980-х гг., в силу достаточно известных причин: низкая раскрываемость преступлений, коррупция в правовой системе, слабая профессиональная подготовка сотрудников МВД, следователей и прокуроров и, как следствие, безнаказанность даже самых громких преступлений, совершенных в последние годы. Полное пренебрежение к праву породило даже такую формулу, как «жить по понятиям».

«“Понятия” и “воровской закон”, – пишут современные исследователи, – это набор вполне определенных правил, противостоящих “беспределу” и структурирующих общественное бытие. В конечном счете “воровской закон” – это биологическая справедливость,

Библиографический список

1. *Аванесов, Г. А.* Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью : учеб. пособие / Г. А. Аванесов. – М., 1972.

2. *Босхолов, С. С.* Проблема уголовной политики в сфере борьбы с коррупцией / С. С. Босхолов // Борьба с коррупцией в условиях демократизации: опыт, причины неудач, перспективы. – М., 1999.

3. *Горяинов, К. К.* Некоторые направления развития оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе / К. К. Горяинов // Оперативник (сыщик). – 2006. – № 1.

вость, кодифицированный социальный дарвинизм в действии, эффективно регламентирующий права хищника и жертвы, слабого и сильного, при безусловном признании права силы. При этом права “слабых” ничтожны, но не равны нулю, а права “сильных” огромны и общеизвестны. В стране, откровенно и последовательно живущей “по понятиям”... вообще не возникает необходимости заниматься экономикой и политикой. Патерналистские инстинкты, психологические стереотипы массовой безответственности, социальная пассивность, укорененность “понятий” как общепризнанного инструмента урегулирования противоречий – все это создает объективную основу для того, чтобы словосочетание “криминальный режим” превратилось из ругательства в констатацию» (Савелова Н., Юрьев Д. Первое лицо, единственное число // Новый мир. 2000. № 10. С. 129).

Взгляды рецидивистов, особенно тех, кто долго находился в местах лишения свободы, бывают часто настолько искажены, что они даже не осознают степени отличия этих взглядов от общепринятых. Им представляются вполне естественными такие суждения, отраженные, например, в татуировках: «не скорбящий ни о чем, кроме своего тела и пайки хлеба»; «сила, месть, беспощадность»; «чти закон воров»; «человек человеку волк» и т. п. (Савелова Н., Юрьев Д. Указ. соч. С. 205–206).

В системе организованной экономической преступности выделяются так называемые авторитеты, постепенно заменяющие прежних «воров в законе». Это уже «не татуиро-

ванный зэк с почерневшими от чифиря зубами; он чисто выбрит, одет по последней моде, в его обслуге не только “шестерки”, но и референты, помощники, адвокаты и телохранители. В повседневном обиходе у лидера несколько приватизированных квартир, дачи, автомашины престижных марок» (Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 624). При этом его криминальный профессионализм принимает многоплановый, разносторонний характер: такой делец готов активно включиться и в легальную экономическую деятельность, и в избирательную гонку, и «заказать» убийство конкурента, и вовремя скрыться за рубежом.

Несомненный интерес представляют результаты опроса, проведенного в ноябре–декабре 2002 г. среди сотрудников УИС в период повышения ими квалификации во Владимирском юридическом институте Минюста России, которые выступили в качестве экспертов по ряду вопросов исследования преступной субкультуры переходного общества¹.

Отвечая на вопрос «Что изменилось, на Ваш взгляд, в процессе принятия преступных решений с начала 90-х гг. XX в.? Просим отметить два наиболее заметных явления», максимальный индекс эксперты присвоили двум факторам:

1. Рационализация и усложнение преступных акций, а соответственно и решений, принимаемых в сфере экономических преступлений. Вместо банальных ограблений получили распространение изощренные финансовые махинации, а они невозможны, если решение принимается «на авось».

2. Беспринципность, сочетающаяся с корыстолюбием и цинизмом, пренебрежением чужими интересами, которые наблюдаются все чаще у людей, вроде бы достаточно респектабельных и занимающихся по своей профессии общественно полезной деятельностью.

¹ Сотрудники представляли 23 региона страны (Башкортостан, Удмуртия, Карелия, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Краснодарский край, Красноярский край, Ставропольский край, Вологодская, Курганская, Ростовская, Саратовская, Екатеринбургская, Тульская, Брянская, Калужская, Кировская, Мурманская, Липецкая, Пермская области, Ханты-Мансийский автономный округ и г. Москва).

На третьем по распространенности месте оказались сразу два фактора:

– в обстановке переходного периода преступная среда «отбирает» лиц жестоких, беспринципных, агрессивных, готовых на все;

– в процессе развития рыночных отношений наблюдается постоянный «спрос» на хитрых, изворотливых, лицемерных людей, лучше выживающих в обстановке неопределенности переходного периода.

Последнее место занимает такой фактор, как высокая импульсивность и ситуативность решений в сфере насильственной преступности, что объясняется увеличением числа лиц, испытывающих на себе ситуацию отчуждения, фрустрации, разрушенных жизненных планов и надежд.

Эмпирическим объектом нашего пилотажного исследования выступили сотрудники, указавшие о себе следующие данные:

– возраст – в пределах 30–49 лет – 80 %, 25–29 – 20 %;

– образование – высшее юридическое – 60 % респондентов, среднее юридическое – 20 %, неоконченное высшее – 10 %, иное высшее – 10 %;

– календарный стаж службы в правоохранительных органах – свыше 10 лет – 90 %, от 5 до 10 лет – 10 %.

В ответе на вопрос «Какие, на Ваш взгляд, пять из ниже перечисленных характеристик наиболее полно отражают личность осужденного начала XXI столетия?» эксперты на первое место поставили стремление соблюдать все режимные требования, чтобы добиться условно-досрочного освобождения (индекс 60 %). На втором месте оказались такие характеристики, как:

– четкая установка завоевать доверие у администрации учреждения (50 %);

– участие в производственной деятельности учреждения, желание получить образование, профессию (50 %);

– содействие администрации учреждения в предупреждении правонарушений и преступлений, в том числе прошлых лет (50 %).

Прямо противоположные качества (характеристики) также отмечают экспертами в этой группе. В частности, по 50 % экспертов отметили в опросных листах, что в среде осужденных продолжают иметь место:

– приверженность «Кодексу арестанта»;

– стремление войти в состав осужденных отрицательной направленности.

Готовность к самопожертвованию, особенно в начальный период завоевания авторитета у лидеров, как характеристика современного осужденного отмечается 40 % экспертов и поэтому не вошла в главную группу характеристик. По 30 % голосов респондентов было отдано таким трем характеристикам, как:

– отрицание идеи идти на контакт с сотрудниками оперативных подразделений или взаимодействовать с ними;

– агрессивность, жестокость, готовность на все;

– стремление участвовать в деятельности самодеятельных организаций осужденных, культурных и спортивных мероприятиях, проводимых администрацией учреждения.

На предпоследнем месте по количеству ответов (голосов) (20 %) находится склонность к совершению побега (уклонению от отбывания наказания). По 10 % и самый низкий индекс получили такие характеристики, как отрицательная эмоциональная установка по отношению практически к любому сотруднику УИС и страх, ужас перед авторитетами.

Наибольший интерес представляют ответы экспертов на вопрос «Что коренным образом изменилось в социально-нравственной характеристике личности осужденных после 1991 г.?», которые они формулировали сами.

Вот некоторые, на наш взгляд, самые характерные из них:

1. «Осужденный стал более агрессивным, но в то же время старается не портить отношения с администрацией, не идти с ней на конфликт и за счет этого решать какие-то бытовые вопросы».

2. «Низкий моральный облик основной массы осужденных, которые на свободе употребляли наркотические вещества вне зависимости от образования и социального положения».

3. «Изменилось у спецконтингента понимание “Кодекса арестанта”, изменились ценности, нет прежнего уважения к старшим, отрицательного отношения к тем, кто нарушает нормы этого кодекса и т. д. В социально-нравственной характеристике осужденных характерной является уста-

новка, что, кто сильнее, наглее, у кого соответствующие статьи УК за совершение тяжких преступлений, тот и прав».

4. «Изменилось отношение к “Кодексу чести” (воровскому). За деньги можно купить все: авторитет, какие-либо льготы и т. д.».

5. «Более лояльное отношение к сотрудникам УИС; совершают более тяжкие и жестокие преступления».

6. «Жестокость в совершении преступления, отсутствие профессии или рабочей специальности, что затрудняет их трудоустройство в УИС, в местах лишения свободы проявляют себя как приспособленцы».

7. «Доверие сотрудникам УИС, желание общаться, ожидание помощи в решении личных вопросов содержания, понимание требований режима».

8. «Осужденный стал более лояльным по отношению к администрации, значительно упала роль авторитетов».

9. «Преступность приобрела более жестокий, циничный характер; возраст лиц, совершивших, как правило, особо тяжкие преступления, в основном до 30 лет. С данной категорией лиц психологическая работа, работа воспитательного отдела проходит не на должном уровне».

Несмотря на ответы респондентов об имеющем место в некоторых ИУ снижении роли преступных авторитетов, изучаемая категория лиц, отбывающих наказание, представляет собой главную оппозиционную силу администрации мест лишения свободы и целям ее деятельности.

«Блатные» («припотелые» – в воспитательных колониях для несовершеннолетних осужденных) играют роль носителей тюремной субкультуры как альтернативы нормам, навязываемым пенитенциарной администрацией. «Блатные» сохраняют свою верность неформальным ценностям и нормам даже в тех случаях, когда за это приходится «страдать» и нести подчас жестокие наказания.

Глубоко иерархическая структура неформальных категорий, их опора на персонифицированные отношения, жесткий и бескомпромиссный характер норм, регулирующих взаимодействие между представителями различных «каст», позволяют предположить традиционную природу тюремного сообщества, которое организовано в соответствии с

нормами так называемого «Кодекса арестантов» («Арестантского кодекса»).

«Кодекса арестантов» придерживаются в основном осужденные отрицательной направленности, которые способствуют движению «смотрящего». Массовое заключение создает функциональную потребность в появлении в рамках социальной структуры исправительного учреждения (далее: ИУ) категории людей, которые бы взяли на себя труд по организации совместной жизни за решеткой. Порядок вещей (учитывая, что уборка помещений всегда являлась в России обязанностью самих осужденных) и социальный порядок (учитывая неизбежность конфликтов между представителями различных неформальных категорий) должны специально и повседневно поддерживаться. Контроль администрации ИУ за порядком в учреждении никогда не может быть непрерывным и повсеместным, что исключило бы потребность в иных организационных началах. «Конституция» тюремного сообщества исходит от «воров в законе» и ими насаждается, что наиболее отчетливо проявляется в их отношениях с пенитенциарной администрацией, во взаимодействии двух ветвей тюремной власти – легальной и нелегальной.

Поскольку «воры в законе» являются носителями ценностей и норм тюремной субкультуры как полного отрицания официальных «правил игры», отказ от всего, что носит легальный, формальный, официальный характер (основанный на нормах УИК РФ), характерен для стиля жизни «блатных». В «Кодекс арестантов» включаются, в частности, следующие нормы:

1) придерживаться «воровских традиций» путем отказа служить государству, каким бы ни был политический режим, проявлять жестокость по отношению к предателям, быть честным и порядочным в отношениях с «ворами в законе» и авторитетами, оказывать взаимоподдержку заключенным и осужденным, представляющим элиту преступного мира;

2) оказывать всестороннюю помощь в проведении политики и решений «вора в законе», «положенца», «смотрящего», не допускать в ряды «блатных», «бродяг», «воров в законе» недостойных;

3) всеми возможными средствами оказывать противодействие администрации

учреждения, в том числе путем написания жалоб, использования средств массовой информации и т. д., стремиться к двойному управлению (начальник, «положенец»), ни под каким видом не сотрудничать с администрацией, навязывать свои порядки;

4) способствовать формированию «общака» с учетом того, что дело это добровольное (добровольное создание «общака» для поддержки тех, кто сидит «под крышей», как правило, в размере 10 % от всех доходов, например, с игр, торговли продуктами, вещами; осужденные также должны «греть» ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ (на этот счет проводить пропаганду); соблюдать правила по пополнению «общака» (в некоторых учреждениях существует порядок: если в учреждении, с точки зрения осужденного, правильное распределение «общака» – платить, если нет – дело добровольное);

5) «общаком» занимаются «положенец» или «смотрящий» и их окружение, в их обязанностях – заботиться об «общаке», следить за правилами игры в карты (играть не под интерес, а под реальное; ими также определяется предельная сумма ставки), за тем, чтобы осуществлялся обязательный «грев» «кичи» и «креста» (медико-санитарной части), встречать после отбытия наказания в ШИЗО, ПКТ, спрашивать за «суку», осуществлять сбор компрометирующей информации в отношении сотрудников УИС, в трудных ситуациях помогать друг другу (особенно «под крышей»);

6) решение возникающих конфликтных ситуаций через «смотрящих» и «положенцев»; осужденный для решения вопросов должен обращаться к «положенцу» или «смотрящему», т. е. «мужик» самостоятельно не может разводить «рамсы»; без ведома «смотрящего» за лагерем нельзя направлять нелегальную корреспонденцию для лидеров, авторитетов, находящихся на свободе; решение по любому вопросу принимают «положенец» или «смотрящий»; по пьянке не разбираться, решать только на трезвую голову, через «смотрящего»;

7) доводить до «людей», «бродяг», «порядочных арестантов» сведения о совершении «гадких» поступков, объявлении самозванцев, об отошедших от дел (так называемых «сухарях»), например, путем прогонов через «дороги» (каналы отправления

почты осужденных) как внутри учреждения, так и за его пределы; если знаешь о ком-то негатив, должен об этом рассказать «смотрящему» и обосновать; объяснять воровские нормы молодежи и наставлять ее в соответствии с «Арестантским кодексом»;

8) за одно дважды не спрашивать; решение «общих» вопросов осуществлять так, чтобы не пострадали «мужики», не оказывать необоснованного воздействия на «мужика»; по «беспределу» не наказывать, без причины не обижать малолетних и даже «обиженных»; «мужика», «красного» не отталкивать, если нет за ними «гадких поступков»; запрещено применять меры физического воздействия без ведома «смотрящего» за лагерем; «крест» – святое место, поэтому с осужденных не спрашивать; всесторонне разбираться по каждому факту, выносить только объективное решение; не принимать решений под дурью (речь идет о состоянии опьянения независимо от его вида), принимать меры вплоть до отлучения от «людского» наркоманов.

Безусловно, количество норм и их конкретное содержание, приведенное нами, не может претендовать на какую-либо завершенность, тем более никто и никогда не имел дело с писанным «Кодексом арестанта» и изданным в печатном виде или распространенным каким-либо другим способом. Некоторые правила имеют специфику в зависимости от региона, в котором находится то или иное учреждение, либо вида и типа учреждения. Например, в местах лишения свободы Республики Тыва «воры в законе» или иные преступные авторитеты, прибывшие из других регионов страны, поддержки не находят, так как группировки осужденных отрицательной направленности в учреждениях этой республики созданы уроженцами одного района или города. Поэтому вновь прибывший осужденный без какого-либо условия принимается в «ГОН» (группе осужденных, сформировавшейся по принципу землячества) родного района или города. Таким образом, каждый «ГОН» имеет своего лидера, активных участников, поддерживающих тех или иных «воров», традиций, «общаковых касс» и т. д. Лидер «ГОН» решает все вопросы, возникающие в его микросообществе, в том числе лично участвует в сходах

по решению проблем общего характера как внутри колонии, так и за ее пределами. «Смотрящий» решает вопросы среди группировок, а также проблемы, которые возникают между «ГОН» колонии с другими колониями или преступными формированиями, осуществляющими свою деятельность на свободе¹.

Краткий обзор субкультуры преступного мира можно завершить характеристикой отношения этих людей к праву и его предписаниям. Как отмечали советские авторы еще в 1980-е гг., у правонарушителей в отличие от законопослушных граждан в качестве стимулов воздержания от совершения преступления «выступают преимущественно внешние детерминанты, система правового контроля, а не факторы внутренней регуляции, которая служит наиболее надежной основой правомерного поведения» (Ратинов А. Р., Ефремова Г. Х. Правовая психология и преступное поведение. Красноярск, 1988. С. 102). Иначе говоря, если что и сдерживает представителей преступной среды от совершения конкретного преступления в данный момент, то только боязнь разоблачения и наказания, а отнюдь не правовые или моральные предписания.

Обобщая результаты опросов, а также концепции и выводы отечественных и зарубежных авторов², можно выделить следующие цели оппозиционной деятельности исследуемых нами криминальных формирований:

а) довести до минимума вмешательство со стороны персонала ИУ во внутренние дела осужденных;

¹ Информация получена в ходе интервьюирования сотрудников оперативных отделов территориальных органов УИС 17 субъектов Российской Федерации в сентябре 2003 г.

² Личность и процесс внутригруппового взаимодействия заключенных в условиях пенитенциарных учреждений. По материалам зарубежных исследований. М., 1991. Наши исследования основаны также на некоторых сведениях из книги *Auswirkungen der Kriminalpolitik auf Gesetzgebung und Justizvollzug*. Bundesvereinigung der Anstaltsleiter im Stravollzug (Rdf Herrfardt, 2003) и материалах, предоставленных преподавателем криминологии и психологии факультета УИС Высшей юридической школы юстиции федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия Кротгом Эберхардом Йозефом, а также полученных нами в ходе визита в ФРГ делегации ВЮИ Минюста России в октябре 2003 г.

б) добиться от работников ИУ максимальных удобств в период отбывания наказания;

в) облегчить осужденным доступ к материальным и моральным благам;

г) осуществлять строгий контроль за общением осужденных, чтобы исключить их контакты с представителями оперативных отделов ИУ;

д) санкционировать идеальную модель поведения, при которой осужденный во всем должен руководствоваться субкультурными нормами, а не указаниями и распоряжениями администрации мест лишения свободы.

Представители криминальных сообществ, используя психическое и физическое насилие, стремятся к упразднению формальных организаций лиц, отбывающих наказание, и созданию среди осужденных системы самоорганизации, где бы им отводилось ведущее место.

Таким образом, сообщества авторитетов уголовной среды в местах лишения свободы начала XXI в. имеют традиционную организованную структуру. Они продолжают представлять собой «замкнутую касту», отличающуюся от всех прочих криминальных формирований и других группировок осужденных своей тоталитарностью, организованностью и единой противоправной линией поведения, нарушающей установленный порядок отбывания наказания в виде лишения свободы. Эти качества обусловлены криминальной субкультурой, которую можно назвать контркультурой, поскольку она принципиально противостоит общепринятым в обществе нормам и ценностям. Пенитенциарная субкультура продвигует деление осужденных на неформальные категории, отличающиеся друг от друга по степени привилегированности и участия в «другой жизни». Стратификация порождает изначально конфликтное существование лиц, отбывающих наказание. Для непривилегированных оно превращается в постоянный стресс с сопутствующими явлениями апатии, враждебности, чувством неполноценности. Такое состояние личности нельзя игнорировать в процессе исполнения наказаний, поскольку оно детерминирует пенитенциарный конфликт и, как следствие, – правонарушения и преступ-

пления. Расслоение осужденных на авторитетов, нейтральных и отверженных надлежит признать процессом естественным. Преодоление негативных отношений, возникающих на базе криминальной субкультуры возможно лишь на основе изменения ценностных ориентаций у отбывающих лишение свободы¹, т. е. существующих в сознании каждого осужденного ориентиров, с которыми отдельные индивиды и группы осужденных соотносят свои действия².

В случае антиобщественной направленности личности ценностные ориентации³ являются очень важным (подчас завершающим) звеном в процессе подготовки преступления. Именно характером ориентаций, отрицающих нравственные и правовые нормы, определяются многие преступления опасных рецидивистов, участников организованных преступных сообществ, в том числе в местах лишения свободы.

Ситуация, сложившаяся в стране на рубеже XX и XXI вв., не могла не сказаться на жизни тюремного сообщества. Однако масштабы изменений в силу указанных выше причин были не столь масштабны. В 90-е гг. прошлого столетия и особенно в начале 2000-х гг. принцип «воровской жизни», гласящий о невмешательстве в коммерческую жизнь, был окончательно преодолен. На свободе верхние слои криминальных сообществ, накопив благодаря преступной деятельности капитал, включились в официальные товарно-денежные операции, тем самым преступный бизнес все более начал срастаться с ле-

¹ Под ценностями обычно понимают предметы, явления и их свойства, которые нужны (необходимы, полезны, приятны и т. д.) людям определенного общества, класса или отдельной личности в качестве средства удовлетворения их потребностей и интересов, а также идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала.

² По мнению профессора В. М. Анисимова, такой путь является научным и перспективным для продолжения реформы УИС и законодательства, поскольку устранение объективных естественно-физиологических, социально-психологических оснований деления осужденных на категории, как он считает, следует признать невозможным (Анисимов В. М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. СПб., 2003. С. 73).

³ В психологии наряду с этим термином используются такие как: направленность личности, установка, диспозиция и др.

гальным¹, проникая в нефтехимическую, лесную, алмазную, алюминиевую промышленность и отдельные коммерческие банки.

Интегрированные в криминальную сеть преступных сообществ, структура которых в России соответствует рыночной экономике, действующие в местах лишения свободы организованные преступные формирования выполняют свою традиционную роль по воспрепятствованию исправлению осужденных с учетом новых тенденций, заключающихся в том, что субкультурный авторитет поддерживается не столько приверженностью сообщества уголовным традициям и обычаям, сколько размером теневого капитала, имеющегося в распоряжении лица. Однако было бы ошибочным говорить о нивелировании системы искаженных ценностных ориентаций в пенитенциарной среде привычных правонарушителей. Отдельные нормы, традиции, обычаи и межличностные связи в начале XXI в., безусловно, изменились, но их функции сохранились. Правоохранительные же органы и законодательная система остались на ступенях переходного периода.

По мнению большинства криминологов, противоправная деятельность лидеров тюремного мира, направленная на установление приоритета своего неформального влияния на осужденных, составляет основу противодействия, дезорганизующего деятельность ИУ. Поэтому проблема борьбы с данной деятельностью и, в частности, нейтрализации криминогенных факторов, ее порождающих, не является новой для пенитенциарной системы России. Постоянное обращение большинства ученых к ее решению обусловлено: 1) высокой степенью общественной опасности дезорганизационной деятельности; 2) широким распространением данного явления в местах лишения свободы; 3) потребностью любого субъекта правоохранительной деятельности в постоянном совершенствовании дей-

ствующих и разработке новых предупредительных мер с целью приведения их в соответствие существующей в объективной реальности криминальной ситуации.

Однако, по нашему мнению, суть проблемной ситуации заключается не столько в высокой степени общественной опасности, присущей противодействию, дезорганизующему деятельность ИУ, или в широкой распространенности этого негативного явления в местах лишения свободы, сколько в несовершенстве разработанных наукой и применяемых на практике мер предупреждения организованных видов рассматриваемого преступления.

К сожалению, приходится констатировать, что за всю историю отечественной уголовно-исполнительной системы не было разработано полноценной, адекватной и комплексной программы по борьбе с тюремной субкультурой. И это несмотря на анализ преступности в ИУ, свидетельствующий о том, что основным фактором, способствующим совершению преступлений, является недооценка неформальных правил поведения (Корецкий Д. А., Тулегенов В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. СПб., 2006. С. 188–189).

Стратегия предупреждения дезорганизационной деятельности, осуществляемой лидирующими в ИУ группировками, прежде всего, должна быть направлена на ослабление их негативного влияния, распространяемого на основную массу осужденных, а также на устранение и нейтрализацию криминогенных факторов, обуславливающих осуществление данной деятельности.

Проведение мероприятий, направленных на нейтрализацию криминогенных факторов социально-экономического характера, способствует преодолению негативных тенденций в производственно-хозяйственной и социальной сферах деятельности УИС, стабилизации ее финансового положения, повышению уровня материальной обеспеченности и самостоятельности осужденных, что в конечном итоге лишает лидирующую группировку экономических рычагов воздействия на основную массу осужденных с целью укрепления своего приоритетного положения.

Борьба с криминогенными факторами нравственно-психологического характера

¹ Например, по оперативным данным, 1 февраля 2001 г. в ресторане «Времена года» в ЦПК им. Горького участники воровской сходки (Бишкекский, Аксен, Михо, Теймураз и др.) обсуждали варианты вложения крупных денежных средств, добытых преступным путем, в экономику, причем не только российскую, но и некоторых стран СНГ (Тужиков А. Отделались предупреждением // Утро. 2001. 5 февр.).

способствует подрыву идейно-нравственных основ криминальной (тюремной) субкультуры, представляющей собой идеологическую платформу так называемого «воровского закона», обеспечивающего превосходство авторитетов тюремного мира перед остальными осужденными.

Актуальность осуществления организационно-правовых мероприятий обусловлена способностью преступности как социального явления видоизменяться и приспосабливаться к существующим условиям социальной среды, а также разнообразием форм ее проявления, причин и условий, ее порождающих. Поэтому большое значение приобретает совершенствование организационной структуры субъекта предупредительной деятельности в целях обеспечения не только высокого уровня его внутренней организованности, но и определенного уровня его соответствия объекту предупредительного воздействия. Наиболее актуальным в настоящий момент является осуществление организационно-правовых мероприятий, направленных на повышение качества правовой базы, разработку стратегии предупредительной деятельности.

Кроме того, для нейтрализации отрицательного влияния тюремной субкультуры необходимо создавать четкую и эффективную систему профилактики насилия в местах изоляции от общества, в частности, осуществлять: а) объективную диагностику криминальной ситуации, локализацию угрозы насилия; б) помощь осужденным и подследственным в самоорганизации для защиты от лидеров преступного мира и их окружения, освоении эффективных основанных на законе методов защиты и самозащиты от насилия и иных угроз безопасного существования человека, направление их активности в социально приемлемые рамки, удержание осужденных от антикриминального экстремизма (саморасправы); в) правовое просвещение спецконтингента и формирование правовой культуры в учреждениях УИС.

В организации предупредительной деятельности необходимо также учитывать механизм преступного поведения как результат взаимосвязи внешних факторов и личностных криминологических характеристик, психических состояний осужден-

ного, криминализирующих его поведение. Как внешние факторы, так и личностные особенности осужденного обладают свойством движения, которое либо усиливает сферу криминогенности, либо нейтрализует, декриминализирует ее. Вместе с тем в уголовно-исполнительной деятельности не всегда анализируется процесс криминализации личности осужденного в зависимости от обстановки и взаимовлияния внешних факторов, личностных качеств и среды осужденных.

В этой связи представляется крайне важным проведение специальных криминологических исследований в местах лишения свободы, в том числе мониторингового контроля, реализация которого предполагает: выявление тенденций в контингенте осужденных; обеспечение криминологического прогнозирования состояния наблюдаемого объекта в определенном будущем; текущую корректировку исправительно-предупредительного (профилактического) воздействия; минимизацию отрицательного влияния преступной субкультуры на осужденных, могущих встать на путь исправления.

Опора на науку, по мнению В. Н. Кудрявцева, – наиболее рациональный путь совершенствования практики борьбы с преступностью. Другие решения – волевые, эмоциональные, порой весьма привлекательные для общественного мнения, служат лишь росту популярности того или иного общественного деятеля, да и то ненадолго – до очередной смены государственного лидера или функционера в юридической области. Любому обществу нужны стабильность, безопасность и процветание, а их нельзя достичь без знания и использования отечественного и мирового опыта в самых различных сферах жизни (Кудрявцев В. Н. Эффективность закона как средство осуществления уголовной политики. Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 220).

Существенный недостаток организационно-правовых мер, разработанных сложившейся практикой исполнения наказания в виде лишения свободы и закрепленных в уголовно-исполнительном законодательстве, проявляется в том, что их применение не позволяет нейтрализовать нега-

тивное влияние авторитетов тюремного мира на основную массу осужденных.

Проведенными исследованиями выявлено отсутствие в практической деятельности сотрудников ИУ четкой направленности предупредительных мероприятий на нейтрализацию основного фактора, продуцирующего и обуславливающего осуществление дезорганизационной деятельности в учреждении. Борьба с противоправной деятельностью организованных преступных группировок (далее: ОПГ) в ИУ осуществляется в основном посредством применения мер, дисциплинарного взыскания, предусмотренных ст. 116 и 117 УИК РФ. Уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 210 УК РФ, не применяются вообще, а под действие норм, закрепленных в ст. 321 УК РФ, подпадают, как правило, деяния лиц, не являющихся членами лидирующей в сообществе осужденных группировки. Реформой уголовного законодательства была фактически декриминализована большая часть так называемой организаторской и управленческой деятельности криминальных авторитетов, обуславливающей непосредственно дезорганизационную деятельность ОПГ в ИУ.

Основным фактором, препятствующим применению ст. 210 УК РФ к лидерам и участникам преступных формирований в ИУ, является ограничение в определении цели создания преступного сообщества (преступной организации). В тексте статьи говорится только о создании такой группировки со специальной целью – совершение тяжких и особо тяжких преступлений. На практике же ОПГ, лидирующие в ИУ, создаются для иных целей и совершают указанные преступления лишь в случаях необходимости – для обеспечения своей противоправной деятельности и сохранения неформальной власти (Назаров С. В. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: уголовно-правовое и криминологическое исследование : монография / под ред. А. А. Магомедова. Владимир, 2002. С. 45–50 ; Яковлева С. А. Уголовно-правовая оценка насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 13, 27).

Кроме того, важная особенность рассматриваемых формирований заключается в том, что их противоправная деятельность ограничивается в основном масштабами отдельного ИУ или нескольких ИУ в пределах субъекта РФ. В этой связи мы согласны с критикой Д. Б. Вальяно и других авторов ст. 321 УК РФ за то, что ее диспозиции не охватывают всех форм и методов деятельности организованных группировок, лидирующих в местах лишения свободы. Внесение изменений и дополнений в редакцию данной статьи позволит, по его мнению, поставить под уголовный запрет дезорганизационную деятельность названных организованных групп (Вальяно Д. Б. Предупреждение преступлений, дезорганизующих деятельность исправительных учреждений, совершаемых организованными преступными группами : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001).

Суть преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 321 УК РФ, заключается в том, чтобы заставить осужденного, отбывающего наказание, либо отказаться от выполнения режимных требований, либо от содействия администрации учреждения или органа УИС. Этого можно добиться как путем воздействия на него самого, так и его близких. Однако последние не названы в числе потерпевших от рассматриваемого преступления. На наш взгляд, это можно считать пробелом в законодательстве, а значит, в целях усиления уголовно-правовой охраны деятельности соответствующих учреждений и органов необходимо в число потерпевших по ч. 1 ст. 321 УК РФ включить близких осужденных, отбывающих наказание. Иная квалификация противоправного воздействия на указанных лиц не будет отражать ни социальной направленности общественно опасного деяния, ни его мотивации (Богачевская Е. А. Криминальное насилие лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 133).

Механизм преступления, потерпевшим от которого является сотрудник администрации, имеет иную специфику. Следует отметить, что только в 22 случаях из 118 изученных Д. Б. Вальяно фактов применения насилия в

отношении сотрудника ИУ¹ преступнику не удалось использовать сложившуюся криминальную ситуацию для популяризации осуществляемых им преступных действий.

Согласно исследованию Е. А. Богачевской, как элемент объективной стороны физическое или психическое насилие имеет различное значение в каждом отдельном специальном составе пенитенциарного преступления против порядка управления. Автор предложила данную закономерность отразить путем внесения соответствующих изменений и дополнений в ст. 321 УК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 321. Дезорганизация деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы

1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия в отношении осужденного либо его близких с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за оказанное им содействие персоналу учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, – наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

2. Применение насилия, не опасного для жизни и здоровья, либо угроза применения такого насилия, а равно угроза уничтожения или повреждения имущества в отношении персонала учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, либо их близких с целью воспрепятствовать законной деятельности персонала указанных учреждений или из мести за такую деятельность, –

наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет.

3. Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения та-

кого насилия в отношении указанных в частях первой и второй настоящей статьи лиц, совершенные в тех же целях или по тем же мотивам, а равно организованной группой, –

наказывается лишением свободы на срок от трех до двенадцати лет.

4. Организация преступных группировок для подготовки и совершения насильственных посягательств с целью воспрепятствовать законной деятельности персонала указанных учреждений или из мести за такую деятельность, а равно исправлению осужденных или из мести за оказанное ими содействие персоналу учреждения или органа уголовно-исполнительной системы либо активное участие в таких группировках, –

наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

Примечание. Лицо, добровольно прекратившее участие в преступной группировке и активно способствующее раскрытию или пресечению этого преступления, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления» (Богачевская Е. А. Указ. соч. С. 150).

Предлагаемые варианты уголовно-правовой нормы создают необходимую правовую базу для обеспечения изоляции авторитетов тюремного мира, осуществляющих дезорганизационную деятельность, от основной массы осужденных. Их изоляция должна осуществляться в отдельных ИУ строгого или особого режима, действующих на межрегиональном или федеральном уровнях. Создание данных учреждений требует внесения изменений и дополнений в ст. 73 УИК РФ, поскольку часть 4 указанной статьи в редакции Федерального закона от 9 мая 2005 г. № 47-ФЗ эту проблему до конца не решает.

Вместе с тем, поставив на первое место деятельность, направленную на изоляцию авторитетов от остальных осужденных, мы не отказываемся от работы по их развенчанию и компрометации, а также их исправлению и отходу от воровского сообщества, которую предполагается осуществлять в специализированном ИУ. Комплексный подход позволит достичь максимальной эффективности в противодействии воровской идеологии. Публичный отказ от нее криминального лидера, а также от активного участия в преступном сообществе следует поощрять улучшением условий содержания внутри специализирован-

¹ Основу конфликта между администрацией ИУ и сообществом осужденных обуславливает в целом субкультурная идеология, но поводом для возникновения и развития конкретной криминальной ситуации чаще всего является активная деятельность сотрудников администрации, направленная на пресечение дисциплинарных проступков или иных правонарушений со стороны осужденных и воспринимаемая последними как неправомерная, особенно когда она связана с применением спецсредств. Более 70 % осужденных, действия которых были квалифицированы судом как преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 321 УК РФ, объяснили свое преступное поведение провокационными действиями со стороны самого потерпевшего, выраженными в незаконном применении спецсредств или нанесении оскорбления.

ного ИУ. В этой связи мы согласны с предложением, выдвинутым В. И. Поповым, о необходимости закрепления в перечне задач оперативно-розыскной деятельности в ИУ, предусмотренном ч. 1 ст. 84 УИК РФ, указания на осуществление оперативного противодействия деятельности антиобщественных группировок, а также распространению криминальной субкультуры в среде осужденных (Попов В. И. Рецидив и организованная преступность: монография. М., 1998. С. 125).

Предупредительные мероприятия, направленные на противодействие дезорганизационной деятельности ОПГ в ИУ, должны проводиться во взаимодействии его администрации¹ с другими правоохранительными органами, осуществляющими ОРД.

С этой целью необходимо внести ряд изменений в законодательство, регулирующее компетенцию УИС. В частности, в ч. 1 ст. 13 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. № 5473-1 следует изменить редакцию п. 6, заменив слова «учреждения, исполняющие наказания, обязаны в пределах своей компетенции оказывать содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность» словами «обязаны в пределах своей компетенции взаимодействовать с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность».

В ст. 14 этого же Закона целесообразно расширить полномочия УИС по истребованию от компетентных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, необходимой информации, достаточной для предупреждения дезорганизационной деятельности воровского сообщества. Кроме того, в законодательство, определяющее компетенцию различных органов, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, следует внести соответствующие дополнения, обязывающие их оказывать содействие учреждениям и органам УИС (ФСИН России).

¹ В соответствии с п. 4 ст. 7 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденного Указом Президента РФ «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» от 13 октября 2004 г. № 1314, ФСИН России в числе прочих полномочий организует осуществляемую учреждениями УИС оперативно-розыскную деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, основу взаимодействия оперативных аппаратов ИУ ФСИН России и других правоохранительных ведомств составляет сотрудничество в форме информационного обмена. Это означает, что создание Единого банка данных о представителях преступных формирований, а также оперативное сопровождение их противоправной деятельности как в местах лишения свободы, так и за пределами ИУ обладают высоким предупредительным потенциалом.

Кроме того, в целях повышения эффективности предупредительной деятельности, направленной на пресечение противодействия дезорганизационного характера, оказываемого организованными преступными формированиями (лидирующими группировками) администрации ИУ, необходимо криминализовать весь комплекс осуществляемой ими противоправной деятельности. В связи с этим предлагаем дополнить главу 32 УК РФ «Преступления против порядка управления» статьей 321.1, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 321.1. Организация криминального сообщества, дезорганизующего деятельность исправительных учреждений»

1. Создание в исправительном учреждении или на территории, прилегающей к нему, криминального сообщества, то есть организованной группы лиц для подготовки или совершения злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы, терроризирования² осужденных, а также

² Для описания объективной стороны составов дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, нами применен термин «терроризирование» осужденных, известный прежнему уголовному законодательству и используемый также Д. Б. Вальяно в тексте предлагаемой им редакции ст. 321 УК РФ (Вальяно Д. Б. Указ. соч. С. 185). Под терроризированием положительно характеризующихся осужденных (или более привычное прежнее – «ставших на путь исправления») следует понимать применение насилия или угрозы применения насилия с целью заставить их отказаться от непослушного поведения и добросовестного отношения к труду, обучению, от участия в самостоятельных организациях осужденных, досрочного возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, а равно такие же действия, совершенные на почве мести за выполнение общественного долга или общественных обязанностей по укреплению дисциплины и порядка в ИУ. Терроризированием должно признаваться также глумление и издевательство над осужденными в целях их устрашения и воспрепятствования их исправлению.

для воспрепятствования администрации исправительного учреждения в осуществлении возложенных на нее Федеральным законом функций, а равно руководство таким сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для осуществления противоправной деятельности в исправительном учреждении, –

наказывается лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового.

2. Участие в криминальном сообществе либо в объединении организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества, –

наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, –

наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового.

Примечание. Лицо, добровольно прекратившее участие в криминальном сообществе или входящем в него структурном подразделении либо объединении организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества и активно способствовавшее раскрытию или пресечению этого преступления, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

В заключение отметим, что на протяжении последних лет криминальную ситуацию в России определяли тенденции дальнейшего накопления отрицательного потенциала и вытекающие из этого изменения качественных характеристик преступности. Криминальная среда активно консолидировалась, приобретала все более высокий профессионализм и организованность, многоцелевую и крупномасштабную ориентацию. Для ослабления ее негативного влияния необходимо осуществлять постоянное противодействие, представляющее собой основанную на законе разнообразную деятельность правоохранительных органов, подчиненную общим целям и специфическим методам их достижения. «Уголовный закон сам по себе, без деятельности правоохранительных органов по его реализации, не может претендовать на роль меры воздействия на преступников. Закон лишь указывает на возможность желательного воздействия на преступность и регулирует это воздействие. И если оно не используется, то закон, сколь бы он ни был совершенным по содержанию своих правовых норм, не способен сам по себе положительно влиять на преступность» (Гришанин П. Ф. Современные проблемы уголовной политики и уголовно-правовой практики. М., 1994. С. 35).

Библиографический список

1. Анисимков, В. М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы / В. М. Анисимков. – СПб., 2003.
2. Жеребин, В. С. Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения : монография / В. С. Жеребин [и др.] ; науч. ред. В. М. Морозов, В. С. Жеребин ; под общ. ред. Ю. И. Калинина ; Владим. юрид. ин-т. – Владимир, 2005.
3. Криминалистика : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2001.
4. Назаров, С. В. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: уголовно-правовое и криминологическое исследование : монография / С. В. Назаров ; под ред. А. А. Магомедова. – Владимир, 2002.

М. А. Нагимов,
заместитель начальника
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
ПО БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

Развитие человеческой деятельности немыслимо без обмена информацией, ее накопления, систематизации, анализа и оценки. Единого определения понятия «информация» в современной науке не существует, поэтому различные специалисты трактуют его по-разному.

Под информацией (от лат. *information* – разъяснение, изложение) подразумеваются разного рода сообщения, сведения (Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2006. С. 217). Статья 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (Рос. газ. 2006. 29 июля) раскрывает содержание информации как сведений (сообщений, данных) независимо от формы их представления, при этом специфика (вид) социальной информации зависит в первую очередь от того, какая область человеческой деятельности рассматривается (Афанасьев В. Г., Урсул А. Д. О сущности, видах, свойствах и функциях социальной информации // Науч. управление обществом. 1977. Вып. 11. С. 155).

Особую разновидность информации такого рода составляют сведения в сфере правоохранительной деятельности. Среди них необходимо выделить те, которые относятся к борьбе с преступностью. Они, по мнению А. Г. Лекаря, должны обладать следующими необходимыми свойствами: иметь отношение ко всему процессу борьбы с преступностью или к какому-либо его элементу, быть конкретными, достаточно полными и, наконец, достоверными (Лекарь А. Г. Научные основы организационно-тактических мер повышения эффективности борьбы органов внутренних дел с преступностью : учеб. пособие. М., 1992. С. 23).

В полной мере это относится и к оперативно-розыскной информации, без которой невозможна эффективная борьба с правонарушениями. Разработкой вопросов, связанных с ее содержанием, занимались многие видные специалисты в области оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД), такие как Д. В. Гребельский (Гребельский Д. В. Теоретические проблемы оперативно-розыскной деятельности органов милиции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968. С. 335), В. А. Лукашов (Лукашов В. А. О сущности и значении оперативно-розыскной информации : информ. сообщ. лаб. проблем оперативно-розыскной деятельности. М., 1973. Вып. 3. С. 21–22), С. С. Овчинский (Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация. М., 2000. С. 20–21) и др.

Анализ позиций авторов свидетельствует о широте взглядов одних на рассматриваемый вопрос и стремлении других ограничить содержание оперативно-розыскной информации сведениями или данными, получаемыми с использованием возможностей оперативных подразделений.

Более точное определение оперативно-розыскной информации, на наш взгляд, дано В. М. Аتماжитовым, который рассматривает ее как получаемые субъектом ОРД с помощью оперативно-розыскных мер фактические данные, содержащие в себе знания, необходимые и пригодные для использования в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства (Аتماжитов В. М. Реализация оперативно-розыскной информации : лекция. М., 1984. С. 11). В данном определении основное внимание концентрируется на специальных признаках этого понятия, связанных с субъектами получения сведений, а также соответствующими оперативно-розыскными мерами, используемыми для их получения.

Применительно к настоящей публикации будет рассмотрена та часть оперативно-розыскной информации, которая связана с незаконным оборотом наркотиков в исправительных учреждениях. Основными признаками оперативно-розыскной информации, имеющей значение для обеспечения борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, являются следующие:

– принадлежность исправительных учреждений к государственным органам, решающим специфические задачи;

– целевое назначение – предупреждение проникновения наркотиков незаконным путем;

– наличие данных гласного и негласного характера;

– сведения о причинах и условиях, способствующих проникновению наркотических средств и психотропных веществ, об осужденных, склонных к их приобретению, а также о протекающих профилактических процессах;

– урегулированность ведомственными нормативными правовыми актами процесса ее сбора, фиксации, накопления, хранения, поиска, распространения и потребления;

– специфичность субъекта – оперативные подразделения исправительных учреждений с присущей только им компетенцией в использовании негласных возможностей для сбора и реализации полученных данных;

– возможность участия в ее реализации сотрудников иных отделов и служб исправительных учреждений при условии соблюдения требований конспирации.

Особенности оперативно-розыскной информации обуславливают процессы, протекающие в сфере ОРД в уголовно-исполнительной системе, и прежде всего деятельную сторону, содержанием которой выступает информационное обеспечение ОРД учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Последнее, опираясь на понятие В. М. Аتماжитова и Е. Н. Яковца, представляет собой комплекс специальных мер, осуществляемых его субъектами, по созданию и использованию системы оперативно-розыскной информации в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства (Аتماжитов В. М., Яковец Е. Н. Информационное обеспечение оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : лекция. М., 2002. С. 8).

Процесс оперативно-розыскного обеспечения является одной из важнейших функций (элементов) организации ОРД уголовно-исполнительной системы, включающей в себя поиск оперативной информации, четкую ее классификацию, а также порядок обработки поступающих сведений и т. д.

По содержанию информационное обеспечение той или иной деятельности, во-первых, предполагает определение с позиций различности целей и задач, решению которых должна служить информация. Во-вторых, заключается в выявлении и создании системы надежных источников информации. В-третьих, должно обеспечиваться ее использование потребителями (Наливайченко О. М. Оперативно-розыскная профилактика в ИТК : учеб. пособие. Рязань, 1992. С. 33). В связи с тем, что они конкретизируют основное содержание информационного обеспечения, рассмотрим эти положения более подробно.

Правильное формулирование целей информационного обеспечения ОРД по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в исправительных учреждениях имеет существенное теоретическое и практическое значение. Они определяют пределы получения информации, ее относимость именно к сфере незаконного оборота наркотиков, распределение по субъектам, которые могут принимать соответствующие решения, сроки реализации, процесс и характер ее использования и т. д. Отсюда возникает задача детализации целей. С нашей точки зрения, цели информационного обеспечения применительно к уровням управления (в первую очередь по борьбе с незаконным оборотом наркотиков) можно разбить на три группы: организационно-управленческие, организационно-тактические и оперативно-тактические.

Исследования, основанные на системном подходе, показали, что для структурного подразделения центрального органа ФСИН России должны быть присущи следующие организационно-управленческие задачи процесса информационного обеспечения ОРД:

– реализация совместно с заинтересованными службами ФСИН России технической политики информатизации подразделений ФСИН России, изучение программных продуктов и техники для их применения в оперативно-аналитической работе, разработка требований к аппаратно-программным средствам обработки оперативно-розыскной информации;

– сбор информации о состоянии оперативно-аналитического обеспечения ОРД уголовно-исполнительной системы, обобщение передового опыта работы аналогичных подразделений иных правоохранительных

органов России и зарубежных стран, организация его внедрения в практическую деятельность оперативных подразделений ГУФСИН (УФСИН);

- ведение централизованных автоматизированных оперативно-справочных учетов: спецконтингента, в том числе лиц, склонных к приобретению, хранению и сбыту наркотиков; негласного аппарата, в том числе обладающего широкими разведывательными возможностями; дел оперативного учета и лиц, по ним проходящих; иной информации, необходимой для осуществления деятельности оперативных подразделений ФСИН России, поступающей из других правоохранительных органов, организаций, средств массовой информации;

- совершенствование структуры, объема, сроков и форм предоставления оперативной информации;

- анализ оперативно-розыскной и иной информации в целях выявления особенностей криминогенных процессов по всем направлениям борьбы с правонарушениями, в том числе с незаконным оборотом наркотиков;

- разработка научно обоснованных прогнозов динамики незаконного оборота наркотиков в заданные моменты будущего;

- организация и оптимизация системы информационных связей оперативных подразделений ФСИН России как между собой, так и с иными субъектами ОРД;

- осуществление в пределах своей компетенции комплекса организационно-технических мероприятий по защите информации в оперативных подразделениях ФСИН России;

- участие в инспектировании, контрольных и иных проверках служебной деятельности и ОРД оперативных подразделений ФСИН России в пределах своей компетенции;

- формирование предложений, непосредственная разработка и участие в рабочих группах по подготовке и сопровождению в федеральные органы государственной власти и иные инстанции проектов нормативных правовых актов РФ, по вопросам информационного обеспечения ОРД уголовно-исполнительной системы и др.

В свою очередь, перед оперативными подразделениями территориальных ГУФСИН (УФСИН) должны стоять преимущественно организационно-тактические задачи информационного обеспечения ОРД, основными из которых являются:

- сбор, обработка и анализ статистической и иной оперативной информации, характеризующей состояние ОРД в исправительных учреждениях по борьбе с незаконным оборотом наркотиков;

- составление по результатам деятельности предусмотренных форм отчетности, аналитических материалов и направление их в оперативные подразделения вышестоящих учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания;

- разработка научно обоснованных прогнозов динамики проникновения наркотиков в конкретные исправительные учреждения, с учетом складывающейся в них оперативной обстановки;

- ведение автоматизированных оперативно-справочных учетов лиц, склонных к совершению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков;

- разработка форм журналов, карточек, концентрирующих оперативно-розыскную информацию, образующуюся в процессе предупреждения незаконного оборота наркотиков, обеспечение условий для ее хранения на базе создания информационных систем¹;

- внедрение передовых разработок в практическую деятельность исправительных учреждений;

- внесение предложений руководству ГУФСИН (УФСИН) субъекта РФ и ФСИН России по совершенствованию информационного обеспечения ОРД по недопущению проникновения наркотических средств и психотропных веществ в исправительные учреждения;

- осуществление обмена оперативно-розыскной информацией с иными субъектами ОРД в рамках взаимодействия и др.

Перед оперативными подразделениями исправительных учреждений также должны стоять преимущественно оперативно-тактические цели информационного обеспечения ОРД, основными из которых являются:

- изучение и оценка оперативной обстановки в исправительном учреждении, определение конкретных задач по борьбе с

¹ Согласно ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационная система – совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств.

незаконным оборотом наркотиков, тактических способов их решения;

- выявление и устранение причин и условий, способствующих проникновению наркотиков;

- выявление лиц, склонных к приобретению наркотиков, оказание воздействия на них;

- выявление других процессов и явлений, значимых для организации ОРД по предупреждению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков;

- установление необходимого слежения и контроля за объектами, процессами и явлениями как гласными, так и негласными способами, средствами и методами ОРД;

- создание в исправительном учреждении стройной системы сбора, фиксации, накопления, хранения, поиска, распространения и потребления оперативно-розыскной информации;

- анализ получаемой оперативной информации, принятие на основе результатов анализа самостоятельных управленческих решений, направленных на повышение эффективности ОРД по борьбе с незаконным оборотом наркотиков;

- определение субъектов, создающих соответствующие информационные ресурсы и их потребляющих, нацеливание их на более эффективное применение данной информации для достижения наилучших результатов;

- распределение информации в зависимости от ее содержания применительно к субъектам профилактической деятельности, в компетенцию которых входит принятие соответствующих решений и с учетом того, что она может носить как гласный, так и негласный характер;

- получение обратной информации о результатах ОРД по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, оценка эффективности и полноты использования сведений и др.

Среди элементов информационного обеспечения ОРД выделяют его правовые основы, которые определяют содержание других элементов.

Нормативные правовые источники, регламентирующие осуществление информационных процессов, связанных с оперативно-розыскной регистрацией, формированием оперативно-розыскного учета и потреблением информации в интересах решения задач ОРД, подразделяются на три катего-

рии (Атмажитов В. М., Яковец Е. Н. Указ. соч. С. 29). Первая из них объединяет законы, регламентирующие осуществление информационных процессов на общегосударственном уровне, а также вводящие основные понятия, связанные с ними. Вторая группа объединяет федеральные законы, регулирующие данные правоотношения в сфере деятельности правоохранительных органов, в том числе оперативных подразделений ФСИН России. Третья группа образует совокупность соответствующих ведомственных нормативных правовых актов. Сюда же следует отнести ряд межведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих порядок информационного обмена между субъектами ОРД.

Правовым основанием для создания учета оперативно-розыскной информации являются положения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (СЗ РФ. 1995. № 33, ст. 3349), содержащиеся в ст. 6 и 10, о том, что органы, уполномоченные на осуществление ОРД, могут создавать информационные системы и использовать их в своих целях для решения задач, возложенных на них указанным Законом.

Правовые нормы, учитывающие специфику информационного обращения в сфере уголовной регистрации и ведения учетов, содержатся и в ряде ведомственных нормативных правовых актов Минюста России (Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 20 нояб. 2006 г. № 333 // Бюл. Минюста РФ. 2007. № 1). Однако следует отметить, что с момента передачи уголовно-исполнительной системы из МВД в Минюст РФ, а впоследствии создания самостоятельной ФСИН России, каких-либо фундаментальных нормативных правовых актов, регламентирующих порядок информационного обеспечения ОРД учреждений и органов, исполняющих наказания, по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ разработано не было. В связи с этим правовые основы информационного обеспечения ОРД органов внутренних дел, существующие в настоящее время, с учетом специфики деятельности используются и во ФСИН России.

Таким образом, имеющиеся сегодня проблемы определения концептуальных основ информационного обеспечения деятельности оперативных отделов исправительных учреждений, выражающиеся в недостаточной разработанности вопросов нормативно-правового регулирования, требуют для своего устранения целый комплекс радикальных управленческих решений по организации разработки нормативных актов.

Библиографический список

1. *Атмажитов, В. М.* Информационное обеспечение оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : лек-

ция / В. М. Атмажитов, Е. Н. Яковец. – М., 2002.

2. *Лекарь, А. Г.* Научные основы организационно-тактических мер повышения эффективности борьбы органов внутренних дел с преступностью : учеб. пособие / А. Г. Лекарь. – М., 1992.

3. *Овчинский, С. С.* Оперативно-розыскная информация / С. С. Овчинский. – М., 2000.

4. *Фатхуллин, Р. Р.* Оперативно-розыскная деятельность по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2008.

В. В. Сенкевич,

соискатель Академии ФСИН России

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ПОБЕГ

В рамках настоящей статьи будут рассмотрены криминологические признаки осужденных за побег. Так, в криминологической характеристике одним из значимых признаков является *мотив совершения преступления*, выступающий движущей силой тех или иных поступков, действий человека.

Следует иметь в виду, что «лишение свободы – самый суровый вид уголовного наказания (кроме, конечно, смертной казни). Карательные элементы в нем представлены наиболее широко, и в этом плане вряд ли можно сомневаться, что абсолютное большинство осужденных не желают отбывать данное наказание. Именно поэтому лишение свободы реализуется принудительно, т. е. вопреки воле и желанию осужденных. Оно сопровождается особыми мерами охраны, изоляции, надзора и принуждения. Поэтому не будет преувеличением сказать, что исходная точка криминогенной мотивации побега – нежелание отбывать лишение свободы – будет существовать, пока существует данное уголовное наказание» (Уткин В. А., Шеслер А. В., Санников И. Ф. Побег из мест лишения свободы: квалификация и предупреждение : учеб. пособие. Томск, 1995. С. 129).

Данные, полученные нами при проведении исследования, позволяют сделать вывод

о том, что осужденные, совершившие побег, мало чем отличаются от осужденных контрольной группы по силе мотивов. Примерно равные доли приходятся на сильные и слабые мотивы у первых и чуть больше удельный вес осужденных с сильными мотивами в контрольной группе осужденных (на 4,6 %). Вместе с тем, если у исследуемой категории осужденных по содержанию превалируют низшие (биологические) мотивы по отношению к высшим (социальным) мотивам на 19 %, то в контрольной группе осужденных, наоборот, наблюдается превалирование удельного веса лиц с высшими (социальными) над низшими (биологическими) мотивами – на 9,4 %.

Характер мотиваций поведения лица, совершающего побег, конкретизируется в их видах. Среди видов мотиваций совершения побегов значительную долю занимает стремление увидеть семью, родных, близких (39,6 %). На втором месте стоит нежелание отбывать наказание ввиду несправедливости приговора (34,4 %).

Из числа лиц, совершивших побег, на момент опроса только 35,1 % респондентов полагали, что наказание им назначено справедливо; 10,8 % – несправедливо, так как преступления не было; большинство же (51,4 %) считают наказание справедливым, но слишком суровым.

Третье место в ранжированном ряду мотивационного комплекса побега занимает мотив «обезопасить себя от угрозы расправы со стороны других осужденных» (4,2 %). Самую незначительную долю среди мотивов

вов совершения побегов составляет такой мотив, как «отсутствие какой-либо перспективы быть освобожденным досрочно».

Основные детерминанты, обуславливающие побеги из мест лишения свободы. Изучение причинного комплекса совершения побегов из мест лишения свободы показало, что немалую роль в криминогенной мотивации играют условия отбывания наказания. Е. О. Алауханов отмечает: «Специфические условия колоний по исполнению наказаний, особенности социальной среды, повышенная криминогенность отдельных категорий осужденных обуславливают и определенные особенности умышленных преступлений среди лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы» (Алауханов Е. О. Криминология. Общая и Особенная части : учебник. Алматы, 2008. С. 295).

Е. Н. Колышницына подчеркивает, что «специфические условия отбывания наказания играют роль катализатора протекания криминогенной мотивации, ускоряющего процесс реализации негативных намерений, как прямо (толкает осужденного к преступлению), так и косвенно (обостряет у осужденного эмоциональные состояния и психические расстройства)» (Колышницына Е. Н. Криминогенная мотивация в механизме преступного поведения осужденных к лишению свободы. Современное состояние и развитие криминологической науки : материалы конф. М., 2008. С. 172).

При этом условия играют двоякую роль: «Одни из них формируют решимость осужденного (т. е. воздействуют непосредственно на личность), другие облегчают фактическое осуществление преступного замысла» (Уткин В. А., Шеслер А. В., Санников И. Ф. Указ. соч. С. 10). Условия взаимосвязаны между собой. Провоцировать побег, например, может плохая охрана, отсутствие должного надзора со стороны администрации исправительного учреждения.

Е. О. Алауханов условия, способствующие совершению преступлений, в колонии делит на две группы: объективные и субъективные.

К объективным условиям, по его мнению, следует отнести: недостатки в организации режима отбывания наказания, надзора за осужденными, оперативно-розыскной деятельности, работы с кадрами, воспитательной работы, трудового воспитания,

общеобразовательного и профессионально-технического обучения.

Более детально объективные или внешние условия, способствующие совершению побегов, раскрываются в работе В. И. Алексеева, А. В. Бриллиантова, Л. В. Перцовой, А. В. Чепелева. Относя к ним недостатки в деятельности исправительных учреждений, они раскрывают их: «Небрежное несение службы войсковыми караулами по охране объектов; недостатки в оборудовании и эксплуатации инженерно-технических средств охраны объектов; слабая организация надзора за осужденными со стороны администрации ИТУ; отступление от требований режима содержания осужденных; ненадлежащее несение службы входящими в состав дежурной смены по надзору; отсутствие контроля за осужденными в производственной зоне со стороны мастеров и других инженерно-технических работников; низкий уровень профилактической работы, слабая организация индивидуально-профилактической работы с лицами, состоящими на профилактическом учете и склонными к совершению побега; недостатки в деятельности оперативных аппаратов по выявлению преступных намерений осужденных и профилактике побегов» (Алексеев В. И., Бриллиантов А. В., Перцова Л. В., Чепелев А. В. Организационно-тактические и правовые аспекты борьбы с побегами из мест лишения свободы : учеб.-практ. пособие / под общ. ред. А. И. Зубкова. М., 1994. С. 24).

Субъективными условиями совершения преступлений в исправительных учреждениях, по мнению Е. О. Алауханова, являются такие особенности психического склада личности, как неуравновешенность характера, психические и нервные заболевания, повышенная возбудимость и нервозность, степень нравственности, педагогической запущенности и т. п. (Алауханов Е. О. Указ. соч. С. 299). Приведенная классификация условий, способствующих совершению преступлений, в целом вполне приемлема и в отношении побегов.

Вид исправительного учреждения, из которого совершен побег. Наиболее значительную долю осужденных, совершивших побег, составляют лица, отбывающие наказание в колониях-поселениях – 48,9 %.

Второе место в ранжированном ряду занимают осужденные, отбывавшие наказание в исправительных колониях строгого режима, – 12,8 %; третье – осужденные, отбывавшие наказание в исправительных колониях общего режима, – 8,5 %; четвертое – лица, содержащиеся в следственных изоляторах, – 6,4 %; пятое – осужденные, отбывавшие наказание в лечебных исправительных учреждениях, – 3,2 %; шестое – осужденные, отбывавшие наказание в исправительных колониях особого вида режима, – 2,1 %. Абсолютное большинство побегов совершается с обычных условий отбывания наказания – 77,3 %. Второе место занимают осужденные, находящиеся в облегченных условиях отбывания наказания, – 12,5 %; третье – лица, содержащиеся в строгих условиях отбывания наказания, – 10,2 %.

Детерминанты побегов из этих учреждений имеют как объективный, так и субъективный характер. Первые не зависят от деятельности исправительных учреждений или обусловлены недостатками в организации исполнения наказания. Субъективный же характер их проявляется в особенностях личности осужденных, отбывающих наказание в данных колониях.

К детерминантам первого ряда следует отнести, прежде всего, отсутствие контроля со стороны отдельных руководителей территориальных органов за деятельностью подчиненных учреждений, провалы в работе служб безопасности, оперативного и воспитательного аппарата, низкую трудовую занятость осужденных, недостатки в коммунально-бытовом обеспечении. Кроме того, в отдельных случаях предоставление права проживания за пределами колоний осложняют оперативную обстановку в колонии-поселении.

Увеличению побегов из мест лишения свободы способствует отсутствие оперативной информации о готовящихся преступлениях и намерениях осужденных совершить побег. Информация, получаемая сотрудниками оперативных подразделений, в основном касается нарушений режима содержания. Вместе с тем спецаппарат в первую очередь должен быть направлен на предотвращение и раскрытие преступлений, а также установление местонахождения лиц, находящихся в розыске.

Основными субъективными детерминантами совершения побегов из колоний-поселений является то, что судами назначается наказание в виде лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении лицам, осужденным за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, без учета личности подсудимого и обстоятельств совершенного преступления. Для отбытия наказания в колонии-поселении судами направляются лица неоднократно судимые, а также лица со стойкой наркотической зависимостью или ранее находившиеся в розыске.

Нахождение осужденного на профилактическом учете до совершения побега. Своевременное выявление лиц, склонных к побегу, постановка их на профилактический учет выступают основой для проведения конкретной работы по предупреждению побегов из исправительных учреждений. Изучение данного вопроса показало, что абсолютное большинство лиц, совершивших данное преступление, до этого на профилактическом учете не состояли – 92,4 %.

Стратификация осужденных, совершивших побег. Изучение вопроса принадлежности осужденных, совершивших побег, к стратификационным группам показало, что основная их часть принадлежит к «мужикам» (69,6 %). На втором месте в ранжированном ряду находятся «обиженные» (7,6 %); на третьем – «пацаны» (6,5 %); четвертом – «шестерки» (5,4 %).

Способ совершения побега. О видах и характере детерминант совершения побегов можно судить по способу их совершения. Последний, в свою очередь, имеет важное значение для правильной расстановки сил и средств охраны и надзора в целях их недопущения. Такое знание позволяет правильно организовать деятельность соответствующих служб, более эффективно использовать технические и иные средства охраны, должным образом организовать взаимодействие последних. Изучение данного вопроса позволило установить, что наиболее значительную долю среди способов совершения побегов составляют побеги путем преодоления ограждения – 32,5 %; побеги через контрольно-пропускной пункт – 13,8%; побеги с использованием транспорта – 10 %; побеги через подкоп – 7,5 %.

Для преодоления инженерно-технических заграждений они используют специально приготовленные лестницы, трапы, доски, бревна, веревки с прикрепленными к ним крючьями и другие подручные средства. Причем побег путем преодоления ограждения осужденные совершают тогда, когда личный состав нарядов контролеров слабо осуществляет надзор за их поведением и действиями; территория объекта, особенно вблизи внутренней запретной зоны, своевременно не очищается от стройматериалов, отходов производства, мусора и других предметов; инженерно-технические средства охраны используются неправильно или выведены из строя, лица караула проявляют беспечность и недобросовестно выполняют свои обязанности.

Во многих случаях осужденные отвлекают внимание часовых различными маскировочными действиями: инсценируют пожары и драки, разжигают костры и задымляют секторы наблюдения, выводят из строя светильники. Известны случаи, когда осужденные совершали побеги, используя воздушные коммуникации (линии электропередачи, провода телефонно-телеграфной связи и др.). Это позволяло им, не соприкасаясь со средствами обнаружения, быстро выйти за пределы запретной зоны и скрыться незамеченными.

Для приближения к запретной зоне, преодоления контрольно-следовой полосы (КСП) осужденные применяют различные отвлекающие действия. Они прибегают к маскировке, используя самодельные маскиралаты, простыни (в зимнее время), накидки из подручных средств, и под прикрытием строений, участков территории зоны, захламленных или покрытых растительностью, незамеченными приближаются к ограждению внутренней запретной зоны, а затем преодолевают ее, КСП и линию охраны.

Оборудованные инженерно-техническими средствами охраны запретные зоны осужденные стремятся преодолевать такими способами, которые позволили бы вывести из строя системы обнаружения, быстро пройти сложные противопобеговые заграждения. Изучая устройство линейной части технических средств, они используют ее конструктивные недостатки, отключают токнесущие провода, устраивают всевозможные перемычки, изолируют контактные части электромеханических датчи-

ков, зажимая обрезанные концы проводов специальными зажимами.

В условиях внедрения новых инженерно-технических средств охраны осужденные изыскивают ухищрения для побегов с объектов через контрольно-пропускной пункт (далее: КПП). В наибольшей мере они стремятся использовать неправильно оборудованные проходные коридоры, двери, смотровые окна, места осмотра транспорта и контрольные площадки, не просматриваемые часовыми КПП нижние части проходных коридоров, глубокие колеи, образовавшиеся от колес проходящего транспорта под воротами, незакрытые калитки или ворота для выхода на контрольные площадки, выезжающий с объекта транспорт.

Готовясь к совершению побега через КПП, осужденные тщательно изучают, как организована служба часовых, замечают, а затем используют малейшую небрежность, неточность и особенно беспечность в их действиях для совершения побега.

Наиболее распространенными ухищрениями, применяемыми осужденными для совершения побега через КПП, являются:

- изготовление фальшивых пропусков, справок и иных документов;
- использование подлинных документов, похищенных на объектах у вольнонаемных рабочих, с последующей заменой фотокарточек;
- переодевание в форму сотрудников исправительной колонии, гражданское платье и даже в женскую одежду;
- попытки проникнуть через КПП под видом расконвоированных осужденных;
- использование подставных лиц, согласившихся при выводе осужденных на работу (съеме с работы) встать вместо них в строй.

Значительное количество побегов через КПП осужденные совершают с использованием транспортных средств. Чаще всего они укрываются в вывозимых грузах, рассчитывая воспользоваться недостаточной бдительностью контролеров, осуществляющих контроль за погрузкой и сопровождение транспорта до КПП охраняемых объектов.

В ряде случаев осужденные пытаются выехать за пределы объекта, укрывшись под капотами, сиденьями и кузовами транспортных средств, в топливных баках грузовых и багажниках легковых автомобилей, цистернах, ящиках и фургонах специальных машин.

При наличии времени и условий осужденные делают на транспортных средствах, бесконтрольно оставленных на территории объекта, дополнительные приспособления: пристраивают ящики к днищам кузовов, стенам и крышам фургонов, приделывают дополнительные «топливные баки», тщательно все маскируя.

Осужденные могут укрываться также в сыпучих грузах, вывозимых с объектов, а чтобы предохранять себя от удара щупа при проверке транспорта, они прикрываются твердыми предметами или укрываются в специально подготовленных под грузом ящиках.

Когда попытки тайно выехать через КПП не удаются, осужденные используют оставленные без присмотра или захватывают силой автомобили, тепловозы и другие транспортные средства для тарана ограждения объекта или ворот КПП.

В заключение анализа криминологических признаков, характеризующих осужденных за побег, можно сделать вывод, что наиболее характерными являются: более слабые по силе и низкие (биологические) по содержанию мотивы преступного поведения; основными мотивациями соверше-

ния побегов являются стремление увидеть семью, родных, близких и нежелание отбывать наказание в силу несправедливости, по мнению осужденных, назначенного наказания; основную долю лиц, совершающих побеги, составляют осужденные, отбывающие наказание в колониях-поселениях; в исправительных колониях — это осужденные, находящиеся в обычных условиях отбывания наказания, не состоящие на профилактическом учете; совершающие побеги путем преодоления ограждения, через контрольно-пропускной пункт, с использованием транспорта, через подкоп; осужденные, принадлежащие к стратификационной группе «мужики».

Библиографический список

1. *Алауханов, Е. О.* Криминология. Общая и Особенная части : учебник / Е. О. Алауханов. — Алматы, 2008.
2. *Колышницына, Е. Н.* Криминогенная мотивация в механизме преступного поведения осужденных к лишению свободы. Современное состояние и развитие криминологической науки : материалы конф. / Е. Н. Колышницына. — М., 2008.

И. Н. Федотова,

*доцент кафедры гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

кандидат исторических наук, доцент

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ С РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ И ДРУГИМИ РЕЛИГИОЗНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ

Одна из ключевых задач осуществляемой в России реформы уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) состоит в том, чтобы сделать уголовное наказание действенным средством исправления личности человека, преступившего закон. Наказание должно побуждать осужденного к переосмыслению содеянного и сознательному отказу от возвращения на преступный путь. Для эффективной организации воспитательного процесса в местах лишения свободы усилий, прилагаемых сотрудниками УИС, недостаточно. Практика показывает, что пенитенциарной системе необходимо вза-

имодействовать с теми структурами гражданского общества, которые готовы и по закону могут сотрудничать с исправительными учреждениями. Это широкий круг организаций, особая роль среди которых принадлежит религиозным объединениям. Общеизвестно, что религия, как никакая другая форма духовной культуры, способствует нравственному совершенствованию людей, поэтому ее воспитательный потенциал в работе с осужденными просто незаменим. Согласно данным социологических опросов к числу верующих себя относят 85 % осужденных, т. е. подавляющее большинство (Положительный опыт сотрудничества учреждений ФСИН России с Русской Православной Церковью: аналит. обзор. М., 2007. С. 11).

Участие религиозных объединений в деятельности УИС регламентируется такими законодательными актами, как Конституция РФ, УИК РФ и Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ. Законодательство гарантирует свободу со-

вести и вероисповедания всем гражданам нашей страны, включая осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Вместе с тем реализация данного права в местах лишения свободы должна происходить так, чтобы при этом не нарушались правила внутреннего распорядка и не ущемлялись права других лиц. Доступ представителей религиозных объединений в исправительные учреждения возможен при соблюдении трех условий. Во-первых, объединение должно иметь статус религиозной организации. Следует напомнить, что все религиозные объединения в России по закону делятся на две категории: религиозные организации и религиозные группы. Различие между ними заключается в том, что организации регистрируются в качестве юридического лица, а группы действуют без государственной регистрации. Таким образом, сотрудничать с исправительными учреждениями могут только религиозные организации, т. е. официально зарегистрированные объединения. Второе условие состоит в том, что к осужденным приглашаются священнослужители, т. е. те, кому присвоен соответствующий духовный сан. Третье условие – наличие просьбы о такой встрече со стороны самих осужденных (Ст. 14, 28 Конституции РФ ; ст. 14 УИК РФ ; О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон: от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ. Ст. 16 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465).

На основе этих законодательных положений разработаны ведомственные нормативные акты, к числу которых относятся соглашения о сотрудничестве. В 1999 г. Министерство юстиции РФ заключило такое Соглашение с Русской Православной Церковью, а в 2001 г. – с Федерацией еврейских общин России (ФЕОР). В соответствии с данными соглашениями, а также с учетом Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и следственных изоляторов были разработаны и утверждены Рекомендации ФСИН России по взаимодействию учреждений и органов УИС с религиозными организациями от 26 марта 2007 г. № 10/15/1-77.

Практическая реализация законодательных и ведомственных подзаконных актов осуществляется в рамках двусторонних договоров, которые заключаются между тер-

риториальными органами ФСИН России и религиозными организациями, такими как епархии Русской Православной Церкви, Духовные управления мусульман и др.

Оценивая период, прошедший с момента принятия УИК РФ и Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», можно утверждать, что религиозные организации сумели широко приобщиться к работе с осужденными. Так, если в 1999 г. в исправительных учреждениях насчитывалось 560 общин верующих с общей численностью 20 тыс. чел., то уже к 2002 г. эти показатели удвоились, а с 2002 по 2007 г. количество осужденных, входящих в религиозные общины, увеличилось еще почти в два раза и достигло 70 тыс. чел., или 6,4 % от общей численности граждан, отбывающих наказания в местах лишения свободы (рис. 1). При этом нужно оговориться, что статистические данные отражают только ту часть осужденных, которая постоянно участвует в религиозной жизни (Добродеев А. Пути взаимодействия правоохранительных учреждений и Русской Православной Церкви в преодолении преступности // Взаимодействие территориальных органов ФСИН России с Русской Православной Церковью: сб. материалов передового опыта. М., 2008. С. 76 ; Положительный опыт сотрудничества учреждений ФСИН России с Русской Православной Церковью. С. 7–8). Что же касается верующих, которые не являются членами общин, но посещают богослужения, общаются со священнослужителями, то численность таковых гораздо выше.

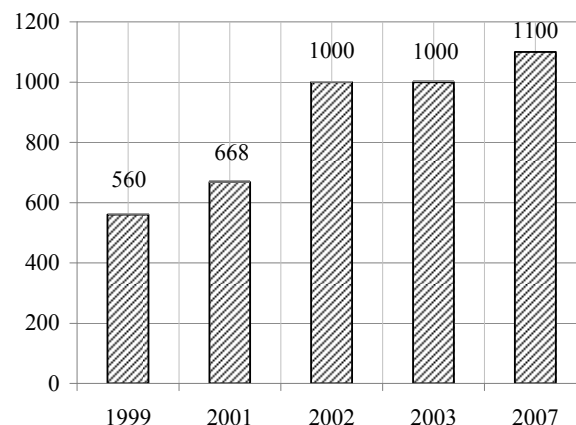

Рис. 1. Количество религиозных общин в исправительных учреждениях и численность верующих: 1999 г. – 20 тыс. чел. (2,5 %); 2001 г. – 25 тыс. чел. (3,7 %); 2002 г. – 40 тыс. чел. (5,5 %); 2003 г. – 46 тыс. чел. (6,4 %); 2007 г. – 70 тыс. чел. (6,4 %)

Конфессиональный состав общин свидетельствует об очевидном преобладании приверженцев православия (рис. 2). Эту религию исповедует 79 % верующих осужденных. На втором месте находятся мусульмане (9 %). Третье и четвертое места занимают христиане веры евангельской (пятидесятники) и евангельские христиане-баптисты, к числу которых относятся соответственно 4,3 % и 3,9 % верующих. Удельный вес католиков, иудеев и буддистов составляет чуть больше 2 % (Первозванский В. Б., Стурова М. П., Федорова Е. М. Традиционные религии России: история и современность: учеб. пособие для занятий в системе служеб. подготовки. М., 2007. С. 106).

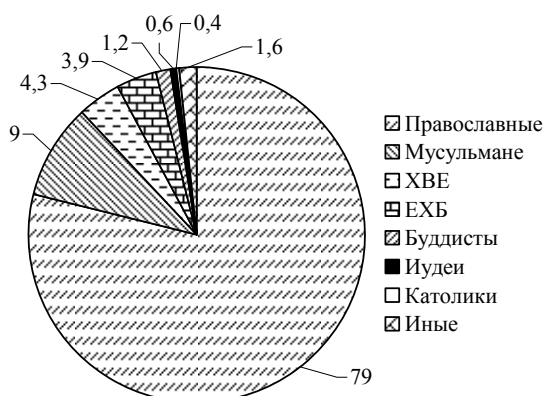

Рис. 2. Конфессиональный состав верующих в исправительных учреждениях, в процентах (по данным на 2007 г.): православные – 53200 чел., мусульмане – 5900, ХВЕ – 2900, ЕХБ – 2600, буддисты – 803, иудеи – 394, католики – 288

Следует рассмотреть также вопрос о численности культовых сооружений (Добродеев А. Указ. соч. С. 76). По состоянию на 2007 г., в местах лишения свободы насчитывалось 436 храмов, из них православных – 403 (92 %), мусульманских – 23 (5 %), буддийских – 7 (2 %), католических – 3 (1 %) (рис. 3).

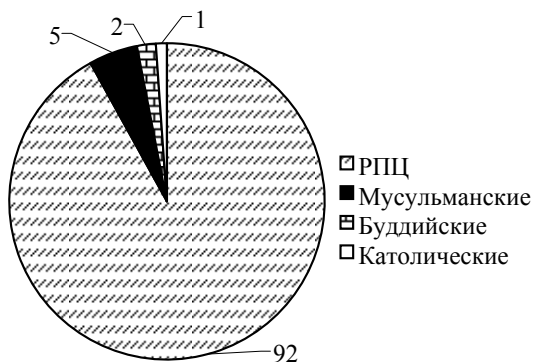

Рис. 3. Количество храмов в исправительных учреждениях, в процентах (по данным на 2007 г.): РПЦ – 403, мусульманские – 23, буддийские – 7, католические – 3

Помимо храмов в исправительных учреждениях существует 741 молельная комната (Добродеев А. Указ. соч. С. 76), в том числе православных – 517 (70 %), мусульманских – 87 (12 %), евангельских христиан-баптистов – 64 (9 %), христиан веры евангельской (пятидесятников) – 58 (8 %), буддийских – 7 (1 %) (рис. 4).

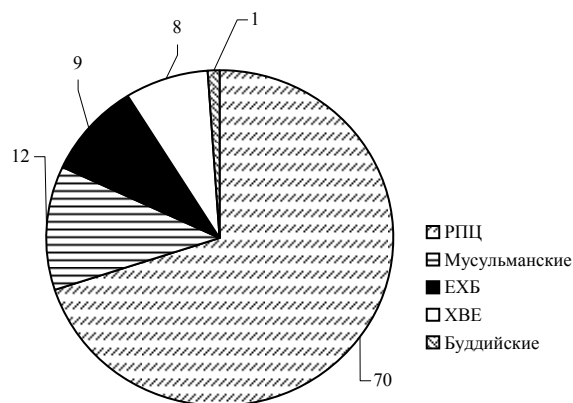

Рис. 4. Количество молельных комнат в исправительных учреждениях, в процентах (по данным на 2007 г.): РПЦ – 517, мусульманские – 87, ЕХБ – 64, ХВЕ – 58, буддийские – 7

Статистические данные, с одной стороны, показывают, что ведущая роль в религиозном воспитании осужденных принадлежит православному и мусульманскому духовенству. Это вполне соответствует конфессиональной структуре российского общества в целом. С другой стороны, обращает на себя внимание то, что весомое представительство в местах лишения свободы имеют протестантские конфессии, такие как баптизм и пятидесятничество. Данный факт непосредственно связан с тем, что в 1990-е гг. протестантские объединения, финансируемые из-за рубежа, в первую очередь из США, оказывали исправительным учреждениям солидную по объемам гуманитарную помощь. Во многих случаях условием получения такой помощи было предоставление данным организациям привилегированного или даже исключительного права на проповедь своего вероучения среди осужденных. Совершенно очевидно, что подобная практика представляла собой грубое нарушение закона. В связи с этим в Рекомендациях ФСИН России по взаимодействию учреждений и ор-

ганов УИС с религиозными организациями от 26 марта 2007 г. № 10/15/1-77 подчеркивается, что руководителям исправительных учреждений следует проявлять большую осторожность при решении вопроса о получении гуманитарной помощи (Самарин В. А. Нормативно-правовые гарантии реализации права на свободу совести и вероисповедания в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы // *Взаимодействие территориальных органов ФСИН России с Русской Православной Церковью: сб. материалов передового опыта.* М., 2008. С. 91).

Как уже отмечалось, основную нагрузку пастырского служения в местах лишения свободы несет Русская Православная Церковь. Деятельность православного духовенства в исправительных учреждениях имеет три аспекта: культовый, благотворительный и просветительский. Богослужбная практика включает в себя божественную литургию, молебны, панихиды, совершение таинств крещения, исповеди, венчания, соборования (Полозюк В. Л. Актуальные вопросы взаимодействия ФСИН России с Русской Православной Церковью и пути их решения // *Взаимодействие территориальных органов ФСИН России с Русской Православной Церковью: сб. материалов передового опыта.* М., 2008. С. 5–6). Особенно значимо для любого православного осужденного таинство исповеди. Общеизвестно, что искренний, доверительный разговор со священником может в гораздо большей мере способствовать пробуждению человеческой совести, чем психологические тренинги или воспитательные мероприятия, проводимые администрацией.

Помощь пастырским словом православное духовенство стремится по возможности сочетать с помощью материальной, главным образом в виде медикаментов, одежды и обуви. Деньги на эти нужды священники собирают, как правило, в своих приходах. В некоторых регионах по решению епархиальных управлений ежегодно отмечается День милосердия, который приурочен либо к именинам святой Анастасии Узорешительницы – покровительницы осужденных (18 января) либо к празднику Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября). В День милосердия в православных храмах соответствующих епархий совершаются литур-

гии и молебны с целью привлечь внимание паствы к проблемам осужденных и производится сбор пожертвований. Такая практика существует в Белгородской, Вологодской, Липецкой, Нижегородской, Самарской областях (Анфиногенов О. А. Взаимодействие УФСИН России по Белгородской области с Белгородской и Старооскольской епархией Русской Православной Церкви (опыт УФСИН России по Белгородской области) // *Взаимодействие территориальных органов ФСИН России с Русской Православной Церковью...* С. 32–33 ; Зеленовская И. В. Организация взаимодействия ГУФСИН России по Самарской области с Русской Православной Церковью (опыт ГУФСИН России по Самарской области) // *Взаимодействие территориальных органов ФСИН России с Русской Православной Церковью...* С. 26 ; Первозванский В. Б., Стурова М. П., Федорова Е. М. Указ. соч. С. 107).

Особую важность для осужденных в решении вопросов, связанных с ресоциализацией после освобождения, имеет поддержка духовенства. Как известно, среди освобождающихся немало людей, у которых нет ни жилья, ни каких-либо связей с родственниками. Те осужденные, кто в период отбывания наказания входил в состав православных общин, могут рассчитывать на рекомендацию, которая позволит им после освобождения получить работу и жилье при храмах или монастырях. Активно участвует в социальной адаптации бывших осужденных православное духовенство Белгородской, Нижегородской, Самарской, Свердловской, Томской областей. В некоторых регионах действуют специальные реабилитационные центры, созданные в виде поселений. Так, в с. Костенки Воронежской области функционирует реабилитационный центр, где живут бывшие осужденные, освободившиеся из мест лишения свободы. Он организован на основе тройственного Соглашения между УФСИН России по Воронежской области, Воронежско-Борисоглебской епархией Русской Православной Церкви и фирмой «Агрополк». Центр предоставляет работу на агропромышленном предприятии и жилье. На сегодняшний день реабилитационный центр принял уже около 80 чел. (Кравченко Н. Д. Взаимодействие УФСИН России по Воро-

нежской области с Русской Православной Церковью (опыт УФСИН России по Воронежской области) // Взаимодействие территориальных органов ФСИН России с Русской Православной Церковью... С. 22).

Одним из ключевых направлений деятельности православного духовенства в местах лишения свободы является просветительская работа. Ее цель состоит в том, чтобы познакомить осужденных с духовно-нравственными основами православного вероучения, историей православной церкви, правилами богослужения. Владение этими знаниями необходимо для сознательного приобщения к вере, иными словами, для того, чтобы человек в полной мере понимал и разделял ее смысл. На сегодняшний день в местах лишения свободы создано более 230 воскресных школ, где проходят обучение 10,5 тыс. осужденных. Преподавание в воскресной школе осуществляет священник, закрепленный за данным учреждением. К сожалению, из-за большой занятости далеко не все священнослужители могут найти время для проведения уроков в школе. В связи с этим воскресные школы действуют только в 30 % исправительных учреждений (Добродеев А. Указ. соч. С. 76–77 ; Полозюк В. Л. Указ. соч. С. 7).

Альтернативной формой религиозного просвещения является заочное обучение. В роли организатора этой работы выступает Синодальный отдел по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями Московского патриархата. Начиная с 2003 г. под руководством данного Отдела реализуется проект «Общecerковная система дистанционного (заочного) обучения основам православия в местах лишения свободы». В осуществлении проекта участвуют Центр духовной поддержки заключенных Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и Отдел тюремного служения Московской духовной академии и семинарии. Учащимся высылаются необходимая духовная литература и учебно-методические материалы, включающие в себя тематику контрольных работ, а также рекомендации по их подготовке. Проверкой работ занимаются учащиеся Московской духовной академии и старших курсов семинарии. Схожая методика практикуется в Центре православной педагогической культуры при Рязанском государственном университете им. С. А. Есенина. Ав-

торский коллектив сотрудников данного Центра разработал и внедрил учебно-методическое пособие, специально предназначенное для дистанционного обучения в системе ФСИН России (Беляева В. А., Жилина В. В., Ромашина О. Н. Основы православного вероучения: учеб.-метод. пособие для обучения в системе ФСИН России. Рязань, 2006).

Однако, приветствуя саму возможность заочного обучения, приходится признать, что для большинства учащихся дистанционное освоение материала крайне затруднительно, во-первых, в силу невысокого уровня общеобразовательной подготовки, а во-вторых, потому что обучение основам веры требует анализа библейских священных текстов, которые очень сложны для восприятия и, как правило, плохо усваиваются без помощи преподавателя. Поэтому необходимо, чтобы православное просвещение осужденных развивалось в основном в форме очного обучения на базе воскресных школ.

Проблема религиозного образования касается не только осужденных, но и сотрудников УИС, в первую очередь тех, кто отвечает за организацию воспитательного процесса в исправительных учреждениях. Очевидно, что без изучения основ веры сотрудники вряд ли будут в состоянии эффективно использовать духовно-нравственный потенциал религии. Необходимо создать целостную систему православного религиозного просвещения сотрудников исправительных учреждений. В настоящее время в данном направлении делаются лишь первые шаги. Так, обучение организовано в Республике Коми, Белгородской и Тульской областях. Формами просветительской работы являются лектории и занятия в системе служебной подготовки (Анфиногенов О. А. Указ. соч. С. 33 ; Положительный опыт сотрудничества учреждений ФСИН России с Русской Православной Церковью. С. 19).

Следует помнить и о том, что духовенство также нуждается в обучении. Большинство священников, закрепленных за местами лишения свободы, испытывают нехватку специальных знаний в области уголовно-исполнительного законодательства, недостаточно хорошо ориентируются в правилах внутреннего распорядка, слабо представляют себе особенности криминальной субкультуры. Поэтому в последние годы духовные учеб-

ные заведения Русской Православной Церкви стали включать в свои программы спецкурсы, посвященные тюремному служению. Такие курсы преподаются, в частности, в Московской духовной академии и семинарии, Белгородской, Нижегородской, Самарской духовных семинариях (Анфиногенов О. А. Указ. соч. С. 33 ; Зеленовская И. В. Указ. соч. С. 25 ; Положительный опыт сотрудничества учреждений ФСИН России с Русской Православной Церковью. С. 14).

На научно-практических конференциях и семинарах, а также в ведомственной периодической печати активно обсуждается вопрос о введении института тюремного священства по образцу США и многих западноевропейских стран. Социологические опросы свидетельствуют о том, что большинство сотрудников УИС считают целесообразным включение священников в штат исправительных учреждений. Однако в решении этого вопроса существует ряд проблем. Во-первых, Русская Православная Церковь и другие традиционные для России религиозные объединения пока не располагают необходимыми ресурсами кадров духовенства. Иными словами, в настоящее время отсутствует необходимое для штатного тюремного служения количество священнослужителей. Во-вторых, размер заработной платы, на которую можно рассчитывать в исправительном учреждении, значительно меньше материального вознаграждения, получаемого священником в приходе. Поэтому вряд ли найдутся желающие оставить свой приход и перейти на службу в места лишения свободы. В-третьих, как показали эксперименты, штатный священник воспринимается осужденными весьма неоднозначно. Многие перестают рассматривать его в качестве духовного наставника и не считают возможным доверять ему тайну исповеди. Следовательно, воспитательное значение служения такого священника оказывается сомнительным (Самарин В. А. Религиозные организации России и их взаимодействие с органами ФСИН России // Взаимодействие территориальных органов ФСИН России с Русской Православной Церковью: сб. материалов передового опыта. М., 2008. С. 71–72 ; Положительный опыт сотрудничества учреждений ФСИН России с Русской Православной Церковью. С. 4, 12).

Суть проблемы штатного пенитенциарного священства состоит в том, что священник, который занят в приходе, из-за нехватки времени не может уделять осужденным достаточного внимания. Некоторые специалисты предлагают не форсировать введение штатных должностей священников в местах лишения свободы, а использовать другие средства, в частности, привлекать к работе с осужденными добровольцев из числа мирян. Они могут помочь священнику в подготовке осужденных к крещению и другим таинствам, оснащении тюремных храмов, преподавании основ веры и решении иных вопросов. Следует заметить, что в странах Западной Европы, к опыту которых апеллируют сторонники идеи пенитенциарного священства, такая практика давно стала общепринятой. У капеллана, несмотря на то, что исправительное учреждение является для него основным местом работы, как правило, есть помощники-миряне, бесплатно участвующие в тюремном служении (Самарин В. А. Религиозные организации России и их взаимодействие с органами ФСИН России. С. 69–70, 72).

Кроме того, американские и западноевропейские капелланы поддерживают постоянную связь с теми общественными организациями, которые предоставляют гуманитарную, юридическую и другую помощь осужденным и гражданам, освобождающимся из мест лишения свободы. В Российской Федерации существует целый ряд общественных объединений, выполняющих такие функции. Это Межрегиональный благотворительный фонд помощи заключенным, Общероссийская общественная организация «Попечительский совет уголовно-исполнительной системы», благотворительный фонд «Святые России», Общероссийское общественное движение «Россия Православная», Общество милосердия в тюрьмах «Вера, Надежда, Любовь», православный благотворительный фонд «Благо» и др. Каждая из перечисленных организаций принимает посильное участие в жизни исправительных учреждений, однако пока еще не налажен механизм взаимодействия между этими структурами, с одной стороны, и тюремными священниками, с другой. Создание такого механизма позволило бы облегчить решение многих повседневных проблем, с которыми приходится сталкиваться священнослужителям, и добиться

того, чтобы помощь, поступающая от общественных организаций, предоставлялась в первую очередь тем, кто больше всего в ней нуждается (Самарин В. А. Религиозные организации России и их взаимодействие с органами ФСИН России. С. 70, 72).

Важную роль в работе с осужденными мусульманского вероисповедания играет исламское духовенство. Территориальные органы ФСИН России строят свои взаимоотношения с Духовными управлениями мусульман, как правило, на постоянной договорной основе. Наиболее тесное сотрудничество с мусульманскими священнослужителями организовано в республиках Татарстан и Калмыкия, Краснодарском крае, Астраханской, Московской, Оренбургской, Ростовской, Рязанской, Саратовской и Челябинской областях. По данным аналитических обзоров, составленных в Управлении социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России (2003–2007 гг.), наряду с проведением богослужений мусульманское духовенство выполняет задачи религиозного просвещения, а также оказывает исправительным учреждениям гуманитарную помощь.

Выше отмечалось, что в 2001 г. Министерство юстиции РФ заключило Соглашение о сотрудничестве с ФЕОР. В рамках этого Соглашения ФЕОР реализует программу поддержки осужденных иудейского вероисповедания. За счет средств Федерации организовано страхование их жизни и здоровья. Для них бесплатно оформляется подписка на журнал «Лехаим» и газету «Еврейское слово». К каждому религиозному празднику осужденные-иудеи получают посылки, включающие мацу (ритуальный пресный хлеб), духовную и художественную литературу и поздравление.

Накопленный опыт взаимодействия с религиозными организациями показал, что приобщение осужденных к вере благотворно отражается на их поведении и морально-психологическом климате в местах лишения свободы. Верующие осужденные, как правило, значительно реже остальных совершают преступления и нарушения порядка отбывания наказаний. В частности, результаты исследований, проведенных в учреждениях, где есть православные общины, свидетельствуют о том, что у воцерковленных осужденных уровень дисциплины в среднем вдвое выше, а количество

рецидивов преступлений в 2,6 раза ниже, чем у невоцерковленных (Зеленовская И. В. Указ. соч. С. 27 ; Положительный опыт сотрудничества учреждений ФСИН России с Русской Православной Церковью. С. 10–11).

Однако религия не всегда служит исправлению человека, преступившего закон. Пусть редко, но имеют место случаи, когда религиозная вера оказывается прикрытием для осуществления противоправных замыслов. В некоторых исправительных учреждениях проверки, проводимые администрацией, выявляют факты использования помещений церковью, часовен и молельных комнат для хранения запрещенных предметов. К сожалению, встречается и несознательное отношение к своим обязанностям со стороны духовенства, когда, например, священник, пользуясь возможностью общаться с осужденными наедине, сам передает им те или иные запрещенные предметы. По данным аналитических обзоров, составленных в Управлении социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России (2003–2007 гг.), в пенитенциарных учреждениях Северо-Кавказского региона неоднократно предпринимались попытки развернуть среди осужденных пропаганду религиозного экстремизма под предлогом распространения духовной литературы.

Оценивая вышеприведенные примеры, необходимо помнить мудрое изречение древних: «Злоупотребление при пользовании не отменяет самого пользования». Иными словами, отрицательный опыт должен служить поводом к исправлению допущенных ошибок, но отнюдь не к отказу от диалога с религиозными организациями.

В заключение следует рассмотреть как происходит реализация свободы совести в пенитенциарных учреждениях Владимирской области. Взаимодействие с православным духовенством осуществляется на основе подписанного в октябре 2005 г. Соглашения о сотрудничестве между УФСИН России по Владимирской области и Владимирской епархией Русской Православной Церкви Московского патриархата. Воцерковленные православные осужденные есть во всех исправительных учреждениях области; их насчитывается около 830 чел., или 6,5 % от среднесписочной численности осужденных. За каждым учреждением закреплен священник, который посещает своих подопечных, как правило, один раз в

неделю. Помещения, необходимые для совершения богослужений, оборудованы повсеместно, причем в большинстве случаев это отдельные храмовые здания. В общей сложности действует десять православных церквей, одна часовня и пять молельных комнат.

В шести исправительных учреждениях функционируют воскресные школы, из них три – очные и три – заочные. Очное обучение организовано в Судогодской воспитательной колонии (Судогодский р-н, с. Ликино), ИК-1 (Судогодский р-н, пос. Головино), ИК-5 (г. Владимир). Заочно осужденные обучаются в ИК-2 (Петушинский р-н, г. Покров), ИК-3 (г. Владимир), ИК-4 (г. Вязники). Всего в воскресных школах проходит обучение 113 чел.

Каждое исправительное учреждение располагает своей библиотекой православной литературы. В библиотеках собран вполне солидный фонд, суммарный объем которого составляет 17 тыс. экз. книг, журналов и другой печатной продукции. Наряду с духовной литературой осужденным доступен разнообразный аудио- и видеоматериал по основам православия, приобретенный на средства Общества милосердия в тюрьмах «Вера, Надежда, Любовь».

Данная благотворительная организация выступает также в роли спонсора областного конкурса православных общин в местах лишения свободы «Не числом, а смирением» (проводится в общероссийском масштабе с 2005 г.). Первый этап конкурса – отборочный – проходит на региональном уровне. Ежегодно конкурсная комиссия выбирает лучшую православную общину области, а представители Общества милосердия в тюрьмах «Вера, Надежда, Любовь» награждают победителей ценными подарками. Существенную помощь исправительным учреждениям оказывает и православный благотворительный фонд «Благо», который закупает стройматериалы, необходимые для сооружения храмов, и церковную утварь. Священники, закрепленные за местами лишения свободы, также участвуют в благотворительной деятельности, организуя в своих приходах сбор средств на покупку для осужденных продуктов питания, одежды и обуви.

В ИК-3 (г. Владимир) существует мусульманская община осужденных, состоящая из трех человек. Им предоставлены

возможности для ежедневного совершения молитвы и пользования исламской духовной литературой. В настоящее время в исправительных учреждениях Владимирской области отсутствуют группы, относящиеся к каким-либо другим конфессиям.

Практические результаты воцерковления осужденных заметны в первую очередь по уровню их дисциплины. По данным отдела воспитательной работы с осужденными УФСИН России по Владимирской области (2007 г.), с учетом оценок администрации, осужденные, приобщенные к религиозной жизни, как правило, не совершают злостных нарушений установленного порядка отбывания наказаний.

Таким образом, следует отметить, что сотрудничество с религиозными объединениями является одним из наиболее перспективных направлений в организации воспитательной работы в УИС, поскольку искренне принятая вера представляет собой тот внутренний механизм человеческой совести, который гораздо действеннее любого репрессивного давления извне. Эффективность духовного служения в местах лишения свободы нельзя определять только по формальным количественным признакам. Если для администрации особое значение имеют высокая дисциплина и предотвращение рецидивной преступности, то для Церкви – спасение души, поэтому важна судьба любого отдельно взятого человека, пришедшего к вере с помощью священнослужителя. Не случайно Евангелие от Луки доносит до нас слова Иисуса Христа о том, что «на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15, 7).

Библиографический список

1. Взаимодействие территориальных органов ФСИН России с Русской Православной Церковью : сб. материалов передового опыта. – М., 2008.
2. *Первозванский, В. Б.* Традиционные религии России: история и современность : учеб. пособие для занятий в системе служеб. подготовки / В. Б. Первозванский, М. П. Стурова, Е. М. Федорова. – М., 2007.
3. Положительный опыт сотрудничества учреждений ФСИН России с Русской Православной Церковью : аналит. обзор. – М., 2007.

А. А. Шамсунов,
*начальник Казанского филиала
ВЮИ ФСИН России*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРАВОВЫМ ОСНОВАМ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ФСИН РОССИИ

В настоящее время в научной и специальной литературе понятие «кадры» изучено достаточно, однако ученые не пришли к единому мнению относительно его содержания.

В русский язык слово «кадры» как заимствование из французского пришло в первой половине XIX в. и первоначально применялось лишь к постоянному штату воинских подразделений. Отсюда и такие понятия, как «кадровый военный», «кадровик» и т. п.

А. П. Коренев к кадрам относит лиц, занятых выработкой и организацией исполнения управленческих решений (Основы управления в органах внутренних дел : учебник / под ред. А. П. Коренева. М., 2000. С. 211). Другие авторы еще более сужают понятие кадров, сводя их только к должностным лицам (Колодкин И. М. Организационные и правовые основы работы с кадрами и органах внутренних дел. М., 1979 ; Туманов Г. А. Кадры в системе управления органов внутренних дел. М., 1973).

Относительно кадров органов и учреждений, исполняющих наказания, наиболее полным и содержательным, на наш взгляд, является определение Д. А. Брыкова. По его мнению, кадры уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) – это совокупность граждан Российской Федерации, заключивших контракт с учреждением УИС, имеющих специальные звания рядового и начальствующего состава, выполняющих производственные или управленческие операции и обладающие качественными характеристиками, необходимыми для достижения целей органа УИС (Брыков Д. А. Организация работы с кадрами уголовно-исполнительной системы : дис. ... канд. юрид. наук. М. ; Рязань, 2005. С. 34).

Раскрывая суть понятия кадрового обеспечения, необходимо отметить, что оно заимствовано из теории науки управления персоналом. Кадровое обеспечение представляет собой комплекс действий, направленных на поиск, оценку и установление заранее предусмотренных отношений с ра-

бочей силой как в самой компании для дальнейшего продвижения по карьерной лестнице, так и вне ее пределов для нового наема временных или постоянных рабочих. По окончании контрактных договоров или в случае несоответствия требованиям компании функции кадрового обеспечения также включают в себя увольнение (Адекватность системы образования: Энциклопедия профессионального образования / под ред. С. Я. Батышева. М., 1998. Т. 1. С. 21).

В свою очередь, кадровая политика УИС – это система принципов, целей и задач, методов и направлений совершенствования кадрового обеспечения органов и учреждений УИС (Организация управления в уголовно-исполнительной системе : учебник / под общ. ред. Ю. Я. Чайки ; науч. ред. В. М. Анисимков, Б. Б. Казак, Н. П. Барабанов. Рязань, 2002. Т. 2: Особенная часть. С. 334).

Для определения правовых основ кадрового обеспечения УИС, используя концептуальный подход, необходимо выявить соотношение понятийных аппаратов государственной службы и кадров УИС. Для этого следует воспользоваться толкованием понятия «кадры» в широком и узком смысле.

Понятие «кадры органов внутренних дел» в широком смысле охватывает их следующие основные характеристики:

1. Это лица, постоянно или временно выполняющие определенные трудовые функции в органах внутренних дел (их подразделениях, учреждениях, на предприятиях).

2. Данные функции выполняются ими в качестве основной профессии или специальности.

3. Осуществление указанных функций происходит возмездно. Интеграция названных признаков позволяет дать следующее определение: к кадрам органов внутренних дел (в широком смысле) относятся лица, которые постоянно или временно в качестве основной профессии или специальности и на возмездной основе выполняют определенные трудовые функции в органах, учреждениях, предприятиях системы МВД России (Основы управления в органах внутренних дел. С. 126).

При рассмотрении понятия «кадры» в узком смысле фактически происходило его смыкание с административно-правовым понятием государственной службы, и охватывается названным правовым институтом. По-

скольку под государственной службой ранее подразумевалась не любая работа в государственном органе, учреждении или на предприятии, а только та, которая непосредственно или косвенно связана с реализацией государственно-властных полномочий, постольку в административно-правовом смысле под понятием «кадры органов государственной власти и управления» не имелся в виду весь вспомогательный и технический персонал (Туманов Г. А. Указ. соч. С. 47). Однако постепенно в понятие «кадры» стала входить и эта категория работников. Первую попытку проанализировать сложившуюся ситуацию сделал Г. М. Мякишев в своей работе, посвященной теории работы с кадрами: «из специальной и публицистической литературы можно понять, что существуют рабочие и руководящие кадры, кадры органов власти и управления, профсоюзные, хозяйственные, научные, педагогические, медицинские, военные, милицейские и т. д. Все это наводит на мысль, что кадры представляют собой какую-то часть населения. Какую? Во-первых, способную по своим физическим, психофизиологическим и возрастным данным к участию в трудовом процессе. Во-вторых, способную к конкретному, требующему специального обучения виду труда, т. е. квалифицированному. В-третьих, состоящую в трудовых правоотношениях с государственными, общественными, кооперативными, акционерными и другими предприятиями, учреждениями и организациями.

Таким образом, кадры есть и социально-экономическая, и организационно-правовая категория. Она включает в себя совокупность трудоспособных и профессионально подготовленных физических лиц, состоящих в трудовых правоотношениях с организационными системами (социальными организациями). Кадры органов внутренних дел составляют служащие, имеющие специальные звания, рабочие и служащие (работники органов внутренних дел)» (Мякишев Г. М. Правовое регулирование службы в ОВД России: опыт, проблемы, суждения // Материалы расширенного заседания ученого совета, посвященного 20-летию Академии. М., 1995. С. 72–80).

С другой стороны, служба в государственных органах, государственных и общественных организациях является одним из видов социальной деятельности людей. Служба

государству неразрывно связана с самим государством, его ролью в жизни общества. Это одна из сторон деятельности государства по организации и правовому регулированию личного состава государственных органов, других государственных организаций. Государственная служба, прежде всего служение государству, т. е. выполнение по его поручению за плату от него определенной деятельности по реализации задач и функций государства в государственных предприятиях. Федеральный закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы в Российской Федерации», который в настоящее время утратил силу, рассматривал государственную службу в более узком смысле, как деятельность тех служащих, которые составляют «аппарат», корпус руководителей, специалистов государственных органов. Такое определение государственной службы позволяет отграничить государственно-управленческую деятельность от деятельности специалистов в народном хозяйстве и социально-культурной сфере, а также развести государственную службу и другие виды службы. Специфика деятельности служащего в государственных органах состоит в том, что он не создает непосредственно материальных ценностей, но обеспечивает условия для материального производства, у него особый предмет труда, информация, являющаяся также средством воздействия, которую он собирает, обрабатывает, хранит, создает. Он воздействует на людей, обслуживает их, делает это возмездно, т. е. за определенное вознаграждение, и занимает должность (имеет собственный статус).

В полной мере все вышеперечисленные признаки можно применить к сотрудникам УИС, которые в соответствии с действующим законодательством являются государственными служащими. Личный состав исправительных учреждений не создает материальных ценностей, он осуществляет воздействие на людей, имеющих определенное правовое положение (осужденных), получает за это денежное содержание и занимает должность, определенную штатным расписанием, установленную вышестоящим субъектом управления.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (СЗ РФ. 2003. № 22, ст. 2063) право-

охранительная служба вместе с государственной гражданской службой и военной службой является одним из видов государственной службы. Согласно ст. 7 названного Закона правоохранительная служба определяется как вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, борьбе с преступностью, защите прав и свобод человека и гражданина. Этим гражданам присваиваются специальные звания и классные чины. Таким образом, сотрудник учреждения, исполняющего наказания, становится сотрудником правоохранительной службы (после введения в действие ст. 7 данного Закона). Поскольку правоохранительная служба является видом федеральной государственной службы, следовательно, к нему должны применяться определение федерального государственного служащего и соблюдаться остальные нормы, регулирующие их деятельность.

С нашей точки зрения, действующая нормативная база, регулирующая кадровое обеспечение УИС, должна быть пересмотрена на основе концептуального подхода в части принципов формирования кадрового состава (в связи с этим необходимо принятие Федерального закона «О правоохранительной службе Российской Федерации»). Так, ст. 3 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» содержит основные принципы построения и функционирования системы государственной службы, основными из которых являются:

- федерализм, обеспечивающий единство системы государственной службы и соблюдение конституционного разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации (далее: государственные органы);

- законность;

- приоритет прав и свобод человека и гражданина, их непосредственное действие, обязательность их признания, соблюдения и защиты;

- равный доступ граждан к государственной службе;

- единство правовых и организационных основ государственной службы, предполагающее законодательное закрепление единого подхода к организации государственной службы;

- взаимосвязь государственной и муниципальной службы;

- открытость государственной службы и ее доступность общественному контролю, объективное информирование общества о деятельности государственных служащих;

- профессионализм и компетентность государственных служащих;

- защита государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность как государственных органов и должностных лиц, так и физических и юридических лиц.

Формирование кадрового состава государственной службы регулируется ст. 11 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации»:

1. Формирование кадрового состава государственной службы обеспечивается:

- созданием федерального кадрового резерва, кадрового резерва в федеральном государственном органе, кадрового резерва субъекта Российской Федерации, кадрового резерва в государственном органе субъекта Российской Федерации для замещения должностей государственной службы, а также эффективным использованием указанных кадровых резервов;

- развитием профессиональных качеств государственных служащих;

- оценкой результатов профессиональной служебной деятельности государственных служащих в ходе проведения аттестации или сдачи квалификационного экзамена;

- созданием возможностей для должностного (служебного) роста государственных служащих;

- использованием современных кадровых технологий;

- применением образовательных программ, федеральных государственных образовательных стандартов и федеральных государственных требований (в ред. Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта (Рос газ. 2007. 5 дек.).

2. Федеральными законами о видах государственной службы и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации устанавливаются порядок поступления на государственную службу и замещения вакантных должностей государственной службы на конкурсной основе, условия формирования конкурсных комиссий, правила опубликования информации о конкурсах в средствах массовой информации, а также предусматривается другой порядок поступления на государственную службу и замещения вакантных должностей государственной службы.

3. Подготовка граждан для прохождения государственной службы осуществляется в формах, установленных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

4. Переподготовка, повышение квалификации и стажировка государственных служащих осуществляются в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Если вопросы, касающиеся государственной гражданской службы и военной службы детально разработаны, то по правоохранительной службе законопроект, регулирующий правоотношения при поступлении граждан Российской Федерации на правоохранительную службу и ее прохождении на должностях правоохранительной службы в федеральных органах государственной власти, несмотря на то, что уже прошло шесть лет после принятия Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации», не вступил в законную силу.

Детальный анализ показывает, что оба закона содержат идентичные принципы построения и функционирования системы государственной службы в целом, а следовательно, и УИС, в частности. Отдельная глава законопроекта посвящена должностям правоохранительной службы. В ней указанные должности классифицированы по категориям и группам, а также определены общие квалификационные требования к этим должностям. Авторы законопроекта предлагают ввести две категории должностей: «руководители» и «правоохранители». Кроме того, должности правоохранительной службы, исходя из соответствующих им специальных званий, нужно

подразделять на пять групп: должности высшего начальствующего состава, старшего начальствующего состава, среднего начальствующего состава, младшего начальствующего состава и рядового состава правоохранительной службы.

Все должности правоохранительной службы подлежат включению в соответствующие перечни должностей правоохранительной службы. В целях регламентации правового положения (статуса) служащего вводится понятие «служащий» и устанавливаются основные права и обязанности служащих, а также ограничения и запреты, связанные с правоохранительной службой, требования к служебному поведению служащих.

В целях компенсации вводимых запретов и ограничений, а также в целях обеспечения исполнения служащим его должностных обязанностей законопроектом предлагается ввести (сохранить) нормы, в соответствии с которыми служащему и членам его семьи предоставляются дополнительные государственные гарантии, устанавливаемые в зависимости от функциональной нагрузки по непосредственному пресечению правонарушений и расследованию преступлений. В случае выполнения задач по непосредственному пресечению правонарушений с риском для жизни и здоровья, по локализации вооруженных конфликтов, а также в случае участия в контртеррористических операциях законопроектом предлагается установить для служащих государственные гарантии, предусмотренные для военнослужащих.

Устанавливается обязательность служебных отношений на контрактной основе, конкурсный порядок отбора кандидатур на замещение отдельных должностей, возможность ротации ряда руководителей по истечении шести лет пребывания в замещаемой должности, порядок урегулирования конфликта интересов, антикоррупционные и другие правовые механизмы, основанные на Концепции реформирования системы государственной службы Российской Федерации.

Вводится такое понятие, как «контракт», определяются стороны, содержание, формы и сроки действия контракта, а также порядок его заключения; детально регламентируются вопросы испытания при поступлении на правоохранительную службу, перевода на другую должность правоохранительной службы

или изменения существенных условий контракта с согласия служащего. Законопроектом устанавливаются исчерпывающий перечень оснований для прекращения контракта либо его расторжения; должностной регламент. В соответствии с последним осуществляется профессиональная служебная деятельность служащего, им должны определяться должностные обязанности, права и другие характеристики служебной деятельности служащего.

Разработчики законопроекта предлагают законодательно закрепить общепринятые для этого вида государственной службы положения, касающиеся единоначалия и субординации при прохождении службы, единства организации прохождения службы, обязательного профессионального отбора при поступлении на службу. При этом положениями законопроекта регулируются исключительно вопросы правоохранительной службы и не затрагиваются особенности деятельности правоохранительных органов, определяемые отдельными федеральными законами (такие как процессуальная самостоятельность, порядок применения оружия и специальных средств и т. д.).

Реализация определенных законопроектом принципов и приоритетных направлений формирования кадрового состава правоохранительной службы должна обеспечить решение задач, связанных с обновлением и ротацией кадрового состава.

Совершенствованию профессиональных качеств служащих должны содействовать нормы законопроекта, касающиеся профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации и стажировки служащих.

Отдельной главой законопроекта должны регулироваться вопросы рассмотрения индивидуальных служебных споров. Необходимо поэтапно устанавливать единый порядок предоставления служащим гарантий, имеющих в настоящее время в разных правоохранительных органах различное содержание. Льготы и гарантии для служащих, предлагаемые к введению законопроектом, соответствуют законодательству Российской Федерации.

Принятие Федерального закона «О правоохранительной службе Российской Федерации» позволит повысить эффективность профессиональной служебной деятельности служащих, что будет содействовать также более эффективной работе органов и учреждений, исполняющих наказа-

ния, и обеспечению при этом законных прав и интересов граждан.

В связи с длительным рассмотрением законопроекта о правоохранительной службе, а также разработкой новой Концепции по кадровой политике УИС многие положения Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» нашли свое отражение в Концепции развития кадрового обеспечения Федеральной службы исполнения наказаний на период 2009–2011 годы.

Сложность создания эффективного института кадрового обеспечения органов и учреждений УИС состоит в том, что кадровые изменения происходят постоянно, и проведение стратегических преобразований невозможно без анализа кадрового состава службы. Управление кадров ГУФСИН по Республике Татарстан регулярно проводит статистические наблюдения, результаты которых позволяют выявить тенденции развития кадровой ситуации, определить необходимость проведения тех или иных мероприятий. Система работы с кадрами является одной из основных задач реформирования УИС.

Нельзя оценивать состояние кадров УИС, его качество на основе только формализованных показателей (возраст, образование, стаж работы, пол). Необходимо соотносить эти качества с назначением кадров в реализации компетенции и полномочий органов и учреждений УИС, выявлять способность работников эффективно выполнять возложенные на них функции, права и обязанности. Следовательно, когда речь идет о формировании кадрового состава УИС, имеется в виду прежде всего прием на службу, профессиональное развитие, карьерный рост, обновление кадрового состава органов и учреждений, исполняющих наказание.

В Республике Татарстан сложилась эффективная система обучения и профессионального развития кадров УИС; благодаря целенаправленной политике по обучению персонала удалось сделать кадровый состав наиболее адекватным современным условиям. Однако постоянное вливание новых сотрудников, которые формально соответствуют профессионально-квалификационным требованиям, но, как правило, не имеют достаточного опыта работы именно в системе, снижает успешность этой работы. Именно

новые сотрудники в первую очередь нуждаются в повышении квалификации и профессиональной переподготовке по новому направлению деятельности.

Необходимо отметить, что в настоящее время на недостаточном уровне задействован такой механизм эффективного подбора и расстановки кадров, как формирование кадрового резерва для замещения вакантных должностей на конкурсной основе.

Реформированию кадрового обеспечения мешает несовершенство реализации механизма карьерного продвижения, субъективизм в оценке персонала, неразвитость административной культуры некоторых руководителей. В решении данных вопросов, безусловно, необходим высокий уровень научного управления со стороны всех субъектов кадровой работы.

В свете требований концептуального подхода к правовым основам кадрового обеспечения следует включить организацию контроля на соответствие квалификационным требованиям по вакантной должности, в том числе с участием независимых экспертов. Также требует своего практиче-

ского внедрения такой действенный новый механизм совершенствования кадрового обеспечения, как проведение конкурсов на замещение вакантных должностей. При этом в состав конкурсной (аттестационной) комиссии обязательно должны включаться представители научных и образовательных учреждений, других правоохранительных органов, представители общественности. Деятельность этих комиссий имеет важное значение для кадровой политики в сфере правоохранительной службы в органах и учреждениях, исполняющих наказание.

Библиографический список

1. *Брыков, Д. А.* Организация работы с кадрами уголовно-исполнительной системы : дис. ... канд. юрид. наук. – М. ; Рязань, 2005.
2. Организация управления в уголовно-исполнительной системе : учебник. В 3 т. Т. 2: Особенная часть / под общ. ред. Ю. Я. Чайки ; науч. ред. В. М. Анисимков, Б. Б. Казак, Н. П. Барабанов. – Рязань, 2002.
3. Основы управления в органах внутренних дел : учебник / под ред. А. П. Коренева. – М., 2000.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

М. М. Абрекова,
*преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Черкесского филиала Московского
открытого социального университета*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

Государство и право находятся в неразрывном единстве, которое в известном смысле имеет органический характер. Как отмечает Н. Неновски, «государство и право, возникающие одновременно и в единстве, существуют и функционируют одновременно и в единстве» (Неновски Н. Единство и взаимодействие государства и права. М., 1982. С. 30). Принимая во внимание данное высказывание, можно утверждать, что в большей степени правовая формализация свойственна структурной организации государства и осуществляемой им деятельности, т. е. его механизму и функциям. «Любое направление деятельности государства, — отмечает В. В. Оксамытный, — прежде всего законодательно закрепляется. Появляющиеся в результате этого нормативные правовые акты создают основу той или иной функции государства» (Оксамытный В. В. Теория государства и права. М., 2004. С. 235).

Таким образом, правовые основы реализации функций государства отражают связь государства и права, обязанность государства действовать на основе права, в рамках закона. Кроме того, правовые основы указывают и закрепляют как государственные органы и должностные лица должны работать, какие юридические действия совершать (Бухтерева М. А. Формы реализации функций государства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 38–39).

В этой связи юридические основы функционирования государства выступают неотъемлемым элементом механизма реализации функций современного демократического государства.

Стоит отметить, что правовые основы реализации функций государства следует отграничивать от правовых форм их реализации. Последние представляют собой виды юридической деятельности государства и его органов (Самощенко И. С. Правовые формы осуществления функций Советского государства // О научном единстве проблем общей теории права и трудового права : тр. ВЮЗИ. М., 1978. Т. 56. С. 23 ; Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 1995. С. 61). *Правовые основы реализации функций государства представляют собой совокупность нормативно-правовых актов, регламентирующих государственное воздействие на общественные отношения.*

Важнейшее место в системе нормативно-правовых актов, регламентирующих реализацию системы функций современного Российского государства, занимает Конституция РФ. Именно в ней закреплены основы правовой регламентации таких сфер общественной жизни, как: политическая, экономическая, социальная, экологическая, духовно-культурная и др. В юридической науке высказывается мысль о том, что одним из признаков основных функций государства выступает их закрепление в Конституции (Основном законе) государства (Сим А. В. Функция охраны прав и свобод личности в современном российском государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 11).

Данная мысль конструктивна, поскольку конституционное закрепление основ функционирования государства придает деятельности государства, как было отмечено ранее, легальный, законный характер. Однако практика реализации этого положения применительно к российской конституционно-правовой действительности весьма противоречива.

Соглашаясь в целом с мнением А. В. Сим, следует, однако, учесть, что не все основные функции современного Российского

государства находят правовую регламентацию в тексте Конституции РФ. Напротив, некоторые из них практически противоречат смыслу отдельных конституционных положений. Именно к такому выводу приходили при анализе ч. 2 ст. 13 Конституции РФ, в которой содержится запрет на государственную или обязательную идеологию. Получается, что государство не имеет права осуществлять идеологическую функцию. Однако утвердительный ответ в данном случае выглядит, по меньшей мере, недоразумением. По справедливому мнению С. В. Бабаева, «государственная идеология существует во всяком обществе, где есть государство и никакие законодательные предписания, даже Конституция, этого положения не изменят. Они могут только ввести общество в заблуждение» (Бабаев С. В. Теория функций современного российского государства : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 86).

Наряду с Конституцией РФ, выполняющей учредительную и объединяющую роль в регламентации функционирования государства, каждая функция имеет в качестве правового фундамента совокупность отраслевых нормативно-правовых актов, прежде всего законов.

В иерархии источников отечественного права закон занимает важнейшее после конституции место. Верховенство закона прежде всего означает то, что главные, ключевые вопросы, основополагающие общественные отношения во всех сферах общественной жизни, не урегулированные конституцией, регулируются не просто правовыми актами, а именно законами (Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 180).

Среди законов, в совокупности образующих нормативную основу реализации функций государства, целесообразно различать те, которые закрепляют:

а) содержание (цели, задачи, принципы, дефиниции, предмет правового регулирования, субъекты регулирования и др.) той или иной функции государства;

б) компетенцию и структурную организацию органов государства – субъектов реализации функций государства.

Подобное деление имеет условное значение, поскольку нередко элементы одной группы законов проникают в другую.

Во главе с Конституцией РФ система федеральных законов выполняет общую направляющую роль в реализации функций государства. Закон содержит первичные юридические нормы, т. е. нормы, которых раньше в правовой системе не было и которые предназначены для регулирования ключевых вопросов жизни страны по всем важнейшим политическим, экономическим и социальным вопросам. В этом смысле юридическое регулирование по данным вопросам начинается с закона (Червонюк В. И. Теория государства и права. М., 2006. С. 262).

Как правило, в законах определяются предметы функционирования государства, компетенция субъектов осуществления той или иной функции, система принципов, методов и средств их осуществления. Иногда в законах формулируется цель государственно-правового воздействия на ту или иную группу общественных отношений.

Если Конституция РФ и федеральные законы выполняют роль главного звена в правовой основе функционирования государства, то подзаконные акты направлены на детализацию и конкретизацию общих установлений и принципов закона. Подзаконные акты детализируют закон в случаях, когда без такой конкретизации процесс его применения затруднен или невозможен (Кутафин О. Е. Указ. соч. С. 193–194).

Важнейшее место в системе подзаконных актов занимают указы Президента РФ. Он является активным участником процесса создания системы законодательства (Дмитриева Л. И. Участие Президента Российской Федерации в законодательном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 3). В этой связи правовые акты, издаваемые главой государства, выполняют важную роль в механизме реализации функций государства, в механизме правового регулирования, являясь важным источником российского права и занимая особое место в системе нормативно-правовых актов. Указы Президента РФ выступают юридической формой осуществления этим институтом власти своей компетенции и выполняют роль промежуточного, связующего звена между законами и актами федеральных органов исполнительной власти (Марченко М. Н. Источники права. М., 2005. С. 207).

Стоит иметь в виду, что в случае отсутствия закона, необходимого для урегулирования общественных отношений, Президент РФ вправе издать указ до принятия соответствующего федерального закона. В соответствии со ст. 80 Основного закона Президент РФ является гарантом Конституции РФ и обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти. В силу этого не противоречит Конституции РФ издание им указов, восполняющих пробелы в правовом регулировании по вопросам, требующим законодательного решения, при условии, что такие указы не противоречат Конституции РФ и федеральным законам, а их действие во времени ограничивается периодом до принятия соответствующих законодательных актов (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 30 апреля 1996 г. № 11-П; от 9 января 1998 г. № 1-П; от 27 января 1999 г. № 2-П).

Однако данное право главы государства не стоит возводить в абсолют. В отечественной конституционно-правовой науке справедливо обращается внимание на весьма острую проблему вытеснения закона указным правом.

Сфера указного регулирования весьма широка. В действующем законодательстве пока еще не обозначены границы указного регулирования, за исключением двух случаев (введение военного и чрезвычайного положения), предусматривающих издание главой государства нормативных указов.

При этом следует помнить, что указы — это не единственная форма реализации компетенции Президента РФ в сфере функционирования государства. Особую и пока еще не разработанную с научной точки зрения роль в содержании правовых основ функционирования государства выполняют ежегодные послания главы государства парламентариям. В специальной литературе справедливо отмечается, что такого рода послания выполняют важную социально-политическую роль, однако их нормативная природа до сих пор остается не выясненной. В учебниках по конституционному праву довольно редко упоминается о таком источнике конституционного права. Но, даже если признать ненормативный харак-

тер данных посланий, не стоит отрицать их важного политико-ориентирующего значения в системе функционирования государства. В данных документах президентом страны определяются главные и ближайшие цели и задачи развития государства и общества, имеющие самое непосредственное отношение к системе выполняемых государством функций.

Содержание ежегодных посланий Президента РФ служит ориентиром для деятельности органов всех ветвей власти. Нередко обозначенные главой государства вопросы находят дальнейшее законодательное или подзаконное регулирование. В этом смысле содержание ежегодных посланий в известной степени выступает предпосылкой создания законов и иных нормативно-правовых актов. На наш взгляд, заслуживает поддержки точка зрения О. В. Марусиной, которая считает, что вопросы правового режима названного документа, включающие срок направления послания, его структуру, способы и порядок реагирования на него Федерального Собрания могли бы найти отражение в федеральном конституционном законе, определяющем статус Президента РФ (Марусина О. В. Полномочия Президента Российской Федерации в осуществлении внешних функций государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 16).

Практически нет такого участка государственной деятельности, который бы регулировался исключительно на основе Конституции РФ, федеральных законов и указов Президента РФ и обходился бы без актов федеральных органов исполнительной власти. Применительно к функциям государства подобную ситуацию трудно представить. Безусловно, перечисленные выше нормативно-правовые акты с учетом их иерархических характеристик выполняют важнейшее значение. Однако на самом обыденном, повседневном уровне функционирования государства значительный объем в правовом регулировании выполняют акты различных федеральных и региональных органов исполнительной власти (постановления, приказы, инструкции и т. п.).

Вместе с тем не стоит забывать о том, что общество и отдельно взятая личность

как непосредственные адресаты осуществляемой государством политики реализуют свои интересы, приобретают те или иные блага, как правило, на основе актов исполнительно-распорядительного характера. Не случайно в правовой литературе в качестве признака подзаконных актов рассматривается их способность быстрее реагировать на потребности общественного развития (Радько Т. Н. Теория государства и права. М., 2004. С. 216). Стоит учесть, что нормы закона нередко весьма абстрактны, в связи с чем вторичное (подзаконное регулирование) позволяет органам, в чьем ведении находится исполнение того или иного закона, издавать нормы, конкретизирующие общие положения закона. При этом сфера регулирования подзаконными актами может быть не меньше, а, наоборот, шире сферы регулирования законом, так как они более глубоко проникают в деятельность различных субъектов правоотношений (Радько Т. Н. Указ. соч. С. 216).

Отметим, что в системе функций государства есть такие направления деятельности, нормативная регламентация которых осуществляется преимущественно на уровне первичного (законодательного) регулирования и практически исключает подзаконную регламентацию. К числу таких направлений, на наш взгляд, относится политическая функция. Нам представляется, что основным ее компонентом выступает обеспечение политического равновесия, поддержание в нормальном состоянии политической системы общества.

В этой связи роль исполнительной власти и издаваемых ее органами актов заметно снижается. Данное обстоятельство объясняется тем, что исполнительная власть по своей природе и социальному назначению в меньшей мере (по крайней мере «де-юре») является субъектом формирования политики. Косвенным подтверждением этого можно считать существующие ограничения в объеме политических прав для представителей чиновничьего аппарата. Так, например, в милиции не допускается образования политических партий и их организаций, а следовательно, и реализация их деятельности. Сотрудники милиции не могут быть огра-

ничены в своей служебной деятельности решениями политических партий и общественных объединений, преследующих политические цели.

В целом, подводя итоги, можно сделать вывод о том, что в системе нормативно-правовых актов, образующих правовую основу реализации функций государства, следует различать акты трех уровней:

Первый уровень – Конституция РФ, федеральные конституционные и федеральные законы, некоторые указы Президента РФ (имеются в виду только те указы, которые направлены на временное восполнение пробелов в законодательном регулировании. Иные указы главы государства следует рассматривать в рамках второго уровня), выполняющие роль первичного регулятора.

Второй уровень – совокупность актов, издаваемых федеральными органами исполнительной власти. На данном уровне осуществляется подзаконное, вторичное регулирование.

Третий уровень – законодательство субъектов (законы и подзаконные акты субъектов РФ), которое является продолжением первого и второго уровней.

Кроме того, в системе нормативно-правовых актов, составляющих в совокупности правовые основы системы функций государства, следует выделять акты, закрепляющие:

а) содержание (цели, задачи, принципы, дефиниции, предмет правового регулирования, субъекты регулирования и др.) функций государства.

б) компетенцию и структурную организацию органов государства, участвующих в выполнении функций государства.

Библиографический список

1. *Кутафин, О. Е.* Предмет конституционного права / О. Е. Кутафин. – М., 2001.
2. *Марченко, М. Н.* Источники права / М. Н. Марченко. – М., 2005.
3. *Неновски, Н.* Единство и взаимодействие государства и права / Н. Неновски. – М., 1982.
4. *Оксамытный, В. В.* Теория государства и права / В. В. Оксамытный. – М., 2004.
5. *Радько, Т. Н.* Теория государства и права / Т. Н. Радько. – М., 2004.

Н. М. Амелин,
*старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
юридического факультета
Владимирского государственного
гуманитарного университета
кандидат юридических наук*

**СИСТЕМНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРАВА,
ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ
КАК ПРЕДМЕТ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Системные взаимосвязи права, государства и церкви всегда интересовали ученых, занимающихся исследованием общественных явлений.

Некоторые мыслители прошлого считали, что взаимоотношения между субъектами гражданского общества, осуществляемые в рамках строгого права на основе различных договоров, и есть субъектно-субъектные информационные отношения структур государства, церкви и общества, формальность которых строго определена. При этом данная «строгость» делает субъектов общества не только субъектами строгого, формализованного, права, но и права естественного, выходящего в той или иной мере за пределы системы строгого права на просторы религиозных воззрений. Государство вынуждено в лице законодателей фиксировать этот выход в позитивном законодательстве, чтобы в обществе не возникла ситуация, при которой право утратило бы субъекты, ставшие на религиозные позиции. Именно государственно-властные ограничения делают право и государство восприимчивыми к новациям гражданского общества и его инициативам. В силу своего господства, следуя за правом, постоянно развивается и радикализуется информация.

Существо запретов государства в рамках строгого права, по большому счету, ориентировано на сохранение целостности общества, чтобы церковь, действуя в собственных эгоистических интересах, не привела бы общество к разгулу крайностей (запреты, изгнания, инквизиция и т. п.).

Всякая информационно-правовая политика в поддержку той или иной церкви в гражданском обществе есть просто обновленная

и/или новая религиозная политика. В этом смысле пространство информационного общества есть пространство и правового государства, и одновременно – религиозная среда со всеми их структурами власти и юридическими определенностями в информационном пространстве. В единстве противоположений правовое и религиозное образуют актуальные взаимодействующие сферы информационного общества. Нередко они противостоят, сдерживая использование потенциала данного общества, в котором потенциальное представлено в качестве пространства общества человеческого.

Существуют альтернативы возможных переходов жизненно актуального содержания указанных сфер в зависимости от того, насколько правовое государство и гражданское общество способны обеспечить превращение церкви как потенциального субъекта информационного гражданского общества в актуальный субъект, с которым необходимо считаться. Для теории права принципиально важным является следующее обстоятельство: поскольку правовое государство и информационное общество в рамках совместных мероприятий с церковью обеспечивают переход потенциальных возможностей субъектов общества и права в актуальные и реальные отношения, например, по преодолению бедности, постольку сфера актуального снимается в пространстве общества человеческого. В случае, если правовое государство и общество не в состоянии обеспечить этого, их актуальность, информационность и действительность ставятся под большой вопрос. Падение престижа и авторитета права и государства в данном случае неминуемо.

Борясь с бедностью, государство и частные лица, гражданское общество и церковь не должны избегать благотворительности, но при этом усилия общества и государства должны быть направлены на то, чтобы сделать, как сказал Г. В. Ф. Гегель, «субъективную помощь менее необходимой». «Гражданское общество обязано содержать индивидов», но «оно имеет также право заставлять их заботиться о средствах к существованию». Вместе с тем государство и церковь должны помогать беднякам в их «непосредственной нужде», одновременно борясь «с их нежеланием работать». По

мнению Г. В. Ф. Гегеля, «состояние общества следует признать тем совершеннее, чем менее индивиду приходится делать для себя согласно своему особому мнению по сравнению с тем, что выполняется путем всеобщих мероприятий» (Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. Разд. 1: Собственность). Усилия государства, церкви и общества в деле «предотвращения образования черни», т. е. социального слоя бедных, должны быть объединены (Там же). Только в этом случае можно рассчитывать на положительный результат в демократизации общества.

Вместе с тем формулирование одной из основных проблем информационного общества – проблемы бедности свидетельствует о бедности самой формулировки в силу неразвитости тех условий, которые имел перед собой Г. В. Ф. Гегель. Когда же формулировка проблемы бедности переросла в формулировку проблемы безработицы – суть превращения потенциальных субъектов гражданского общества в актуальных, то граждане получили в некоторой перспективе возможность говорить о безработице и проблеме бедности вообще. И все же в основополагающих моментах последующая практика решения данного информационного вопроса гражданского общества показала, что ничего принципиально нового, кроме того, что присутствует у Г. В. Ф. Гегеля, она не содержит ни в отношении права, ни государства, ни церкви.

Если говорить о современном информационном обществе, то в отношении такого его потенциального субъекта, как церковь, строгое государственное право все более утрачивает безразличие к ее особенности в качестве субъекта гражданского общества. Существенным здесь является необходимость превращения человека и церкви в субъекты такого права с учетом особенностей положения каждого из них в обществе.

Государство и информационное общество все более озабочены ростом знаний, навыков и умений потенциальных субъектов, преобладанием деятельного, а по существу, родового, начала в человеке. Существуют формы, в которых право, общество и государство создают реальные ресурсы жизнеобеспечения, организуют их использование, а также определяют характер и формы

данного использования, поскольку в информационном обществе не каждый гражданин в состоянии работать в соответствии с требованиями рынка. В этом случае призывается на помощь государство. Оно должно создать в высшей степени равные стартовые условия для всех обделенных и незащищенных. Социальная справедливость и солидарность являются неперенными предпосылками общественного консенсуса. Не расходовать свои силы на классовую борьбу, а создавать по возможности высшую гармонию на базе дискуссий и компромиссов – вот к чему должно стремиться информационное общество.

В этом смысле потенциальные субъекты информационного общества (государство, церковь, человек), казалось бы, попадают в одностороннюю зависимость как от состояния общества, так и благотворительности частных лиц и всех субъектов гражданского общества, поскольку данные общественные отношения не являются сделкой, а подчиняются закону, как предписанию, освещающему в определенном смысле систему отношений зависимости. Так, гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой. По просьбам религиозных организаций решением Президента РФ священнослужителям в соответствии с законодательством России о воинской обязанности и военной службе в мирное время могут предоставляться отсрочка от призыва на военную службу и освобождение от военных сборов. Согласно п. 5 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (далее: ФЗ «О свободе совести») никто не обязан сообщать о своем отношении к религии и не может подвергаться принуждению при определении своего отношения к религии, исповеданию или отказу от исповедания религии, участию или неучастию в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях, в деятельности религиозных объединений, обучении религии. Запрещается вовлечение малолетних в религиозные объединения, а также обучение малолетних религии вопреки их воле и без согласия их родителей

или лиц, их заменяющих (Собр. законодательства РФ. 1997. № 39, ст. 4465). Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе сопряженное с насилием над личностью, с умышленным оскорблением чувств граждан в связи с их отношением к религии, с пропагандой религиозного превосходства, с уничтожением или с повреждением имущества либо с угрозой совершения таких действий, запрещается и преследуется в соответствии с федеральным законом. Проведение публичных мероприятий, размещение текстов и изображений, оскорбляющих религиозные чувства граждан, вблизи объектов религиозного почитания запрещаются (п. 6 ст. 3 ФЗ «О свободе совести»). Тайна исповеди охраняется законом. Священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди (п. 7 ст. 3 ФЗ «О свободе совести»).

Вопросы религиозной принадлежности и членства в религиозной организации относятся к внутренним установлениям религиозных организаций и регулируются не указанным Законом, а каноническими установлениями той или иной церкви. Так, несовершеннолетний может быть членом религиозной организации, если это предусмотрено ее канонами. ФЗ «О свободе совести» для религиозных организаций введены понятия «учредители» и «участники», а также установлены предъявляемые к ним требования. Кроме того, в соответствии с требованиями п. 2 ст. 10 данного Закона в уставе религиозной организации должен указываться порядок ее создания и формирования руководящих органов, которые по смыслу Закона образуются из числа участников религиозной организации. Исходя из этого полагаем, что механизм и процедура оформления участия граждан в деятельности религиозной организации должны быть также отражены в ее уставе. Как образно выразился в свое время И. А. Ильин: «Народ творит, государство правит, церковь учит. Государство есть оборона и независимость церкви, а церковь есть духовник и ангел-хранитель христианского государства» (Цит. по: Миронов А. В., Бабинов Ю. А. Основы религиоведения. Государственно-церковные отношения. М., 1998).

На информационном поле общества происходит освоение и правовое использование исторического опыта и научных достижений всех предыдущих этапов. Прежде всего, это необходимо для определения взаимосвязей права, информационного общества, государства и церкви с развитыми экономическими, культурными, социально-правовыми и политическими отношениями между гражданами независимо от типа государства. В этом случае возникает вопрос об информационном обществе граждан, имеющих высокий правовой, социальный, экономический и моральный статус, формирующих при совместном участии государства и церкви развитые правовые устремления и правоотношения, которые позволяют назвать общество не только гражданским, но и информационно-правовым.

Методологическая суть исследования реальности информационно-правового общества выражается в выяснении соотношения правового идеала, идеальной модели и реально достигнутого уровня правообеспеченности рассматриваемых отношений гражданственности, совершенства общества, человека, власти. Отсюда методологические аспекты информационного правового развития общества охватывают все процессы достижения свободы, равенства, справедливости, веры и других человеческих ценностей.

Следует отметить, что в настоящее время информационно-правовое общество и государство все более начинают работать на пространстве информационно-церковном, выходя за пределы отношений государственного права значительный пласт общественной жизни гражданина. В целом в цивилизованном мире проявляется устойчивая тенденция роста внеправового сектора информационных отношений людей. Из сферы этих отношений выводятся фундаментальная наука, большая часть здравоохранения, образования, культуры, искусства.

Вместе с тем понятие правового информационного общества предполагает достаточно высокий уровень информационной развитости отношений государственности и права с церковью. Информационно-правовое общество – это социальный информационно-насыщенный организм, обслуживающий потребности саморегулирующегося общества, обеспечивающий

режим господства права и создающий надежные гарантии от административного вмешательства в саморегулирующиеся информационные процессы жизнедеятельности церкви, защищающий интересы производителей и потребителей информации как социального блага в рамках общедоступной надлежащей правовой процедуры разрешения споров.

Кроме того, информационное общество – это система институциональных и формально-юридических гарантий, обеспечивающих не только неприкосновенность и плюрализм собственности, но и самостоятельность и равную меру свободы информации и взглядов. Минимальная (неотчуждаемая) и максимальная меры свободы, о которых идет речь, определяются реальными возможностями общества, уровнем развития права, морали, религии. Нормы, выражающие меру свободы, фиксируются в конституции и законах.

В связи с этим можно говорить о трех основных компонентах правового социума.

Первый компонент – верховенство правовых законов и среди них – конституции как основного закона. Данному признаку соответствует собственно правовой компонент (социальное регулирование по принципу права, означающему формальное равенство участников социального обмена). В информационно-правовом обществе конституция должна закреплять максимальную (неотчуждаемую, неотъемлемую) меру свободы индивида в данном обществе (права человека и гражданина) и тем самым устанавливать, что никому – ни частному лицу, ни церкви, ни органу государственной власти – не может быть дозволено то, что ущемляет минимальную неотчуждаемую свободу. В конституции и законах (но не в подзаконных нормативных актах) путем запретов общественно вредного для всех должна закрепляться равная максимальная мера свободы, исключая привилегии.

Второй компонент – юридические гарантии свободы, самостоятельности и собственности, причем не только для индивида, но и для объединений, в том числе религиозных, поскольку в современном обществе человек удовлетворяет свои интересы и реализует свою свободу, вступая в

различные ассоциации. В связи с этим следует говорить не столько об индивидуально-правовом, сколько о субъективно-правовом признаке, или компоненте, прав и свобод индивидов. Имеется в виду, что субъектами права являются не только физические, но и юридические гарантии для ассоциаций, производных от аналогичных гарантий для индивида. Среди таких гарантий, прежде всего, права и свободы человека и гражданина, а также иные субъективные права индивидов и ассоциаций, вытекающие из конституции и законов. Эти права могут быть формально-юридическими гарантиями свободы, самостоятельности и собственности не сами по себе, а лишь в том случае, если никакие государственные органы, их должностные лица, никакие священнослужители одновременно не обладают полномочиями, фактически ограничивающими права индивидов и ассоциаций. Иначе говоря, формально-юридически мера свободы может быть гарантирована лишь постольку, поскольку законы не противоречат ей, и лишь настолько, насколько она одновременно не ограничена соответствующими полномочиями государственной администрации, служителей культа и т. д.

Кроме того, свобода и самостоятельность человека гарантируются надлежащими процедурами регулирования различных социальных интересов. Данные гарантии имеют двойственную природу. С одной стороны, нормы, регламентирующие указанные процедуры в области материального или процессуального права, могут быть отнесены к разряду формально-юридических гарантий. С другой стороны, реальность этих процедур должна создавать систему институциональных гарантий свободы, самостоятельности и собственности. Это – важный элемент правовой государственности и одновременно информационно-правовой компонент общества.

Третий компонент правового общества – это разделение властей. Как следует из теории государства, государственная власть состоит из трех относительно самостоятельных ветвей – законодательной, исполнительной и судебной, каждая из которых имеет свою природу и свое юридическое обоснование. Данные ветви власти обосо-

бились в процессе разделения труда по управлению обществом и отчетливо обозначились как три основополагающие информационно-правовые формы публично-властной деятельности при выполнении государством своих правовых институций, включая его информационные отношения с церковью.

С историко-правовых позиций представительная, исполнительная (правоохранительная) деятельность и судебная власть родились из необходимости авторитетного разрешения частных социальных конфликтов, ибо употребление для этой цели лишь общественной власти отнюдь не служило укреплению того, что сегодня называется правопорядком. Таким образом, судебная власть – это институционально-правовая форма публично-властной деятельности, которая осуществляется как бы внутри информационного общества и способна опосредовать возникающие в нем отношения, а правосудие можно рассматривать как механизм правового саморегулирования.

Законотворчество сложилось в результате необходимости авторитетного закрепления более или менее фундаментальных правил социального общежития и породило публичную власть, стоящую над обществом, но призванную действовать только во благо его. Отсюда законодательная власть – это институционально-правовая форма публично-властной деятельности, которая предназначена для формулирования правовых норм в контексте всеобщих интересов и вместе с тем возвышается над обществом и может быть далека от его интересов, а потому должна формироваться непосредственно обществом и осуществляться его выборными представителями. В истории можно обнаружить многочисленные свидетельства того, что при деспотических формах организации и функционирования политической власти контрольная, «следающая» или карательная функции приобретают самостоятельный и даже самодовлеющий характер. Однако развитие информационно-правового начала государственности лишает эти функции самостоятельного значения, вводит их в строгие рамки правовой законности, ограничивает, сводя их к элементам исполнительной власти.

Согласно теории государства необходимо строго разграничивать законодательную, исполнительную и судебную власти в их информационно-правовых отношениях с церковью. Так, исполнительная власть, например, должна быть отграничена от сферы влияния общественной власти (их переплетение порой перерастает в коррупцию), а законы не должны создаваться теми, кто представляет частные, партикулярные интересы, иначе в обществе утвердятся плюрализм систем «законного права». Только строгое разграничение функций может обеспечить надлежащие процедуры выполнения государством информационно-правовой задачи относительно церкви.

Все перечисленные признаки информационно-правового общества, особенно требования правового закона, режима господства права и ряд требований, вытекающих из разделения властей, формулируются и выдвигаются лишь со стороны определенного типа правопонимания, а именно с позиции теоретического различения права, закона, морали, религиозных норм в информационном обществе.

К вышесказанному следует добавить, что в России информационное общество предполагает активное развитие инновационных технологий, которые должны исходить из исторического опыта и приоритетного характера решения проблем информационной обеспеченности взаимоотношений личности и государства с церковью. Здесь христианская церковь способствует созданию многих богоугодных заведений – домов для престарелых, приютов и т. д. Социальная деятельность в них сочетается с духовным, информационным насыщением жизни человека.

Библиографический список

1. Гегель, Г. В. Ф. *Философия права* / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1990. – Разд. 1: Собственность.
2. Миронов, А. В. *Основы религиоведения. Государственно-церковные отношения* / А. В. Миронов, Ю. А. Бабинов. – М., 1998.
3. О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон [от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ] // Собр. законодательства РФ. – 1997. – № 39, ст. 4465.

Д. Ю. Бавыкин,
соискатель кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ
НЕОТЛОЖНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА МЕСТАХ
ПРОИСШЕСТВИЙ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ
СООБЩЕНИЙ ОБ УГРОЗЕ ВЗРЫВА**

Место происшествия является важным источником сведений о лицах, причастных к изготовлению взрывного устройства и исполнению взрыва. Однако производство осмотра нередко вызывает существенные затруднения, связанные со спецификой объекта преступного посягательства, механизма подготовки и совершения криминального взрыва, характера следов и личности преступника. Поэтому от следователя, оперативных работников и других участников осмотра требуются значительные волевые усилия, организованность и высокая профессиональная подготовка. От умело проведенного осмотра в решающей мере зависят характер розыскных действий и успех всего расследования данной категории преступлений.

Взрывные устройства являются объектом повышенной опасности и источником криминалистически значимой информации. Как потенциальные вещественные доказательства они должны быть сохранены для последующего изобличения виновных, а как представляющие повышенную опасность – незамедлительно обезврежены или уничтожены на месте их обнаружения. Данные обстоятельства во многом определяют специфику тактики неотложных действий на месте происшествия.

Обнаружение и осмотр взрывных устройств или предметов, похожих на взрывотехническое изделие, – это особый вид деятельности, выполняемый в соответствии с требованиями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ и норм уголовно-процессуального законодательства сотрудниками правоохранительных органов с использованием специальных средств, методов и приемов.

На практике различают два вида осмотра взрывоопасных изделий в порядке проверки сигналов о минировании конкретного объекта и об их обнаружении. Первый – *первичный* осмотр предметов, похожих на взрывное устройство, обнаруженных в результате поиска

на заминированном объекте или в ходе профилактических мероприятий при патрулировании, охране, досмотре подозреваемых лиц или транспортных средств. Второй – *взрывотехнический*, осуществляемый специалистами взрывного дела с целью распознать наличие взрывного устройства, определить степень взрывоопасности и принять меры к его обезвреживанию или уничтожению.

Анализ опыта практической работы по данной категории уголовных дел позволяет выделить часто встречающуюся ситуацию, возникающую на местах происшествий, связанную с применением взрывного устройства в преступных целях, когда место его нахождения неизвестно.

При получении сообщения об угрозе взрыва, когда место нахождения взрывного устройства неизвестно, прежде всего необходимо:

- определить границу опасной зоны (расстояние от нее до заминированного объекта определяется с учетом конкретной обстановки – как правило, не менее 300 м);
- обеспечить оцепление границ опасной зоны при помощи постов и условных знаков;
- организовать эвакуацию людей из опасной зоны.

При поступлении угрозы взрыва по телефону нужно: дословно запомнить содержание разговора и зафиксировать его на бумаге; отметить пол, по возможности приблизительный возраст звонившего и особенности его речи (голос – громкий, тихий, низкий, высокий; темп речи – быстрый, медленный; произношение – отчетливое, искаженное, с заиканием, шепелявое, с акцентом или на диалекте; манера речи – развязная, с издевкой, с нецензурными выражениями); отметить звуковой фон (шум автомашин, железнодорожного или авиатранспорта; звуки телеаппаратуры, голоса и т. п.); зафиксировать точное время начала разговора и его продолжительность.

При поступлении угрозы взрыва письменно следует: обращаться с таким документом максимально осторожно (не оставлять на нем отпечатков своих пальцев); убрать его в чистый плотно закрываемый полиэтиленовый пакет и поместить в отдельную жесткую папку; сохранить все (сам документ с текстом, любые вложения, конверт и упаковку); нельзя делать подписи, подчеркивать или обводить отдельные

предложения в тексте; запрещается его мять и сгибать.

Специфика дальнейших поисковых действий в значительной мере определяется характером заминированного объекта (помещение, участок местности, транспортное средство и т. п.).

Поиск взрывного устройства в помещении (административное здание, спортивно-культурное сооружение, офис, жилое или служебное помещение и т. п.). Территория (площадь) обследуемого помещения делится на участки (сектора), в которых определяются наиболее *уязвимые места* возможного минирования (их повреждение причинит наибольшие разрушения и повлечет более тяжкие последствия).

В поиске взрывного устройства первоначально применяется служебно-розыскная собака, натренированная кинологом на обнаружение взрывчатых веществ.

Если этот способ выявления места нахождения взрывного устройства оказался безуспешным, то далее осуществляется визуальный (физический) поиск сотрудниками СОГ с участием специалиста-взрывотехника и использованием специальных криминалистических средств (металлоискателей, газоанализаторов, реагирующих на молекулы взрывчатого вещества, светоскопов, портативной рентгеноаппаратуры). Например, в Англии проводят опытные испытания детектора взрывчатых веществ – *prismscore*, способного реагировать на наличие паров взрывчатого вещества. В приборе используется лазерный луч, с помощью которого осуществляется спектральный анализ воздуха. Названный детектор отличается от распространенного сейчас детектора на рентгеновских лучах большей чувствительностью и реагирует даже на молекулы чешской взрывчатки «Семтекс», которая практически не испаряется. Этот прибор особенно полезен в тех ситуациях, когда объект не может быть подвергнут рентгеновскому сканированию, а доступ к нему специально обученных собак закрыт.

При визуальном поиске обращается внимание на демаскирующие признаки взрывного устройства, такие как: натянутые провода, бечевки или шпагат, которые могут привести в действие взрывное устройство; звук, свидетельствующий о работе часового механизма; наличие металла (которого в данном предмете

не должно быть); показания газового анализатора о наличии молекул взрывчатого вещества; мокрые пятна на пакетах или иной обертке (большинство промышленных взрывчатых веществ выделяют пары нитроглицерина); наличие у обнаруженных предметов самодельных доработок и элементов, не соответствующих их прямому назначению или конструкции (антенны, радиоприемные устройства, тумблеры, электролампочки и т. п.); необычно большая масса предмета (например, коробки из-под конфет, банки из-под кофе, книги, блокноты и т. п.); резкий запах горюче-смазочных материалов или растворителей, исходящего дыма (что может быть связано с разложением химического взрывателя); наличие у предмета характерного вида штатных боеприпасов, сигнальных, осветительных, учебно-имитационных средств, пиротехнических изделий или их элементов; наличие надписей на поверхности крышек, коробок (например, «Бомба», «Тро-тил», «Заминировано» и т. п.).

Перед осмотром помещений необходимо иметь план такого помещения и знать расположение комнат, лестниц, ниш, силовых и телефонных коммуникаций, вентиляции, канализации. Это позволит заранее предположить места возможной закладки взрывного устройства. Кроме того, нужно иметь комплект ключей от помещений, шкафов и иных запираемых объектов.

Сотрудники поисковых групп должны максимально рассредоточиться, чтобы свести к минимуму поражение людей в случае взрыва. Поиск целесообразно начинать с противоположных сторон помещения и осуществлять в направлении друг к другу. При этом обращать внимание на все, что было недавно сдвинуто с места, на поврежденные предметы, свежешпаклеванные поверхности, опилки, кирпичную пыль и т. п.

При осмотре в помещениях особое внимание следует уделять таким местам, как подвесные потолки, вентиляционные системы, электрощитовые и распределительные коробки, места за батареями отопления, осветительные плафоны, мусоросборники, лифты, лестничные клетки и другие замкнутые пространства. При этом нужно обращать внимание на следы инструментов, а также на следы легковоспламеняющихся веществ (смесь белого фосфора с сероуглеродом, пары бензина или других горючих жидкостей).

Взрывные устройства могут находиться под столами и стульями, прикрепленными скотчем (стулья проверяются на следы надразов, надрывов и бугров на мягких подкладках).

Проверенные участки необходимо помечать (это предупредит повторное прохождение по одному и тому же месту). Если есть подозрение на наличие взрывного устройства, то следует избегать резких и непродуманных движений, особенно связанных с передвижением в пространстве и открыванием дверей, нажатием выключателей и т. п.

Поиск взрывного устройства – это утомительная работа, она требует постоянного напряжения. Поэтому сотрудники поисковых групп должны делать перерывы в работе для отдыха.

При обнаружении взрывного устройства необходимо открыть окна и двери в данном помещении для рассредоточения ударной волны в случае взрыва. При этом дальнейший поиск не останавливать, а продолжать до тех пор, пока не будет проверено полностью помещение.

В случае обнаружения взрывного устройства нельзя его обезвреживать самостоятельно. Независимо от типа оно может иметь элемент неизвлекаемости (ловушку). Поэтому следует освободить помещение и ждать прибытия специалиста по обезвреживанию взрывных устройств. По возможности нужно убрать с этого места все горючие материалы и предметы, которые могут превратиться в дополнительные поражающие факторы при взрыве.

Особое практическое значение имеет тактика поиска взрывного устройства перед проведением общественных мероприятий. В больших аудиториях для поиска взрывных устройств применяются служебно-розыскные собаки, специально обученные для такой работы. Затем осуществляется визуальный осмотр с использованием указанных ранее поисковых технических средств.

Прежде всего проверяются как все кресла снизу, так и мягкие сиденья на наличие надразов и бугорков.

Далее тщательно осматривается система вентиляции и электрообеспечения (с участием соответствующих специалистов). При этом необходимо обращать внимание на следы инструментов и места возможного подсоединения взрывного устройства.

В конце осмотра исследуются сцена и оркестровая яма (пространство за сценой имеет много скрытых мест, где может находиться взрывное устройство, а оркестровая площадка, оборудованная гидравлическим лифтом, также имеет удобные места для закладки взрывного устройства).

В последние годы в больших городах и крупных промышленных центрах наблюдается увеличение анонимных телефонных звонков с угрозами совершения взрывов с применением взрывных устройств. Чаще всего по телефону «02» звонят подростки-школьники, которые из хулиганских побуждений сообщают о якобы заложенном в здании школы взрывном устройстве. Как правило, звонящие анонимы никаких требований не выдвигают и, сообщая о бомбе, преследуют единственную цель – сорвать школьные занятия в связи с эвакуацией учащихся и осмотром помещений школы работниками правоохранительных органов. Также звонки поступают на служебные или домашние телефоны руководителям или дежурным промышленных объектов, учреждений и организаций от анонимных абонентов, которые одновременно с угрозой совершения террористического взрыва предъявляют разного рода требования, как правило, связанные с вымогательством крупных сумм денег.

Во многих случаях телефонные угрозы сопряжены с реальными действиями террористов по минированию зданий и сооружений, поэтому меры по противодействию телефонным террористам являются обязательной составляющей общей системы мер борьбы с бомбовым терроризмом.

Система общих мер по борьбе с телефонным терроризмом предусматривает:

- конкретные действия по своевременному обнаружению и обезвреживанию взрывного устройства, о которых сообщают террористы-анонимы;
- профилактическо-разъяснительные мероприятия среди руководителей предприятий и служащих об их действиях в случае получения анонимного сообщения с угрозой террористического характера, а также местные инструкции по ведению переговоров с телефонными террористами;
- активные пропагандистские мероприятия в средствах массовой информации по противодействию телефонному терроризму;
- внедрение современных многофункциональных цифровых комплексов регистрации

сигналов и систем автоматического определения номеров, рекомендованных компетентными органами (Артамонов И. И. Терроризм: способы предотвращения, методика расследования : монография. М., 2002. С. 115).

В заключение следует отметить, что действия сотрудников следственно-оперативных групп на местах происшествий, связанных с применением взрывных устройств в криминальных целях, позволяют получать важную информацию, необходимую для познания механизма преступления, выдвижения розыскных и следственных версий и производства последующих неотложных розыскных и следственных действий.

А. В. Баринов,

заместитель начальника

*кафедры гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

кандидат юридических наук, доцент

А. И. Гудков,

*заведующий кафедрой юридических дисциплин
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России*

кандидат юридических наук

СМЕРТЬ ДОЛЖНИКА КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПОРУЧИТЕЛЬСТВА

Согласно п. 1 ст. 418 ГК РФ смерть должника влечет прекращение обязательства только в случае, если его исполнение неразрывно связано с личностью. Большая же часть обязательств, обеспечиваемых на практике поручительством, не относится к числу таковых.

Требуется решения проблема допустимости возложения на поручителя бремени ответственности при неисполнении или ненадлежащем исполнении основного обязательства в случаях, когда происходит замена должника при наследовании и в отсутствие наследования, а также выяснение объема ответственности поручителя.

Практика по вопросу прекращения поручительства в случае смерти должника по основному обязательству неоднозначна. Например, в соответствии с постановлением Президиума Нижегородского областного суда от 19 января 2006 г. № 44Г-298 ст. 367 ГК РФ в данных случаях применяться не может. Обстоятельств прекращения или изменения обеспеченного поручительством обязательства не

Библиографический список

1. *Артамонов, И. И.* Терроризм: способы предотвращения, методика расследования : монография / И. И. Артамонов. – М., 2002.

2. *Галахов, С. С.* Криминальные взрывы: основы оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями террористического характера / С. С. Галахов. – М., 2002.

3. *Колотушкин, С. М.* Криминалистическая взрывотехника: основы теории и практики : монография / С. М. Колотушкин. – Волгоград, 2002.

4. *Коткин, П. Н.* Тактика розыскных действий по делам о криминальных взрывах : монография / П. Н. Коткин. – М., 2006.

усматривается, поскольку со смертью должника по его долгам отвечают наследники в пределах стоимости наследственного имущества. Основанная на законе обязанность наследников отвечать по долгам наследодателя, в том числе и обеспеченным поручительством, исходя из положений ст. 391 ГК РФ об условиях и форме перевода долга не является переводом на другое лицо долга по обеспеченному обязательству (Мироненко Ю. Посмертное поручительство // Электрон. журн. «Юрист». 2007. № 47).

Верховный Суд РФ придерживается другой точки зрения. Так, в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2006 г. от 29 ноября 2006 г. (Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2007. № 6) разъяснено, что согласно п. 2 ст. 367 ГК РФ поручительство прекращается с переводом на другое лицо долга по обеспеченному поручительством обязательству, если поручитель не дал кредитору согласия отвечать за нового должника. Поэтому в случае смерти должника по основному обязательству, обеспеченному договором поручительства, при наличии правопреемника, принявшего наследство, требуется согласие поручителя отвечать за нового должника, если договор поручительства не содержит в качестве условия согласия поручителя отвечать за исполнение обязательства перед любым новым должником в случае перевода долга по обеспечиваемому обязательству. Следовательно, при отсутствии согласия поручителя отвечать за правопреемника должника в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения им основного обязательства возложение на него такой обязанно-

сти неправомерно. Иными словами, имеет место перевод долга.

При рассмотрении дела по иску о взыскании с поручителей долга, не возвращенного в связи со смертью, суд первой инстанции иск удовлетворил, сделав вывод о прекращении обязательства по договору займа в связи со смертью должника и отсутствием у него наследников и прекращении поэтому обязательств по договору поручительства. Апелляционная инстанция решение отменила, иск удовлетворила, мотивировав свое решение тем, что в силу ч. 1 ст. 418 ГК РФ обязательство по договору займа в связи со смертью должника не прекратилось, поэтому поручители несут ответственность за исполнение должником обязательств по договору займа. Кассационная инстанция отменила постановление апелляционной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции. При этом кассационной инстанцией было указано, что в соответствии со ст. 361 ГК РФ по договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части. Из содержания обозначенной нормы права следует, что обязательство поручителя ограничено лишь обязанностью нести ответственность за должника, а не исполнять обязательство за него. Исходя из общего правила данной нормы права смерть гражданина-должника влечет прекращение обязательства, если только обязанность его исполнения не переходит в порядке правопреемства к наследникам должника или иным лицам, указанным в законе (Мироненко Ю. Указ. соч.).

Таким образом, несмотря на отсутствие прямого указания закона, в сложившейся судебной практике явно прослеживается тенденция освобождения поручителей от ответственности за неисполнение обязательства по причине смерти основного должника.

Мнения ученых по данному вопросу также разделились. С точки зрения С. В. Мартышкина и Ю. С. Поварова, содержание § 2 гл. 24 ГК РФ позволяет говорить о том, что перевод долга влечет такую замену должника в обязательстве, при которой имеет место оформленное соглашением волеизъявление первоначального и нового должников, и которая возможна только с согласия кредитора. Следовательно, положения о переводе долга неприменимы к ситуациям, когда происхо-

дит замена должника в обязательстве в силу закона. К названным случаям следует отнести прежде всего смерть должника. Поэтому переход долга к новому должнику в порядке наследования не является переводом долга и с формальных позиций не может служить основанием прекращения поручительства в соответствии с п. 2 ст. 367 ГК РФ.

Однако такое решение вопроса видится указанным авторам не вполне целесообразным: зависимость сохранения поручительства от согласия поручителя следует распространить и на случаи замены должника в основном обязательстве в силу закона. При этом объем ответственности поручителя не должен превышать объем ответственности правопреемника по основному обязательству, поскольку согласно п. 1 ст. 1175 ГК РФ каждый из наследников отвечает по долгам наследодателя исключительно в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества. Поручитель, на которого будет возложена ответственность в полном объеме, не сможет реализовать свои права, зафиксированные в ст. 365 ГК РФ, позволяющие получить от должника удовлетворение в том объеме, в котором были исполнены требования кредитора по основному обязательству. А такой вариант не соответствует смыслу положений ГК РФ о поручительстве, поскольку поручитель обязывается отвечать не просто по основному обязательству, а за должника, причем в том же объеме, как и сам должник (а не больше должника, пусть даже и нового) (Мартышкин С. В., Поваров Ю. С. Прекращение поручительства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 12).

Т. И. Хмелева придерживается другой позиции, согласно которой поручительство прекращается с переводом долга на другое лицо (переменой в обязательстве пассивного субъекта). Долги умершего заемщика по кредитному договору в порядке правопреемства переходят к его наследникам. Личность должника имеет большое значение для кредитора, и правомерность перевода долга, согласно закону, связывается с получением согласия кредитора. Однако это правило не применяется, если замена должника происходит на основании наследования. Таким образом, со смертью заемщика поручительство по кредитному договору прекращается переводом долга на наследников заемщика (Хме-

лева Т. И. Поручительство и залог в кредитных договорах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 12).

По мнению Ю. Тарасенко, вне зависимости от наличия либо отсутствия у должника наследников смерть заемщика должна влечь прекращение обеспечительного правоотношения. Поручитель берется отвечать за исполнение (а точнее неисполнение) обязательства отнюдь не любого лица и личность должника имеет для него важное значение. В результате наследственного преемства ситуация для поручителя меняется кардинально. Поручитель отвечает уже не за то лицо, которое он знал и на чьи личные качества рассчитывал, вступая в означенные правоотношения, а за неизвестное ему лицо (лиц). Наследственное правопреемство представляет собой процедуру замены кредитора или должника при сохранении самого обязательства, в связи с чем логичным выглядит требование закона о прекращении поручительства вследствие перевода долга на другое лицо. Следовательно, изменение должника в результате наследственного правопреемства имеет тот же правовой эффект, что и перевод долга (ст. 391 ГК РФ) (Тарасенко Ю. Смерть должника как основание прекращения поручительства // Корпоратив. юрист. 2006. № 5).

Р. Бевзенко полагает, что возложение на поручителя ответственности в таком же размере, в каком отвечает сам наследник, т. е. в размере, не большем, чем стоимость наследственного имущества, будет наиболее разумным и максимально полно учиты-

вающим интересы всех сторон теоретическим решением проблемы взыскания долга в случае смерти должника по обеспечиваемому поручительством обязательству. В отсутствие же прямого указания закона на такое решение – смерть должника, по его мнению, вообще прекращает поручительство (Бевзенко Р. О влиянии смерти должника на юридическую силу поручительства // Корпоратив. юрист. 2006. № 5).

Рассмотрев изложенные позиции теории и практики, оптимальным видится следующий вариант решения вопроса. По общему правилу, переход долга к новому должнику в порядке наследования не является переводом долга и не может служить основанием прекращения поручительства. Однако объем ответственности поручителя не должен превышать объем ответственности правопреемника по основному обязательству. Прекращение обязательства наступает лишь в случае, если обязанность его исполнения не переходит в порядке правопреемства к наследникам должника или иным лицам, указанным в законе.

Библиографический список

1. Бевзенко, Р. О влиянии смерти должника на юридическую силу поручительства / Р. Бевзенко // Корпоратив. юрист. – 2006. – № 5.
2. Мироненко, Ю. Посмертное поручительство / Ю. Мироненко // Электрон. журн. «Юрист». – 2007. – № 47.
3. Тарасенко, Ю. Смерть должника как основание прекращения поручительства / Ю. Тарасенко // Корпоратив. юрист. – 2006. – № 5.

А. В. Баринов,

заместитель начальника

*кафедры гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

кандидат юридических наук, доцент

Н. С. Ерохина,

соискатель кафедры

*государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА

АУТОАГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В психиатрической и психологической науках под аутоагрессивным поведением понимают действия человека, направленные на

самого себя в форме самоповреждений (Блейхер В. М., Крук И. В. Толковый словарь психиатрических терминов / под ред. С. Н. Бокова. Ростов н/Д, 1996. Т. 1. С. 70–71). Причем такие действия могут охватывать как акты, связанные с причинением вреда собственному здоровью (аутодеструктивные действия), так и акты, направленные на добровольное лишение себя жизни (самоубийство).

Правовое регулирование отношений, связанных с причинением вреда жизни и здоровью, в первую очередь заключается в установлении негативных последствий для лица, совершившего действия, направленные на причинение вреда жизни или здоровью другого человека. В этом реализуется

охранительная функция права, обеспечивающая права и свободы человека (ст. 17 Конституции РФ), его достоинство и личную неприкосновенность (ст. 21, 22 Конституции РФ). В случае посягательства на жизнь и здоровье гражданина закон устанавливает охранительные меры как гражданско-правового характера – в форме возмещения вреда, причиненного потерпевшему (§ 2 гл. 59 ГК РФ), так и уголовную ответственность для лиц, совершивших общественно опасные деяния, направленные против личности (гл. 16 УК РФ).

Однако, как свидетельствует статистика, аутоагрессивное поведение становится чуть ли не основным фактором, в результате которого причиняется вред здоровью или наступает смерть человека. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, в год от суицида погибают больше людей, чем от войн, несчастных случаев и преступлений вместе взятых (1 млн человек в год). Это обусловлено тем, что в европейской цивилизации постепенно разрушается прежняя система ценностей, и самоубийство не только перестало быть социальным табу, но и становится элементом стиля... смерти (Когда улетает крыша // Рос. газ. 2004. 30 сент.). В России в настоящее время по приблизительным оценкам совершается более 55 тысяч самоубийств в год. Вместе с тем специалисты уверены: чтобы получить реальное число предпринятых попыток суицида, указанную цифру нужно умножить на десять.

Не менее масштабно проявление аутодеструктивного поведения, выражающееся в умышленном причинении вреда собственному здоровью. Причем мотивация такого поведения бывает самой разнообразной: от реакции на поступки близких людей в виде демонстративно-шантажного поведения до защиты своих нарушенных прав в форме акций протеста. Особенно часто проявления данного поведения можно наблюдать в местах лишения свободы, где лица, отбывающие наказания, совершают акты неповиновения, направленные на дезорганизацию деятельности исправительного учреждения.

По нашему мнению, для уяснения правовой природы аутоагрессивных действий целесообразно проанализировать сущность отношений, возникающих в результате их совершения. Это также позволяет ответить на основной вопрос,

можно ли здесь вообще говорить о каких-либо общественных отношениях, подлежащих правовому регулированию, если действия личности направлены на самого себя.

Юридическая особенность аутоагрессивного поведения заключается в следующем: в отличие от классических правоотношений, возникающих вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина, в случае аутоагрессивных действий причинитель вреда и потерпевший совпадают в одном лице, так что агрессивные действия субъекта направлены на собственные здоровье или жизнь (т. е. на объект гражданских прав, принадлежащий самому причинителю). Такая ситуация не вписывается в общую систему правового регулирования отношений по возмещению вреда, в том числе причиненного жизни и здоровью гражданина, который установлен в гражданском законодательстве.

Нормы ГК РФ в соответствии с принципом генерального деликта закрепляют общее правило о том, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред (п. 1 ст. 1064 ГК РФ). Таким образом, деликтное правоотношение всегда возникает между причинителем вреда и потерпевшим (должником и кредитором), т. е. между двумя субъектами гражданского права, в результате чего причинитель становится ответственным перед потерпевшим за свои противоправные действия. Порядок же возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, и его размер конкретизированы в § 2 гл. 59 ГК РФ.

При совершении аутоагрессивных действий причинитель вреда и потерпевший совпадают, поэтому обязательство вследствие причинения вреда, как и ответственность, не возникает¹. Однако отсюда возникают во-

¹ В литературе, как и в гражданском законодательстве, понятия «обязательства из причинения вреда» и «ответственность за причинение вреда» нередко используются как тождественные (Иоффе О. С. Обязательственное право // Избр. тр. СПб., 2004. Т. 3. С. 767; Смирнов В. Т., Собчак А. А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве : учеб. пособие. Л., 1983. С. 42) либо ответственность составляет содержание обязанности правонарушителя в обязательстве, возникшем вследствие причинения вреда (Гражданское право / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2007. Т. 4: Обязательственное право. С. 618–619).

просы, могут ли данные действия причинять вред другим лицам и каковы юридические последствия такого рода поведения, кроме морального осуждения лица, совершившего акт аутоагрессии? Иными словами, возможно ли наступление гражданско-правовой ответственности для лиц, совершивших аутоагрессивные действия.

Безусловно, в случае самоубийства говорить об ответственности умершего нельзя, так как все последствия коснутся, как правило, близких родственников, которые будут испытывать моральные страдания и понесут имущественные потери (в частности, расходы на похороны). Своеобразным правовым последствием самоубийства в дореволюционном гражданском праве была установленная законодательством недействительность завещания самоубийц, «независимо от того, составлено ли оно в припадке умопомешательства или при нормальном состоянии умственных сил лица» (Мейер Д. И. Русское гражданское право. М., 2000. С. 800–801). По мнению исследователей права того времени, «признание завещания самоубийц недействительным есть мера предупреждения, направленная к удержанию лица от самоубийства... так что, зная о судьбе завещания самоубийцы, лицо, может быть, воздержится от самоубийства» (Там же. С. 801). В современном гражданском праве такое положение отсутствует, что является вполне справедливым, поскольку недействительность завещания вряд ли остановит самоубийцу, а пострадают лица, в пользу которых оно было составлено.

Последствием другой разновидности аутоагрессивных действий (аутодеструктивного поведения) является умышленное самоповреждение собственного организма без цели лишения себя жизни. Такие повреждения могут включать: порезы и травмы внешних органов, повреждение внутренних органов в результате глотания предметов или самоотравления, причем как связанные, так и не связанные с угрозой для жизни. С гражданско-правовой точки зрения вред здоровью здесь возникает у самого причинителя и ответственность также не наступает. Однако в отличие от самоубийства при указанных обстоятельствах могут возникать определенные имущественные затраты у третьих лиц, в частности, связанные с оказанием помощи по-

страдавшему. Отсюда возникает вопрос, предусмотрено ли возмещение таких затрат в действующем законодательстве.

Согласно ст. 20 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 5487-1 (далее: Основы) любой пострадавший, в том числе при совершении аутодеструктивных действий, при заболевании, утрате трудоспособности и в иных случаях имеет право на медико-социальную помощь в учреждениях государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения, а также в учреждениях системы социальной защиты населения. Причем оказание помощи не зависит от причин, повлекших повреждение здоровья. Более того, данным законом установлены гарантии оказания медико-социальной помощи гражданам (Ведомости Совета нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 33, ст. 1318).

Применительно к рассматриваемой проблеме в случае самопричинения гражданином вреда здоровью ему должна быть в первую очередь оказана скорая медицинская помощь, которая в соответствии со ст. 39 Основ оказывается гражданам при состояниях, требующих срочного медицинского вмешательства (несчастных случаях, травмах, отравлениях и др.), что характерно и для аутоагрессивных действий. Причем такая помощь должна осуществляться лечебно-профилактическими учреждениями безотлагательно и независимо от территориальной, ведомственной подчиненности и формы собственности. В результате аутоагрессивных действий помимо скорой медицинской помощи потерпевшему также может оказываться первичная медико-санитарная помощь, которая включает лечение наиболее распространенных болезней, травм, отравлений и других неотложных состояний (ст. 37.1 Основ).

Необходимо отметить, что скорая медицинская помощь гражданам Российской Федерации и иным лицам, находящимся на ее территории, *оказывается бесплатно* (ст. 39 Основ), а первичная медико-санитарная помощь является основным доступным и *бесплатным для каждого гражданина* видом медицинской помощи (ст. 37.1 Основ). При этом в условиях рыночной экономики термин «бесплатно» нельзя понимать буквально. Он означает лишь, что лечение гражданина, в том числе при самопричинении вреда

здоровью, производится не за его счет, а за счет средств соответствующего бюджета. Это обусловлено социальными гарантиями, направленными на охрану здоровья граждан в части оказания им бесплатной медицинской помощи и установленными ст. 41 Конституции РФ.

Кроме того, конституционные гарантии, направленные на оказание бесплатной медицинской помощи при повреждении здоровья, влияют на объем возмещаемого вреда и при повреждении здоровья в результате действий иных лиц. Так, все дополнительно понесенные расходы, вызванные причинением гражданину увечья или иным повреждением здоровья, в том числе расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, подлежат возмещению причинителем вреда только в случае, если потерпевший нуждается в этих видах помощи и ухода и не имеет права на их бесплатное получение (п. 1 ст. 1085 ГК РФ).

Данное законодательное положение, на наш взгляд, несколько ослабляет превентивную функцию гражданско-правовой ответственности в обязательствах вследствие причинения вреда, поскольку уменьшает имущественную санкцию в отношении правонарушителя. Так, если лечение потерпевшего полностью осуществлялось бесплатно (за счет средств бюджета), то причинитель вреда никакой гражданско-правовой ответственности в виде дополнительных имущественных обременений (расходов) не несет, за исключением расходов, связанных с компенсацией морального вреда, которые непосредственно могут быть взысканы с причинителя.

Полагаем, что в условиях крайне агрессивного психологического состояния населения России такое положение является вряд ли оправданным. В связи с этим в законодательстве РФ предусмотрены варианты своего рода регресса (право обратного требования) со стороны учреждений здравоохранения как лиц, возместивших вред (за счет средств бюджета), к лицам, его причинившим. Следует отметить, что соответствующие нормы сформулированы в нормативных правовых актах не совсем последовательно, поэтому в юридической практике они редко подлежат применению.

В частности, согласно ст. 67 Основ средства, затраченные на оказание медицинской помощи гражданам, потерпевшим от противоправных действий, взыскиваются с предприятий, учреждений, организаций, ответственных за причиненный вред здоровью граждан, в пользу учреждений государственной или муниципальной системы здравоохранения, понесших расходы, либо в пользу учреждений частной системы здравоохранения. Из этого следует, что право регресса не может быть реализовано в двух случаях: если вред причинен физическим лицом и если действия предприятий, учреждений и организаций не носят противоправного характера¹. При определении затрат медицинского учреждения, связанных с оказанием медицинской помощи пострадавшим гражданам, противоправность устанавливается на основе решений суда, а также актов уполномоченных органов и организаций (например, при совершении административного правонарушения, акта о несчастном случае на производстве и т. п.) (Оценка и возмещение затрат, связанных с оказанием медицинской помощи гражданам, пострадавшим в результате противоправных действий юридических и физических лиц : метод. рекомендации, утв. Федер. фондом обяз. мед. страхования 15 мая 1998 г. № 2231/36-и. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»).

В ст. 28 Закона РФ «О медицинском страховании граждан в РСФСР» от 28 июня 1991 г. № 1499-1 установлено право страховой медицинской организации требовать от юридических или физических лиц, ответственных за причиненный вред здоровью гражданина, возмещения ей расходов в пределах суммы, затраченной на оказание застрахованному медицинской помощи, за исключением случаев, когда вред причинен страхователем (Ведомости Совета нар. депутатов и Верхов. Совета РСФСР. 1991. № 27, ст. 920).

Еще одним нормативным актом, устанавливающим право регресса учреждений здравоохранения, является действующий в настоящее время Указ Президиума Вер-

¹ В литературе противоправным признается поведение лица, которое нарушает как норму права, так и субъективное право другого конкретного лица (Гражданское право. С. 618–619).

ховного Совета СССР «О возмещении средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступных действий» от 25 июня 1973 г. № 4409-VIII (Ведомости Верхов. Совета СССР. 1973. № 27, ст. 348). В соответствии с п. 1 данного документа в случаях причинения вреда здоровью граждан средства, затраченные на стационарное лечение в результате умышленных преступных действий (за исключением причинения вреда при превышении пределов необходимой обороны или в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего), подлежат взысканию в доход государства с лиц, осужденных за эти преступления. Таким образом, противоправные действия, в результате которых причинен вред здоровью потерпевшего, должны носить характер умышленных и преступных, а взысканию подлежат только средства, затраченные на стационарное лечение. Отсюда следует, что в свете Основ средства, затраченные на оказание скорой медицинской помощи как не связанные со стационарным лечением, взысканию с осужденного не подлежат.

Примечательным является и тот факт, что названным выше Указом установлен также порядок определения ставки для исчисления средств, затраченных на стационарное лечение граждан. В частности, постановлением Совета Министров СССР от 21 сентября 1989 г. № 771 она определена в размере 10 руб. в сутки пребывания потерпевшего в лечебном учреждении. Отметим, что российский законодатель до настоящего времени не скорректировал данную ставку, а значит, положения рассмотренных Указа и постановления фактически не применяются судами и дополнительной имущественной ответственности в виде возмещения затрат на лечение потерпевшего осужденный не несет.

Таким образом, действующее законодательство не предусматривает возможности возмещения средств, затраченных учреждением здравоохранения и страховой медицинской организацией на оказание медицинской помощи (первичной, скорой, стационарного лечения) лицу, совершившему действия по причинению вреда своему здоровью.

Однако негативные правовые последствия такого поведения человека проявляются в

сфере социального обеспечения. Согласно подп. 1 п. 2 ст. 9 Федерального закона «Об обеспечении пособиями по временной нетрудоспособности, по беременности и родам граждан, подлежащих обязательному социальному страхованию» от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1, ч. 1, ст. 18) если временная нетрудоспособность застрахованного лица наступила в результате установленного судом умышленного причинения им вреда своему здоровью, то в назначении пособия по временной нетрудоспособности ему будет отказано. Аналогичное положение установлено и для застрахованных лиц, осужденных к лишению свободы и привлеченных к оплачиваемому труду (О порядке обеспечения пособиями по обязательному государственному социальному страхованию осужденных к лишению свободы лиц, привлеченных к оплачиваемому труду : постановление Правительства РФ от 15 окт. 2001 г. № 727 // Там же. 2001. № 43, ст. 4106).

Таким образом, гражданину, причинившему вред своему здоровью, может быть отказано в пособии по временной нетрудоспособности только в случае, если в судебном порядке будет установлена его вина в форме умысла на совершение аутодеструктивных действий.

С аналогичных позиций следует рассматривать вопрос об отказе в пособии по временной нетрудоспособности для лиц, осужденных к лишению свободы и привлеченных к оплачиваемому труду. Кроме того, еще одним неблагоприятным последствием аутодеструктивного поведения осужденных к лишению свободы является возложение на них обязанности по возмещению ущерба, причиненного исправительному учреждению, в виде дополнительных затрат, связанных с лечением в случае умышленного причинения вреда своему здоровью (абз. 2 п. 2. ст. 102 УИК РФ). Причем такая обязанность возлагается на любого осужденного, независимо от того, привлекается он к оплачиваемому труду или нет.

Следовательно, по смыслу уголовно-исполнительного законодательства аутодеструктивное поведение осужденного – это правонарушение, причиняющее вред (ущерб) исправительному учреждению и влекущее ответственность осужденного

лица с возложением на него обязанности в форме возмещения дополнительных затрат на его лечение.

В связи с тем, что в указанных выше случаях причиненный вред носит имущественный характер (социальное пособие, затраты на лечение), ответственность будет иметь гражданско-правовой характер в виде отказа в выплате лицу пособия по временной нетрудоспособности или возникновения обязательства осужденного по возмещению вреда исправительному учреждению.

Для решения вопроса о гражданско-правовой ответственности лица, совершившего аутодеструктивные действия, связанные с причинением вреда своему здоровью, прежде всего необходимо выяснить основания и условия гражданско-правовой ответственности.

Итак, общим основанием гражданско-правовой ответственности, в том числе в рассматриваемых правоотношениях, является наличие вреда, под которым в гражданском праве понимают неблагоприятные последствия для потерпевшего в имущественной (повреждение и уничтожение имущества) или личной (повреждение здоровья или смерть гражданина) сфере, возникшие в результате противоправных действий причинителя. При совершении аутодеструктивных действий причиненный вред носит двойной характер. С одной стороны, вред здоровью причиняет сам потерпевший, поэтому возмещению такой вред не подлежит. С другой стороны, могут возникать определенные имущественные затраты у третьих лиц, связанные с оказанием помощи такому пострадавшему. Как мы уже выяснили, в этом случае затраты на лечение, понесенные учреждениями здравоохранения, составляют ущерб (вред)¹, причиненный данному учреждению аутодеструктивным поведением, который возмещению не подлежит, за исключением дополнительных затрат, поне-

сенных исправительным учреждением на лечение осужденного. Если же лицо, совершившее аутодеструктивные действия, становится временно нетрудоспособным, то оно утрачивает право на получение соответствующего пособия.

Несмотря на то, что указанные правовые последствия установлены не гражданским законодательством, а иными отраслями права (социального обеспечения, уголовно-исполнительного), их правовая природа носит гражданско-правовой характер. В связи с этим рассмотрим механизм действия указанных правовых последствий аутодеструктивного поведения с точки зрения условий гражданско-правовой ответственности.

Как известно, к условиям наступления гражданско-правовой ответственности относятся: противоправность действий правонарушителя, причинная связь между противоправными действиями и наступившими неблагоприятными последствиями, а также вина нарушителя, которая в отдельных случаях не является обязательным условием для возникновения обязанности по возмещению вреда.

При совершении лицом аутодеструктивных действий для возложения ответственности по возмещению затрат необходимо, чтобы действия носили противоправный характер. Но можно ли считать умышленное причинение вреда своему здоровью действием, носящим противоправный характер? Безусловно, никакая правовая норма не может запретить человеку выразить свою волю путем совершения тех или иных действий, в том числе в отношении самого себя. Нормы права могут устанавливать только «вид и меру охраняемых и гарантируемых государством возможного и должного поведения участников общественных отношений» (Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 75). Регулирующее же воздействие нормативной системы на отношения между людьми заключается в определении юридических последствий для их участников (Там же). Поэтому право не может запретить в прямом смысле совершение тех или иных волевых действий. Иными словами, подчинить волю человека праву невозможно, он может только следовать установленным за-

¹ Под ущербом в гражданском праве обычно понимают имущественный вред. В гражданском законодательстве содержится понятие реального ущерба, означающего расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права. Реальный ущерб и упущенная выгода составляют убыток – выраженный в денежной форме имущественный вред.

претам через осознание закрепленных в законе юридических последствий совершения тех или иных действий. Игнорировать установленные запреты человек может либо в неосознанном состоянии, либо умышленно нарушая их посредством совершения правонарушения. В последнем случае такие действия влекут для лица наступление юридической ответственности в виде неблагоприятных последствий (санкций), установленных в законодательстве (гражданском, уголовном, административном).

Совершая действия против своего здоровья, человек нарушает только моральные нормы, принятые в обществе, и право не может вторгаться в эту личную сферу человеческой жизни. Поэтому такие действия не могут считаться противоправными и влечь юридические последствия, за исключением случаев, когда их совершение нарушает права других лиц или им причиняется вред. Только тогда аутодеструктивные действия носят противоправный характер и не могут остаться без правовых последствий. К таким последствиям в российском законодательстве относится лишение социального пособия по временной нетрудоспособности, а также взыскание с осужденного дополнительных затрат на его лечение.

Причинная связь между противоправными действиями и вредоносными последствиями заключается в том, что потеря трудоспособности, а также дополнительные затраты исправительного учреждения на лечение осужденного должны быть непосредственно обусловлены аутодеструктивным поведением пострадавшего. Если же в результате самопричинения вреда у пострадавших лиц стали развиваться иные заболевания, то, на наш взгляд, возлагать на них соответствующую ответственность нельзя.

При привлечении лица к ответственности необходимым условием является его виновное поведение, выражающееся в умышленном характере совершенных им аутодеструктивных действий.

В праве вина рассматривается как условие наступления юридической ответственности и одновременно выступает необходимым элементом состава гражданского правонарушения и состава преступления. Однако если для привлечения к гражданско-правовой ответственности вина не всегда яв-

ляется необходимым элементом (т. е. ответственность в ряде случаев может наступать и при отсутствии вины), то для привлечения к уголовной ответственности вина — элемент обязательный (п. 1 ст. 14 УК РФ).

В гражданском праве под виной понимают психическое отношение лица к своему противоправному поведению и его результату, основанное на возможности предвидения и предотвращения последствий такого поведения (Грибанов В. П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. М., 2001. С. 340).

Вина может быть в форме умысла или неосторожности. Под умышленным понимается такое поведение правонарушителя, когда он осознает противоправный характер своего поведения, предвидит возможность наступления отрицательных последствий и сознательно их не предотвращает. Причем в гражданском праве в отличие от уголовного не имеет значения, был ли этот умысел прямым (когда лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит наступление опасных последствий и желает их наступления) или косвенным (лицо также осознает общественную опасность своих действий и предвидит наступление опасных последствий, но сознательно допускает эти последствия, не желая их, либо относится к ним безразлично).

В правоотношениях, связанных с социальным обеспечением граждан по временной нетрудоспособности, аутодеструктивное поведение рассматривается как правонарушение, только если действия совершены лицом умышленно. Причем мотив совершения таких действий законом не учитывается. Например, если гражданин, защищая свои трудовые права, объявил голодовку, следствием которой стала его временная нетрудоспособность, то в получении соответствующего пособия ему будет отказано.

Однако, если при совершении аутодеструктивных действий вина гражданина в форме умысла отсутствует, например, когда он вследствие психического заболевания или временного психического расстройства не может понимать значение своих опасных действий и их последствий, то отказ в выплате пособия будет незаконным.

Аналогичным образом необходимо рассматривать и вину при взыскании с осуж-

денного дополнительных затрат на лечение. Здесь также необходимым условием является виновное поведение осужденного, выражающееся в умышленном характере совершенных им аутодеструктивных действий. При отсутствии вины, например, если в результате психического расстройства осужденный не может осознать значение совершаемых им действий, ответственность наступать не может. В этом случае можно говорить, что аутодеструктивное поведение носит немотивированный характер. Наличие мотива в действиях осужденного, направленных, как правило, на достижение определенной цели, будет свидетельствовать об их умышленном характере. Мотивация аутодеструктивных действий осужденных может быть санкционирована извне (массовые акции демонстративно-шантажного поведения), либо сформироваться непосредственно в стенах учреждения, в частности, единичные акты аутодеструктивного поведения совершаются по следующим мотивам: уклонится от исполнения законов и распорядка исправительного учреждения, для защиты от посягательств со стороны других осужденных, достижения иных целей (улучшение или облегчение режима отбывания наказания, госпитализация в медицинскую часть или другое лечебно-профилактическое учреждение, следование тюремной моде, традициям, подражание другим лицам для поднятия авторитета и др.) (Новиков В. Проблемы суицидального и демонстративно-шантажного поведения среди осужденных исправительных учреждений // Ведомости УИС. 2007. № 12. С. 40). При этом для наступления гражданско-правовой ответственности за причинение вреда исправительному учреждению мотив противоправных действий причинителя значения не имеет, а необходимо только наличие вреда (дополнительных затрат на лечение) как основания ответственности и условий для ее возникновения.

Таким образом, аутоагрессивное поведение не рассматривается правом как поведение, носящее противоправный характер, до тех пор, пока оно не нарушает права других лиц. Если же в результате совершения аутоагрессивных действий возникают отрицательные имущественные последствия на стороне третьих лиц, то

лицо, их совершившее, обязано возместить причиненный вред. Однако данное правило гражданского законодательства игнорируется как в законодательстве об охране здоровья граждан, так и в нормах об их медицинском страховании. Поэтому затраты соответствующего бюджета на лечение лица, совершившего акт аутоагрессии, не подлежат взысканию с такого гражданина. Такое положение было бы вполне оправданным, если бы данные действия носили неосознанный характер (действия, связанные с психическим заболеванием). Иные умышленные аутоагрессивные действия должны нести для лица правовые последствия в форме возмещения затрат на его лечение, за исключением расходов, связанных с оказанием скорой (неотложной) медицинской помощи.

Это будет соответствовать и принципу страхового права (медицинское страхование является разновидностью специального страхования), в соответствии с которым страховщик (страховая медицинская организация) освобождается от выплаты страхового возмещения (затрат на оказание медицинской помощи), если страховой случай (болезнь) наступил вследствие умысла застрахованного лица (п. 1 ст. 963 ГК РФ). Аналогичные последствия должны быть установлены и для осужденных лиц, т. е. взысканию должны подлежать не только дополнительные затраты на лечение, как указано сейчас в абз. 2 п. 2. ст. 102 УИК РФ, но и все затраты, произведенные на лечение исправительным учреждением.

Библиографический список

1. *Байтин, М. И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – М., 2005.
2. *Грибанов, В. П.* Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей / В. П. Грибанов. – М., 2001.
3. *Иоффе, О. С.* Избранные труды. В 4 т. Т. 3. Обязательственное право / О. С. Иоффе. – СПб., 2004.
4. *Мейер, Д. И.* Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – М., 2000.
5. *Смирнов, В. Т.* Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве : учеб. пособие / В. Т. Смирнов, А. А. Собчак. – Л., 1983.

Е. М. Батанова,
судья Владимирского областного суда

**Суд присяжных
во Владимирской области:
Оценивая прошедшее пятилетие**

Обновленный суд (суд присяжных. — Е. Б.)
— школа для народа, из которой, помимо уважения к
закону, должны выноситься уроки служения правде
и уважения к человеческому достоинству.
А. Ф. Кони

Шестнадцатого июля 1993 г. Верховным Советом Российской Федерации был принят Закон РФ № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» (Рос. вестн. 1993. 17 авг.), в соответствии с которым был возрожден суд с участием присяжных заседателей в Российской Федерации с поэтапным введением.

С 1 ноября 1993 г. суд присяжных был введен в пяти субъектах Российской Федерации (Ставропольском крае, Ивановской, Московской, Рязанской и Саратовской областях), а с 1 января 1994 г. — еще в четырех (Алтайском и Краснодарском краях, Ростовской и Ульяновской областях).

Однако затянувшееся поэтапное введение рассмотрения дел с участием присяжных заседателей на всей территории России привело к конституционному неравенству граждан, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений против жизни.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П (Рос. газ. 1999. 10 февр.) было указано на существование конституционного неравенства граждан и предложено Федеральному Собранию Российской Федерации внести в законодательство изменения, обеспечивающие обвиняемым в совершении особо тяжких преступлений против жизни право на рассмотрение их дел с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации.

Во Владимирском регионе, как и в большинстве других, суд присяжных начал свою деятельность с 1 января 2003 г., а с 1 января 2004 г. суды с участием присяж-

ных заседателей стали действовать на всей территории России, за исключением Чеченской Республики.

В 2008 г. исполнилось пять лет с момента возрождения суда присяжных во Владимирской области.

Каковы же результаты возвращенной из далекого прошлого в современный уголовный процесс такой формы судопроизводства, как суд присяжных?

Предоставленное Конституцией РФ (ч. 2 ст. 20) и УПК РФ (ст. 30) обвиняемым право на рассмотрение их дел с участием присяжных заседателей стало достаточно востребованным.

За пять лет во Владимирский областной суд поступило 44 уголовных дела с ходатайствами обвиняемых о рассмотрении их дел судом присяжных. Однако впоследствии ряд инициаторов такой формы судопроизводства по различным причинам отказались от своих намерений, и их дела были рассмотрены обычным составом суда.

Вместе с тем 27 уголовных дел в отношении 51 лица были рассмотрены судьей федерального суда и коллегией в составе 12 присяжных заседателей. В процентном выражении это составляет 17,3 % от общего количества уголовных дел, рассмотренных за пять лет областным судом по первой инстанции, т. е. почти каждое шестое дело.

В основном это были уголовные дела по обвинению в совершении преступлений против жизни (ч. 2 ст. 105 УК РФ) и сопутствующие им составы (кражи, грабежи, разбои, незаконные действия с оружием и др.).

В отношении 11 подсудимых (21,6 %) вердикт присяжных носил оправдательный характер, и в результате судья, являясь профессионалом, постановил оправдательный приговор. Тридцать девять человек были признаны виновными и осуждены за инкриминируемые им деяния к различным срокам лишения свободы.

Большое количество оправдательных приговоров отменяется кассационной инстанцией Верховного Суда Российской Федерации (около 20 % по России). Но при этом следует заметить, что оправдательный приговор Владимирского областного суда в отношении лишь одного человека (из 51) в мае 2007 г. был отменен с направлением дела на новое судебное рассмотрение.

Основная причина отмены состоявшегося судебного решения – это сокрытие некоторыми присяжными заседателями фактов привлечения их или близких родственников к уголовной либо административной ответственности.

Сокрытие присяжными заседателями на стадии формирования коллегии присяжных заседателей сведений о себе и близких родственниках свидетельствует о нарушении ими требования уголовно-процессуального закона и фактическом воспрепятствовании в выяснении сторонами обстоятельств, не позволяющих им участвовать в качестве присяжных заседателей в рассмотрении уголовного дела.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» от 22 ноября 2005 г. № 23 (Рос. газ. 2005. 2 дек.) сокрытие кандидатами в присяжные заседатели, включенными впоследствии в состав коллегии, информации, которая могла повлиять на принятие решения по делу и лишала стороны права на мотивированный или немотивированный отвод, является основанием для отмены приговора.

В качестве кандидатов в присяжные заседатели по 27 уголовным делам в судебное заседание для проведения процедуры отбора явилось 965 человек, 389 из них выполняли функцию судей факта, оказавшись включенными в процессе отбора в список присяжных заседателей по делу. Из числа последних 27 наиболее достойных руководили голосованием в процессе обсуждения вопросного листа в совещательной комнате, будучи избранными старшиной, а впоследствии оглашали вердикт присяжных.

Все 27 судебных процесса не были сорваны по причине невозможности формирования коллегии присяжных ввиду неявки необходимого числа кандидатов. Не было и случаев роспуска сформированной коллегии присяжных ввиду тенденциозности ее состава.

Таким образом, почти четыреста жителей Владимирской области побывали в роли человека, ответственного за принятие справедливого решения, прочувствовав на-

сколько это непросто, и в основном справились с этой задачей вполне достойно.

По результатам опроса, проведенного в ряде регионов нашей страны, наиболее распространенным мотивом отказа от участия в качестве присяжного заседателя оказалась боязнь брать на себя ответственность. Второе место занял мотив отрицания идеи суда присяжных как такового, третья группа опрошенных сослалась на отсутствие свободного времени. Из всех, кто поддерживает идею суда присяжных в нашей стране, подавляющее большинство – это люди, которые считают, что суд присяжных будет более справедливым и независимым.

Именно через работу суда присяжных граждане могут реализовать свое право на участие в отправлении правосудия. Вклад народных представителей в судебный поиск истины состоит в более свежем взгляде на конкретное событие, не замутненном функциональной позицией.

Все эти годы среди ученых, практиков, государственных и общественных деятелей не утихают споры о необходимости существования такой формы судопроизводства. Сторонники суда присяжных, безусловно, правы в том, что этот суд, несомненно, положительно сказывается на повышении качества предварительного следствия и реализации принципа состязательности сторон. Присяжные заседатели привнесли в атмосферу казенного судопроизводства житейский здравый смысл и народное правосознание.

Полагаем, что коллективный разум и совесть присяжных, сдерживающих карательный меч во имя справедливого разрешения дела, – достаточные гарантии правопорядка. Пока в правосудии обнаруживается дефицит милосердия, с ним не нужно бороться.

Библиографический список

1. Кони, А. Ф. Суд присяжных: факты и комментарии / А. Ф. Кони. – Ростов н/Д, 2002.
2. Нормативные материалы о судьях и суде присяжных. – М., 1994.
3. Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел. – М., 2006.

М. Н. Богданов,
*старший преподаватель
Псковского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний*

КВАЛИФИКАЦИЯ МОШЕННИЧЕСТВА КАК ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Происходящие в последние годы глубокие преобразования в общественной жизни России, изменения приоритетов экономического развития общества, переход от плановой экономики к рыночной закономерно привели к изменениям в политической и социальной сферах. Эти изменения носят как позитивный, так и негативный характер, который зависит как от проводимой органами власти политики, так и от нравственного состояния общества.

Закономерности исторического развития свидетельствуют о том, что в периоды коренного изменения общественного устройства обостряются социальные противоречия, происходит кризис в идеологической и социокультурной областях, возникают конфликты между различными слоями общества. В связи с этим закономерно возникает масса проблем и в правоохранительной сфере, возрастает уровень преступности, ухудшается криминогенная обстановка.

По данным Главного информационного центра МВД России, конец XX – начало XXI в. в Российской Федерации характеризуется неблагоприятными тенденциями роста преступности. Так, например, в 2002 г. на 100 тыс. чел. населения России было зарегистрировано 2556,4 преступлений; в 2003 г. – 2759,4; в 2004 г. – 2893,8. В отчетный период 2004 г. было зарегистрировано 2 893 810 преступлений, из числа которых раскрыто всего 1 569 288 (Оперативная ситуация // Щит и меч. 2005. № 5. С. 4).

Безусловно, преступность на рубеже веков являлась реальным препятствием на пути успешного поступательного развития нашей страны. В настоящее время, несмотря на эффективность развития российского общества, сокращение общего числа преступлений в отдельных регионах, ситуацию в криминогенном плане в целом по стране нельзя считать позитивной.

Анализ уровня и характера преступности свидетельствует, что в 2007 г. органами внутренних дел рассмотрено более 10 млн заявлений, сообщений и иной информации, что на 11 % больше, чем за 2006 г.

Более половины всех зарегистрированных преступлений (50,4 %) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем кражи, грабежа, разбоя (Оперативная ситуация // Щит и меч. 2007. № 28. С. 4).

При этом начинает закономерно преобладать отдельная категория так называемых «интеллектуальных» корыстных преступлений на фоне относительно улучшающегося уровня жизни граждан России.

Это в полной мере относится к мошенничеству (ст. 159 УК РФ). Например, по данным отдельных информационных агентств, прирост мошенничества в сфере автострахования в 2007 г. составил 145 %.

Наибольшую актуальность приобретают вопросы борьбы с различного рода мошенническими действиями. Мошенничество становится все более масштабным и проявляется в новых формах. Если раньше в основном использовались различные предметные уловки (карты, наперстки, денежные куклы), так называемое «уличное мошенничество», т. е. мелкое мошенничество, выражавшееся в обмане при обещании доставить вещь, за которую получен аванс, произвести работы и т. п., при этом ставка преступников делалась на излишнюю доверчивость, азартность граждан, то сегодня распространено так называемое мошенничество «белых воротничков». Субъектами совершения данного рода преступлений все чаще становятся руководители и ответственные работники фирм, предприятий и даже должностные лица государственных органов. Ущерб, причиняемый такими преступлениями, исчисляется миллионами и миллиардами рублей.

По данным статистики, в 2008 г. зарегистрировано 113 836 мошенничеств, из числа которых раскрыто 71 304 (Общие сведения о состоянии преступности // Щит и меч. 2008. № 28. С. 5).

Для сравнения следует отметить, что в 1989 г. в бывшем СССР таких преступлений зарегистрировано 15 207, в середине 90-х гг. XX в. – в среднем от 30 (1995 г.) до 78 тыс. (1996 г.). Ущерб, причиняемый мошенничеством, не только в России, но и

во всем мире, огромен. Например, в США, по данным ФБР, ежегодный ущерб от мошенничества определяется в размере от 60 до 200 млрд долл. (Гурьев В. В., Спирин Г. М. Борьба с мошенничеством – один из приоритетов // Вестн. МВД РФ. 1998. № 4).

При этом необходимо заметить, что официальная статистика не отражает реального количества совершаемых в России случаев мошенничества, так как высокий уровень латентности, имеющей прежде всего субъективный характер, искажает представление о действительных размерах этого вида преступности, а также о величине и характере причиненного ущерба, затрудняет выявление обстоятельств, способствующих совершению преступлений.

Большая роль в своевременной, быстрой и полной фиксации обстоятельств совершения мошенничества отводится органам дознания, непосредственно занимающимся выявлением исследуемых преступлений. Однако до настоящего времени дознание по делам о мошенничестве проводится недостаточно квалифицированно, что существенно снижает эффективность их дальнейшего расследования.

Успех расследования любого преступления, в том числе и мошенничества, во многом зависит не только от того, насколько полно и точно зафиксированы материальные и идеальные следы преступления, выявлены материальные объекты и обстоятельства, порожденные преступлением, а также имеются ли данные о лицах, совершивших это деяние. Немаловажное значение имеет и современное состояние уголовно-правового обеспечения деятельности правоохранительных органов.

На фоне видоизменяющегося по формам и способам совершения мошенничества, бурно развивающейся рыночной экономики появляются неизвестные уголовному законодательству преступления, такие как: фрикерство, хакерство и радиопиратство. В свою очередь, уголовное законодательство, а также правоохранительные органы не успевают отслеживать столь стремительное развитие научно-технического прогресса, а вследствие этого оперативно реагировать на появления и проявления новых видов и подвидов преступлений.

В связи с этим сегодня возникла необходимость комплексного рассмотрения вопросов правового, методического и органи-

зационно-тактического характера, связанных с использованием положений уголовного права в криминалистической методике при расследовании мошенничества.

Целесообразность освещения уголовно-правовых вопросов в частных методиках расследования преступлений признается большинством ученых-криминалистов. Положения уголовного права обуславливают общую направленность методики служить точному выяснению наличия в расследуемом действии или бездействии конкретного субъекта, состава преступления, а также подлежит ли он уголовной ответственности (Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1979. Т. 3. С. 215–216; Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1965. С. 12; Селиванов Н. А. Советская криминалистика. Система понятий. М., 1982. С. 128–130).

Проведенный анализ положений уголовного законодательства в части квалификации мошенничества позволяет выделить ряд проблемных, на наш взгляд, вопросов, свидетельствующих о необходимости совершенствования уголовного законодательства в области мошенничества.

Согласно ст. 159 УК РФ мошенничество является умышленным противоправным действием, направленным на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Термин «мошенничество» является производным от старославянского слова «мошна» – хранилище денег, кошелек и издревле служило синонимом словам «жулик», «тать», «вор» – т. е. человек, посягающий на деньги, ценности, иное имущество, иными словами, на блага (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1981. С. 321). Юридическое определение мошенничества, приведенное выше, лаконично и достаточно конкретно.

Анализ диспозиции ст. 159 УК РФ показал, что определяющими моментами, характеризующими мошенничество, являются:

- 1) хищение;
- 2) приобретение прав на чужое имущество;
- 3) обман;
- 4) злоупотребление доверием.

Структурно юридическое определение мошенничества может быть представлено в виде четырех вариантов сочетаний целей и путей (способов) достижения криминальной цели, и законом определяются четыре юридически различные формы мошенничества (по целям и способу).

Необходимо отметить, что состав мошенничества на протяжении длительного времени привлекает внимание правоохранительных органов и ученых. Последние и правоприменители пришли к единой точки зрения в том, что субъективная сторона мошенничества предполагает прямой умысел. Виновный осознает, что вводит в заблуждение потерпевшего либо заведомо использует его доверие для получения чужого имущества и завладения им, и желает этого. Должно быть установлено, что виновный заранее знал, что не будет выполнять взятые обязательства.

Доказывание субъективной стороны мошенничества является главной трудностью ст. 159 УК РФ. Связывая наступление уголовной ответственности именно с хищением, законодатель оставляет тем самым широкую лазейку для преступников. Для инкриминирования мошенничества следствие необходимо доказать:

- что у подследственного был прямой умысел именно на хищение;
- умысел возник до получения имущества или приобретения права на имущество.

Доказать же факт возникновения прямого умысла до хищения крайне сложно. На наш взгляд, нецелесообразно связывать состав мошенничества с хищением. Понятие «хищение» не охватывает всех возможных способов совершения мошеннических действий.

Сущность мошенничества состоит не в хищении, а в причинении потерпевшему имущественного ущерба. По нашему мнению, некорректно устанавливать ответственность в разных статьях за одно, по своей сути, преступление, неоправданно усложнять его объективную сторону указанием на способ его совершения.

Представляется, что правовая сущность мошенничества заключается не в хищении, а в причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.

В связи с этим ст. 159 УК РФ, по нашему мнению, необходимо назвать следующим образом: «Причинение имуществен-

ного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием». Это позволит разрешить ряд проблем.

Во-первых, устраняется конкуренция ст. 159 и 165 УК РФ. Отграничение составов ст. 159 от ст. 173, 177 УК РФ и других сходных составов будет происходить в соответствии с принципом разрешения коллизии общей и специальной нормы. Такая формулировка ст. 159 УК РФ, точно отвечающая правовой природе мошенничества, будет и более удобоприменимой.

Во-вторых, не нужно будет доказывать умысел именно на хищение. Кроме того, существующий в настоящее время вопрос о возникновении умысла на невозврат долга до получения заемной суммы или после утратит актуальность и не будет влиять на квалификацию. Доказывать мошеннический умысел на причинение имущественного ущерба значительно легче, и это лучше сообразуется с сутью дела.

В связи с этим очевидна необходимость пересмотра системы норм УК РФ об имущественных обманах. Так, может иметь место объединение всех норм об имущественных обманах в видовое понятие мошенничества (предметом которого является в данном случае любая имущественная выгода), и на основании этого правового понятия (общей нормы) выделение отдельных видов мошенничества (специальных норм) по предмету посягательства и (или) содержанию преступного действия.

Кроме того, в гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» (ст. 272–274) не содержится положений, касающихся ответственности за компьютерное мошенничество. Ни в одном из составов преступлений, предусмотренных указанными статьями, корыстной цели (мотиву) не придано самостоятельного уголовно-правового значения, хотя и известно, что, например, неправомерный доступ к компьютерной информации чаще совершается с корыстной целью, и именно при таком обстоятельстве его общественная опасность резко повышается.

Все вышесказанное, на наш взгляд, свидетельствует о наличии проблем, в том числе уголовно-правового свойства, в противодействии правоохранительных органов преступлениям, связанным с имущественными обманами, что, в свою очередь, под-

тверждает актуальность проводимых научных изысканий в данной сфере.

Библиографический список

1. Белкин, Р. С. Курс советской криминалистики. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. В 3 т. Т. 3 / Р. С. Белкин. – М., 1979.

Я. Ю. Бурлакова,
соискатель кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России

РОЛЬ ИНСТИТУТА МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ОГРАНИЧЕНИЕМ ИЛИ ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ, В РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Институт мер пресечения является одним из основных элементов реализации назначения уголовного процесса. При этом назначение уголовного процесса обуславливается экономическими, политическими, социальными потребностями общества, общесоциальными закономерностями развития государства и права, особенностями социально-экономических условий отдельных этапов развития государства и соответственно права, исторической обстановкой, соотношением политических сил, национальными факторами и т. п. (Радько Т. Н. Понятие функций права // Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. М., 2002. С. 254).

Основой социального регулирования, обеспечивающего упорядоченность жизнедеятельности общества, выступает право, появившееся в результате необходимости предоставления свободному человеку определенных дозволений и наряду с этим упорядочения и ограничения индивидуальной активности интересами социума.

Право, с одной стороны, – это показатель развития общества, с другой – его инструмент. Правовое регулирование воздействует на волевое поведение людей, зависящее от социально-психологического состояния среды, уровня социальных притязаний в обществе, социально-культурного наследия общества. Эффективность правового регулирования зависит не только от его «жесткости», но и от соотнесенности со

2. Гурьев, В. В. Борьба с мошенничеством – один из приоритетов / В. В. Гурьев, Г. М. Спирин // Вестн. МВД РФ. – 1998. – № 4.

3. Колесниченко, А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений / А. Н. Колесниченко. – Харьков, 1965.

свойствами объекта этой регуляции (Еникеев М. И. Юридическая психология : учеб. для вузов. М., 1999. С. 19). Общество воздействует на развитие правовой системы, подчиняя ее своим потребностям, устанавливая нормы превентивного воздействия. Меры пресечения «обладают силой обеспечения исполнения возложенных на них обязанностей и возможностями содействия выработке у них правильных нравов и навыков социально активного поведения. Они помогают утверждению в людях, так или иначе соприкасающихся с уголовным процессом... понятий должного, справедливого, нравственного и воспитанию уважения к закону и к правопорядку» (Еникеев З. Д. Проблемы эффективности мер уголовно-процессуального пресечения. Казань, 1982. С. 20).

Прав М. И. Еникеев, отмечая, что формирование правового государства связано с глубокими процессами утверждения правовых ценностей в психологии личности, правовой ориентации в системе социальной адаптации личности. «И если мы хотим добиться уважения к закону, то мы должны создать законы, достойные уважения» (Еникеев М. И. Указ. соч. С. 22). Далее указанный автор замечает, что общеобязательную силу может приобрести лишь та правовая норма, которая способна выполнить функцию социальной нормы, т. е. отвечать социальным потребностям общества и личности, соответствовать социально-психологическим механизмам человеческого поведения (Там же. С. 23).

Социальное назначение права формируется из потребностей общественного развития. Реализация социального назначения права выступает в качестве *функции* права. Последняя включает в себя такое направление воздействия на общественные отношения, потребность в реализации которого создает условия для существования права как социального явления. Причем в каждый истори-

ческий период направление воздействия права таково, что без него общество на данном этапе развития обойтись не может. К характеристикам такого воздействия относятся регулирование, охрана, закрепление определенного вида общественных отношений. Посредством реализации функции осуществляются задачи определенного этапа развития права. Развитие общественных отношений с неизбежностью влечет развитие права, что свидетельствует о его динамике. Подтверждением тому служат изменения в системе мер пресечения, устанавливаемые законодательством в различные периоды развития государства и общества.

Институт мер пресечения является составной и неотъемлемой частью уголовного процесса, следовательно, как в целом уголовному процессу, так и его составной части присуща реализация определенных функций.

В аспекте реализации *функций* уголовного процесса социальная ценность института мер пресечения выражается в том, что с помощью данного института обеспечивается устойчивый порядок в сфере уголовно-процессуальных отношений; им охватываются социально полезные формы правомерного поведения субъектов уголовного процесса, исключаящие произвол; он препятствует незаконному вмешательству в сферу правомерной деятельности с помощью механизмов принуждения и юридической ответственности; обеспечивает оптимальное сочетание свободы и справедливости; охраняет права, свободы и законные интересы граждан, как вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений, так и лиц, не связанных такими отношениями.

Подчиняясь законам общей теории права, уголовный процесс воздействует на общественные отношения посредством осуществления двух главенствующих функций: *регулятивной и охранительной*.

Институт мер пресечения, не связанных с ограничением или лишением свободы, — это совокупность правовых норм, формально закрепленных в таком нормативном правовом акте, как УПК РФ. Регулятивная функция последнего заключается в регулировании конкретных правоотношений посредством установления правового статуса и компетенции правоприменителя, основа-

ний и условий их избрания и применения, обстоятельств, исключающих их применение, процедуры избрания и порядка применения (исполнения), закрепления основных прав и свобод подозреваемого или обвиняемого, а также ограничений, налагаемых на конкретное лицо в связи с избранием в отношении его конкретной меры пресечения, запрещения применения ограничений, превышающих установленные конкретными нормами границы, установления конкретной правовой связи между субъектами уголовного процесса, определения оптимального типа правового регулирования (общедозволительного) применительно к конкретным правоотношениям посредством исключения недозволительного.

Так, УПК РФ закрепляет основания для избрания мер пресечения (ст. 97), их перечень (ст. 98), обстоятельства, учитываемые при их избрании (ст. 99), субъектов, правомочных избрать меру пресечения (ст. 101), порядок применения конкретных мер пресечения, не связанных с ограничением или лишением свободы (ст. 103–106), основания для отмены или изменения мер пресечения (ст. 110), порядок обжалования действий, связанных с избранием или применением мер пресечения (ст. 123–125 и др.).

Не менее важной является *охранительная* функция права. С момента появления права оно стало средством охраны общественных отношений. В этом смысле право пресекает, запрещает, наказывает действия, нарушающие условия нормального развития, противоречащие интересам личности, общества, государства.

Основное назначение охранительной функции права заключается в первую очередь в превентивной охране общественных отношений, предотвращении нарушений норм права (Радько Т. Н. Указ. соч. С. 260). В полной мере это высказывание соответствует назначению охранительной функции уголовного процесса. Так, например, устанавливая в качестве одного из оснований для избрания мер пресечения предположение о возможности обвиняемого или подозреваемого продолжить заниматься преступной деятельностью, законодатель предусматривает охрану общественных отношений, не допуская тем самым возможного нарушения установленных правовых норм,

в частности, совершения преступления – противоправного деяния, за которое могут быть применены санкции УК РФ.

Нередко сам факт установления запрета оказывает позитивное влияние на конкретное лицо и побуждает его воздержаться от совершения противоправных действий. Тем самым достигается одна из целей воздействия права – охрана общественных отношений.

Охранительная функция уголовного процесса осуществляется уполномоченными государственными органами, которые в силу установленных полномочий принимают индивидуальные властные решения, исполнение которых гарантировано государственным принуждением, и оформляют их в соответствии с требованиями, установленными правовой нормой. Так, в силу ст. 101 УПК РФ об избрании меры пресечения дознаватель, следователь или судья выносит постановление, а суд – определение, содержащее указание на преступление, в котором подозревается или обвиняется лицо, и основания для избрания этой меры пресечения.

«Охранительная функция способствует выработке в праве как регуляторе общественных взаимосвязей ценных для личности и общества качеств: стабильности, детальной и ясной регламентации, четких процедур, – отмечает В. И. Леушин, и далее добавляет – ...охранительная функция реализуется путем применения специальных охранительных, а также действующих в охранительном режиме регулятивных норм» (Леушин В. И. Социальная ценность и функции права // Теория государства и права : учеб. для вузов / под ред. проф. В. М. Корельского и проф. В. Д. Перевалова. 2-е изд., изм. и доп. М., 2002. С. 248).

Характерной формой осуществления охранительной функции уголовного процесса посредством применения института мер пресечения, не связанных с ограничением или лишением свободы, является установление запретов совершать определенные действия под угрозой применения более строгой меры пресечения, в том числе связанной с ограничением или лишением свободы.

Реализация охранительной функции в уголовном процессе путем применения мер пресечения способствует комплексному решению двуединой задачи: одновременно

происходит защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Гармоничное сочетание обеих составляющих обеспечивает социальную ценность данного вида государственной деятельности (Грищенко А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2006. С. 54 ; Морщакова Т., Петрухин И. Социологические аспекты изучения эффективности правосудия // Право и социология. М., 1973. С. 254). Так, при незаконном и необоснованном обвинении, осуждении, ограничении прав и свобод лицо имеет право на реабилитацию, процессуальный порядок осуществления которой предусмотрен гл. 18 УПК РФ.

Первая составляющая охранительной функции в уголовном процессе – защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, – осуществляется по двум направлениям. Первое – в ходе производства по уголовному делу принимаются всесторонние меры, обеспечивающие реализацию всех процессуальных возможностей лиц, которым в результате преступления был причинен вред. Данное направление защиты основано на положении ст. 52 Конституции РФ, в соответствии с которой права потерпевших от преступлений охраняются законом, а государство обязано обеспечить потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда. Второе направление – ограждение потерпевших от противоправного воздействия со стороны обвиняемых или подозреваемых, а также ограждение свидетелей преступления от негативного влияния обвиняемых или подозреваемых. Именно эти основания указаны в пп. 2 и 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ в качестве необходимых для избрания меры пресечения для обвиняемых или подозреваемых.

Вторая составляющая охранительной функции в уголовном процессе включает защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Согласно ст. 49 Конституции РФ каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его ви-

новность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, а все неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

Данное конституционное положение дублируется в ст. 14 УПК РФ и находит развитие в принципах уголовного судопроизводства, предусмотренных в гл. 2 УПК РФ. Реализация защиты обвиняемого или подозреваемого в процессе избрания и применения мер пресечения может быть осуществлена только при неуклонном соблюдении указанных принципов.

Так, следуя принципу законности, постановление или определение об избрании мер пресечения в отношении обвиняемого или подозреваемого должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Из изложенного следует, что в ходе производства по уголовному делу должна быть соблюдена процедура избрания мер пресечения. Правоприменитель должен располагать вескими основаниями для избрания меры пресечения, предусмотренные ст. 97 УПК РФ. Кроме того, он обязан учесть как указанные в ст. 99 УПК РФ обстоятельства (тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий), так и другие, не предусмотренные данной статьей, но имеющие существенное значение при избрании конкретной меры пресечения. С учетом принципа свободы оценки доказательств судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

Основания и обстоятельства избрания мер пресечения должны быть изложены в постановлении или определении, другими словами – указанный документ должен быть мотивирован. Тем более это необходимо при избрании мер пресечения, исключающих применение заключения под стражу или домашний арест.

Незаконное избрание мер пресечения влечет их отмену и в дальнейшем реабилитацию конкретного лица.

При избрании мер пресечения обвиняемый или подозреваемый должен быть ознакомлен с процессуальными правами и теми запретами, которые устанавливает для него избранная мера пресечения.

В ходе применения мер пресечения лицо не должно подвергаться запретам большим, чем это предусматривает содержание избранной в отношении его меры пресечения, не должно подвергаться действиям, унижающим честь и человеческое достоинство, а также насилию, пыткам, другому жестокому обращению.

Условия применения мер пресечения, не связанных с ограничением или лишением свободы, не должны создавать угрозу жизни или здоровью обвиняемого или подозреваемого.

Обвиняемый или подозреваемый в ходе избрания или применения в отношении его меры пресечения наделяется правом обжалования действий (бездействия) и решений органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: а) регулятивная функция института мер пресечения как составной части уголовного процесса представляет собой обусловленное социальным назначением данного института правовое воздействие, имеющее целью реализацию превенции и выражающееся в установлении запрещения воспрепятствования производству по уголовному делу, а также в предоставлении субъективных прав, установлении юридических обязанностей и ответственности субъектов уголовно-процессуальных отношений; б) в процессе применения мер пресечения охранительная функция уголовного процесса базируется на принципах уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. *Гриненко, А. В.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Гриненко. – М., 2006.
2. *Еникеев, З. Д.* Проблемы эффективности мер уголовно-процессуального пресечения / З. Д. Еникеев. – Казань, 1982.

С. В. Владимиров,
*адъюнкт кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России*

**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ
УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
НАЕЗДА ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ
НА ПЕШЕХОДА**

Для успешного планирования и организации расследования, полного и своевременного собирания доказательств, правильного разрешения уголовного дела следователю (здесь и далее имеются в виду дознаватель, орган дознания и следователь) надлежит детально исследовать все обстоятельства дорожно-транспортного происшествия (далее: ДТП), имеющие значение для уголовного дела. Несмотря на большое количество специальной литературы, посвященной проблемам расследования ДТП, на наш взгляд, недостаточно уделяется внимания разработке и систематизации обстоятельств, подлежащих установлению, особенно при расследовании конкретных видов ДТП.

В. Е. Жарский, учитывая специфику расследования дел о ДТП, выделяет следующие обстоятельства, подлежащие установлению: 1) обстоятельства, характеризующие происшедшее событие; 2) обстоятельства, характеризующие степень виновности обвиняемого в совершении преступления; 3) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого; 4) обстоятельства, способствовавшие совершению ДТП (Жарский В. Е. Расследование дорожно-транспортных происшествий : лекция / под ред. доц. Г. Г. Зуйкова. М., 1968. С. 6–7).

Первый пункт приведенной классификации, на наш взгляд, нуждается в дальнейшей детализации, поскольку неясно, о каких именно обстоятельствах идет речь. Представляется, автор имел в виду механизм происшествия, его причины, последствия и т. д., которые, по нашему мнению, должны составлять отдельные группы обстоятельств, подлежащих установлению. Кроме того, неясно, по каким основаниям В. Е. Жарский разграничивает обстоятельства, характеризующие степень виновности, и обстоятельства, влияющие на степень ответственности.

Н. П. Яблоков предлагает следующий перечень основных обстоятельств, подле-

жащих выяснению при расследовании ДТП: 1) имело ли место автотранспортное происшествие и в чем оно выразилось; 2) как произошло событие (механизм происшествия); 3) какие тяжкие последствия наступили; каковы непосредственные причины, приведшие к автотранспортному происшествию; 4) какие правила движения и эксплуатации автомобилей были нарушены; 5) имеется ли причинная связь между нарушениями, допущенными водителем, и наступившими последствиями; 6) не было ли в действиях виновного преступного умысла, каково содержание этого умысла (Яблоков Н. П. Методика расследования автотранспортных происшествий : лекции для студентов ВЮЗИ. М., 1959. С. 9).

В. Н. Герасимов составил похожий перечень обстоятельств, подлежащих установлению, дополнительно лишь выделяя обстоятельства, способствовавшие совершению ДТП (Герасимов В. Н. Глава 39. Расследование преступных нарушений правил безопасности дорожного движения // Криминалистика : учеб. для вузов / отв. ред. проф. Н. П. Яблоков. М., 1995. С. 642–643).

В данном случае мы видим, что указанные авторы в свои перечни не включили обстоятельства, характеризующие дорожную обстановку. Считаем, что данные обстоятельства являются ключевыми, во многом определяющими исход уголовного дела, поскольку, основываясь на них, эксперт-автотехник определяет, какие величины использовать при расчете технической возможности водителя предотвратить наезд на пешехода.

Некоторые авторы (например, Лубсандоржиев М. М. Обстоятельства, подлежащие установлению по делам о преступлениях в сфере безопасного ведения горных работ // Вестн. криминалистики / отв. ред. А. Г. Филиппов. М., 2006. Вып. 2 (18). С. 77–82) предлагают при расследовании некоторых видов преступлений устанавливать криминалистически значимые обстоятельства, характеризующие объект преступного посягательства, объективную сторону преступления, субъект преступления, субъективную сторону преступления. Представляется, что обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании преступления, должны быть объединены в группы по общим признакам, имеющим

криминалистическое значение, а не уголовно-правовое.

Из числа проанализированных нами перечней обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании ДТП, наиболее оптимальной, но, как нам кажется, также не лишённой некоторых недостатков, представляется классификация, предложенная В. К. Глистиним и Б. Е. Боровским, согласно которой подлежат выяснению: 1) механизм ДТП; 2) дорожная обстановка; 3) состояние транспортных средств; 4) последствия ДТП; 5) личность, психофизиологическое состояние участников движения; 6) поведение участников движения в процессе развития происшествия; 7) причины происшествия и причинная связь между нарушениями водителем Правил дорожного движения (далее: ПДД) и наступившими последствиями; 8) вина каждого из участников движения в совершенном преступлении; 9) обстоятельства, которые способствовали совершению преступления (Глистин В. К., Боровский Б. Е. Автотранспортные преступления: (Квалификация и методика расследования). Л., 1969. С. 21–23). Однако, на наш взгляд, поведение водителя и пешехода в процессе развития происшествия составляют структуру механизма ДТП и не должны рассматриваться отдельно от него.

Без сомнения, следует согласиться с названными авторами в том, что к числу обстоятельств, которые имеют существенное значение и которые необходимо устанавливать при расследовании ДТП, следует отнести не только обстоятельства, подлежащие доказыванию, указанные в уголовно-процессуальном законе и вытекающие из общих положений УК РФ, УПК РФ, ведомственных инструкций, наставлений МВД РФ, приказов Генерального прокурора РФ и постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам расследования, но и обстоятельства, объясняющие спорные, неясные вопросы, возникающие в процессе расследования (Глистин В. К., Боровский Б. Е. Указ. соч. С. 21). Ими не указывается, о каких спорных и неясных вопросах идет речь, ясно лишь, что данные обстоятельства не охвачены перечнем, приведенным в ст. 73 УПК РФ. На наш взгляд, к числу таковых, например, можно отнести обстоятельства, характеризующие психофизиологическое состояние водителя, установление момента

возникновения опасности для движения водителя и др.

Итак, специфика события ДТП, особенность методики их расследования позволяют нам сформулировать следующий перечень обстоятельств, подлежащих установлению по делам о наезде транспортным средством на пешехода.

1. *Сведения, свидетельствующие о событии ДТП.* Подлежит установлению, имел ли место контакт транспортного средства и пешехода и наступили ли последствия, предусмотренные ст. 264 УК РФ (причинение смерти, тяжкого вреда здоровью), и если да, то в какое именно время и в каком месте произошло ДТП.

2. *Механизм ДТП.* Анализ механизма происшествия позволяет уяснить само событие, определить его юридические признаки (произошел ли несчастный случай, совершено преступление и т. д.). Если же по делу в достаточной степени не подвергался анализу механизм происшествия, то невозможно установить его причины, действия участников на каждом этапе механизма наезда, а следовательно, и виновных в ДТП лиц.

В подтверждение сказанного можно привести следующий пример. *В г. Кинеле Самарской области произошел наезд автомобиля ВАЗ-2112 под управлением Ц. на несовершеннолетнюю Д. Следствием было установлено, что последняя в момент наезда пересекла проезжую часть бегом справа налево относительно движения автомобиля. Согласно заключению автотехнической экспертизы Ц. не располагал технической возможностью избежать наезда. Дело было прекращено за отсутствием состава преступления, однако по жалобе родственников пострадавшей следствие возобновили. Вниманию следователя привлек факт нахождения кровоподтеков на передней части нижних конечностей пострадавшей, причем кровоподтеки располагались на одинаковом расстоянии от стоп. При допросе эксперта-медика было установлено, что, отвечая на обычные, стандартные вопросы, он не придал значения такому характеру телесных повреждений. На допросе эксперт-медик показал, что пострадавшая в момент наезда стояла на двух ногах лицом к автомобилю. Далее был проведен следственный эксперимент, в результате которого удалось выяс-*

нить следующие обстоятельства: путь, темп бега пешехода и время, затраченное на остановку после бега, совершение пострадавшей разворота тела влево на 90 градусов и перенос веса тела на две опорные ноги. С учетом новых фактов провели дополнительную автотехническую экспертизу, в итоге вина Ц. была доказана, а дело направлено в суд с обвинительным заключением.

Установление механизма происшествия предполагает выяснение следующих обстоятельств: кто именно управлял транспортным средством и на основании каких документов; как именно двигалось транспортное средство при приближении к месту ДТП, а именно: с какой скоростью, на какой передаче и т. д.; как двигался пешеход с момента появления в зоне движения автомобиля до момента наезда; в какой момент возникла опасность для движения водителя; кто создал опасность для движения; правильно ли была расценена водителем дорожно-транспортная ситуация (далее: ДТС), если нет, то почему; как именно произошел наезд, т. е. какой частью автомобиля, как располагалось тело пешехода в момент первоначального контакта с транспортным средством; где именно находится место наезда и как оно определено; как должен был действовать в сложившейся ДТС водитель для предотвращения наезда, и что он реально предпринял с данной целью; двигались ли автомобиль и пешеход после наезда, если да, то как; какое положение они заняли на дороге.

3. *Дорожная обстановка, в которой произошло происшествие.* Установление сведений, характеризующих дорожную обстановку, важно по ряду причин. Во-первых, она влияет на развитие механизма происшествия, а нередко и формирует его. Анализируя закономерности влияния обстановки на механизм происшествия, следовательно определяет содержание каждой стадии механизма ДТП. Действительно, исходя из дорожных условий: водитель избирает скорость движения, положение автомобиля на проезжей части и другие параметры движения автомобиля, а пешеход решает, где и как пересекать проезжую часть. Например, во время сильного гололеда возможно пересечь проезжую часть только спокойным или медленным шагом. Во-вторых, дорож-

ная обстановка может содержать информацию об истинных причинах происшествия (как объективных, так и субъективных) и обстоятельствах, способствовавших его наступлению. В-третьих, дорожная обстановка содержит сведения, обеспечивающие правильное проведение некоторых следственных действий. Часто следователь использует сведения, характеризующие дорожные условия, для проведения следственного эксперимента или автотехнической экспертизы. Если такие сведения содержат пробел или не отражают реальность, то происходит своего рода цепная реакция, при которой все производные доказательства не имеют юридической силы.

В связи с вышеизложенным установлению подлежат: качественные и количественные характеристики дороги, которая включает в себя проезжую часть, обочины, тротуары, кюветы и т. д.; установленный порядок движения на данном участке (одностороннее, двустороннее, число полос движения в каждом направлении, наличие и ширина разделительной полосы); способ регулирования исследуемого участка дороги (наличие и характер работы светофорных объектов, регулировщиков); наличие, месторасположение, характер и состояние дорожной разметки и знаков; обзорность и видимость элементов дороги и пешехода с рабочего места водителя, их освещенность, а также наличие помех, ухудшающих обзорность и видимость в направлении движения и т. д.

4. *Состояние транспортных средств.* В ходе расследования ДТП следователю необходимо разрешить два вопроса: исправно ли было транспортное средство в момент наезда на пешехода и характер повреждений, причиненных в результате происшествия. Решение первого вопроса необходимо для установления причин происшествия: не вызвано ли оно имевшимися неисправностями и по чьей вине эксплуатировалось неисправное транспортное средство. Ответ на второй вопрос имеет значение для определения размеров причиненного ущерба. Следует отметить, что по характеру повреждений на транспортном средстве возможно установить и некоторые элементы механизма наезда на пешехода, а также причастность конкретного автомобиля к расследуемому ДТП.

Например, в г. Самаре произошел наезд автомобилем ГАЗ-3110 на пешехода Н. Водитель на автомобиле с места происшествия скрылся. Путем проведения оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками ГИБДД установили автомобиль, возможно причастный к ДТП. И только сопоставив повреждения на трупе и на автомобиле удалось установить причастность водителя автомобиля ГАЗ-3110 к данному ДТП (Архив Главного следственного управления при ГУВД Самарской области. Уголовное дело № 200193055).

5. *Последствия ДТП.* При расследовании уголовного дела необходимо установить наличие телесных повреждений у пешехода, степень их тяжести, характер, локализацию, механизм образования и пр.

6. *Сведения о личности и психофизиологическом состоянии участников движения.* Выяснению подлежат: стаж работы и уровень профессиональной подготовки водителя, состояние здоровья, наличие физических недостатков, наличие алкоголя в крови, на котором часу работы водителя произошло происшествие, поведение водителя в быту, на работе, в общественной жизни и т. д. На первый взгляд последнее обстоятельство может показаться излишним, однако, на наш взгляд, это не так. Установление фактов постоянной озлобленности водителя, его бестактного поведения в быту, на работе, в общественных местах может свидетельствовать об экстремальной манере вождения и постоянном проявлении неуважения к другим участникам дорожного движения. Построение следственных версий о причинах ДТП должно обязательно строиться на основе таких фактов. Также подлежат выяснению подобного рода сведения и о личности пешехода.

Важное значение имеет установление времени реакции водителя на опасность, связанную с выходом на проезжую часть дороги пешехода. В большинстве случаев время реакции определяет эксперт-автотехник, используя при этом опубликованные в научной литературе «дифференцированные значения времени реакции водителя» (Суворов Ю. Б. Судебная дорожно-транспортная экспертиза. Судебно-экспертная оценка действий водителей и других лиц, ответственных за обеспечение безопасности до-

рожного движения, на участках ДТП: учеб. пособие для вузов. М., 2004. С. 60–64), которые колеблются в пределах 0,3–1,4 с. Однако в некоторых ДТС, характеризующихся сложными дорожными условиями (темное время суток, осадки и т. д.), время реакции водителя на опасность может увеличиваться до 2 с и более (Суходольский Г. В. Инженерно-психологическая экспертиза дорожно-транспортных происшествий. Харьков, 2006. С. 18). В данном случае следователю (суду) надлежит решить вопрос о назначении комплексной дорожно-транспортной и психологической экспертизы, поставив перед экспертом-психологом вопрос о времени реакции водителя на опасность в данной дорожной обстановке.

7. *Причины происшествия и обстоятельства, способствовавшие его наступлению.* На возникновение происшествий одновременно оказывают влияние субъективные и объективные факторы. Поэтому следует согласиться с Б. Л. Зотовым в том, что, несмотря на разнообразие и обусловленность субъективных и объективных факторов, органы следствия и суд должны дать четкий ответ, наступили ли вредные последствия в результате неправильных действий участников движения, проявивших недопустимое легкомыслие или небрежность, или же они вызваны объективными обстоятельствами дорожной обстановки (Зотов Б. Л. Расследование и предупреждение автотранспортных происшествий. М., 1972. С. 20).

Например, *водитель автомобиля ВАЗ-2106 Н., двигаясь с допустимой скоростью в темное время суток по проезжей части, совершил наезд на трех пешеходов, пересекавших проезжую часть по нерегулируемому пешеходному переходу, обозначенного дорожными знаками 5.19.1, 5.19.2 «Пешеходный переход» ПДД. В ходе осмотра было установлено, что указанные дорожные знаки имели следы коррозии и не обладали световозвращающим эффектом, что не позволяло водителю своевременно их обнаружить и уступить дорогу пешеходам, как этого требуют ПДД (в данных дорожных условиях расстояние, с которого виден дорожный знак, меньше расстояния остановочного пути автомобиля). На стадии возбуждения уголовного дела было доказано,*

что в действиях водителя и пешеходов нарушений ПДД нет. То есть водитель двигался со скоростью, допустимой по пределам видимости, пешеходы двигались по пешеходному переходу, а когда они вышли на проезжую часть, автомобиль водителя Н. находился на значительном удалении от линии их движения. Единственной причиной ДТП стали отсутствие электроосвещения и ненадлежащее состояние дорожных знаков на данном участке дороги (Архив СУ при УВД по г. Самара. Отказной материал № 122/961-73-00).

8. Требования ПДД, нарушенные водителем и (или) пешеходом. Наличие в прямой причинно-следственной связи допущенных нарушений с наступившими последствиями. Следует обратить внимание на весьма распространенную ошибку следователей при расследовании данного вида преступлений, когда следователь вменяет водителю при предъявлении ему обвинения все пункты ПДД, которые он нарушил, даже если некоторые из них не находятся в причинно-следственной связи с последствиями. Такая картина наблюдается по абсолютному большинству изученных уголовных дел.

Другой распространенной ошибкой следователей является неправильное толкование характера некоторых норм ПДД. В постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого можно встретить вмененные нарушения, которые предусмотрены разд. 1 ПДД «Общие положения». Водитель может быть обвинен в том, что он нарушил п. 1.3 ПДД, согласно которому он должен был «знать и соблюдать... требования Правил, сигналов светофоров, знаков и разметки». Его так же можно обвинить и в том, что в России «на дорогах установлено правостороннее движение транспортных средств» (п. 1.4 ПДД), если он (водитель) вдруг совершил наезд на пешехода на встречной полосе, даже в местах, где выезд на данную полосу не запрещен, либо он двигался по своей стороне дороги, но не в крайнем правом ряду.

Неправильное вменение пунктов ПДД водителю может произойти и в случае неправильной оценки ДТС. Например, водитель совершил наезд на пешехода в зоне

нерегулируемого пешеходного перехода на остановке общественного транспорта, в то время как пешеход осуществлял движение с тротуара к стоящему на проезжей части трамваю. В его действиях нет нарушения п. 14.1 ПДД, согласно которому он «обязан уступить дорогу пешеходам, переходящим проезжую часть по нерегулируемому пешеходному переходу». В данном случае водитель нарушил п. 14.6 ПДД, который обязывает «уступить дорогу пешеходам, идущим к стоящему на остановке маршрутному транспортному средству...».

9. Вина каждого из участников движения (водителя и пешехода) в произошедшем ДТП. Необходимо установить форму вины по отношению к нарушению норм ПДД и последствиям со стороны водителя и пешехода. Лишь единицы из числа изученных уголовных дел содержат сведения о проявленных водителем при совершении наезда на пешехода формах неосторожности (небрежность или легкомыслие). Считаем, что данные обстоятельства обязательно должны находить отражение в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого, прекращении уголовного дела.

Мы не претендуем на бесспорность предложенного перечня обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании дел о наезде транспортным средством на пешехода. Надеемся на дальнейшее обсуждение данной проблемы на страницах «Вестника Владимирского юридического института».

Библиографический список

1. Глистин, В. К. Автотранспортные преступления: (Квалификация и методика расследования) / В. К. Глистин, Б. Е. Боровский. – Л., 1969.
2. Жарский, В. Е. Расследование дорожно-транспортных происшествий : лекция / В. Е. Жарский ; под ред. доц. Г. Г. Зуйкова. – М., 1968.
3. Зотов, Б. Л. Расследование и предупреждение автотранспортных происшествий / Б. Л. Зотов. – М., 1972.
4. Яблоков, Н. П. Методика расследования автотранспортных происшествий : лекции для студентов ВЮЗИ / Н. П. Яблоков. – М., 1959.

В. В. Волченков,
*старший научный сотрудник
научно-исследовательского отделения
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, профессор*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ ОРУЖИЯ

В условиях переустройства всех сторон общественных отношений в Российской Федерации преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, представляют серьезную угрозу для жизни людей и безопасности государства.

В последние годы резко увеличилась распространенность оружия как в криминальной среде, так и среди законопослушных граждан, которые стремятся к его приобретению в целях самообороны. Сегодня количество купленного гражданами оружия в России составляет 5 млн единиц, а по некоторым экспертным оценкам, в незаконном обороте у населения находится в 2 раза больше оружия.

Преступления, совершаемые с применением оружия (в основном находящегося вне сферы государственного контроля), такие как: убийства, в том числе по найму, бандитизм, разбойные нападения, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, а также наиболее резонансные преступления террористической и экстремистской направленности, — характеризуются высокой степенью общественной опасности и тяжестью последствий.

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации отмечено, что темпы роста преступности приобрели масштабы, непосредственно угрожающие устоям общества. Для профилактики преступности и борьбы с нею в первую очередь необходимо развивать правовую базу как основу надежной защиты прав и законных интересов граждан, а также перекрыть все возможные каналы незаконного оборота оружия и взрывчатых веществ внутри страны и их поступления из-за рубежа (О Концепции национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 10 янв. 2000 г. № 24 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 2, ст. 170).

В связи с этим сегодня в нашей стране неизмеримо возросла степень ответственности органов внутренних дел за обеспечение безопасности граждан и защиты интересов государства. Эффективная борьба с рассматриваемым видом преступлений требует постоянного изучения правовых, организационных, тактических и информационных основ, а также взаимодействия оперативных подразделений и служб органов внутренних дел в осуществлении данной деятельности в целях обобщения опыта и повышения качества использования достижений науки, сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности.

При совместном участии автора, докторов юридических наук В. П. Кувалдина, Г. К. Синилова, кандидатов юридических наук М. В. Лукашина, Н. П. Тюлькина и сотрудников Департамента уголовного розыска МВД России был подготовлен Межведомственный комплексный план мероприятий по борьбе с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ на 2006–2010 годы, который был утвержден приказом МВД России, ФСБ России, Минобороны России, Минюста России, Минпромэнерго России, Ростехнадзора, ФТС России, Генпрокуратуры России от 17 октября 2006 г. № 826/493/424/314/266/910/1009/39 (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»). Реализация органами внутренних дел этого комплексного плана мероприятий совместно с указанными ведомствами позволила добиться сокращения количества преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Об этом свидетельствуют данные ГИАЦ МВД России (табл. 1).

Таблица 1

Показатель, тыс. ед.	Год	2003	2004	2005	2006	2007
Всего зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия		47,8	22,6	23,2	23,2	23,0
Раскрыто		42,4	17,9	17,2	17,0	17,4

Результаты изучения материалов раскрытых уголовных дел и дел оперативного учета свидетельствуют, что основными источниками нелегального рынка оружия в России являются следующие:

– государственные военизированные организации, в первую очередь Министерство обороны Российской Федерации (каждая третья единица в общем объеме разыскиваемого похищенного и утраченного оружия);

– поступления из Северо-Кавказского региона;

– контрабандный ввоз из-за границы;

– поступления через скрытые каналы с предприятий военно-промышленного комплекса;

– самодельное изготовление;

– в результате осуществления поисковых мероприятий и раскопок на местах бывших боев времен Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Одним из самых распространенных источников поступления оружия в незаконный оборот продолжает оставаться хищение. Однако в последние годы ситуация с преступлениями, связанными с хищением оружия (ст. 226 УК РФ) несколько стабилизировалась (табл. 2).

Таблица 2

Показатель \ Год	2003	2004	2005	2006	2007
Всего зарегистрировано хищений оружия, ед.	2856	2392	2503	2204	2214
Раскрыто, ед. (%)	1803 (63,1)	1571 (65,7)	1429 (57,1)	1352 (61,3)	1060 (47,9)

Тем не менее проблемы, связанные с организацией работы органов внутренних дел по предупреждению и раскрытию хищений оружия, продолжают негативно влиять на оперативную обстановку в стране. По данным ГИАЦ МВД России, на 1 июля 2008 г. состоит на учете ранее похищенного 214,1 тыс. единиц огнестрельного оружия, в том числе 69,6 тыс. нарезного. Это – 23,5 тыс. автоматов, 4,4 тыс. винтовок и карабинов, 29,5 тыс. пистолетов и револьверов, 1932 пулемета, 2624 гранатомета. Весь этот арсенал оружия ранее принадлежал Министерству обороны Российской Федерации.

Одним из направлений совершенствования деятельности органов внутренних дел по борьбе с незаконным оборотом оружия является комплексное проведение оперативно-розыскных мероприятий (ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (да-

лее: ФЗ об ОРД) по своевременному выявлению лиц, представляющих оперативный интерес, фактов их противоправного поведения, а также причин и условий, способствующих их криминальной деятельности.

Выборочное исследование показало, что из числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 222–226 УК РФ, на учетах состояло 12,8 %. Подавляющее их число составляли лица, ранее судимые (37,8 %), а также лица, условно осужденные (18,7 %) и имеющие отсрочку исполнения приговора (43,5 %).

В современных условиях от органов внутренних дел требуется осуществление комплекса правовых и оперативно-розыскных мер, направленных на обеспечение контроля за изменением ситуации на нелегальном рынке оружия с целью сокращения его масштабов.

В связи с этим целесообразно:

– внести изменения и дополнения в ст. 222, 223 и 226 УК РФ, касающихся уголовной ответственности за незаконные сделки с оружием и его производством, введя такие квалифицирующие признаки, как: «...в целях приобретения, хранения, перевозки, передачи, ремонта, сбыта основных частей оружия, хотя и находящегося в неисправном состоянии, без получения в установленном порядке лицензии...»;

– внести изменения в ст. 224 УК РФ и изложить ее начало в следующей редакции: «Небрежное хранение огнестрельного оружия, его основных частей, хотя и находящихся в неисправном состоянии, создавшее условия для использования их другим лицом, если это повлекло тяжкие последствия...».

Проведенное исследование правовой основы оперативно-розыскной деятельности по борьбе с незаконным оборотом оружия позволяет сделать некоторые выводы и сформулировать предложения, направленные на усиление противодействия преступлениям, связанным с оборотом оружия.

Сегодня противодействие обороту оружия не обеспечивается необходимой потребностью норм и их отдельных частей ФЗ об ОРД. Правовая основа оперативно-розыскной деятельности в современных условиях требует научного подхода и совершенствования для успешного решения практических задач. В первую очередь каждое из четырнадцати оперативно-розыскных мероприятий,

перечисленных в ст. 6 ФЗ об ОРД, нуждается в раскрытии его содержания.

Наряду с этим требуются редакционные уточнения и по такому принципиальному законодательному положению, как определение легитимного понятия оперативно-розыскной деятельности (ст. 1 ФЗ об ОРД). Образовывая ее как вид социальной практики, законодатель подчеркивает ее отличие от других видов юридической практики и не определяет разведывательно-поисковой направленности как единой функции, включающей разведывательную, контрразведывательную и поисковую деятельность.

Из понятия оперативно-розыскной деятельности, приведенного в ст. 1 ФЗ об ОРД, усматривается, что основным субъектом являются уполномоченные на ее реализацию органы, осуществляющие эту деятельность. В то же время из содержания ряда статей (ст. 5, 6, 13, 15, 16, 19 ФЗ об ОРД) следует, что таковыми являются оперативные подразделения и должностные лица спецслужб правоохранительных органов. Поэтому представляется целесообразным изложить ст. 1 ФЗ об ОРД в следующей редакции: «Оперативно-розыскная деятельность – это основанный на федеральном законодательстве вид социально полезной юридической деятельности уполномоченных на то законодателем субъектов, представляющий собой систему проводимых актов гласного и негласного характера, применения специальных сил, средств, методов и мероприятий, а также принятия по ним юридических решений, осуществляемых с целью обеспечения безопасности личности, общества и государства в борьбе с преступностью при отсутствии возможности их достижения иными законодательно установленными средствами.

Оперативно-розыскная деятельность реализует государственную разведывательно-поисковую функцию в форме разведывательной, контрразведывательной и сыскной деятельности в решении задач, определенных настоящим федеральным законом».

В такой редакции, на наш взгляд, законодательное определение понятия оперативно-розыскной деятельности внесет ясность в вопрос о его соотношении с понятием «разведка» и определит содержание всего комплекса разведывательно-поиско-

вых сил, средств и методов для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

В действующем оперативно-розыском законодательстве впервые провозглашена перспективная идея о защите лиц, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности посредством применения межотраслевого института вынужденного причинения вреда правоохранительным интересам. Однако механизм исполнения указанной нормы не разработан, и она осталась на практике не реализованной. Решение этой проблемы в теории оперативно-розыскной деятельности нами обосновывается в предложении продолжить развитие данного института в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве.

Эффективность деятельности всех субъектов правоприменения по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, определяется также согласованностью нормативно-правового регулирования уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности. В настоящее время назрела острая необходимость:

а) внесения корреляционных изменений и дополнений в ст. 89 УПК РФ и сформулировать в следующей редакции: «Органу дознания, следователю, прокурору или в суд предоставляются результаты оперативно-розыскной деятельности в форме фактических данных, материалов, которые по своему содержанию могут:

- служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела;

- быть использованы для подготовки и осуществления следственных действий, экспертиз, судебных решений и действий;

- использоваться в доказывании виновности подозреваемых в совершении преступлений по уголовным делам в соответствии с положениями статей 87 и 88 настоящего Кодекса.

Фактические данные могут предоставляться в порядке исполнения отдельных поручений органа дознания, следователя, прокурора или определения суда по делам, находящимся в их производстве, либо по инициативе субъекта оперативно-розыскной деятельности по мотивированному постановлению»;

б) дополнить ст. 86 УПК РФ пунктом вторым следующего содержания: «Органы доз-

нения в соответствии с предоставленным им Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» полномочиями выявляют, документируют и сохраняют фактические сведения, свидетельствующие о признаках преступного деяния, способах его совершения и сокрытия, орудиях и средствах его совершения, позволяющих устанавливать лиц, его совершивших, размер причиненного ущерба потерпевшим, механизм противодействия установлению истины по делу, и другие обстоятельства совершения преступления для их процессуальной проверки и оценки дознавателем, следователем, прокурором и судом».

В настоящее время действующие ведомственные нормативные правовые акты не содержат специфических норм, отражающих особенности борьбы с преступлениями, свя-

занными с незаконным оборотом оружия, не обеспечивают надлежащим образом охрану интересов общественной безопасности. Принятие указанных предложений во многом будет способствовать расширению возможностей их использования в уголовном процессе в качестве доказательств, обеспечения правовых гарантий сотрудников оперативных подразделений, служб и лиц, конфиденциально содействующих органам внутренних дел в борьбе с преступлениями, связанными с незаконным оборотом оружия.

Библиографический список

1. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон : [от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ] // Рос. газ. – 1995. – 18 авг.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2008.

О. А. Егорова,

председатель Московского городского суда

ПРАВО СОВМЕСТНОГО ПРОЖИВАНИЯ ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ С РЕБЕНКОМ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В научной литературе высказывается мнение о том, что при осуществлении такого правомочия права собственности, как правомочие пользования жилым помещением, у родителей ребенка возникает особый вид вещного права на жилое помещение – право совместного проживания.

В этой связи полагаем, что законный представитель несовершеннолетнего не может приобрести самостоятельного права на жилое помещение, производного от права несовершеннолетнего на данное помещение. Самостоятельное вещное право на жилое помещение не возникает только на основании семейного правоотношения и исполнения обязанностей законного представителя.

Приведем следующий пример из судебной практики. Мать ребенка Б. М., которому принадлежит $\frac{1}{2}$ доли в праве собственности на двухкомнатную квартиру, обратилась с иском о признании права пользования указанной квартирой. Решением суда первой инстанции, оставленным в силе кассационной инстанцией, в удовлетворении иска отказано на основании того, что истец

не приобрел в соответствии со ст. 53, 54 ЖК РСФСР права самостоятельного пользования названной квартирой как член семьи нанимателя. Отменяя принятые судебные акты, суд надзорной инстанции указал, что истец на время законного представительства интересов ребенка вправе пользоваться недвижимым имуществом *без приобретения самостоятельного права на него* (Арх. Владим. обл. суда. Д. № 44г-86/07).

К числу лиц, имеющих производное право пользования жилым помещением (право совместного проживания), относятся, в частности, родители, проживающие совместно с ребенком, являющимся собственником жилого помещения (ст. 292 ГК РФ).

Право совместного проживания представляет собой институт, сформировавшийся в советском отечественном праве. Российский законодатель, особо выделив в качестве субъекта жилищных правоотношений члена семьи, закрепил за ним и специфическое гражданское право, назвав его правом пользования жилым помещением. Данное право может претендовать на абсолютную новизну, поскольку неизвестно зарубежным источникам права.

Часть 1 ст. 31 ЖК РФ относит к членам семьи собственника его супруга, детей и родителей. Буквальное толкование приведенной нормы жилищного права позволяет сделать вывод, что в случае, когда собст-

венником помещения является ребенок, членами его семьи являются родители, а также дедушка и бабушка.

Вместе с тем, по нашему мнению, указанную норму следует толковать ограничительно и относить к членам семьи ребенка – собственника жилого помещения только его родителей, поскольку дедушка и бабушка будут относиться к членам его семьи с момента достижения им совершеннолетия.

Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы, а в исключительных случаях и иные лица могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены им в жилое помещение в качестве членов семьи.

Таким образом, ч. 1 ст. 31 ЖК РФ предусматривает возможность признания членами семьи собственника, по сути, любых граждан, лишь бы таковые были вселены собственником в занимаемое им жилое помещение в качестве членов своей семьи. Однако процедура такого вселения, тем более определения качества, в котором они вселены собственником, законодательством в достаточной степени не определена.

На наш взгляд, в том случае, когда собственником жилого помещения является ребенок, следует ограничить право его законных представителей вселять в жилое помещение иных родственников до достижения собственником совершеннолетия.

Кроме того, полагаем, что круг членов семьи ребенка – собственника жилого помещения следует ограничить перечнем лиц, содержащимся в указанной статье ЖК РФ, дополнив его братьями (сестрами) ребенка-собственника. Только так могут быть должным образом гарантированы жилищные права детей как социально самых незащищенных граждан.

Итак, по общему правилу первую группу лиц, являющихся членами семьи собственника, составляют его супруг, родители и дети. В случае, если собственником жилого помещения является ребенок, данную группу будут составлять, как упоминалось выше, только родители и братья (сестры) ребенка.

В отношении этих лиц действует правило, согласно которому, если они совместно проживают с собственником в принадлежащем ему жилом помещении, у них автоматически возникают права на постоянное

пользование жилым помещением. Само вселение этих лиц означает желание собственника предоставить им данное право. Следует отметить, что жилищное законодательство вывело из рассматриваемой группы членов семьи собственника родителей и детей супруга-несобственника, которые уравнивались в порядке возникновения прав на пользование жилым помещением с детьми и родителями супруга-собственника в соответствии со ст. 53 ЖК РСФСР 1983 г.

Названный выше круг лиц обладает в силу закрытого перечня необходимым постоянством и конкретностью.

Применительно к ребенку – собственнику жилого помещения его родители не имеют права вселять в жилое помещение сводных братьев и сестер ребенка (а тем более своих родителей), которые, в свою очередь, также не могут обладать данным правом, если они не вселены в жилое помещение в качестве членов семьи ребенка – собственника жилого помещения.

Единственное требование для подтверждения права пользования жилым помещением данных лиц – это совместное проживание вместе с собственником в принадлежащем ему жилом помещении, которое имеет объективное выражение.

Следует отметить, что данная категория членов семьи имеет наиболее тесную семейную связь с собственником-ребенком, а также реализует свои права на пользование жилым помещением.

Вторую группу членов семьи собственника жилого помещения, как мы отметили выше, составляют другие родственники и в исключительных случаях иные граждане, в отношении которых существует менее определенный порядок признания их права на пользование жилым помещением. Эти лица в отличие от лиц первой группы не приобретают права пользования автоматически при вселении в жилое помещение собственника. В соответствии с ч. 1 ст. 31 ЖК РФ они могут приобрести данное право только в случае их вселения собственником в принадлежащее ему жилое помещение, в качестве членов его семьи.

Вместе с тем формулировка «могут быть признаны членами семьи», используемая в ч. 1 ст. 31 ЖК РФ применительно к другим родственникам и иным гражданам, не

вполне ясна. В частности, каким образом определить, соответствуют такие действия законных представителей ребенка его интересам? Достаточно ли вселения для признания членом семьи собственника или для этого требуется выполнение каких-либо условий, устанавливающих такой статус?

Можно предположить, что используемая законодателем формулировка «могут быть признаны» не дает третьим лицам оснований произвольно полагать, что, например, несовершеннолетний внук, проживающий в жилом помещении, принадлежащем его деду, имеет право пользования этим жильем (Невзгодина Е. Л. Гарантии конституционного права на жилище лиц, сохраняющих право пользования жилым помещением при его отчуждении // Правовые вопр. недвижимости. 2004. № 2. С. 11–13).

Вызывает трудности в оценке применения термина «вселение», который несет в себе признак конкретного юридического факта. В ЖК РСФСР содержалась формулировка «совместное проживание и ведение общего хозяйства», которая представляла собой длящееся отношение, имевшее объективное выражение и относительно легко доказуемое. Что касается вселения как факта, то как определенное юридическое и фактическое действие оно имеет комплексный характер и представляет собой как необходимые действия собственника жилого помещения, так и действия вселяемого лица, а также их согласованное волеизъявление. Если признать вселением конкретные действия вселяемого, то возникает вопрос о признании вселяемого членом семьи, что создает дополнительные трудности.

Например, решением Чертановского районного суда г. Москвы суд удовлетворил иск о признании несовершеннолетнего С. Д. не приобретшим права пользования квартирой и подлежащим снятию с регистрационного учета, так как мать ребенка в спорную квартиру не вселялась и ребенок в квартире не проживал (Арх. Чертан. район. суда г. Москвы. Д. № 2-3595/2006).

Полагаем, что вселение лица в жилое помещение является предпосылкой для реализации его права пользования жилым помещением. В соответствии с действующим законодательством, с лицами, проживающими с собственником, в данном случае с его родителями, необходимо согласовывать вселе-

ние других лиц (ст. 679 ГК РФ, ст. 70 ЖК РФ), а также вселение временных жильцов (ст. 680 ГК РФ, ст. 80 ЖК РФ). Это означает, что при реализации родителями ребенка его правомочий как собственника жилого помещения ребенок должен получить согласие на вселение других лиц от своих родителей.

На наш взгляд, в данном случае родители являются носителями как своих субъективных прав на жилое помещение, так и законными представителями малолетнего ребенка, поэтому вселение иных лиц в жилое помещение одновременно представляет собой выражение их собственной согласованной воли на вселение.

В случае, если собственником жилого помещения является несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет, его право вселять в жилое помещение иных лиц должно быть ограничено родителями путем одобрения или неодобрения его воли и выражено в виде согласия.

Оценочный элемент, заложенный в рассматриваемом понятии, создает проблемы в квалификации: собственник может вселить лицо, не признавая его членом семьи. В случае возникновения взаимных притязаний на владение жилым помещением данный статус вселенного лица крайне сложно оспорить. Вместе с тем отсутствие четкого правового определения понятия «член семьи» делает эту оценку субъективным мнением собственника.

Такая неопределенность приводит к правовой незащищенности как ребенка, так и вселившихся лиц.

ЖК РФ ограничивает круг членов семьи собственника условием обязательного совместного их проживания с собственником в принадлежащем ему жилом помещении. ЖК РСФСР устанавливал в качестве обязательного условия лишь совместное проживание членов семьи вне зависимости от места такого проживания. Существовавшая ранее редакция п. 2 ст. 292 ГК РФ закрепляла право пользования членов семьи жилым помещением даже в случае перехода права собственности на него. Это положение, защищая право на жилище тех членов семьи собственника, чьи интересы при отчуждении каким-либо образом нарушаются, создавало практически непреодолимые сложности для оборота жилых помещений и для пользования ими новыми собственниками.

Действующая редакция п. 2 ст. 292 ГК РФ устранила такое излишнее в рыночных условиях ограничение права собственности, и собственник жилого помещения получил возможность без согласия проживающих в данном помещении лиц, в том числе членов своей семьи, осуществить его отчуждение. В этом случае право пользования, существовавшее у членов семьи собственника, прекращается. Сложность положения членов семьи собственника заключается в том, что собственник не обязан вселять в приобретенное им жилое помещение членов своей семьи, которые утратили в связи с отчуждением право пользования жилым помещением, ранее принадлежавшим собственнику.

Таким образом, основания возникновения и содержание права совместного про-

живания законных представителей с ребенком не урегулированы в полной мере действующим российским законодательством и нуждаются в дальнейшем изучении и регламентации.

Библиографический список

1. Жилищный кодекс Российской Федерации // Рос. газ. – 2005. – 12 янв.
2. Кириченко, О. В. Коммерческий и социальный наем в жилищной сфере / О. В. Кириченко // Современ. право. – 2007. – № 7. – С. 4.
3. Невзгодина, Е. Л. Гарантии конституционного права на жилище лиц, сохраняющих право пользования жилым помещением при его отчуждении / Е. Л. Невзгодина // Правовые вопр. недвижимости. – 2004. – № 2.

В. М. Жильцова,
*ассистент кафедры социологии
Владимирского государственного
университета*

СУИЦИД КАК АКТ ГРАЖДАНСКОЙ САМОЗАЩИТЫ: ИСТОРИКО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Существует множество разнообразных по своей сути подходов к пониманию и объяснению феномена самоубийства. Как известно, самоубийство есть акт самодеструкции, т. е. действие или бездействие, направленное на лишение себя жизни.

Специалистами-суицидологами выделено три подхода к пониманию природы самоубийства: психологический (Фрейд З. Психология обыденной жизни // Психология бессознательного / сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский. М., 1989 ; Фромм Э. Душа человека // Душа человека. М., 1992), физиологический (Чижевский А. Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. М., 1995), социологический (Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. в сокр. ; под ред. В. А. Базарова. М., 1994 ; Сорокин П. А. Самоубийство как общественное явление // Социол. исслед. 2003. № 2). В рамках настоящей публикации вслед за представителями социологического направления в исследовании проблемы суицид будет рассматриваться как социальное явление. Таким образом, суицид предстает как осоз-

нанное явление (при этом самоубийство на фоне временных и стойких психических заболеваний не рассматривается).

Исследователями изучаются взаимосвязи суицида с различными социальными сферами жизнедеятельности человека (религией, доксой, нормой права, относящейся к ответственности за совершение самоубийства либо за доведение до него, и т. д.). Однако недостаточно внимания, на наш взгляд, уделяется феномену самоубийства как акту защиты своих прав и свобод, чести и достоинства. Как известно, существует несколько типологий самоубийства, связанных с мотивацией суицидента. Так, классическая типология, предложенная Э. Дюркгеймом, подразделяет суицид на эгоистический, альтруистический и аномический. Современная типология, основанная на пяти типах личностного смысла самоубийства (Тихоненко В. А. Жизненный смысл выбора смерти // Человек. 1992. № 6. URL: <http://www.aquarun.ru/psih/smert/smert13.html>), выделяет: протест, призыв, избегание, самонаказание, отказ.

В классическом представлении в рамках данной статьи необходимо остановиться на аномическом самоубийстве. Прежде всего, по нашему мнению, следует определить понятие «аномия». В переводе с французского оно означает «отсутствие закона, организации» (Змановская Е. В. Девиантология. Психология отклоняющегося поведения. М., 2004. С. 147). В подобных условиях человек

защищает себя наиболее приемлемыми для него в сложившейся ситуации способами. Э. Дюркгейм, открывший понятие аномии научному миру, отмечал, что именно аномичные суициды являются наиболее частыми.

При рассмотрении второй типологии следует обратить особое внимание на первые три типа личностного смысла. «Смысл суицидов "протеста" заключается в непримиримости, в желании наказать обидчиков, причинить им вред хотя бы фактом собственной смерти. Суть суицидального поведения типа "призыва" в том, чтобы активизировать реакции окружающих, вызвать своей смертью их сочувствие, сострадание. При суицидах "избежания" (избежания наказания или страдания) смысл заключается в устранении себя от непереносимой угрозы личностному или биологическому существованию» (Тихоненко В. А. Указ. соч.).

Соответственно, когда человек выбирает самодеструкцию (причем самую крайнюю ее форму – суицид), он видит в этом акте не просто действие, причиняющее смерть, а определенный поступок, наполненный положительным или отрицательным смыслом. Причем суицидент осознает, что этот поступок будет вызывать определенное отношение людей, их оценку происходящим действиям.

Ретроспективный анализ показал, что упоминания о суициде как акте самозащиты своих прав и достоинства встречаются еще с античных времен.

Наиболее спорным вопросом по этой проблеме является самоубийство Сократа. В течение многих веков вопрос о смерти Сократа подвергается обсуждению. Некоторые философы считают его смерть самоубийством. Сознательный акт освобождения души от бренного тела, т. е. самоубийство, явил собой для последующего поколения пример смерти – бессмертия. Факты смерти Сократа дошли до нас из диалога Платона «Федон» (Платон. Собрание сочинений / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи ; пер. с древнегреч. М., 1993. Т. 2). Именно там описывались слова Сократа перед принятием яда о том, что Бог создает человека и лишь он может лишить его жизни. Именно эти противоречия послужили поводом для дискуссий на тему его самоубийства. По мнению Ф. Ницше, Сократ желал умереть, не Афины протянули ему чашу с ядом, а он сам вынул Афины протянуть ему чашу с ядом. Еще

римский философ Сенека в своих письмах ученику Луцилию отмечал: «По-моему, только о женской слабости говорят слова того родосца, который, когда его по приказу тирана бросили в яму и кормили как зверя, отвечал на совет отказаться от пищи: "Пока человек жив, он на все должен надеяться". Даже если это и правда, не за всякую цену можно покупать жизнь» (Сенека Луций Аней. Нравственные письма к Луцилию // Суицидология: прошлое и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М., 2001. С. 31). Несмотря на то, что законы Спарты запрещали самоубийства, мальчик-спартанец, попавший в плен, едва ему приказали выполнить унижительную рабскую работу – унести непристойный горшок, разбил себе голову о стену.

В средневековых государствах Северного Китая «самоубийство женщин ради сохранения своей чести и во избежание насилия и позора фактически предписывалось общественными нормами поведения» (Головачев В. Самоубийство как обычай и ритуал в традиционном Китае (На примере средневековых государств Северного Китая) // Этно Журнал. URL: <http://www.ethnonet.ru/lib/index.html>). По данным австралийской ученой Дж. Холмгрэн, в Китае первое сообщение о членовредительстве¹ датируется I в. до н. э.: вдова отрезала себе нос, чтобы помешать выдать себя повторно замуж. В «Суй шу»² описывается случай, когда принц отдает свою наложницу вождю мятежников. Наложница сначала нанесла себе увечья (порезала лицо), затем отказалась от пищи. Объяснила она свои поступки тем, что только смерть может спасти ее от бесчестия. Через некоторое время она умерла.

Таким образом, суицид у средневековых кочевых народов Китая выступал регулятором общественных отношений и способом защиты своих свобод.

Интересен с позиций обозначенной тематики и институт са аккабадора (сард. sa as-

¹ Суицид как регулятор общественных отношений не сводится лишь к акту лишения себя жизни. Это мог быть как истинный суицид, так и членовредительство, попытка самоубийства, высказывание суицидальных намерений и «псевдо-суицид» – ритуальное действие, перерождение человека.

² Суй шу («История династии Суй») – династическая хроника Суй, составленная в эпоху Тан (618–907 гг.).

cabadora) в Сардинии. Сам термин «sa ascabadora» происходит от испанского глагола *acabar* – «кончать», «убивать», «приканчивать». Согласно устной традиции речь идет о своеобразном институте особых женщин, существовавших едва ли не в каждой деревне в различных областях Сардинии, но преимущественно локализованных в Барбадже и «функционировавших», по одним сведениям, вплоть до конца XVIII в., по другим – почти до конца XIX в. К их заслугам прибегали в тех случаях, когда дело касалось неизлечимо или мучительно больных, страдания которых по их собственному желанию или желанию родственников хотели прекратить (Фаис-Леутская О. Д. Эвтаназия в традиционной культуре (институт *sa accabadora* в Сардинии) // *Этнограф. обозрение*. 2004. № 1). При этом следует оговориться, что о факте существования подобного «института» среди исследователей ведутся споры. Вслед за О. Д. Фаис-Леутской, проводившей полевые исследования в одном из районов Барбаджи – Барбадже Мандрализай (историческом центре бытования данного института) по тематике *аккабадора*, предположим существование подобного явления. Прежде всего необходимо отметить, что в Сардинии отношение к самоубийству было очень терпимым. «Добровольный уход из жизни в этом горном сообществе (речь идет о Барбадже – В. Ж.) с уважением и пониманием воспринимался как свидетельство слабости сильной личности – слабости объяснимой и простительной, даже если она овладевает мужчинами» (Фаис-Леутская О. Д. Указ. соч. С. 90). Более того, долгая и мучительная смерть (агония) являлась унижительной. Это унижение распространялось и на семью умирающего, и на локальный коллектив. Обострялась ситуация, если такой умирающий пострадал от ранения, нанесенного врагом в спину, и не был отмщен на момент смерти. В таких случаях одна или несколько женщин-*аккабадора*, приглашаемых самим умирающим или его родственниками, душили его специальной подушкой или руками. Все эти действия производились ритуально. Их услуги были платными, а профессия – почитаемой. Причина этого состоит в том, что умерщвление страдающего безнадежно больного «повышало статус» (Там же. С. 93) его кончины. Таким образом, суицид (эвтаназия) посред-

ством *sa accabadora* представлялся некоторой социальной реабилитацией покойного и его клана и обеспечивал частичное «смывание» оскорбления, нанесенного покойному.

Подобных примеров в истории очень много. Желание отстоять свои права и избежать унижения даже посредством лишения себя жизни прошло через всю историю и сохранилось в современном мире.

К. Роджерс выдвинул гипотезу о том, что все поведение вдохновляется и регулируется неким объединяющим мотивом, который он назвал тенденцией актуализации. Она представляет собой тенденцию к увеличению своих способностей для сохранения и развития личности (Мадди С. Теории личности. Сравнительный анализ / пер.: И. Авидон, А. Батустин и П. Румянцев. СПб., 2002. URL: <http://psylib.org.ua/books/maddi01/index.htm>).

Таким образом, ведущими мотивами, побуждающими человека к деятельности (как к конструктивной, так и к деструктивной), являются его фундаментальные потребности в безопасности, уважении, признании, а также в самоутверждении, самореализации, раскрытии своего творческого потенциала (Лысак И. В. Человек – разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен. Таганрог, 1999. С. 11).

Права и свободы человека являются высшей ценностью. Данное правовое положение нашло закрепление не только в международных, но и во внутригосударственных нормативных правовых актах современных демократических государств.

Обращаясь к современному российскому законодательству, регламентирующему непосредственно феномен самозащиты гражданских прав, необходимо отметить, что сам термин «самозащита» был введен в российское законодательство ГК РФ в 1994 г., после закрепления этого права в Декларации прав и свобод человека и гражданина (1991 г.) и в гл. 2 Конституции РФ 1993 г.

Субъектом права на самозащиту в гл. 2 Конституции РФ определяется каждый человек, что свидетельствует о всеобщности, предписанности и неотъемлемости данного права.

В ст. 45 Основного закона указывается, что защита прав и свобод человека и гражданина может осуществляться на двух уровнях: государственном и личном. При этом право на самозащиту может быть реализовано по-

средством обращения в суд, административным путем либо самостоятельно.

В рамках данной темы интерес вызывает личное осуществление защиты своих прав и свобод, чести и достоинства путем самостоятельных действий.

Одним из ключевых понятий в настоящей работе является понятие гражданской самозащиты, предложенное профессором В. М. Барановым, под которым он понимает «совокупность разрешаемых либо признаваемых государством самостоятельных, соразмерных, юридически значимых деяний граждан по защите, без обращения к помощи правоохранительных органов, личных или чужих прав, свобод, законных интересов, обязанностей, направленных на пресечение собственными усилиями противоправного поведения и обеспечивающих условия нормальной жизнедеятельности всех сфер гражданского общества и правового государства» (Баранов В. М. Акты гражданской самозащиты в системе правовых отношений Российской Федерации // Правовые отношения в условиях социально-экономических преобразований. Владимир, 1997. С. 9). Исключительность данного понятия обусловлена тем, что объектом являются как права, так и свободы, законные интересы и обязанности человека и гражданина.

В. В. Меркурьев рассматривает суицид непосредственно как акт гражданской самозащиты (Меркурьев В. В. Гражданская самозащита в уголовном праве России: монография / ВЮИ ФСИН России. Владимир, 2005). В качестве одного из примеров, наглядно демонстрирующих метод гражданской самообороны посредством лишения себя жизни или нанесения увечий, В. В. Меркурьев приводит случай, описанный в открытой печати, когда «афганец» в целях привлечения общественного внимания к социальной несправедливости (ему не предоставлялась квартира на законных льготных основаниях) сжег себя. После этого квартира была выделена его семье.

В продолжение данной темы, с нашей точки зрения, целесообразно привести ряд примеров. К ним можно отнести суицидальные акты осужденных в Гобустанской тюрьме в 2007 г. (Азербайджан), вызванные неприемлемыми условиями содержания. После мониторинга в Гобустанской тюрьме, целью которого была проверка жалоб подследственных, был выявлен ряд несоответствий.

Позднее в этой же тюрьме была объявлена голодовка. Причем один из участников протеста зашил себе рот в знак опровержения демонстративно-шантажного характера своих действий. При интервьюировании директора Правозащитного центра Азербайджана (ПЦА) Э. Зейналова было выявлено следующее: «...Его обвиняют в том, что он на три дня сдался армянам, армяне его одели в форму, дали автомат, дубинку и он колотил там наших пленных. Потом этот полуармянин по происхождению перешел вновь на нашу сторону и продолжал служить в нашей армии... Интересно то, что на армянской стороне есть другой человек, который действительно избивал наших заключенных и продолжает жить в Карабахе. Есть множество свидетелей, которые путают этих двух людей, хотя они внешне отличаются. То есть имеются основания считать, что Эйвазова¹ осудили ошибочно, тем более, что он себя виновным не признал. Эйвазов пытался вызвать других свидетелей, но доказать свою невиновность ему не удалось». Еще одной причиной его поступка послужили все те же неприемлемые условия содержания.

Из предсуицидального письма самоубийцы, содержащегося в Гуантанаме, опубликованного в «Вашингтон Пост»: «Заключенные испытывают горечь отчаяния, страдают от унижения, связанного с заключением, рабского угнетения и подавления, – писал Доссари. – Я надеюсь, вы всегда будете помнить, что были знакомы и общались с "человеком" по имени Джумах, который слишком много страдал; веру, личность, достоинство и человечность которого оскорбляли. Его, не совершившего никакого преступления, без всякой причины на четыре года посадили в тюрьму, пытали и лишили родины, семьи и маленькой дочки, которая так в нем нуждается». Однако, как утверждает пресс-секретарь тюрьмы в Гуантаноме подполковник Дж. Мартин, все эти письма лишь шантаж: «Жалобы на унижение заключенных и пытки – это известный метод Аль-Каиды, который используют для того, чтобы манипулировать СМИ и оказывать давление на американское правительство с целью добиться освобождения» (Письма заключенного-самоубийцы: отчаяние в Гуантанаме. 2006-03-15. URL: Inopressa.Ru).

¹ Приговором суда он осужден на пожизненное заключение под стражей.

Применительно к данному случаю возможны сомнения в словах подполковника. Однако как факт шантаж посредством суицида имеет место в исправительных учреждениях. Часто он организуется и поддерживается криминальным сообществом.

По мнению А. М. Сысоева, отличить суицидента от аутоагрессанта демонстративно-шантажного типа в условиях исправительного учреждения достаточно трудно (Сысоев А. М. Психологические особенности суицидального поведения осужденных к лишению свободы // Государство и право. 2006. № 3. С. 100–104). Подобные акты совершаются суицидентами эгоцентрично-волевого типа. Это осужденные с опытом антисоциального поведения, предрасположенные к насилию, имеющие большой потенциал агрессивности. Такие лица, как правило, состоят в группах отрицательной направленности. Можно предположить, что они совершают в основном акты демонстративно-шантажного поведения с целью получения каких-либо выгод для себя или своей группы. Как и представители демонстративно-шантажного типа они предпринимают попытки суицида при свидетелях.

Примерами подобных актов можно назвать суицидальные всплески 2006 – начала 2008 гг. в исправительных учреждениях России. Так, например, 16 января 2008 г. группа осужденных, содержащихся в штрафном изоляторе исправительной колонии в Амурской области, в знак протеста против проведения планового обыска вскрыли себе вены на руках. Затем некоторые осужденные сняли свои раны на сотовый телефон и отправили родственникам с пояснениями, что их так избили. Фотогра-

фии были размещены в Интернете (Костенко Р. Уловка не удалась // Рос. газ. 2008. № 10). Налицо демонстративно-шантажное поведение, представляющее собой не более чем попытку ослабления режима содержания.

Примеров, раскрывающих суицид как метод гражданской самозащиты, достаточно много.

Таким образом, согласно Конституции РФ каждый человек имеет право на самозащиту всеми способами, не запрещенными законом. Самоубийство в России не является преступлением и соответственно может считаться способом защиты своих прав и свобод. Однако необходимо отличать истинные суицидальные акты, вызванные невозможностью существования (по мнению суицидента) в определенной ситуации, и демонстративно-шантажные, целью которых является запугивание, достижение собственной или групповой выгоды.

Библиографический список

1. Баранов, В. М. Акты гражданской самозащиты в системе правовых отношений Российской Федерации / В. М. Баранов // Правовые отношения в условиях социально-экономических преобразований. – Владимир, 1997.
2. Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. в сокр. ; под ред. В. А. Базарова. – М., 1994.
3. Меркурьев, В. В. Гражданская самозащита в уголовном праве России : монография / В. В. Меркурьев ; ВЮИ ФСИН России. – Владимир, 2005.
4. Сорокин, П. А. Самоубийство как общественное явление / П. А. Сорокин // Социол. исслед. – 2003. – № 2.

В. Е. Ким,

*адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии
Дальневосточного юридического
института МВД России*

К ПРОБЛЕМЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СФЕРЕ БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Криминогенная обстановка в Российской Федерации в начале XXI столетия ставит вопрос об обеспечении безопасности личности в ранг одной из главных социальных про-

блем, требующих от государственной и исполнительной власти субъектов РФ решительных мер по сохранению населения страны. Основу таких решений составляют проводимые учеными-криминологами исследования о защищенности людей от преступности, причинах и условиях, затрагивающих жизнь и деятельность россиян. Это легло в основу появления нового научного направления в криминологии – обеспечение криминологической безопасности в обществе (Бабаев М. М., Рахманова Е. Н. Права человека и криминологическая безопасность в системе национальной безопасности (опыт структур-

ного анализа) // Криминолог. журн. 2005. № 7 ; Лебедев С. Я. Криминологическая безопасность в системе национальной безопасности России // Рос. криминолог. взгляд. 2006. № 3 ; Его же. Криминологическая безопасность в зеркале общественного мнения // Россия: перспективы развития. М., 1998) (Науч. тр. ИМПЭ им. А. С. Грибоедова).

Вместе с тем среди криминальных угроз есть преступления, вызывающие в обществе серьезные опасения. Общеизвестно, что ими являются преступления против личности, совершаемые в сфере бытовых отношений, среди которых главную угрозу населению представляют насильственные преступления против личности (убийства, телесные повреждения различного рода тяжести, изнасилования, насильственные действия сексуального характера); корыстно-насильственные преступления (грабежи и разбои, вымогательства); преступления против семьи и несовершеннолетних.

Известно, что при исследовании бытовой преступности приходится неизбежно сталкиваться с трудностями статистической отчетности МВД РФ. Так, по карточкам формы № 1 и № 2 часто невозможно конкретно определить, какие преступления относятся к сфере быта, а какие нет (Ким Е. П. Криминология бытовых отношений : монография. Хабаровск, 2006).

Проведенные нами в Дальневосточном федеральном округе в 2007–2008 гг. исследования позволили выявить уменьшение количественных показателей преступности. Однако при более детальном изучении установлено, что в процентном отношении наблюдается рост преступлений в быту. Так, в 2007 г. и за 9 мес. 2008 г. убийства в быту составили 65 %, телесные повреждения – 60 %, бытовые хулиганства – 70 %. Аналогичные показатели характерны и для других преступлений.

Актуальной также является такая проблема преступного насилия в быту, как исключительно высокий уровень латентности данного вида преступлений. По оценкам экспертов, до 80 % случаев официальной регистрации предварялись неоднократными проявлениями насилия со стороны преступников в адрес потерпевших, которые по тем или иным причинам не заявляли об этом в правоохранительные органы.

Согласно данным криминологических исследований на рост и повышение общественной опасности насильственной преступности оказали влияние следующие факторы:

1. Коренная переоценка прежних ценностей и моральных принципов, все большее признание массовым сознанием власти денег, материального фактора как единственной ценности.

2. Общее размывание границ нравственности, морального и аморального.

3. Существенны изменения образа жизни и социального статуса значительной части населения, связанные с этим ожесточение и переориентация на любые средства достижения цели.

4. Усиление масштабов и степени социальной конфликтности в обществе в связи с беспрецедентным ростом социально-экономической дифференциации населения, материального уровня граждан (Максимов С. С., Ревин В. Л. Насильственные преступления в сфере семейно-бытовых отношений и проблемы их профилактики. М., 1993).

В обществе распространяется и закрепляется представление о бессилии закона, правовом беспределе, бесплезности обращения за помощью в правоохранительные органы, что ориентирует на самостоятельные способы разрешения конфликтных ситуаций.

Общество и государство напрямую заинтересованы в прочном и надежном механизме обеспечения безопасности личности в быту. Это многоплановая и многогранная проблема, которая напрямую связана с национальной безопасностью. Отсюда вытекает проблема усиления роли государства и общества как гаранта безопасности личности в быту. В систему «вплетены» многие базовые категории: личность, безопасность, защита охрана и т. д. При этом особое значение имеет обеспечение безопасности общества и гражданина. Следовательно, необходимо улучшить обстановку в стране, быстрее преодолеть причины, обуславливающие социальную деформацию, а также формирование агрессивного образа мышления и поведения, уродливого образа жизни в быту.

Любой уровень обеспечения безопасности в быту и защиты личности можно считать самостоятельным, так как он приспособлен к учету специфических условий своего проявления. Нельзя обеспечить здоровый образ

жизни в быту, не защищая одновременно личность от разных противоречий, и наоборот, защита личности от преступления в быту предполагает ее безопасность. Здесь нет приоритета общего или индивидуального. Есть единство, «равенство», сбалансированная связь между уровнями. Имеется в виду «уравновешенная система».

Исследуя способы защиты личности от конфликтов в быту (соответственно обеспечение ее безопасности), мы представляем их как своеобразные инструменты, позволяющие влиять на общественные отношения для достижения поставленных задач. Если обеспечивается защита личности от преступления и в этом смысле – безопасность граждан в быту, то существует должный порядок в обществе, следовательно, он надежно охраняется. При условии, что порядок грубо нарушается преступлениями, то и нарушаются отношения, связанные с защитой личности от бытового преступления, общество разобщено, поэтому государство слабее. Таким образом, безопасность личности как результат здорового образа жизни находится вместе с ним в объективной взаимосвязи. Следует отметить, что внешние и внутренние связи, обеспечивающие здоровый образ жизни и защиту личности на индивидуальном уровне, обозначены в различных статьях УК РФ. В данном случае, говоря о защите личности от бытового преступления, мы подчеркиваем близость этих ценностей, что позволяет установить границы охраняемых общественных отношений, определенных статьями УК РФ.

Обеспечение абсолютной безопасности личности практически невозможно. С точки зрения М. М. Бабаева, «от рождения до смерти нам всем постоянно и неизменно что-то грозит. Опасности эти столь различны, что их подчас и сравнивать друг с другом невозможно: от самых малых угроз нашему здоровью, легко одолеваемых с помощью зонтика или теплой одежды, до катаклизмов, уносящих жизни десятков тысяч людей и уничтожающих целые города» (Цит. по: Плешаков В. А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимодействия организованной преступности и преступности несовершеннолетних. М., 1998. С. 4–5). Однако при этом ученый призывает акцентировать внимание на такой опасности для людей, как пре-

ступность. В этой связи он пишет о национальной безопасности России, самых серьезных угрозах обществу и его институтам, а также о необходимости защиты личности от преступных посягательств. Именно эту проблему М. М. Бабаев выдвигает на первый план, так как проблема касается обеспечения безопасности человека.

Данная проблема, на наш взгляд, особо актуальна. Она рассматривается не только как правовая, но и социальная, и выдвигает такое понятие, как «обеспечение криминологической безопасности личности», где необходимо предусмотреть меры по недопущению разрешения конфликтов в быту противоправными способами. Здесь устанавливается связь как с профилактикой преступного поведения, так и с профилактикой виктимного поведения.

Как показали проведенные нами исследования, в настоящее время обеспечить криминологическую безопасность личности в сфере бытовых отношений от преступных посягательств возможно доминированием превентивных мер над репрессивными. Именно превенция, а точнее предупреждение конфликтов в быту является основной задачей.

Предупреждение бытовой преступности, с учетом многообразия форм ее проявления и сложного характера детерминации, осуществляется различными мерами. Основопологающее значение имеют крупномасштабные меры, осуществляемые на общесоциальном уровне и способствующие устранению (блокирование, нейтрализация, уменьшение сферы действия) социально-экономических, политических и идеологических причин криминального насилия в нашем обществе. В частности, средствами убеждения, воспитания, просвещения необходимо всячески противостоять распространению в массовом сознании культа силы, ориентации значительной части граждан, особенно молодежи, на насильственные варианты разрешения жизненных проблем. Большое предупредительное значение имеет укрепление семейных устоев, повышение культуры быта и межличностных отношений. Необходимо усилить разносторонний социальный контроль, в том числе с использованием возможностей современной медицины, за лицами с агрессивно-конфликтной направлен-

стью поведения (ранее судимыми за насильственные преступления, имеющими психические аномалии и др.).

Таким образом, в обществе необходимо обеспечить криминологическую безопасность личности в быту. И главное здесь – профилактика конфликтов в быту. В соответствии с этим должна строиться в целом система криминологической безопасности личности в быту. Сюда же входит предупреждение преступного и виктимного поведения в быту – это единство, которое отсутствовало в традиционной концепции социальной профилактики правонарушений. В новой системе следует видеть «на равных правах» недопущение становления на преступный путь лиц, ведущих антиобщественный образ жизни, и упреждение виктимного поведения со стороны тех, кто

может стать жертвой преступления. Существующие споры по данному вопросу свидетельствуют об актуальности и жизнеспособности такой темы, как обеспечение криминологической безопасности личности в быту.

Библиографический список

1. *Ким, Е. П.* Криминология бытовых отношений : монография / Е. П. Ким. – Хабаровск, 2006.
2. *Лебедев, С. Я.* Криминологическая безопасность в системе национальной безопасности России / С. Я. Лебедев // Рос. криминолог. взгляд. – 2006. – № 3.
3. *Максимов, С. С.* Насильственные преступления в сфере семейно-бытовых отношений и проблемы их профилактики / С. С. Максимов, В. Л. Ревин. – М., 1993.

А. В. Кулагин,

преподаватель кафедры

физической культуры

*Ивановского института государственной
противопожарной службы МЧС России*

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ МЧС РОССИИ

Под образовательными учреждениями МЧС России мы понимаем государственные образовательные учреждения высшего профессионального образования, в которых предусмотрена подготовка курсантов и слушателей по очной форме обучения по соответствующим специальностям высшего профессионального образования. К образовательным учреждениям МЧС России относятся: государственные образовательные учреждения высшего и среднего профессионального образования, учебно-методические центры по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям, курсы гражданской обороны, центры подготовки спасателей.

Специфика высшего пожарного и спасательного профессионального образования определяется содержанием ведомственного образовательного компонента основных профессиональных образовательных программ и технологиями образовательного процесса. Эта специфика отражается в ведомственных нормативных актах, которые

разрабатываются на основе общегосударственных документов по образованию. Исторически сложилось, что концептуально образовательные учреждения МЧС России и гражданские высшие учебные заведения работают в тесном сотрудничестве по подготовке офицерских кадров, выступающем одной из важнейших государственных задач (Алехин И. А. Развитие теории и практики военного образования в России XVIII – начала XX века : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004). Подготовка офицерских кадров в образовательных учреждениях МЧС России обусловливается характером и перспективами развития профессиональной деятельности офицерского состава, которая, в свою очередь, определяется социально-экономическими условиями общества, современным научно-техническим прогрессом, состоянием и перспективами развития спасательного и пожарного дела. Профессия пожарного относится к профессиям, где взаимодействие происходит в системе «человек – среда – человек». Всемирная организация здравоохранения относит эту профессию к числу десяти сложнейших в мире. Как сложный вид профессиональной деятельности профессия пожарных характеризуется многообразием и сложностью профессиональных задач; наличием служебных (включая боевые) ситуаций, при которых выполнение задач связано с риском и опасностью для жизни;

высоким уровнем психической напряженности труда; жесткими временными ограничениями для достижения требуемого профессионального уровня; повышенной социальной ответственностью за профессиональные ошибки; вероятностью причинения вреда другим (Волкова С. В. Акмеологические факторы профессионального становления курсанта противопожарной службы : дис. ... канд. психолог. наук. М., 2006). Сфера деятельности выпускников образовательных учреждений МЧС России связана: с управлением действиями подразделений при проведении аварийно-спасательных работ в ходе ликвидации чрезвычайных ситуаций мирного и военного времени; организацией и проведением научных исследований по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и их практической реализацией; специально-научным сопровождением работ по созданию специальных технических систем; организационно-управленческой, научно-исследовательской, эксплуатационной, проектной, воспитательной деятельностью. Все это, по утверждению А. В. Барабанщикова, «...требует формировать у будущих офицеров наряду с общими качествами, присущими всем ...специалистам, еще немало других качеств, обусловленных спецификой их служебной деятельности...» (Протас Е. В. Гражданское право и гражданское воспитание в России // Вестн. МГИУ. Серия «Гуманитарные науки». 2002. № 2. С. 4). По нашему мнению, к характерным особенностям обучения и воспитания курсантов в образовательных учреждениях МЧС России нужно относить следующие:

1. К гражданам, поступающим для обучения в образовательные учреждения МЧС России, предъявляются повышенные требования к состоянию здоровья, физическим данным, выполнению нормативов физической подготовки, общеобразовательному цензу, уровню профессиональной подготовки, а также личностным морально-психологическим качествам.

2. Особенностью воспитательной работы в образовательных учреждениях МЧС России является обязательное принятие каждым гражданином Присяги на верность Российской Федерации, что является юри-

дическим актом. Нарушение Присяги влечет за собой дисциплинарную или уголовную ответственность.

3. Отличительной особенностью процесса воспитания выступает строго обязательный характер прохождения службы, высокая степень обязательности выполнения каждым курсантом общих, должностных и специальных служебных обязанностей. Курсант не вправе по собственному желанию менять место службы, занимаемую должность, прекращать выполнение служебных обязанностей или требовать изменения их характера.

4. Специфическая черта межличностных взаимоотношений в образовательных учреждениях МЧС России – беспрекословность служебного подчинения, безусловность повиновения подчиненных требованиям командиров (начальников). Командир (начальник) в случае неповиновения или сопротивления подчиненного обязан для восстановления порядка и дисциплины принять все предусмотренные законом меры принуждения.

5. Характерной особенностью прохождения службы в образовательных учреждениях МЧС России является строгая иерархичность, проявляющаяся в персональном присвоении каждому сотруднику воинского (специального) звания, обеспечивающего ясность и четкость в служебных взаимоотношениях и субординацию. Звание отражает уровень профессиональной подготовки, служебное положение и служебный авторитет каждого сотрудника. В условиях прохождения службы объем служебных, властных полномочий, прав на некоторые льготы зависит не только от занимаемой должности, но и от воинского (специального) звания. В образовательных учреждениях МЧС России предусмотрены отношения подчиненности как по должности, так и по званию.

6. Для сотрудников МЧС России устанавливаются особая форма одежды и знаки различия, которые утверждаются Президентом Российской Федерации. Правила ношения формы одежды и знаков различия для сотрудников МЧС России устанавливает министр МЧС России. Ношение формы одежды со знаками различия гражданами, не имеющими на это права, запрещено законом.

7. Сотрудники МЧС России в соответствии с установленным порядком имеют право на хранение, ношение, применение и использование оружия. За каждым курсантом закрепляется личное оружие, которое он обязан содержать в образцовом состоянии.

8. В зависимости от характера занимаемых должностей, присвоенных воинских (специальных) званий, уровня образования все сотрудники МЧС России различаются по составам. В соответствии со ст. 6 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации различают следующие составы сотрудников: рядовой, младший начальствующий, средний начальствующий, старший начальствующий, высший начальствующий.

9. Курсанты принимают непосредственное участие в проведении аварийных и аварийно-спасательных работ, привлекаются к тушению пожаров в составе номеров боевых расчетов, участвуют в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, выполняют правительственные задачи по обеспечению охраны общественного порядка.

10. Курсанты постоянно (практически круглосуточно) живут и учатся в тесных коллективах (учебное отделение, учебная группа, курс), что требует высокого уровня коммуникабельности и личной культуры.

11. Выпускники образовательных учреждений МЧС России обеспечиваются гарантированным трудоустройством, распределяясь по окончании учебы на первичные офицерские должности.

Понятие «специфика образовательного учреждения МЧС России» до настоящего времени не рассматривалась. В качестве базовой формулировки этого понятия мы предлагаем следующее определение: *специфика образовательного учреждения МЧС России есть особая комплексная характеристика, представляющая собой совокупность статусно-уставных и профессиональных требований и отношений между всеми участниками учебно-воспитательного процесса.*

Для образовательного учреждения МЧС России эти требования делятся на служебно-уставные и профессиональные; рассматриваемые отношения охватывают как отношения между переменным составом

(курсантами) и постоянным составом, так и отношения внутри самого профессорско-преподавательского состава; сюда также входят отношения профессорско-преподавательского состава с руководством образовательного учреждения и министерства. Образовательное учреждение МЧС России мы рассматриваем как *закрытую (замкнутую) педагогическую систему*, предназначенную для выпуска специализированного образовательного продукта – инженеры-спасатели, инженеры пожарной безопасности, техники противопожарной защиты.

В силу влияния различного рода факторов труд курсантов образовательных учреждений МЧС России существенно отличается от других видов труда. Сфера их дальнейшей деятельности – это природные и техногенные чрезвычайные ситуации. Возникающие при этом условия выдвигают повышенные требования к профессиональному мастерству и духовно-нравственному уровню офицеров-спасателей (Акимов Ю. Н. Социальные и нравственные основы профессиональной деятельности военнослужащих МЧС // Гражд. защита. 2006. № 3).

Гражданственность курсантов проявляется в процессе всей их жизни и деятельности в образовательных учреждениях МЧС России. В связи с этим исходя из структуры гражданственности личности необходимо рассмотреть аспекты проявления гражданственности курсантов.

Патриотизм курсантов проявляется в показателях их служебной и учебной деятельности, направленности ценностных ориентаций личности. Показателями служебной деятельности, в которых проявляются и формируются патриотические чувства, являются следующие:

1. Исполнение курсантами служебных обязанностей при несении караульной и внутренней службы. В этом случае для проведения воспитательной работы значимы: участие курсантов в ритуалах подготовки и развода суточного наряда и караула; доведение и разбор случаев проявления мужества и героизма при несении службы в составе суточного наряда и караула; доведение перед заступлением в суточный наряд и караул политической обстановки в стране и мире, непосредственное несение службы с боевым оружием в руках.

2. Участие курсантов в мероприятиях патриотической направленности. К таким мероприятиям относятся: проведение смотров-конкурсов профессионального мастерства, смотров-конкурсов патриотической песни; проведение занятий в системе общественно-государственной подготовки; участие курсантов в ритуалах, посвященных празднованию знаменательных дат (Дня знаний, Дня образования учебного заведения, Дня пожарной охраны, Дня спасателя, Дня Победы и др.); проведение тематических бесед и информирования; проведение курсов лекций по лучшим традициям пожарной охраны, войск гражданской обороны, спасательных формирований, традициям образовательных учреждений; проведение курсов лекций об особенностях прохождения службы в МЧС России.

3. Участие курсантов в научной работе. Проводимые курсантами научные исследования формируют у них чувство патриотизма, гордости за результаты своего труда, направленного на прославление своего Отечества, своей Родины.

4. Участие курсантов в спортивной работе. Любое спортивное достижение рассматривается как определенный вклад в дело возвеличивания Российской Федерации, укрепления позиций нашего государства на мировой арене.

Культура межнационального общения проявляется в следующих показателях служебной деятельности:

1. Исполнение служебных обязанностей при несении караульной и внутренней службы. В этом случае курсант взаимодействует с представителями различных национальностей, входящих в состав суточного наряда и караула. Особенно ярко это взаимодействие проявляется при несении службы в составе гарнизонных нарядов и совместного патрулирования курсантов с сотрудниками милиции в целях обеспечения и охраны общественного порядка.

2. Исполнение служебных обязанностей при участии курсантов в общественной жизни подразделения. В одном подразделении могут находиться представители нескольких национальностей, что приводит к постоянному межнациональному и межкультурному обмену между курсантами.

В учебной деятельности культура межнационального общения формируется в процессе изучения иностранных языков, иностранной литературы, знакомства с достижениями мировой научной мысли. Культура межнационального общения проявляется также при умении курсантов анализировать ситуации, подбирать аргументы, обосновывать свою точку зрения. Кроме того, можно отметить такие ее проявления, как направленность ценностных ориентаций личности курсантов на образованность, общую культуру, воспитанность, помощь и милосердие к другим людям, терпимость.

Нравственные качества курсантов проявляются в следующих показателях служебной деятельности:

1. Наличие поощрений. Ведомственными нормативными правовыми актами предусмотрен и определен четкий порядок проведения и учета дисциплинарной практики в системе МЧС России, в том числе и в образовательных учреждениях МЧС России. Поощрение курсантов способствует укреплению дисциплины, воспитанию высоких нравственных качеств.

2. Ответственность при выполнении команд, приказов, распоряжений.

3. Инициативность курсантов, проявляющаяся в сформированности внутренних побуждений к новым социально полезным формам деятельности, выполнении лидерских функций в различных действиях. При этом следует выделить следующие уровни инициативности:

– высокий (у курсанта сформированы внутренние побуждения к новым социально полезным формам деятельности, он стремится к выполнению лидерских функций в различных действиях);

– средний (несмотря на то, что у курсанта сформированы внутренние побуждения к новым социально полезным формам деятельности, он не проявляет активности, однако стремится к выполнению лидерских функций в различных действиях);

– низкий (у курсанта не сформированы внутренние побуждения к новым социально полезным формам деятельности, он не стремится к выполнению лидерских функций в различных действиях).

4. Действия по устранению недостатков. Нравственные качества курсантов проявляются в их деятельности по устранению недостатков. Курсанты, обладающие высоким уровнем сформированности нравственных качеств, стремятся своевременно устранить недостатки, проанализировать свою деятельность с целью недопущения подобных ошибок в дальнейшем.

5. Наличие происшествий, преступлений, грубых нарушений служебной дисциплины, требований безопасности службы. Формальным признаком, позволяющим делать выводы о степени сформированности нравственных качеств курсантов, является наличие происшествий, преступлений, грубых нарушений служебной дисциплины, требований безопасности службы.

В учебной деятельности нравственные качества формируются в ходе изучения всех дисциплин учебного плана, так как все отрасли научного познания обладают потенциалом нравственного воспитания. Особую роль играет также личная примерность профессорско-преподавательского состава, командиров и начальников.

Нравственность проявляется также в направленности ценностных ориентаций личности курсантов на образованность, общую культуру, интеллектуальное развитие, воспитанность, ответственность, непримиримость к своим недостаткам, терпимость, социальную полезность.

Правовая культура проявляется при исполнении служебных обязанностей во время несения караульной и внутренней службы. При исполнении служебных обязанностей курсанты – представители государства, выполняющие особые государственные задачи. Любому виду служебной деятельности предшествует изучение нормативно-правовой базы ее осуществления. Это могут быть положения Конституции РФ, федеральное и местное законодательство, положения общевоинских уставов, приказов, наставлений, инструкций, рекомендаций.

Формирование правовой культуры также происходит в течение всего срока обучения курсантов в образовательных учреждениях МЧС России.

Формирование политической культуры имеет свои особенности, так как сотру-

дникам МЧС России заниматься политической деятельностью запрещено законом. Сотрудники МЧС России не могут быть связаны с деятельностью общественных, иных организаций и объединений, преследующих политические цели. Однако необходимо воспитать у курсантов способность к анализу политической ситуации в стране и мире и принятию обоснованных решений на основе анализа. Формами политического воспитания являются: доведение политической обстановки в стране и мире; проведение курсов лекций по анализу современной общественно-политической ситуации, месту и роли Российской Федерации в мировом сообществе, а также непосредственное выполнение курсантами своего конституционного права – участия в управлении делами государства. Осуществление данного права курсантами выражается как непосредственно (референдум, всенародное голосование), так и через своих представителей.

Рассмотренные особенности воспитания курсантов в образовательных учреждениях МЧС России позволяют сделать вывод о том, что воспитательный процесс в данных образовательных учреждениях должен осуществляться с учетом их специфики. Каждая особенность повседневной жизни и деятельности курсантов образовательных учреждений МЧС России создает широкое поле для проведения целенаправленной воспитательной работы по формированию гражданственности.

Библиографический список

1. *Акимов, Ю. Н.* Социальные и нравственные основы профессиональной деятельности военнослужащих МЧС / Ю. Н. Акимов // Гражд. защита. – 2006. – № 3.
2. *Алехин, И. А.* Развитие теории и практики военного образования в России XVIII – начала XX века : дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2004.
3. *Волкова, С. В.* Акмеологические факторы профессионального становления курсанта противопожарной службы : дис. ... канд. психолог. наук. – М., 2006.
4. *Протас, Е. В.* Гражданское право и гражданское воспитание в России / Е. В. Протас // Вестник МГИУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2002. – № 2.

Л. В. Лазарева,
*доцент кафедры уголовно-процессуального
права ВЮИ ФСИН России*
кандидат юридических наук, доцент

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Судебная экспертиза является одним из наиболее эффективных познавательных средств в уголовном процессе и основным каналом внедрения в сферу уголовного судопроизводства новейших достижений науки и техники.

Можно утверждать, что современный правоприменительный процесс во всем многообразии его отраслей пронизан таким комплексным правовым институтом, как судебная экспертиза, и поэтому формирование надежных правовых основ судебно-экспертной деятельности – залог правосудности принимаемых решений.

Согласно действующему законодательству экспертиза – это средство получения судебного доказательства. В процессуальной литературе экспертиза характеризуется как средство получения новой информации или проверки уже имеющейся (Сахнова Т. В. Судебная экспертиза. М., 1999. С. 44). Данный признак характеризует ее как институт доказательственного права. Изучение материалов уголовных дел показало, что экспертиза является средством установления не только документальных данных, входящих в предмет доказывания по делу, но и доказательственных фактов. Анализ литературных источников и изучение практики (опрос следователей, судей, изучение материалов уголовных дел) позволяют прийти к выводу о том, что экспертиза применяется как для собирания доказательств, так и для проверки оценки доказательств.

С нашей точки зрения, некорректно рассматривать экспертизу как способ собирания или проверки доказательств, поскольку в процессе производства экспертизы возникают новые знания, выводы, которые могут подтверждать или опровергать уже имеющуюся информацию, а также устанавливать не выявленные обстоятельства дела.

Вопросы, связанные с процессуальной регламентацией судебной экспертизы, исследовались учеными на протяжении десяти-

летий, и в настоящее время они не потеряли своей актуальности.

Вместе с тем в теории и практике судебной экспертизы осталось немало нерешенных проблем. Современное состояние правового регулирования судебно-экспертной деятельности в России далеко от совершенства. Система законодательства о судебной экспертизе остается не полной и внутренне противоречивой. Принимаемые нормативные правовые акты не всегда нацелены на наиболее рациональное использование специальных знаний экспертов в ходе применения права, а иногда и противоречат функциям государства и принципам процессуального права. В обновленном уголовно-процессуальном законодательстве, несмотря на его совершенствование в регламентации судебно-экспертной деятельности, не удалось полностью устранить недостатки, имевшиеся в предшествующих кодексах. Анализ судебно-следственной практики и экспертной деятельности показал, что много вопросов возникает при назначении, организации и производстве экспертиз, а также при оценке заключений экспертов. Например, весьма сложным является обеспечение достоверности исходных данных, в частности сравнительного материала, направляемого на судебную экспертизу, что входит в обязанности суда; трудно реализуемыми оказываются нормы о праве участников уголовного процесса присутствовать при производстве экспертизы; не определен статус несудебных экспертиз, появляющихся в уголовном процессе, и др. Все это требует дальнейшего разъяснения и конкретизации.

В рамках настоящей статьи будут рассмотрены наиболее значимые проблемы судебной экспертизы, решение которых, на наш взгляд, необходимо в интересах правосудия и, в частности, правоохранительной практики.

Одним из наиболее спорных и недостаточно завершенных с точки зрения правового регулирования является вопрос о возможности производства экспертизы до возбуждения уголовного дела (Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 308–316 ; Быков В. М. Проблемы применения технико-криминалистических средств и специальных познаний при расследовании преступлений // Использо-

ние современных технико-криминалистических средств и специальных познаний в борьбе с преступностью: материалы науч.-практ. конф. 24–25 апр. 1997 г. Саратов, 1998. С. 7–8 ; Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000. С. 281–283), имеющих многолетнюю историю развития, подробно изложенную в специальной литературе со всеми аргументами спорящих сторон и их взаимными оценками (Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М., 1988. С. 53–56 ; Галкин В. М. Об экспертизе в стадии возбуждения уголовного дела // Тр. Всесоюз. науч.-исслед. ин-та судеб. экспертиз. М., 1973. Вып. 5. С. 130–146 ; Курс криминалистики. М., 1997. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. С. 100–107). Он неразрывно связан с возникновением коллизии между процессуальной формой и криминалистическим содержанием данного следственного действия: процессуальный запрет на назначение экспертизы в начальной стадии уголовного судопроизводства, содержащийся в ч. 2 ст. 109 УПК РСФСР, искусственно ограничивал это содержание и сдерживал его неизбежное развитие.

На наш взгляд, производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела должно быть допущено только в случаях, когда без экспертизы невозможно установить наличие оснований для возбуждения уголовного дела. Естественно, такое решение должно иметь определенные ограничения, прямо предусмотренные законом. Например, оно не может распространяться на случаи, когда для производства экспертиз необходимо получение образцов для сравнительного исследования, поскольку в отдельных случаях это допускает применение принудительных мер.

Учитывая вышеизложенное, целесообразно в УПК РФ предусмотреть возможность проведения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела в следующих случаях: до возбуждения уголовного дела должна быть разрешена судебная экспертиза по установлению причины смерти, характера и степени причиненного здоровью вреда, а также по исследованию свойств предмета преступления, прямо указанного в соответствующей статье УК РФ (наркотиков, ору-

жия и др.), если для этого требуются специальные знания. Во всех остальных случаях судебная экспертиза может быть проведена только после возбуждения уголовного дела.

В законодательной регламентации нуждается и другая проблема, связанная с расширением перечня случаев обязательного назначения экспертизы.

Как известно, судебная экспертиза назначается по усмотрению следователя. Однако существуют ситуации, когда вопрос о производстве экспертизы не зависит от усмотрения следователя. Случаи обязательного назначения экспертизы определены практикой расследования и судебного разбирательства, свидетельствующей о том, что некоторые существенные обстоятельства дела либо вообще не могут быть установлены с помощью других следственных действий, либо устанавливаются ими недостаточно надежно. Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает случаи обязательного назначения судебной экспертизы (ст. 196 УПК РФ). Анализ следственной практики показал, что данный перечень фактически не охватывает всех случаев, когда экспертиза признается обязательной (дела об изнасиловании и других половых преступлениях, о фальшивомонетничестве, изготовлении и распространении наркотиков и т. п.). На практике фактически в обязательном порядке проводится экспертиза и во многих других случаях: для установления причины и обстоятельств взрыва или пожара, экспертиза наркотических средств, поддельных денежных знаков и ценных бумаг и др. Некоторые экспертизы проводятся в обязательном порядке в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ: по определению природы, вида и свойства наркотических средств, сильнодействующих и ядовитых веществ; для решения вопроса о том, являются ли предметы оружием, боеприпасами или взрывчатыми веществами (О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 9. П. 1 // Бюл. Верхов. Суда РФ. 1998. № 1. С. 3–6 ; О судебной практике по делам о хищении и неза-

конном обороте оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ: постановление Пленума Верховного Суда РФ. П. 1 // Бюл. Верхов. Суда РФ. 1997. № 9. С. 12–17).

Вышеизложенное подтверждает необходимость расширения перечня случаев обязательного назначения экспертизы и его законодательного закрепления. Возможны несколько вариантов решения проблемы (Белкин А. Р. Указ. соч. С. 317):

1) внести дополнения в ст. 196 УПК РФ, включив в имеющийся перечень наиболее распространенные случаи обязательного проведения экспертизы;

2) сформулировать правовую норму общего характера, отражающую требования и условия, при которых экспертиза проводилась бы в обязательном порядке;

3) разработать норму, содержащую расширенный перечень случаев обязательного назначения экспертизы, и формулу, позволяющую вносить в него дополнения в зависимости от обстоятельств дела и характера.

С нашей точки зрения, наиболее приемлем второй вариант решения указанной проблемы, поскольку разработка правовой нормы отправного характера могла бы освободить законодателя от возвращения к данной проблеме и необходимости неоднократного внесения поправок и дополнений в соответствующую статью кодекса.

В то же время нельзя не согласиться с А. Р. Белкиным, что данный путь является самым сложным, поскольку «сконструировать такую норму непросто, для этого потребуется точнее определить случаи, при которых экспертиза проводится обязательно, но опять-таки в общей форме, без их конкретного наименования» (Белкин А. Р. Указ. соч. С. 317).

Учитывая вышеизложенное, следует отметить, что на современном этапе развития уголовно-процессуального права наиболее оптимальным решением указанной проблемы является первый вариант. Однако следует иметь в виду, что по мере изменения характера преступности, появления новых видов преступлений, а также расширения возможностей судебной экспертизы в плане решения задач способами, не доступными для решения в настоящее время, когда-нибудь неизбежно возникнет аналогичная сегодняшней ситуация.

Другой проблемой является определение правового статуса участников экспертного исследования. Согласно ч. 1 ст. 197 УПК РФ следователь вправе присутствовать при производстве судебной экспертизы и получать разъяснения эксперта по поводу проводимых им действий. Однако не совсем понятно, с какой целью следователь может присутствовать. Кроме того, в УПК РФ ничего не говорится, в каких случаях и при производстве каких экспертиз может участвовать следователь, и каковы его действия.

По мнению Ю. К. Орлова и С. Н. Шишкова, «присутствие следователя при производстве экспертизы помогает ему лучше оценить экспертное заключение, его обоснованность, соответствие выводов результатам проведенного исследования» (Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство / отв. ред. В. Ф. Орлова. М., 2004. С. 48).

Данное мнение вызывает критические замечания. Следователь, чья компетенция далека от сферы специальных знаний, которые составляют содержание экспертных методик, не в состоянии уяснить суть проведенных исследований. Однако следователь может получать у эксперта разъяснения по поводу проводимых им действий. Вместе с тем это вряд ли поможет ему оценить экспертное заключение. Тем более, что следователь не наделен правом методического контроля за проведением исследований и право выбора методики исследования остается за экспертом. В случае несогласия следователя с экспертом по этим вопросам в распоряжении следователя имеются другие меры процессуального реагирования: допрос эксперта, назначение повторной экспертизы, отвод эксперта по мотивам его некомпетентности, а также привлечение специалиста для разъяснения заключения эксперта.

На наш взгляд, присутствие следователя имеет смысл тогда, когда эксперт сам нуждается в пояснениях. В некоторых случаях это может заменить предоставление дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения (п. 2 ч. 3 ст. 57 УПК РФ). В свою очередь, это позволит сэкономить время проведения экспертизы. Безусловно, личный контакт следователя и эксперта помогает не некоторые детали предмета экспертизы уточ-

нить на месте. Однако необходимо отметить, что следователь выходит за рамки своих полномочий, в ходе экспертизы контролируя правильность действий эксперта. Он может при оценке заключения эксперта по тем или иным основаниям признать его необоснованным или неполным. Следователь не может вмешиваться в экспертное исследование в ходе его проведения, давать какие-либо указания эксперту о правильности или неправильности его исследования. Необходимость его присутствия в ходе производства экспертизы предопределяется возможностью обнаружения экспертом доказательственной информации. Это возможно, например, в ходе вскрытия трупа для установления причин смерти, а также при исследовании микрообъектов.

Кроме следователя присутствовать при производстве судебной экспертизы могут подозреваемый, обвиняемый, защитник, но только с разрешения следователя (ст. 198 УПК РФ). Следует подчеркнуть, что перечисленные участники процесса могут присутствовать только в ходе исследовательской части. Чаще всего они присутствуют при экспертизах, связанных со служебной деятельностью. Это вполне оправданно, так как своевременно полученные объяснения будут сразу же учтены и проверены экспертом.

К сожалению, несмотря на то, что пояснения потерпевшего и свидетеля могут быть не менее важными, законом не предусмотрено их присутствие при производстве экспертизы. Кроме того, потерпевший вправе знакомиться с заключением эксперта, только если экспертиза проводилась в отношении его. Необходимо заметить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство предоставляет право присутствовать при производстве экспертизы только участникам процесса, т. е. лицам, допущенным к участию в деле и занимающим определенное положение. В связи с этим неясно, почему законодатель лишил указанного права потерпевшего. Данная норма закона ставит потерпевшего в более уязвимое положение по сравнению с подозреваемым (обвиняемым).

Вышесказанное подтверждает необходимость предоставления потерпевшему права присутствовать при производстве экспертизы и давать объяснения эксперту. Для устранения этого недостатка следует внести соответствующие изменения в ст. 198 УПК РФ.

Действующий закон ограничивает круг субъектов назначения экспертизы органом расследования и судом. По нашему мнению, защитнику и обвиняемому следует предоставить право самостоятельно решать вопрос о необходимости проведения судебной экспертизы и дать возможность реализовать это право независимо от усмотрения следователя или суда. Требуется законодательное закрепление права защитника обвиняемого по собственной инициативе или по желанию подзащитного назначать судебную экспертизу, поручать ее производство выбранному также по собственному усмотрению эксперту, присутствовать при производстве экспертизы. Решение же вопроса путем заявления ходатайства стороной защиты о назначении экспертизы, представляемого следователю в общем порядке, ставит обвиняемого и его защитника в полную зависимость от намерений и желаний следователя. В то же время допускаем, что у данного предложения найдутся серьезные противники. Так, Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Минюста России по заявлению обвиняемого А. В. Проня подготовил экспертное заключение, однако следователь отказал в удовлетворении ходатайства адвоката о приобщении этого заключения к материалам дела в качестве доказательства. В определении Конституционного Суда РФ от 4 марта 2004 г. № 145-0 отмечено, что основанием для производства судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении является не заявление обвиняемого или его защитника, а постановление органа дознания, предварительного следствия прокурора или суда (Рос. газ. 2004. 7 июля). Другой подход фактически означал бы пересмотр действующего уголовно-процессуального законодательства. С учетом этого представленное адвокатом заключение могло быть приобщено к делу не в качестве заключения эксперта, а в качестве иного документа (ст. 84 УПК РФ). Данное положение разделяют и другие ученые-процессуалисты (Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М., 2004. Ч. 1. С. 186, 187).

Предоставление защите права назначения экспертизы можно обеспечить через производство таких экспертиз в негосударственных судебно-экспертных учреждениях. Тем более, что в последние годы возникло много

негосударственных экспертных учреждений, готовых на договорных основаниях способствовать в этом отношении защите. Необходимые процедурные детали назначения и производства экспертизы по инициативе защиты могут быть предусмотрены и в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (Рос. газ. 2001. 5 июня).

С. А. Шейфер выступает против такого решения проблемы: «вряд ли будет правильным предоставление стороне защиты возможности назначать экспертизу, обращаясь в негосударственные экспертные учреждения и минуя государственные органы: дознавателя, следователя, прокурора, суд... Наиболее оптимальным решением проблемы будет, как представляется, обращение защиты с ходатайством о назначении экспертизы к следователю и суду, при закреплении в законе обязанности этих органов такое ходатайство удовлетворить и дать возможность защитнику присутствовать при экспертизе, проводимой как в государственном, так и в негосударственном экспертном учреждении» (Шейфер С. А. Следственные действия. Самара, 2004. С. 146–148).

С нашей точки зрения, необходимо рассмотреть и такую проблему, как производство экспертизы от имени юридического лица, т. е. от имени экспертного учреждения. Данный вопрос на протяжении многих лет обсуждался криминалистами и процессуалистами и встречал отрицательное отношение со стороны большинства (Дулов А. В. Права и обязанности участников судебной экспертизы. Минск, 1962. С. 18), поскольку считалось незыблемым принципом проведение экспертизы лишь экспертом – физическим лицом, что было закреплено действующим уголовно-процессуальным законодательством.

Преимущества дачи заключения от имени юридического лица убедительно показал А. И. Винберг: «в экспертном учреждении стирается понятие автономии частного эксперта, которая заменяется коллективным творчеством и ответственностью государственного учреждения как юридического лица, отвечающего за свои профессиональные кадры, за современную научную методику исследования объектов, за качество контролируемых заключений, за комиссионно-комплексную научную организацию труда в области экс-

пертной работы» (Винберг А. И. Дача заключения от имени юридического лица // Соц. законность. 1974. № 12. С. 54). Мы полностью разделяем данную точку зрения.

В качестве субъектов экспертного исследования – юридического лица – следует признать не только государственные экспертные учреждения, но и негосударственные судебно-экспертные учреждения. По усмотрению законодателя такое право может быть предоставлено и государственным учреждениям, выполняющим разовые экспертные задания, например, учреждениям Государственного банка РФ, Гидрометеорологического центра РФ, НИИ и др.

Можно предположить, что по мере дальнейшей демократизации уголовного судопроизводства, последовательной реализации принципа состязательности, развития конкурирующей экспертизы роль негосударственных судебно-экспертных учреждений будет возрастать, поскольку защита все чаще привлекает их для дачи экспертных заключений и заключений специалистов в противовес заключениям государственных судебно-экспертных учреждений.

Негосударственные судебно-экспертные учреждения уже сегодня играют весьма значительную роль в обеспечении уголовного судопроизводства. Многие из них в настоящее время объединяют опытных экспертов и оснащены необходимым оборудованием, некоторые специализируются на производстве отдельных родов или видов экспертиз, имеют возможность на договорной основе привлекать наиболее опытных и квалифицированных специалистов, сокращая тем самым сроки предварительного следствия и судебного рассмотрения дел.

В заключение следует заметить, что это далеко не полный перечень проблем судебной экспертизы, решением которых сегодня надлежит заниматься.

Библиографический список

1. *Белкин, А. Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А. Р. Белкин. – М., 2005.
2. *Дулов, А. В.* Права и обязанности участников судебной экспертизы / А. В. Дулов. – Минск, 1962.
3. *Сахнова, Т. В.* Судебная экспертиза / Т. В. Сахнова. – М., 1999.

С. Л. Миролубов,
преподаватель кафедры
уголовно-правовых и специальных дисциплин
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России

**ГЕНЕЗИС ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОРД
В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Анализ истории развития отечественного законодательства об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) в уголовно-процессуальном доказывании необходим для осмысления современной ситуации в решении данного вопроса.

Как известно, в России нормы, регламентирующие розыскную деятельность, появились в уголовно-процессуальном законодательстве XVIII в. (Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. М., 2007).

Так, Устав уголовного судопроизводства 1864 г. упорядочил деятельность полиции, осуществляющей розыск в интересах судопроизводства. В данном документе содержались предписания, предусматривавшие взаимосвязь розыска и уголовного судопроизводства и позволявшие составить более или менее правильное представление о розыскной деятельности. При этом розыскные действия гласного и негласного характера именовались дознанием. Иначе говоря, согласно Уставу уголовного судопроизводства дознание представляло собой то, что в настоящее время называется ОРД.

С точки зрения юридической техники регламентация использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам впервые четко проявилась в Основах уголовного судопроизводства СССР и союзных республик. Именно в данном нормативном акте после соответствующего законодательного вмешательства (вступления в силу закона СССР «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» от 12 июня 1990 г.) была закреплена норма, возлагавшая на органы дознания принятие необходимых оперативно-розыскных мер, в том числе с использованием видеозаписи, кинофотосъемки и зву-

козаписи, в целях обнаружения признаков преступления и лиц, его совершивших, выявления фактических данных, которые могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Пока научный мир занимался осмыслением данной нормы, законодатель принял еще одну формулировку. Так, ст. 10 Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» от 13 марта 1992 г. № 2506-1 (далее: Закон об ОРД (1992 г.)) содержала следующее положение: «Результаты ОРД могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных действий и проведения оперативно-розыскных мероприятий по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, а также в качестве доказательств по уголовным делам после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством» (Рос. газ. 1992. 29 апр.).

Приняв названный законодательный акт в целом положительно, представители уголовно-процессуальной науки тем не менее подошли к нему весьма критически. Наиболее детально была проанализирована статья, регламентирующая использование результатов ОРД, и в первую очередь та ее часть, которая касалась использования результатов ОРД в качестве доказательств по уголовным делам. Заключение уголовно-процессуальных авторитетов было почти единодушным: использование результатов ОРД для подготовки и проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений – на практике, как правило, не вызывает затруднений, в то время как использование результатов ОРД в качестве доказательств – затруднительно.

Сложность применения указанной части ст. 10 Закона об ОРД (1992 г.), по мнению Е. А. Доля, обуславливалась несовершенством правового регулирования. Применительно к данной форме в указанном Законе закреплено, что результаты ОРД могут быть использованы «в качестве доказательств по уголовному делу после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством». Данная формулировка, как считает Е. А. Доля, есть чистая абстракция,

ибо не содержит в себе указания на такую важную составляющую процесса доказывания по уголовным делам, как их собирание. А ведь именно с установленным в законе порядком собирания доказательств законодатель связывает систему гарантий их доброкачественности, соблюдения при их формировании прав и законных интересов участников уголовного процесса. Следование на практике рассматриваемой формулировке Закона об ОРД (1992 г.) может привести к тому, что любые результаты оперативно-розыскной деятельности будут рассматриваться как доказательства по уголовным делам (Доля Е. А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Рос. юстиция. 1993. № 3. С. 6).

Аналогичного мнения придерживался и профессор В. И. Зажицкий. В частности, в одной из своих статей он писал: «Предметом проверки в ходе доказывания по уголовному делу являются не данные и материалы, полученные в результате ОРД, а доказательства (ст. 70 УПК РСФСР). При осуществлении ОРД обнаруживаются не доказательства, а следы преступлений. Они могут стать содержанием доказательств по уголовному делу, если войдут в процесс посредством источников (ст. 69 УПК)» (Зажицкий В. И. Закон об оперативно-розыскной деятельности не идеален // Там же. № 5. С. 20).

С. А. Шейфер обращает внимание на несоответствие данного постулата (о том, что фактические данные становятся доказательствами только после их проверки) исходным положениям теории доказательств. Как известно, в уголовно-процессуальном законе, отмечает он, закреплён другой постулат: все собранные доказательства подлежат тщательной проверке (ст. 70 УПК РСФСР). Следовательно, и до проверки фактические данные, если они удовлетворяют нормативному определению доказательств в ст. 69 УПК РСФСР, т. е. получены законным способом и облечены в надлежащую процессуальную форму, уже являются доказательствами. По существу, положения ст. 10 Закона об ОРД (1992 г.) возродили опровергнутые наукой взгляды, согласно которым доказательствами признаются только достоверно установленные факты. Формула, принятая в указанной статье, необоснованно вводит в определение

доказательства признак достоверности, поскольку вопреки реальности позволяет заключить, что доказательства появляются лишь тогда, когда их собирание, проверка и оценка завершены (Шейфер С. А. Доказательственные аспекты Закона об оперативно-розыскной деятельности // Государство и право. 1994. № 1. С. 99–100).

Таким образом, представители уголовно-процессуальной науки подтвердили неизбежность догматов теории доказательств о том, что оперативные материалы, как и другие фактические данные, не имеющие процессуальной формы, не могут заменить доказательственную информацию, они могут только указывать местонахождение информации, которая, возможно, будет иметь доказательственное значение, т. е. оперативные материалы носят сугубо ориентирующий характер.

Двенадцатого августа 1995 г. был принят Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее: ФЗ «Об ОРД»). В ст. 11 данного Закона, в частности, закреплялось, что «результаты ОРД могут... представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств...» (Рос. газ. 1995. 18 авг.).

Как видим, «проверяемость с позиций уголовно-процессуального закона», о которой говорилось в Законе об ОРД (1992 г.), уступила место порядку, допускающему использование результатов ОРД «в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств».

В целом ФЗ «Об ОРД» был оценен значительно выше своего «предшественника». В частности, как передовая была воспринята ст. 11 данного Закона. Так, В. И. Зажицкий в статье «Новый закон об ОРД более совершенен» пишет: «Многие соглашались с тем, что довольно пробельной в законе об ОРД была ст. 10, предусматривающая использование результатов ОРД. В новом законе это ст. 11. Она более содержательна и

последовательна и, что особенно важно, в большей мере согласуется с положениями уголовно-процессуального законодательства. Редакция статьи об использовании результатов ОРД в доказывании, ... несомненно, более предпочтительна».

С момента вступления в силу ФЗ «Об ОРД» появилось много научных трудов, посвященных данной проблематике: В. И. Зажицкий «Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика» (СПб., 2006), В. Бозров «Результатам ОРД – статус доказательств» (Законность. 2004. № 12), Н. А. Громов, С. А. Полунин, С. А. Курушин «Об использовании результатов ОРД в доказывании по уголовным делам» (Право и политика. 2006. № 3), Ю. А. Стяжкин «Некоторые актуальные вопросы использования и легализации органами предварительного следствия и суда результатов ОРД в доказывании», Т. В. Зеленская «Соотношение уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности» (Рос. следователь. 2006. № 8), А. В. Чуркин «Вопросы использования результатов ОРД в доказывании» (Комментарий судебной практики / под ред. К. Б. Ярошенко. М., 2005. Вып. 11), В. Ю. Мельников «Использование результатов ОРД как основание для задержания подозреваемого лица» (Рос. следователь. 2005. № 11) и др. Вместе с тем до настоящего времени не найдено однозначного правильного решения проблемы использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам. По мнению Е. А. Доля, в данном вопросе необходимо учитывать фундаментальные положения теории доказательств о неодинаковом правовом режиме получения в уголовном процессе различных видов доказательств и оперирования ими (Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996. С. 68).

Мы, в свою очередь, разделяем мнение ряда авторов, считающих, что «как и расследование в целом, ОРД – это симбиоз науки и искусства. Изобретательность преступников не знает границ. Среди них есть уникалы, которые не нашли лучшего применения своему таланту. Наивно полагать, что избличать таких людей, как, впрочем, и рядового преступника, можно с помощью набора стандартных приемов и средств. При всей специфике ОРД, закрытости, трудности контроля и т. д.

закон должен регламентировать не перечень способов и средств получения доказательств, а условия и пределы, допускающие их проверку и непротиворечивость конституционным принципам» (Дидоренко Э. А., Кириченко С. А., Розовский Б. Г. Процессуальный статус ОРД в уголовном судопроизводстве. Луганск, 2000. С. 52–53).

Поэтому, хотя использование результатов ОРД в доказывании по уголовным делам является исключением из положений УПК РФ, в деятельности органов следствия периодически возникают ситуации, когда приобщение к материалам уголовного дела именно результатов ОРД играет основную роль в построении линии обвинения. В подтверждение вышеизложенного приведем следующий пример: в 2004 г. органами внутренних дел Республики Татарстан расследовалось уголовное дело, возбужденное по ч. 2 ст. 163 УК РФ в отношении трех подозреваемых – участников организованной преступной группы, по факту вымогательства денежных средств в размере 5 тыс. руб. у потерпевшего Т. В. результате проведенной оперативной комбинации с использованием негласной видеозаписи подозреваемые были задержаны после получения денежных средств от потерпевшего. Свидетелей данного преступления установлено не было и обвинение строилось только на показаниях потерпевшего. В процессе последующего расследования уголовного дела потерпевший под давлением организованной преступной группы стал изменять свои показания. В такой сложной для органов следствия и суда ситуации последним аргументом, склонившим чашу весов правосудия в пользу обвинения, стала легализованная оперативная видеозапись, на основании которой и был вынесен обвинительный приговор.

Данная проблема также актуальна при расследовании преступлений, совершаемых в учреждениях ФСИН России, что подтверждается результатами проведенного нами анкетирования сотрудников оперативных подразделений указанных учреждений. Так, 78 % опрошенных считают, что в доказывании по уголовным делам эффективно использовать результаты ОРД. Однако на практике последние используются очень редко. Это объясняется в первую очередь тем, что пенитенциарные преступления преимущественно носят очевидный

характер. Как отмечают респонденты, в качестве доказательств по уголовным делам о пенитенциарных преступлениях направлялись результаты следующих оперативно-розыскных мероприятий: опрос (80 %), наведение справок (52 %), сбор образцов для сравнительного исследования (30 %), изучение предметов и документов (45 %).

По нашему мнению, для того чтобы прекратить продолжающуюся длительное время научную полемику по вопросу использования результатов ОРД в уголовном процессе, требуется более четкое законодательное закрепление механизма данной процедуры.

А. Н. Миронов,
доцент кафедры
административно-правовых дисциплин
Уфимского юридического
института МВД России
кандидат юридических наук, доцент

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

В последние годы в отечественной юридической науке не случайно актуализировалась тема правовой политики (Коробова А. П. Правовая политика: понятие, формы реализации, приоритеты в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000 ; Малько А. В. Современная российская правовая политика и правовая жизнь // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. № 11 ; Матузов Н. И. Понятие и основные приоритеты российской правовой политики // Правоведение. 1998. № 4). Разработка эффективной правовой политики государства, обоснование концепции правового развития на ближайшее время и на перспективу – одни из наиболее важных задач современной отечественной юридической науки. Вместе с тем это задачи не только науки, но и государства, поскольку последовательная правовая политика позволит решить проблемы в области правотворчества, правоприменения и правового воспитания. Так, характеризуя политику Российского государства, в том числе правовую, в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ, Президент РФ отметил: «Вы знаете, что в течение последних пяти лет

Библиографический список

1. Дидоренко, Э. А. Процессуальный статус ОРД в уголовном судопроизводстве / Э. А. Дидоренко, С. А. Кириченко, Б. Г. Розовский. – Луганск, 2000.
2. Доля, Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности / Е. А. Доля. – М., 1996.
3. Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. – М., 2007.
4. Шейфер, С. А. Доказательственные аспекты закона об ОРД / С. А. Шейфер // Государство и право. – 1994. – № 1.

мы были вынуждены решать трудные задачи по предотвращению деградации государственных и общественных институтов. Но в то же время обязаны были создавать основы для развития на годы и десятилетия вперед. Мы вместе разбирали завалы и постепенно продвигались дальше. И в этой связи политика стабилизации фактически была политикой реагирования на накопленные проблемы. Эта политика в целом оправдала себя. Но к настоящему времени себя уже исчерпала. Теперь ей на смену должна прийти политика, устремленная в будущее» (Послание Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина Федеральному Собранию РФ 25 апреля 2005 года // Журн. рос. права. 2005. № 5. С. 5).

Основы правовой политики были заложены Указом Президента РФ «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации» от 6 июля 1995 г. № 673, в котором говорилось о необходимости укрепления правовых начал новой государственности (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 28, ст. 2642), и получили свое развитие в Указе Президента РФ «О дополнительных мерах по обеспечению единого правового пространства Российской Федерации» от 10 августа 2000 г. № 1486 (Рос. газ. 2000. 16 авг.). Однако, несмотря на многочисленные высказывания ученых о важности принятия, например, концепции правовой политики государства, к сожалению, ничего сделано не было.

Как известно, подготовка законопроектов на уровне Российской Федерации осуществляется на основании прогнозов соци-

ально-экономического развития страны на среднесрочную перспективу, плана законопроектных работ Государственной Думы Федерального Собрания РФ, плана законопроектных работ Правительства РФ и ежегодных посланий Президента РФ, а на долгосрочную перспективу правотворческие органы не могут осуществлять свою деятельность на территории Российской Федерации и ее субъектов ввиду отсутствия не только четкой правовой политики, но и мероприятий по ее определению.

На наш взгляд, прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о том, как выработать правовую политику и что будет способствовать ее реализации, необходимо проанализировать некоторые теоретические положения, касающиеся данного правового явления.

Правовая политика выступает в качестве одной из разновидностей политики вообще, вследствие чего нельзя уяснить ее суть, не раскрыв понятия политики. В науке существует множество ее определений, но наибольшее предпочтение в последнее время политологами отдается определению политики с точки зрения функционального подхода. В соответствии с ним политика определяется как организационная и регулятивно управленческая сфера общества, призванная отразить и осуществить в политическом процессе потребности и интересы как отдельной личности, так и социальных групп и общества в целом.

Правовая политика как разновидность политики имеет специфические признаки, позволяющие отличать ее от других видов политики (экономической, социальной и др.). С учетом данных признаков авторы предлагают следующие определения правовой политики.

По мнению профессора А. В. Малько, правовая политика – это научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных и муниципальных органов по созданию эффективного механизма правового регулирования, цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности

и высокого уровня правовой культуры в жизни общества и личности (Малько А. В. Указ. соч. С. 15).

Профессор О. Ю. Рыбаков предлагает различать понятие правовой политики в узком и широком смыслах. В узком смысле правовая политика – это выработка и реализация тактики и стратегии в области создания и применения права на общих принципах гуманизма. В широком смысле – это деятельность, прежде всего, государственных и муниципальных органов, общественных объединений, отдельных лиц, включающая систему идей, целей, мер и способов, обеспечивающих функционирование и воспроизводство правового механизма, направленная на осуществление интересов, прав и свобод личности во взаимодействии с ее обязанностями (Рыбаков О. Ю. Правовая политика как юридическая категория: понятие и признаки // Журн. рос. права. 2002. № 3).

Научная ценность подобных определений заключается в том, что, с одной стороны, правовая политика определяется в них как научно обоснованная и системная деятельность государственных и негосударственных структур, а с другой – как комплекс идей, мер, задач, программ, установок, реализуемых в сфере действия права и посредством права.

В юридической литературе практически не затрагивается вопрос о структурных элементах правовой политики. Некоторые авторы ограничиваются констатацией факта, что правовая политика структурно включает в себя правовую стратегию и правовую тактику, не обосновывая данного утверждения (Нургалеев Ш. Х., Чинчикова Г. Б. Правовая тактика и правовая стратегия: вопросы теории соотношения и практики // Юрид. образование и наука. 2006. № 2–3 и др.).

По нашему мнению, структура правовой политики – это ее внутреннее строение, расположение основных элементов и связей, которое обеспечивает ее целостность, сохранение необходимых свойств и функций под воздействием разнообразных внутренних и внешних, объективных и субъективных факторов.

Отсюда с учетом структуры политики в целом в правовой политике следует выделять такие элементы, как субъекты, объекты, отношения между субъектами.

Среди множества субъектов правовой политики особое место занимает государство в лице специально созданных органов, поскольку оно играет ведущую роль в установлении правовых норм (Исаков Н. В. Правовая политика современной России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 24). Достаточно проблематично говорить о каких-либо других субъектах, несмотря на декларируемую возможность участия в формировании правовой политики общественных объединений и граждан, тем более, что основной формой ее реализации является правотворчество, а круг субъектов права законодательной инициативы четко очерчен законодательством. Об участии граждан в формировании правовой политики можно говорить только посредством направления обращений в соответствующие органы государственной власти.

В качестве объекта правовой политики выступает правовая сфера жизни общества, нуждающаяся в преобразовании. Отношения между субъектами правовой политики – это их взаимосвязи и взаимодействие между собой и с институтами власти, возникающие в процессе преобразований в правовой сфере на всех ее стадиях. Осуществляемая в рамках данных отношений деятельность является стратегической, в результате которой происходит формирование направлений дальнейшего правового развития государства, планируются действия по достижению поставленных целей и определенных перспектив. Содержание отношений между субъектами правовой политики зависит от отношений государства и общества, власти и народа, социальных групп и слоев общества, развития общественной системы, ее демократизации, уровня правовой культуры в обществе. Кроме того, отношения между субъектами правовой политики направлены на ее формирование.

Формирование правовой политики – это задача правовой стратегии, в рамках которой происходит определение идей, мер, задач, программ, установок, целей и перспектив дальнейшего развития общества в правовой сфере. Правовая стратегия – это деятельность, направленная на формирование наиболее общих подходов и перспективных ориентиров развития правовой системы государства. Иными словами, правовая стратегия позволяет создать правовую полити-

ку государства и определить ее основные направления.

Правовая стратегия включает в себя правовой мониторинг, выработку на его основе концепции правовой политики и планирование действий по использованию различных юридических средств для достижения ее целей.

Правовая стратегия представляет собой содержательную сторону отношений субъектов правовой политики, чего нельзя сказать о правовой тактике, хотя практически все авторы включают ее в структуру правовой политики. В обоснование сказанного приведем следующие аргументы:

1. Ввиду многообразия форм реализации правовой политики и их специфичности нельзя применить единую правовую тактику ко всем этим формам, так как у всех она будет разная. Для правотворчества содержание правовой тактики будет одним, для правоприменения – другим и т. д.

2. Будучи структурным элементом правовой политики, правовая тактика должна иметь такую же целенаправленность. Однако правовая политика преследует цель определить основные направления дальнейшего правового развития государства, а целью правовой тактики является претворение в жизнь основных направлений правовой политики, а следовательно, правовую тактику нельзя считать элементом правовой политики.

3. Правовая политика и правовая тактика имеют разный субъектный состав.

4. Сущность правовой политики состоит в определении перспектив дальнейшего развития права, формулировании совершенного законодательства, его систематизации и в конечном итоге формировании правового государства. Действия же по реализации стратегических положений, т. е. правовая тактика, осуществляются в формах правовой политики, таких как правотворчество, правоприменение и правовое воспитание. В связи с этим нет необходимости говорить о правовой тактике как составляющей правовой политики, она может выступать только как необходимый элемент форм реализации правовой политики.

Таким образом, на основании вышеизложенного сформулируем два определения правовой политики: в статике и динамике.

С точки зрения динамики правовая политика – это стратегическая деятельность государства в лице уполномоченных им органов в правовой сфере жизни общества, направленная на дальнейшее правовое развитие общества, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, имеющая в своей основе общепризнанные нормы международного права и положения Конституции РФ.

С точки зрения статики правовая политика – это составная часть правовой сферы жизни общества, включающая систему целей, идей и положений, предусматривающих дальнейшее правовое развитие общества и совершенствование правового регулирования.

Формирование правовой политики – важная государственная задача. Однако более сложной задачей является ее реализация. Необходимо приложить массу усилий для претворения положений правовой политики в правовую действительность.

Как было отмечено выше, реализация правовой политики возможна в трех формах: правотворчестве, правоприменении и правовом воспитании. Основной из них выступает правотворчество. Вместе с тем каждая из обозначенных форм влияет на другие, одна обусловлена другой. Недостаточное внимание правотворческому процессу, несовершенство юридической техники, низкая квалификация разработчиков законопроектов сказываются впоследствии на правоприменении и правовом воспитании.

Реализация основных направлений правовой политики может осуществляться посредством правовой тактики, т. е. совокупности приемов и способов, позволяющих претворить в жизнь идеи, цели, установки, программы, определяемые правовой стратегией в рамках правовой политики. Н. В. Исаков отмечает, что «правовая политика в идеале должна иметь свою стратегию и тактику, ясные и обоснованные цели и соответствующие средства их достижения... Правовые идеи стратегического характера могут стать выполнимыми, если их реализацию обеспечивают продуманные на основе правовой политики решения, задачи и действия тактического характера. Поэтому в тактическом плане правовая политика решает ближайшие задачи» (Исаков Н. В. Основные приоритеты современной россий-

ской правовой политики / под ред. В. А. Казначеева. Пятигорск, 2003. С. 32).

Представляется, что одной правовой тактики для реализации правовой политики в различных ее формах недостаточно. На наш взгляд, следует вести речь о тактике правотворчества, тактике правоприменения и тактике правового воспитания. Каждая из них использует свой арсенал приемов, способов и правил, знание которых и умение их применять будут способствовать реализации правовой политики.

Ввиду технологичности процессов правотворчества, правоприменения и правового воспитания, многоэтапности совершаемых их субъектами действий предлагаем в качестве средства реализации правовой политики использовать юридическую технологию. Под ней понимается комплексная целенаправленная деятельность по применению технико-юридических средств в соответствии с определенными правилами, направленная на разработку действенных, или качественных, правовых актов, их совершенствование и систематизацию, а также практическому претворению нормативных положений правовых актов в юридическую действительность.

По нашему мнению, юридическую технологию можно использовать, по крайней мере, в двух формах реализации правовой политики – правотворчестве и правоприменении. Иными словами, можно говорить, как минимум, о двух видах юридической технологии: юридической технологии правотворчества и юридической технологии правоприменительной деятельности.

Рассмотрим применение юридической технологии на примере правотворчества – одной из наиболее важных форм реализации правовой политики, выступающей важнейшим средством управления и непосредственно связанной с механизмом и функциями государства и общества, поскольку правотворчество претворяет в жизнь политический курс страны, юридически оформляет важнейшие задачи государства и общества, а также стратегию и тактику их выполнения.

Составляющими элементами юридической технологии, которые последовательно используются на различных этапах правотворчества, являются: а) юридическая стра-

тегия; б) юридическая техника; в) юридическая тактика или методология; г) критерии эффективности правовых актов и их качества; д) условия и факторы, влияющие на состояние юридической технологии. Конечным «продуктом» юридической технологии выступает эффективный и качественный нормативный правовой акт.

Любая деятельность, особенно деятельность по принятию нормативных правовых актов, будет эффективна, если она соответствует своей основной цели – разрешению экономических, политических, экологических, социальных, этнических и иных задач согласно требованиям Конституции РФ. Достигнуть этого можно, во-первых, путем постановки четких целей, прогнозов, ради которых принимаются нормативные правовые акты; во-вторых, планирования деятельности по их достижению. Однако следует отметить, что в условиях постоянного изменения законодательства этому практически не уделяется внимания. Реализовать указанные пути повышения эффективности деятельности по принятию нормативных правовых актов возможно при помощи *юридической стратегии правотворчества*, под которой следует понимать специфический вид деятельности субъектов правотворчества по определению приемов и способов достижения научно обоснованных прогнозов принимаемых нормативных правовых актов, направленный в конечном итоге на повышение их качества и эффективности. Юридическая стратегия правотворчества и правовая стратегия правовой политики отличаются объектом, в качестве которого в правовой политике выступает вся правовая сфера государства, включающая помимо деятельности по подготовке нормативных правовых актов деятельность по их применению, систематизации, интерпретации. Иными словами, правовая стратегия правовой политики – более общее понятие по отношению к юридической стратегии правотворчества.

Составляющими элементами юридической стратегии правотворчества, по нашему мнению, являются: прогнозирование, в рамках которого путем проведения правового мониторинга определяются цели нормативного правового акта и разрабатывается его концепция; планирование, представляющее

собой деятельность субъектов правотворчества по выработке и выбору наиболее оптимальных приемов и способов достижения обозначенных в ходе прогнозирования целей нормативных правовых актов.

Следующий структурный элемент юридической технологии – это *юридическая техника*. На наш взгляд, необходимо отойти от традиционного ее понимания и обозначить юридическую технику как совокупность технико-юридических средств, в качестве которых выступают юридические приспособления для осуществления различных видов юридической деятельности. Знание особенностей и возможностей юридической техники (совокупности технико-юридических средств) позволит субъектам правотворчества создавать эффективные правовые акты, совершенствовать их, преодолевать противоречия, которые могут между ними возникать, а правоприменителям – принимать верные юридически обоснованные решения и избегать ошибок в своей деятельности.

Грамотному использованию юридической техники будет способствовать юридическая тактика как система приемов и способов применения технико-юридических средств для выполнения целей деятельности по принятию нормативных правовых актов. Представленное в юридической литературе множество таких приемов, способов и правил можно распределить по группам. Первую группу составляют правила, приемы, средства, способы и методы, используемые для внешнего оформления нормативных и индивидуальных правовых актов. Вторую группу образуют правила, приемы, методы рациональной организации структуры, стиля, логико-языкового построения содержания правовых предписаний, обеспечения взаимосвязи юридических норм, изложения их структурных элементов. К третьей группе относят правила, приемы и способы разработки и оформления правоприменительных и интерпретационных актов. В четвертую группу следует включить правила, приемы и способы систематизации правовых актов, а к последней, пятой, группе относить правила, приемы и способы выявления ошибок и пути их преодоления или устранения.

Следующий элемент юридической технологии правотворческой деятельности – *кри-*

терии эффективности нормативных правовых актов и их качества. В литературе содержится много различных суждений относительно эффективности и качества принимаемых в процессе правотворческой деятельности нормативных правовых актов. Вместе с тем, как нам представляется, о качестве нормативного правового акта и его эффективности можно говорить и до его разработки, и после. Качество нормативного правового акта – это совокупность свойств, присущих нормативному правовому акту как форме права. По мнению С. В. Полениной, нормативно-правовой акт является качественным, если он отвечает общественным потребностям и реально регулирует общественные отношения в соответствии с поставленными при его издании целями (Поленина С. В. Качество закона и эффективность законодательства. М., 1993. С. 6–7). На наш взгляд, это свидетельствует не о качестве нормативного правового акта, а о его эффективности. О качестве нормативного правового акта следует вести речь до его принятия, т. е. на стадиях подготовки и рассмотрения. Пути повышения качества нормативного правового акта находятся в трех плоскостях – социальной, политической и юридической.

Эффективность нормативного правового акта заключается в возможности своевременного достижения социально обоснованного положительного результата. На стадии подготовки такого акта о ней позволяют судить следующие его свойства: 1) правильный выбор круга общественных отношений, подлежащих правовому регулированию; 2) определение цели правового воздействия и социальной ценности нормы; 3) своевременность разработки правовых норм; 4) установление адекватной формы нормативного акта; 5) учет принципов системного подхода; 6) оптимальность средств и методов правового регулирования; 7) соблюдение правил законодательной техники и некоторые другие. Соответствие обозначенных свойств эффективности нормативного правового акта на стадии его разработки позволяет в будущем говорить о неэффективности нормативного правового акта в рамках его реализации в правоприменительной деятельности. Без учета фактора времени полная эффективность действия нормативных правовых актов не может быть установлена. Они проходят

проверку в рамках правоприменительной деятельности. В результате воздействия многообразных факторов на субъекта правоприменительной деятельности цели нормативного правового акта могут быть не достигнуты, тогда следует говорить о неэффективности данного акта.

На субъекта правоприменения влияют как объективные факторы, так и субъективные, причем последние в большей степени. К ним, в частности, относятся: отсутствие должного образования, опыта работы, необходимого уровня правового сознания, некомпетентность и др. Выработка критериев определения эффективности и качества нормативного правового акта позволит выявить условия, при которых нельзя вести речь о его эффективности и принять меры по их устранению.

Зная условия и факторы, воздействующие в целом на юридическую технологию и, в частности, на каждый ее элемент, субъекты правотворчества, а впоследствии и правоприменители смогут учитывать их при достижении целей нормативного правового акта.

Таким образом, применение юридической технологии как средства реализации правовой политики позволит создать реально действующие финансово обеспеченные технически грамотные, т. е. качественные и эффективные, нормативные правовые акты.

В заключение отметим, что мы не ставили целью рассмотреть все элементы юридической технологии, а обозначили лишь основные направления, в рамках которых необходимо проводить дальнейшую работу.

Библиографический список

1. Исаков, Н. В. Основные приоритеты современной российской правовой политики / Н. В. Исаков ; под ред. В. А. Казначеева. – Пятигорск, 2003.
2. Малько, А. В. Современная российская правовая политика и правовая жизнь / А. В. Малько // Правовая политика и правовая жизнь. – 2000. – № 11.
3. Поленина, С. В. Качество закона и эффективность законодательства / С. В. Поленина. – М., 1993.
4. Рыбаков, О. Ю. Правовая политика как юридическая категория: понятие и признаки / О. Ю. Рыбаков // Журн. рос. права. – 2002. – № 3.

Н. Н. Невский,
доцент кафедры юридических дисциплин
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

ВИКТИМОЛОГИЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Виктимология (от лат. *victime* – жертва и *logos* – учение, т. е. наука о жертве) – междисциплинарная социально-правовая наука о закономерностях происхождения, существования и развития виктимизации как социального явления, а также о разработке мер ее предупреждения, защите прав и оказании реабилитационной помощи жертвам преступлений с целью обеспечения личной, имущественной и общественной безопасности граждан и сокращения уровня преступности в обществе. Жертва, таким образом, становится постоянным неизбежным элементом природных, социальных, техногенных процессов, случайного стечения обстоятельств не криминального и криминального характера. Виктимология собирает и исследует знание о том, что могло и/или является социально опасным проявлением для человека.

Виктимология как междисциплинарная наука концентрирует и осмысливает в рамках единой виктимологической концепции информацию, представленную различными областями знаний. По мнению Д. В. Ривмана, «полученная с их помощью информация дает богатый исходный материал для теоретических разработок общих и частных проблем виктимологии» (Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. СПб., 2000. С. 6).

Так, в философии происходит изучение в рамках антропологии маргинальной личности (группы), т. е. способность находиться на краю, на границе социального бытия (общепринятых норм поведения), позицироваться как крайнее, предельное положение или состояние. Однако не только в значении статического пребывания на границе или у предела, но в смысле динамическом, т. е. как выражение самого процесса перехода, пересечения границы или достижения и преодоления предела.

В социологии интерес виктимологов проявляется в изучении такого явления, как «ан-

дерккласс». Термин заимствован из западной социологии и журналистики и обозначает социальные группы (бездомные, мигранты, хронические безработные), которые лишены доступа к признанным статусам в системе разделения труда и имеют ценности, отличные от основных общественных ценностей.

В политических науках виктимологические аспекты проявляются в исследованиях жертв не криминализированных национальных или религиозных политических явлений и/или процессов, чаще всего избирательных кампаний различного уровня, в том числе и национальных президентских (Кабанов П. А. Виктимогенность криминогенных политических режимов как одно из перспективных направлений криминальной политической виктимологии // Сиб. юрид. вестн. 2004. № 1. С. 30–32 ; Его же. Криминальная политическая виктимология как междотраслевая частная криминологическая теория: понятие и предмет // Следователь. 2005. № 9. С. 51–56 ; Maddocks R. History: George santayana's Warning // Le Quebecois Libre (Montreal). 2000. 30 septembre).

В юридических науках виктимология как термин понимается несколько уже, чем это принято у виктимологов. Исследуются проблемы частной виктимологической теории, например, жертвы катастроф, пострадавшие в гражданско-правовых деликтах, экзогенных и эндогенных инцидентах, от правонарушения или преступления.

В психологии исследуются собственно психологические аспекты виктимологии, такие как: непосредственный и опосредованный потерпевший; виктимизация и виктимность; воздействие правонарушений и/или преступления и его последствий на личность потерпевшего; психические состояния потерпевших в момент совершения преступления и их влияние на формирование показаний; влияние процесса расследования на личность потерпевшего, его позицию и показания; посттравматический синдром изнасилования (диагностика, оценка и коррекция); жестокое обращение и насилие над детьми (диагностика, оценка последствий); методологические и организационные проблемы психологической реабилитации потерпевших от преступления.

Последовательность изучения проблем междисциплинарной науки не имеет статусного значения, так как разноплановые ос-

мысленные процессы изучения виктимологии ведутся в различных направлениях. Это позволяет исследовать ранее оставшиеся без ответа вопросы и пополнять имеющиеся знания о проблеме. Все это приводит исследователя к интерпретации новых образов, ассоциативных отношений и вероятностей, гипотез или выработки новых посылов из существующих теорий. Вместе с тем виктимолог в своих исследованиях не может опираться на предположение, поскольку его интересует прежде всего действительность.

Таким образом, основная задача виктимологии состоит в обобщении и развитии области применения знаний других наук применительно к виктимологическим объектам и исследовании их непосредственных отличий.

Следует отметить, что виктимология – сравнительно молодое научное направление, возникшее в XX в. в рамках науки криминологии, которая изучает преступления, а следовательно, и жертв преступлений.

Основы виктимологии как науки были заложены немецко-американским криминологом Хансом фон Хентигом. Большой вклад в развитие науки внесли Б. Мендельсон, С. Шейфер, Г. Элленбергер, М. Вольфганг и др.

Ганс фон Хентиг, признавая виктимологию как научное направление, в вышедшей в 1948 г. книге «Преступник и его жертва. Исследования по социобиологии преступности» исследовал взаимоотношения между преступником и потерпевшим. Впервые при рассмотрении механизма преступного поведения проведен анализ взаимодействий между жертвой и преступником и даны личностные характеристики жертв преступлений как участников преступлений. Ученый отмечал, что в значительном количестве уголовных дел жертва разделяет ответственность за свою виктимизацию вместе с преступником (Hentig H. von. The criminal and his victim: Studies in the sociobiology of crime. New Haven Ct., 1948). Кроме того, он установил также, что личностные характеристики некоторых жертв преступлений влияют на их виктимизацию, в то время как другие могут стать жертвами преступлений в результате образа жизни и условий жизнедеятельности сообщества, в котором они проживают.

Эмоциональная и описательная типология Г. фон Хентига включала в себя 13 категорий жертв, классифицируемых по психологиче-

ским, социальным и биологическим факторам. В их число входили: дети и молодежь; женщины; престарелые; лица, страдающие психическими заболеваниями или имеющие аномалии психики; иммигранты; представители национальных или расовых меньшинств; олигофрены-дебилы; лица, находящиеся в депрессивном состоянии; приобретающие (жертвы-provokatory); распутники; одинокие и убитые горем; мучители, садисты; заблокированные (фрустрированные), освобожденные и борющиеся (Цит. по: Schafer S. The victim and his criminal. A study into functional responsibility. N. Y., 1968. P. 43–44).

Термин «виктимология» ввел Б. Мендельсон в 1947 г. По его мнению, указанная дисциплина является не столько частью криминологии, сколько самостоятельной «оборотной стороной криминологии» (Mendelsohn B. Rape in criminology // Justicia penale. 1940). Являясь не только ученым, но и практикующим юристом, Б. Мендельсон по специально разработанной анкете из 300 вопросов опросил значительное количество своих клиентов и выяснил, что существует определенный «параллелизм» между биопсихологическими характеристиками преступника и его жертвы.

Г. фон Хентиг и Б. Мендельсон стали первыми виктимологами, сумевшими дать определенную классификацию жертв преступлений. Так, Б. Мендельсон подразделяет жертвы на шесть основных типов в зависимости от степени виновности жертвы в ее взаимоотношениях с преступником.

Его классификация, описывая степень ответственности (виновности), проранжированную в зависимости от «вклада» жертвы в совершение преступления, подразделяет последних:

- на полностью невиновных жертв;
- жертв с минимальной виной и жертв, ставших таковыми по небрежности;
- жертв, столь же виновных, сколь и преступник (умышленных жертв);
- жертв, более виновных, чем преступник (провоцирующих жертв либо жертв-подстрекателей);
- исключительно виновных жертв или единственно виновных жертв (например, насильников, убитых в результате самообороны);
- симулянтов, или «воображаемых» жертв, например, параноиков, истероидов, а также

лиц, страдающих иными формами аномалий психики (Mendelsohn B. The victimology // Etudes Internationales de Psycho-Sociologie criminelle. 1956. July-Sept. P. 25–26).

Г. Элленбергер, талантливый психоаналитик, сосредоточил свои исследования на психологических взаимоотношениях между жертвой и преступником. В своей книге «Отношения» (1954 г.) он констатировал, что для криминологов, стремящихся познать сущность преступления, гораздо важнее уделять внимание виктимогенным факторам, нежели криминогенным. Он призывал криминологов изучать потенциальные угрозы, которым подвергается жертва в зависимости от ее классовых, социально-ролевых и физиологических характеристик (Ellenberger H. Psychological relationships between the criminal and his victim // Revue Internationale de Criminologie et de police technique. 1954. Vol. 2. P. 103–121).

Вместе с тем большинство исследований того времени были достаточно ограниченными и носили эклектичный характер, сосредотачиваясь на отдельных, вырванных из социального контекста, сторонах жизни индивидов. Синонимичность и метафоричность понятийного ряда, используемого основателями виктимологии, нередко приводила к достаточно произвольному толкованию феномена жертвы; подмене сущностной характеристики виктимизации неполным набором различных качеств, а в ряде случаев – и к известной декларативности полученных выводов.

Такое положение вполне может быть объяснено сложностью и многогранностью самого феномена жертвы преступного поведения, неразработанностью основных положений виктимологической теории в указанное время (Сомин В. Н. Зарубежные виктимологические этюды // Криминалистическая виктимология: вопросы теории и практики : сб. науч. тр. Иркутск, 1980. С. 138–144).

Одним из первых ученых, осуществивших систематизированное социологическое изучение проблемы взаимоотношения вовлечения жертвы преступления в процесс его формирования и детерминации, был М. Вольфганг.

Сосредоточив внимание на жертвах агрессивных преступлений, М. Вольфганг описал как отдельные, отличительные черты жертв убийств и самих убийц, так и их совместные общие характеристики в своем

классическом труде «Черты уголовного убийства», написанном на основании социологического анализа поведения 588 жертв и 621 убийцы, совершивших убийства в Филадельфии с 1948 по 1952 г.

Анализ характеристик «жертв-провокаторов, катализаторов криминального процесса» в сравнении с контрольной группой иных жертв убийств показал, что повышенной виктимностью обладают:

- афроамериканцы;
- мужчины-жертвы;
- женщины-преступницы;
- лица, злоупотребляющие алкоголем, в том числе в процессе криминального конфликта;
- лица, ранее привлекавшиеся к ответственности за совершение агрессивных преступлений;
- лица, отличающиеся повышенной жестокостью, и др. (Wolfgang M. E. Analytical categories for research in victimization // Munich: Kriminologische Wegzeichen. 1967. P. 24, 72, 86–87).

В последующих своих работах М. Вольфганг неоднократно обращался к исследованию процесса интеракции между преступником и его жертвами при анализе преступных карьер (Wolfgang M. E., Thornberry T. P., Figlio R. M. From boy to man, from delinquency to crime. Chicago, 1987).

Огромное значение для развития виктимологии как самостоятельного направления научных исследований сыграла опубликованная в 1968 г. книга С. Шейфера «Жертва и ее преступник: исследование функциональной ответственности» (Schafer S. Op. cit). По мнению С. Шейфера, виктимология в тот период времени становится самостоятельной наукой о взаимоотношениях и взаимодействиях между преступником и жертвой до, в процессе и после совершения преступления. При этом задача виктимологических исследований сводится не только к установлению констатации факта интеракции между преступником и жертвой, но и к необходимости разработки мер обращения с жертвой, реституции и компенсации причиненного преступлением ущерба, виктимологической профилактики преступлений. Указанные идеи активно поддерживались и отстаивались такими видными учеными того периода, как Э. Фатах, В. Нагель (Nagel W. H. The notion of victimology in

criminology // *Excerpta criminologica*. 1963. Vol. 3. P. 245–247 ; Fattah E. From crime policy to victim policy. L., 1986), а также Ф. Верхам.

С нашей точки зрения, виктимология как самостоятельная наука может утвердиться при определении степени и границ собственной области исследования и применения.

Анализ историко-правовых и мировоззренческих основ формирования виктимологии волей-неволей подталкивает к выводу о том, что логика развития виктимологии как самостоятельного научного направления диктуется также всей логикой развития науки об обществе, науки о человеке, логикой формирования общества и его культуры, свя-

А. В. Павлинов,

доцент кафедры

уголовного права и криминологии

ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук, доцент

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ
НАСИЛЬСТВЕННОГО ЭКСТРЕМИЗМА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОГНОЗ
РАЗВИТИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ,
МЕРЫ РЕАГИРОВАНИЯ**

В настоящее время одной из наиболее значимых причин обострения и эскалации экстремистской деятельности, направленной как против личности, так и против Российского государства, является экономическая. В связи с этим необходимо оценить возможные тенденции развития наиболее опасной части экстремизма – насильственного антигосударственного экстремизма, попытаться спрогнозировать последствия его проявлений и выработать наиболее адекватные меры реагирования.

В рамках настоящей статьи будут рассмотрены мнения экспертов, оценивающих последствия финансово-экономического кризиса в России по следующим показателям: а) спад производства; б) безработица; в) падение жизненного уровня населения; г) проблема рынка рабочей силы мигрантов.

Со второй половины 2008 г. в России идет реальный спад производства, достигшего к концу года 25–30 %. Прогнозируется, что в связи со снижением цен на нефть и сокращением физических объемов ее экспорта российская добывающая про-

занной с исторически неизбежной политической и культурной детерминированностью примата обеспечения личной безопасности и защищенности над общественной.

Библиографический список

1. *Невский, Н. Н.* Виктимология и ее основополагающие аспекты : монография / Н. Н. Невский, А. А. Кулакова ; Владим. юрид. ин-т. – Владимир, 2007.

2. *Ривман, Д. В.* Виктимология / Д. В. Ривман, В. С. Устинов. – СПб., 2000.

3. *Туляков, В. А.* Виктимология: социальные и криминологические проблемы / В. А. Туляков. – Одесса, 2000.

мышленность в первой половине 2009 г. сократится на 10 %. В металлургии снижение выпуска продукции достигнет 30 %, так как мировые цены по многим категориям товаров приблизились к себестоимости. Кроме того, основной потребитель металлургической продукции внутри страны – это строительство. Очевидно, что, несмотря на активную поддержку со стороны государства, должна сократиться и финансовая деятельность (–7 %). Даже с учетом выкупа жилья государством объемы строительства в 1-й половине 2009 г. сократятся на 15 %, в первую очередь за счет коммерческой недвижимости, а также снижения доступности ипотеки. Кроме того, предполагается падение нефтепереработки и продукции автотранспорта на 10 %, производства стройматериалов на 15 %. Это приведет к сокращению обрабатывающей промышленности на 4 %. Очевидно, что произойдет резкое замедление темпов роста чистых налогов, по различным оценкам, с 10 до 2 %, в основном за счет уменьшения объема НДС и экспортных пошлин на нефтепродукты (Возможна ли рецессия в России? Райффайзенбанк. URL: <http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?id=50056870&ct=comments>).

В связи с этим 22 % предприятий приняли решение о сокращении персонала. Только в декабре 2008 г., по официальным данным, в целом по стране лишились рабочих мест более 200 тыс. чел. По словам президента Российского союза промышленников и предпринимателей А. Шохина, в сентябре 2008 г. треть руководителей предприятий были убе-

ждены, что мировой финансовый кризис никак не повлияет на выполнение ими социальных обязательств, однако по истечении двух месяцев их осталось только 3 %. Если изначально Министерство здравоохранения и социального развития России предполагало, что в 2009 г. численность безработных может увеличиться до 1,6 млн чел., то сейчас цифра «скорректирована» до 2,2 млн (Грицюк М. Рецепты «Великой депрессии». Безработных могут отправить на строительство дорог // Рос. газ. 2008. 11 дек.).

По прогнозу Министерства экономического развития России число безработных в нашей стране может увеличиться за 2009 г. на 1 млн чел. Некоторые эксперты даже цифру в 10 млн, предполагаемо оставшихся без работы в России в 2009., считают довольно оптимистичной.

Несмотря на столь тревожную перспективу экономистов, в большей степени пугает рост задолженности по зарплате на 33,4 %. В абсолютных цифрах это чуть более 4 млрд руб. и около 1 % занятых. Иными словами, примерно 300 тыс. чел. столкнулись с задержками по выплате зарплаты. Кроме того, впервые за последние десять лет в России произошло сокращение реальных доходов населения (–0,5 %). К осени 2008 г. уже 6,8 % россиян заявили о снижении жизненного уровня.

По мнению ряда экспертов-экономистов, массовой безработицы удастся избежать, а будет лишь некоторое снижение реальной заработной платы с поправкой на инфляцию. Вместе с тем на реальную перспективу роста безработицы, а вместе с ней и падение жизненного уровня указывает запланированное правительством страны решение выплачивать с первого января 2009 г. пособие по безработице в размере 4900 руб. (вместо 3400).

Перепроизводство долгов, а не товаров, прежде всего в США и Западной Европе, явившееся причиной существующего в настоящее время мирового кризиса, ударит снижением уровня жизни населения всех стран, интегрированных в мировую экономику, но в первую очередь тех, чья основная строка бюджетных поступлений – экспорт сырья.

В связи с этим в первую очередь нарастание угроз антигосударственного экстремизма в социально-политической сфере радикально-оппозиционной направленности будет продуцировать ранее проанализированные возмож-

ные негативные сценарии развития российских экономических показателей и прежде всего ухудшение условий жизни россиян.

Необходимо также учитывать и то, что в создании реального внутреннего валового продукта в последние годы значителен вклад и рабочей силы из ближнего зарубежья. По разным оценкам, в 2007 г. в России таких людей насчитывалось от 10 до 12 млн. Отдельные эксперты высказывают предположение, что если мигранты, потеряв работу, начнут хаотично перемещаться по российским городам, это может вызвать сильнейшее социальное раздражение в среде местного населения, которое, в свою очередь, тоже не уверено в завтрашнем дне. Пересечение этих двух факторов, по их мнению, может породить события, несравнимые с беспорядками в парижских пригородах 2006 г. (Выжutowич В. Предсказуемые последствия. Что несет населению финансовый кризис // Рос. газ. 2008. 8 дек.).

Разрушительное действие финансово-экономического кризиса прямо скажется на приросте преступности, асоциальных явлениях (алкоголизме, наркомании), различных заболеваниях и смертности населения страны, что уже наблюдалось в период рыночных реформ начала 1990-х гг.

События октября 1993 г. в г. Москве показали, что в условиях роста социальной напряженности, вызванной в том числе безработицей, тотальным снижением жизненного уровня населения как следствие политики разгосударствления экономики, отдельным политическим лидерам и руководителям некоторых партий оказалось легко спровоцировать большие группы людей на массовые противоправные действия с применением средств вооруженного насилия для достижения своих политических целей.

Мы допускаем возможность признания социально-экономических катаклизмов современности революциями и ставим такое признание в зависимость от наличия признаков, отличающих революции от криминального антигосударственного экстремизма (Павлинов А. В. Антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты. М., 2008). Долю скептицизма в прогноз развития событий по такому сценарию добавляло то, что в утверждающейся в России демократической системе, так называемые

мой все чаще «суверенной демократии», жесткая политическая борьба ограничивается институализированностью. Поэтому казались маловероятными запрещенные призывы к радикальным действиям определенного вида, революции. Для их свершения, по нашему мнению, в первую очередь должны были резко измениться экономические условия жизни. И такие изменения со 2-й половины 2008 г. стремительно происходят.

В связи с этим можно прогнозировать увеличение активности и появление новых оппозиционно настроенных по отношению к власти радикальных партий, а также увеличение интереса к новым «старым» идеологиям, в основании которых лежит принцип социальной справедливости. Сегодня уже можно наблюдать процесс модернизации коммунистических социальных учений, анархистских взглядов, обращение к деятельности не только идеологов, но и практиков социальных межклассовых катаклизмов.

В таких условиях особую опасность представляет деятельность либеральных, левых и правых политизированных структур, в том числе радикальной направленности, по организации протестных акций. Информационно-аналитический материал, представленный Департаментом по борьбе с организованной преступностью и терроризмом МВД РФ, о состоянии в Российской Федерации оперативной обстановки в области противодействия терроризму и экстремизму за 2007 г. свидетельствует о том, что названными структурами в 2005 г. было организовано 18,8 тыс. протестных акций, а в 2006 г. – 19,6 тыс. В 2007, 2008 гг. также наблюдалась постоянная активизация проведения подобного рода акций, по большей части несанкционированных, что можно напрямую связать с проведенными федеральными выборами.

В настоящее время на оперативную обстановку в Российской Федерации из числа вышеуказанных структур наибольшее влияние оказывают объединения, входящие в движение «Другая Россия».

В состав движения входят общественные объединения левого и либерального толка, такие как: «Объединенный гражданский фронт» (Г. Каспаров), «Российский народно-демократический союз» (М. Касьянов), «Республиканская партия России» (В. Рыжков), движение «Оборона» (И. Яшин), «Национал-

большевистская партия» (Э. Лимонов), «Авангард красной молодежи» (С. Удальцов), «Союз коммунистической молодежи» (Ю. Афонин), «Трудовая Россия» (В. Анпилов) и др.

Наиболее радикальной структурой является запрещенная «Национал-большевистская партия», ячейки которой действуют в 63 субъектах Российской Федерации. Работу по консолидации праворадикальной среды в столичном регионе, а также ряде субъектов страны проводит «Русский общенациональный союз».

Новой более радикальной задачей объединения оппозиционных сил может стать направление стихийных социальных протестов граждан в единое русло против действующей власти в центре и на местах.

Официальная статистика на протяжении ряда лет (с 2004 г.) в России отмечает тенденцию резкого снижения общего числа зарегистрированных преступлений террористического характера (динамика проявлений криминального антигосударственного экстремизма, входящих в данную группу, достаточно неопределенна) и соответственно возрастания числа совершенных преступлений экстремистской направленности.

В первом полугодии 2008 г. тенденция к увеличению числа преступлений так называемой экстремистской направленности или экстремизма ксенофобского типа только усилилась: по ст. 282 УК РФ – 106 преступлений (8,2 %), ст. 280 УК РФ – 20 (25 %), являющаяся их институциональной основой ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации» – 20 (122,2 %).

В свою очередь, террористических актов зарегистрировано всего лишь 3 (–85,7 %). В официальной статистике практически не нашли отражения вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ) – 1 факт и насильственный захват власти (ст. 278 УК РФ) – 2 преступления. Лишь организация и участие в незаконном вооруженном формировании (ст. 208 УК РФ) продолжает оставаться на самом высоком уровне среди всех проявлений насильственного антигосударственного экстремизма – 320 фактов (–1,8 %).

С развитием событий по самому негативному сценарию и обострению всех противоречий в стране, от социально-экономических до национальных, религиозных и даже политических, как в столице, так и в

регионах вполне вероятен не только всплеск проявлений экстремизма различных видов, но и выход преступности данного вида на уровень разрушительных социальных катаклизмов.

Представляется заблуждением рассматривать чеченский вооруженный конфликт (1994–1996 гг.) только как порождение межнациональных, религиозных, этнотерриториальных противоречий. Как отмечалось в официальных документах, основными причинами возникновения и существования чеченского кризиса явились экономические (финансовые) интересы различных криминально-клановых группировок в Чечне, связанных с банковско-финансовыми структурами как в России, так и в других странах СНГ, стремление чеченского руководства к достижению полной независимости от федерального центра. С опорой на незаконные вооруженные формирования у политических лидеров Чечни появилась возможность диктовать свои условия и решать эти стратегические задачи. Одна из современных тенденций – апелляция лидеров незаконных вооруженных формирований в их стремлении к самоопределению к той части международного сообщества, которая рассчитывает на обретение доступа к источникам энергетических ресурсов России.

В 2007 г. официальная статистика социально-экономического положения субъектов юга Российской Федерации обнаружила тенденцию к подъему экономической и социальной сферы Северо-Кавказского региона как в сравнении со всеми прежними собственными показателями, так и в сравнении с некоторыми общероссийскими (Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2007 году // Рос. газ. 2008. 14 марта. С. 22).

Вместе с тем дела с экономическим развитием ряда субъектов данного региона обстоят не блестяще. По данным статистики, с 2004 по 2006 г. поголовье крупного рогатого скота в Кабардино-Балкарской Республике снизилось на 13 %, овец и коз – на 28 %. А общий сбор основных сельскохозяйственных культур упал на 32 %. Собственные доходы регионального бюджета составляют всего лишь 4 млрд руб., а дотации из федерального центра – 9 млрд. В республике констатируется одна из самых низких средних зарплат в регионе, которая смотрится вопиюще даже на

уровне не самых благополучных соседей по Южному федеральному округу. Уровень безработицы, наоборот, один из самых высоких – еще до кризиса она составляла 16,2 % экономически активного населения (в это число не вошли домохозяйки) (Устюгов И. Еще один «очаг» // Моск. комсомолец. 2008. 4 дек. С. 4). С точки зрения М. Залиханова, в Кабардино-Балкарии «специально создается новый очаг межэтнического противостояния... грозящий перерасти в очередной кровопролитный вооруженный конфликт на Северном Кавказе» (Цит. по: Устюгов И. Указ. соч. С. 4).

В то же время в мире все большую тенденцию приобретает процесс огосударствления природных ресурсов, социализации финансово-экономической политики, отстаивания трудящимися своих экономических прав. Даже практика ненасильственных социалистических революций приобретает все большее проявление. Пример тому «покраснение» латиноамериканского континента. В Венесуэле национализирована нефтедобывающая сфера и высокие доходы от экспорта перераспределяются всему населению.

В сегодняшней России остервенелое бичевание советского прошлого, поддерживаемое частью национальной элиты (особенно показательно оно проявилось в проекте «Имя России» одного из ТВ каналов), и развернутое на государственном уровне в отдельных странах ближнего зарубежья (в Украине президент развернул антироссийскую, антикоммунистическую кампанию на истории голодомора) выглядит не случайным. Задача таких действий заключается в уходе от проблем, стремлении сбить современный накал социального протеста и противоречий, отвлечении от масштабных финансовых афер мирового правительства глобалистов.

Между тем необходимо проведение исторических параллелей и аналогий между событиями первых лет государства советского периода и современной России. Схожесть исторических условий выражается: в обретении и укреплении государственности, наличии внешней угрозы, экономическом кризисе, криминальной обстановке, а именно в наличии террористической и в целом экстремистской угрозы основам конституционного строя в одном случае в виде ожесточенной классовой борьбы, сопротивления свергнутых классов, в другом – противостояния ре-

гионов федеральному центру, сопротивления сепаратистов на юге страны.

Резонируют оценки ситуации становления советской власти философа Н. А. Бердяева: «России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой», – и современной России Президента РФ В. В. Путина на заседании Госсовета РФ в феврале 2008 г.: «ценой немалых усилий нам удалось предотвратить распад страны и остановить войну на Северном Кавказе». Таким образом, восстановлены единство и территориальная целостность страны, утвержден ее суверенитет.

Сопоставимость не только масштабности и опасности проявлений антигосударственной преступности данного вида в первые годы советской власти в условиях кризиса всех институтов власти и общества, но и ее правового регулирования и чрезвычайных мер борьбы с современной антигосударственной экстремистской деятельностью обуславливает изучение и выработку предложений по использованию исторического опыта.

Предпринимаемые в настоящее время государственной властью усилия по снижению последствий мирового финансово-экономического кризиса призваны не допустить социальных всплесков в виде массовых протестных выступлений, массовых беспорядков, наиболее опасных проявлений насильственного экстремизма.

В сложившихся условиях в работе всех правоохранительных органов России особое внимание должно уделяться вопросам координации совместных действий, а также обеспечению конструктивного взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления (О заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации по вопросам противодействия экстремизму от 26.07.2007. URL: <http://www.genproc.gov.ru/news/news-6446/?print=1>). В Южном федеральном округе прошло координационное совещание руководителей правоохранительных органов по вопросам борьбы с экстремизмом, терроризмом и преступлениями в сфере межнациональных отношений (URL: <http://www.genproc.gov.ru/news/news-6243/?print=1>). Стереотип, согласно которому борьба с терроризмом является прерогативой исключительно правоохранительных органов, в значительной степе-

ни преодолен. Более того, в реализации мероприятий, определенных Указом Президента РФ «О мерах по противодействию терроризму» от 15 февраля 2006 г. № 116 (Рос. газ. 2006. 17 февр.), важное значение имеет взаимодействие федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления. Существенно возрастает роль антитеррористических комиссий. Теперь на исполнительные органы государственной власти возложена организация и осуществление на территории регионов мероприятий по предупреждению терроризма и экстремизма, минимизация их последствий. С 2007 г. эти обязанности приняла на себя и органы местного самоуправления.

Между тем прокурорские проверки показывают, что в некоторых случаях деятельность созданных при администрациях антитеррористических комиссий носит формальный характер. В Ингушской, Чеченской республиках и Республике Дагестан региональные комиссии фактически не работали, их заседания носили эпизодический характер, исполнение принятых решений не контролировалось.

Прокурорами субъектов Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ, в 2007 г. проведено 1253 проверки исполнения антитеррористического законодательства, в результате которых выявлено 1224 нарушения закона. Так, в Камчатском крае антитеррористическая комиссия Усть-Большерецкого района фактически не осуществляет свою деятельность. В нарушение Федерального закона «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ денежные средства на проведение работы по профилактике терроризма в бюджетах ряда муниципальных образований не предусмотрены. Органами местного самоуправления Республики Саха (Якутия) и Амурской области в уставы муниципальных образований не внесены изменения в связи с вступлением в силу п. 7.1 ст. 14 Федерального закона «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, предусматривающей участие данных органов в профилактике экстремизма и терроризма. В Дальневосточном федеральном округе обобщена практика прокурорского надзора за исполне-

нием законодательства о противодействии терроризму (URL: // <http://www.genproc.gov.ru/news/news-7317/?print=1>).

Установлено, что органы государственной власти Нижегородской области неэффективно используют предоставленные им полномочия по противодействию терроризму и экстремизму. Планы профилактических мероприятий в основном носят декларативный характер и не влияют существенным образом на состояние законности в этой сфере. Органы местного самоуправления наделены полномочиями по участию в профилактике терроризма и экстремизма. Однако в уставах муниципальных образований указанные полномочия не закреплены. Управлением Генеральной прокуратуры РФ в Приволжском федеральном округе 4 апреля 2008 г. проведена проверка исполнения законодательства о противодействии терроризму и экстремизму на территории Нижегородской области (URL: <http://www.genproc.gov.ru/news/news-7625/?print=1>).

В Положении об участии в профилактике терроризма и экстремизма, а также минимизации и (или) ликвидации их последствий на территории муниципального образования «Город Петушки», утвержденном Решением Совета народных депутатов г. Петушки Владимирской области от 27 сентября 2007 г. № 58/10 в разделе 2 приводятся основные понятия (в п. 2.1 «экстремистская деятельность (экстремизм)», в п. 2.6 «террористический акт»), не соответствующие действующему законодательству, а воспроизводящие

формулировки федеральных законов в прежней редакции, не действующей на момент принятия данного Положения.

В заключение следует отметить, что Россия на международной арене предлагает изменить глобальную финансовую архитектуру и создать новые международные институты. Предлагаемые Президентом РФ и Правительством РФ меры потребуют также разработки «критических технологий» в политике и экономике. Многие из них могут в общественном мнении выглядеть непопулярными. Поэтому, по мнению В. Д. Зорькина, потребуется и новый взгляд на многие привычные экономико-правовые категории с позиций защиты прав человека (Зорькин В. Д. Современный мир и права человека // Журн. рос. права. 2008. № 11. С. 9).

Библиографический список

1. Зорькин, В. Д. Современный мир и права человека / В. Д. Зорькин // Журн. рос. права. – 2008. – № 11.
2. О мерах по противодействию терроризму : указ Президента Рос. Федерации от 15 февр. 2006 г. № 116 // Рос. газ. – 2006. – 17 февр.
3. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации за 2007 г. // Рос. газ. – 2008. – 14 марта.
4. Павлинов, А. В. Антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты / А. В. Павлинов. – М., 2008.

А. А. Паненков,
*старший научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры РФ*
А. С. Васнецова,
*аспирант НИИ
Академии Генеральной прокуратуры РФ*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

В течение длительного времени терроризм является одним из самых опасных, организованных и системных проявлений преступности, характеризующимся рядом крайне негативных тенденций: усложнением

структуры террористических преступлений, дальнейшим укреплением материально-технической и финансовой базы террористических организаций, распространением идей экстремизма и терроризма, в том числе при участии международных террористических организаций, расширением арсенала средств и методов совершения преступлений (Деятельность органов прокуратуры по борьбе с терроризмом и направления совершенствования законодательства. М., 2008. С. 5 ; Криминология / под ред. А. И. Долговой. М., 2007. С. 603 ; Организованный терроризм и организованная преступность. М., 2002. С. 3 ; Преступность в изменяющемся мире и проблемы

оптимизации борьбы с ней. М., 2006. С. 15 ; Тенденции преступности, ее организованности, закон и опыт борьбы с терроризмом. М., 2006. С. 45).

В 2008 г. в России было зарегистрировано 642 террористических преступления¹, что на 15,4 % меньше чем за аналогичный период прошлого года. Также почти на 11 % снизилось количество выявленных лиц. Из общего числа зарегистрированных преступлений окончены расследованием уголовные дела по 550 (– 16,8 %), остались нераскрытыми 92 (20,8 %) преступления. Из 7 федеральных округов России наибольшее количество преступлений террористического характера зарегистрировано в Южном федеральном округе – 544 (– 13,7 %). Меньше всего преступлений террористического характера зарегистрировано в Дальневосточном федеральном округе – 10 (+ 66,7%). В целом ранжирование по преступлениям террористического характера в федеральных округах выглядело в 2008 г. следующим образом: Южный – 544 (– 13,7 %), Приволжский – 26 (– 25,7 %), Центральный – 20 (– 28,6 %), Сибирский – 12 (0 %), Дальневосточный – 10 (+ 66,7 %), Северо-Западный – 7 (– 12,5 %), Уральский – 6 (+ 14,3 %). На территориях, обслуживаемых Департаментом режимных объектов МВД России, в 2007–2008 гг. не было зарегистрировано преступлений террористического характера. На транспорте совершено всего 17 преступлений террористического характера.

В структуре террористических преступлений произошло снижение количества совершенных террористических актов: зарегистрировано всего 10 преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ (– 79,2 %), выявлено 6, причастных к данным преступлениям лиц (– 86,0 %). Из общего числа зарегистрированных террористических актов 7 совершены в Южном федеральном округе² (– 80,0 %).

Снижение абсолютных показателей регистрируемых террористических актов произошло и за счет изменений в уголов-

ном законодательстве. В частности, изменение диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ привело к сужению круга деяний, оцениваемых как террористический акт.

В 2008 г. зарегистрировано: 10 преступлений по ст. 205.1 УК РФ («Содействие террористической деятельности») (+ 42,9 %), 6 из которых совершены на территории Чеченской Республики; 2 преступления – по ст. 205.2 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма»); выявлено 2 лица, обвиняемых в совершении указанных преступлений. На треть снизилось число зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 206 УК РФ («Захват заложника»). По 15 предварительно расследованным преступлениям выявлено 17 лиц (+ 21,4 %). В Республиках Дагестан и Ингушетия имели место 2 посяательства на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), при этом только одному лицу было предъявлено обвинение. В результате совершенных преступлений террористического характера погибло 3, ранено 17 человек.

Следует отметить, что резкое снижение в 2008 г. зарегистрированных террористических актов вряд ли отражает реальную ситуацию. По данным ФСБ России, на территории России за этот год было предотвращено 97 террористических преступлений, из которых 50 терактов преступники намеревались осуществить в местах массового пребывания людей. В частности, удалось предотвратить серию взрывов в Сочи и Анапе, также в Национальный антитеррористический комитет поступила информация, свидетельствующая об угрозах терактов в приграничных с Южной Осетией и Абхазией районах (URL: <http://www.radiorus.ru/news.html?id=328542>). Отдельные теракты готовились по прямому указанию известного террориста Доку Умарова и эмиссара «Аль-Каиды» некоего Моганнеда. Однако в настоящее время неизвестно, давалась ли уголовно-правовая оценка указанным действиям, которые представляли собой приготовление или покушение на теракт, и возбуждались ли по этим фактам уголовные дела.

Стабилизировалось число фактов организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем (ст. 208 УК РФ):

¹ Здесь и далее статистические данные приводятся по сводным отчетам по России за январь–декабрь 2007 и 2008 гг. ГИАЦ МВД России.

² В Республике Дагестан – 4, Чеченской Республике – 1, Республике Северная Осетия – Алания – 1, Краснодарском крае – 1.

если за 2006 г. было зарегистрировано 571 преступление, 2007 г. – 592, то в 2008 г. уже – 522.

Безусловно, определенные позитивные изменения наблюдаются. Так, решением Совета глав государств СНГ от 26 августа 2005 г. была одобрена Концепция сотрудничества государств – участников содружества Независимых государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма (URL: <http://pravo.kulichki.com/zak/new03/newc5078.htm>), в соответствии с которой организационными мерами, осуществляемыми органами прокуратуры, другими правоохранительными органами и спецслужбами, удалось добиться большей эффективности в координации деятельности субъектов противодействия терроризму, направить действия органов правопорядка на нейтрализацию наиболее одиозных лидеров организованных преступных формирований и подрыв финансовых основ их деятельности. В результате значительное количество лидеров и активных членов террористических группировок или погибли в вооруженных столкновениях с силами правопорядка, или были привлечены к уголовной ответственности и осуждены, или покинули пределы Российской Федерации.

Однако эмиссары международных террористических организаций продолжают играть координирующую роль, в том числе в вопросах финансирования организованной террористической деятельности в России. Несмотря на это, в 2007 г. не было осуждено ни одного лица за финансирование террористической деятельности. В 2008 г. только один гражданин РФ А. был признан Московским городским судом виновным по ст. 205.1 УК РФ за финансирование незаконного вооруженного формирования, являвшегося структурным подразделением террористической организации «Высший военный меджлис шура моджахедов Кавказа», созданного в Чеченской Республике боевиком М. с целью борьбы за независимость так называемой Чеченской Республики Ичкерии, а также совершения терактов против представителей власти. Таким образом, работу российских правоохранительных органов и спецслужб по выявлению и пресечению каналов и источников финансирования следует

обоснованно признать малоэффективной. Основные причины этого заключаются в существенных недостатках в деятельности субъектов оперативно-розыскной деятельности и высокой степени конспирации террористических организаций.

Несмотря на снижение уровня зарегистрированных террористических преступлений, продолжает оставаться высоким уровень террористической угрозы. В Чечне, Ингушетии и Дагестане продолжают обстрелы и нападения на сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, в результате которых гибнут мирные жители. Террористы и их пособники по-прежнему вовлекают в свои ряды новых членов, прежде всего молодежь, подвергая ее целенаправленной идеологической обработке. Сотрудниками спецслужб и правоохранительными органами России были предотвращены террористические акты в Москве и городах Кавказских Минеральных Вод. В указанных выше Республиках систематически проводятся контртеррористические мероприятия по выявлению и задержанию активных членов организованных преступных формирований террористического и экстремистского характера.

Требуется дальнейшего изучения практика возбуждения уголовных дел о деяниях, связанных со взрывами, и, в частности, первичной квалификации соответствующих деяний. Дело в том, что в начале XXI в. отмечались явления гиперквалификации деяний как террористических, однако в настоящее время, наоборот, нередко нераскрытые террористические акты квалифицируются как хулиганство, убийство и т. п. Провести системный анализ возможно лишь при сопоставлении квалификации деяний при возбуждении уголовного дела, завершении расследования и результатов судебного рассмотрения.

Итак, как показывает практика, причинные комплексы терроризма не претерпели существенных изменений. Предупредительная деятельность наиболее интенсивно осуществляется в виде пресечения приготовления террористических преступлений.

В связи с этим следует ввести в законодательство термин «предотвращенный террористический акт» («предотвращенное террористическое преступление») и разработать соответствующий понятийный ап-

парат. Необходимо также осуществлять статистический учет предотвращенных терактов и преступлений террористического характера наряду с совершенными и зарегистрированными преступлениями в ИЦ субъектов РФ и ГИАЦ МВД России.

Кроме того, в целях совершенствования статистической отчетности и информационного обеспечения оценки состояния прокурорского надзора за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму следует внести изменения в форму ФБ, утвержденную приказом Генеральной прокуратуры РФ от 5 марта 2008 г. № 35. В настоящее время в разделе 2 «Сведения о результатах расследования уголовных дел экстремистской направленности» и разделе 3 «Сведения о результатах расследования уголовных дел террористической направленности» допущен «двойной учет» уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 278, 279, 280, 282.1, 282.2 УК РФ, и лиц их совершивших. Поэтому в разделе 2 целесообразно исключить из установленного перечня ст. 278, 279 УК РФ, предусматривающие в соответствии с примечанием 1 к ст. 205.1 УК РФ ответственность за террористические преступления. Соответственно из перечня статей в разделе 3 подлежат исключению ст. 280, 282.1, 282.2 УК РФ, которые предусматривают ответственность за иные экстремистские преступления.

На территории России существуют террористические организации, занимающиеся многоаспектной и масштабной преступной деятельностью, как правило, международного, трансграничного характера. Более того, наблюдается проникновение террористов и их пособников в государственные и общественные структуры, в том числе в органы МВД (особенно МВД Чеченской Республики).

В связи с активной и длительной террористической деятельностью на Северном Кавказе организации «Кавказский эмират» во главе с Д. Умаровым целесообразно в соответствии со ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ по заявлению Генерального прокурора РФ обратиться в Верховный Суд РФ о признании ее террористической и запрещении ее деятельности (ликвидации) на территории Российской Федерации.

Для осуществления более точного отражения в единых государственных статистических отчетах данных о преступлениях, совершенных организованными преступными формированиями террористической направленности и расследуемых всеми правоохранительными органами, целесообразно ввести отдельный статистический учет числа незаконных вооруженных формирований. При этом следует четко определить, какие именно группы, отряды, дружины или иные группы можно считать самостоятельными незаконными вооруженными формированиями.

Необходимо также принять дополнительные меры, обеспечивающие выявление в процессе предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел: обстоятельств, в которых сформировалась мотивация, принималось решение о совершении террористического акта; ситуации реализации данного решения; особенностей посткриминального этапа механизма преступного поведения – ухода виновных от ответственности, сокрытия следов преступлений, противодействия сотрудникам правоохранительных органов и т. д.; состояния социального контроля, влияющего на реализацию преступных замыслов и другие моменты.

Кроме того, очень важно качественно улучшить розыск лиц, совершивших террористические акты, а также принимать исчерпывающие меры по экстрадиции наиболее одиозных организаторов и финансистов организованной террористической деятельности, находящихся за рубежом (М. Удугов, А. Закаев и др.).

В условиях финансового и экономического кризиса в структуре организованной преступности терроризм, особенно в Южном федеральном округе, образует наиболее опасный сегмент общественно опасной деятельности, характеризующейся более широким применением мин-ловушек, самодельных взрывных устройств, использованием таких форм, как: подрыв военной техники и личного состава частей и подразделений вооруженных сил и правоохранительных органов; обстрел пунктов их постоянной и временной дислокации; внедрение агентов в государственные и правоохранительные органы; отравление продук-

тов питания, источников воды и лекарственных препаратов; использование методов из арсенала химической и биологической войн; попытки завладения радиоактивными веществами, ядерным, химическим, биологическим и другими видами оружия массового уничтожения или их компонентами.

В настоящее время происходят изменения личности террориста и механизма его преступного поведения, а именно террористическая деятельность становится постоянным ремеслом и основным источником дохода, дальнейшее укрепление хорошо организованных, законспирированных и разветвленных организованных террористических групп, которые способны перенести свою террористическую деятельность на все субъекты РФ.

Дальнейшее изменение количественных и качественных характеристик терроризма может привести к распространению таких форм и методов высоко опасной деятельности террористических организаций, как воздушный терроризм всех разновидностей, в том числе с использованием ракет класса «земля-воздух», ракетный обстрел наземных объектов посредством дистанционно управляемых пусковых установок. Террористы будут прилагать все больше усилий к обретению ими доступа к оружию массового уничтожения, проникновению с террористическими целями или в целях шантажа на стратегически важные объекты.

В связи с тем, что организаторы террористической деятельности активно используют

международный практический опыт и опыт своих предшественников, распространяют экстремистское течение «ваххабизм» на конспиративной основе, издают антигосударственную литературу и пропагандируют идеи экстремистского характера, целесообразно создать общедоверительную систему прогнозирования и моделирования кризисных ситуаций (в том числе путей их преодоления), порождающих террористическую угрозу. Задача данной системы должна заключаться в осуществлении многоуровневого мониторинга и прогнозирования развития конфликтов. Формирование механизма своевременного реагирования на кризисные ситуации и урегулирования их на ранних стадиях позволит упорядочить проводимую работу в данном направлении, сделать ее более организованной и эффективной.

Библиографический список

1. Деятельность органов прокуратуры по борьбе с терроризмом и направления совершенствования законодательства. – М., 2008.
2. Криминология / под ред. А. И. Долговой. – М., 2007.
3. Организованный терроризм и организованная преступность. – М., 2002.
4. Преступность в изменяющемся мире и проблемы оптимизации борьбы с ней. – М., 2006.
5. Тенденции преступности, ее организованности, закон и опыт борьбы с терроризмом. – М., 2006.

С. В. Полищук,

*начальник кафедры теории
и истории государства и права
Военно-технического университета
при Федеральном агентстве
специального строительства*

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СПЕЦСТРОЯ РОССИИ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ

За полвека Спецстроем России введены в действие более 20 млн м² производственных площадей, свыше 24 млн м² жилых домов и объектов социальной сферы, 43 радиорелейные линии связи общей протя-

женностью более 14 тыс. км. Установлено и смонтировано оборудование наземных космических станций «Орбита», более чем в 30 пунктах отдаленной местности построено 2830 км радиорелейных линий связи вдоль трассы БАМа, 20 мощных радиопередатчиков в крупнейших городах страны, 9 тыс. км автомобильных дорог.

В условиях постепенного выхода из кризиса и углубления структурных преобразований в экономике руководство страны все больше внимания стало уделять решению общегосударственных задач, связанных с поддержанием обороноспособности и обеспечением безопасности страны, реализации федеральных программ, проведением восстановительных работ при ликвидации последствий чрезвычай-

чайных ситуаций (Спецстрой России. Время, события, люди. М., 2004. С. 10–11).

Однако, делая все возможное для превращения нашего государства в процветающее, военнослужащие Федерального агентства специального строительства (далее: военнослужащие Спецстроя России) должны сами чувствовать заботу государства о повышении их статуса, социально-правовой защищенности.

Конституцией РФ (ч. 2 ст. 15) установлено, что законы подлежат обязательному исполнению всеми органами государственной власти. Данная норма распространяется и на исполнение законов, устанавливающих права и льготы военнослужащих Спецстроя России. Сложилась противоречивая ситуация: законодательство о статусе военнослужащих Спецстроя России следует исполнять, однако в федеральном бюджете постоянно не хватает средств на его реализацию.

До бесконечности замораживать действие законодательства о статусе военнослужащих невозможно – это приводит к падению доверия армии к органам государственной власти, что негативно сказывается на уровне обеспечения военной безопасности государства. В сложившихся условиях Правительство РФ и Федеральное Собрание РФ перешли к реализации следующего этапа реформирования социального статуса военнослужащих, суть которого состояла в замене ряда натуральных льгот на компенсационные меры (главным образом денежные выплаты).

Во исполнение ст. 29 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 1 декабря 2008 г. № 225-ФЗ), постановления Правительства РФ «Об организации ежегодного мониторинга социально-экономического и правового положения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей» от 27 февраля 1999 г. № 232, директивы начальника Спецстроя России от 23 июля 2001 г. № Д-4 в Спецстрое России проводится ежегодный мониторинг социально-экономического и правового положения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей (далее: мониторинг).

Итоги мониторинга 2003 г. и последующих годов, проводимого в подразделениях Спецстроя России в городах Москве, Ижевске, Саратове, Новороссийске, свидетельствуют о

наличии определенных социальных проблем, влияющих на морально-психологическое состояние военнослужащих Спецстроя России и их отношение к военной службе.

Так, наиболее актуальными проблемами старших офицеров являются следующие.

1. Неудовлетворенность жилищными условиями (обеспечением).

2. Неудовлетворенность уровнем денежного содержания, своевременностью его выплаты.

3. Неудовлетворенность предоставлением выходных дней.

4. Неудовлетворенность укомплектованностью штатов младшим офицерским составом.

5. Неудовлетворенность денежной компенсацией за проезд к месту несения службы и обратно.

6. Отсутствие возможности получения доступного медицинского обслуживания членам семей военнослужащих.

7. Отсутствие внимания командования на проблемы военнослужащих.

8. Неудовлетворенность высокими платежами за коммунальные услуги.

9. Неудовлетворенность замены продовольственного пайка на денежную компенсацию.

Указанные проблемы приведены в порядке их значимости.

Социологический опрос (отраженный в данных мониторинга) показывает, что принятие на правительственном уровне решений по усилению социальной защищенности военнослужащих и членов их семей, в том числе по реформированию системы денежного довольствия военнослужащих с июля 2002 г. по октябрь 2003 г. и в последующие годы, отчасти компенсировало потери денежных средств военнослужащих от роста инфляции и в целом повысило (с учетом отмены ряда льгот и некоторых дополнительных выплат) уровень их доходов. Так, 91 % (39 % в 2002 г.) военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, имеют среднедушевой доход на одного члена семьи на уровне прожиточного минимума, установленного постановлением Правительства РФ от 5 ноября 2003 г. № 672 (Рос. газ. 2003. 11 нояб.).

Как следует из опроса, разрыв в материальном положении еще более ощутим для многодетных семей военнослужащих, семей младших офицеров, семей погибших (умер-

ших) военнослужащих, которые имеют среднедушевой доход на одного члена семьи на уровне 85 % от прожиточного минимума.

Еще ниже – 66 – этот процент для семей солдат и сержантов, проходящих военную службу по контракту.

Весомой материальной составляющей семейного бюджета становится заработная плата супругов военнослужащих, которые смогли трудоустроиться по месту военной службы мужей. Если в 2002 г. имели работу 52 % жен военнослужащих, то в 2003 г. были трудоустроены 71 % из их числа. Несколько увеличился в 2003 г. их среднемесячный заработок, который составляет около 2,5 тыс. руб. Наиболее сложное социально-экономическое положение у семей молодых офицеров, где каждая третья супруга по каким-либо причинам не работает.

Большинство военнослужащих (70 %) вообще не имеют личных накоплений, у имеющих денежные сбережения их сумма не превышает 10–20 тыс. руб. Возможность дополнительного заработка отмечают только 5 % опрошенных, средний размер которого у них составил около 3 тыс. руб. в месяц.

Следует заметить, что удовлетворены уровнем своего денежного содержания только 4 % военнослужащих.

Оценивая социально-экономическое положение населения в местах дислокации воинских частей, в сравнении с уровнем жизни семей военнослужащих, в 2003 г. 74 % (в 2002 г. – 65 %) респондентов полагают, что население имеет больший достаток, чем семьи военнослужащих, и лишь 5 % опрошенных отметили, что население живет хуже.

Это свидетельствует о том, что существенных изменений в социальном положении военнослужащих не произошло. Характерно, что чем выше прожиточный минимум населения в регионах дислокации воинских частей, тем больше неудовлетворенность военнослужащих и членов их семей своим социально-экономическим и правовым положением. Об этом заявили респонденты, проходящие военную службу в городах Москве, Санкт-Петербурге, Новороссийске, Ижевске, Уфе, Норильске. Существующие надбавки за особые условия службы не компенсируют затраты военнослужащих и членов их семей на приобретение продуктов питания, предметов длительного пользования и обустройство.

Свыше 45 % семей владеют какой-либо недвижимостью: квартиру (дом) имеют – 31 %, земельные и дачные участки – 10 %. Треть военнослужащих являются владельцами легковых автомобилей.

В 2003 г. 29 % (в 2002 г. – 36 %) семьям военнослужащих приходилось отказываться от покупки необходимых продуктов питания. Более 70 % семей отказывались от приобретения необходимой одежды и обуви, посещения кино и театров. Лишь треть семей могут позволить себе выезд для отдыха в период отпуска, а также расходовать часть семейного бюджета для лечения и восстановления здоровья.

Актуальной остается проблема сохранения офицерских кадров, особенно молодых офицеров. Благодаря реформированию системы денежного довольствия военнослужащих удалось уменьшить на 50 % количество досрочно уволенных молодых офицеров (с 99 в 2002 г. до 42 в 2003 г.).

По мнению молодых офицеров, одна из главных причин их досрочного увольнения с военной службы состоит в том, что получаемое денежное довольствие не позволяет создать семью и достойно содержать ее. Данное обстоятельство заставляет молодых офицеров искать дополнительные заработки, что сопряжено с нарушением закона. Среди опрошенных жен военнослужащих каждая третья полагает, что конфликтные ситуации в семье возникают именно на почве материальных трудностей. Данные приведены по итогам мониторинга 2003 г.

Итоги мониторинга 2007 г. существенно общую картину не изменили.

Следует отметить, что ревизия социального законодательства существенно изменила Федеральный закон «О статусе военнослужащих».

Отмененный пакет социальных льгот военнослужащих и членов их семей в денежном эквиваленте составил не менее 3 тыс. руб. ежемесячно. Так, только ежемесячная закупочная стоимость продовольственного набора общевойскового продовольственного пайка в 2006 г. составляла около 1680 руб., примерно столько же составляет ежемесячный проезд на городском и пригородном общественном транспорте в крупных городах.

С октября 2006 г. взамен отмененных льгот военнослужащим, проходящим воен-

ную службу по контракту, был увеличен до 120 % размер надбавки за сложность, напряженность и специальный режим военной службы, составлявшей ранее до 70 % оклада по воинской должности. Для офицеров, проходящих военную службу по контракту в городах Москве, Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградской областях, указанную надбавку увеличили до 160 %, а солдатам, матросам, сержантам, старшинам, прапорщикам и мичманам – до 200 % оклада по воинской должности (Об утверждении порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: приказ Министра обороны Рос. Федерации от 30 июня 2006 г. № 200).

Однако принятое законодателями решение о переводе натуральных льгот в денежную форму путем включения компенсационных выплат военнослужащим в ежемесячную надбавку за сложность, напряженность и специальный режим службы вызывает некоторые сомнения, а именно: правомерно ли включение компенсационных выплат в состав денежного довольствия, подлежащего налогообложению; почему различие в должностных окладах военнослужащих должно влиять на размер надбавки, а следовательно, и на компенсационную сумму; насколько будут сопоставимы индексация денежного довольствия, включающая в себя компенсационные выплаты, с реальным ростом инфляции?

К сожалению, при принятии решения о переводе натуральных льгот в денежную форму путем включения компенсационных выплат военнослужащим в ежемесячную надбавку за сложность, напряженность и специальный режим службы законодатели четких ответов на указанные вопросы не дали.

Практически во всех случаях, когда в нормах Федерального закона «О статусе военнослужащих» содержались указания на конкретный размер (в денежном, процентном или ином выражении) предоставляемых льгот или выплачиваемой компенсаций, такие нормы с 1 января 2005 г. были заменены указаниями о полномочиях Правительства РФ или федерального ведомства определять порядок и размер их предоставления (Об установлении окладов денежного содержания военнослужащих : постановление Правительства Рос. Федерации от

26 июня 2002 г. № 462 ; ред. от 1 дек. 2007 г. № 837 // Рос. газ. 2002. 2 июня).

С 1 января 2005 г. из Федерального закона «О статусе военнослужащих» в 19 случаях изъят термин «льгота», который, как правило, предполагает норму прямого действия (например, бесплатный проезд на транспорте). Взамен введен термин «социальные гарантии», который предполагает установление денежных компенсаций взамен упраздненных натуральных льгот.

Любое уменьшение объема социальных гарантий военнослужащих и членов их семей не соответствует базовому принципу законодательного регулирования вопросов социальной защиты в Российской Федерации. Данное положение подтверждается и Конституционным Судом РФ, который в своем постановлении от 23 апреля 2004 г. № 9-П (Рос. газ. 2004. 28 апр.) отмечает, что изменение законодателем (в том числе посредством временного регулирования) ранее установленных правил должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает правовую определенность, сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм и предсказуемость законодательной политики в социальной сфере, в частности по вопросам социального обеспечения военнослужащих (Правовые позиции Конституционного Суда РФ по проблемам военного права. М., 2006. С. 66).

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации В. П. Лукин указывает на то, что государство по-прежнему не способно обеспечить военнослужащих денежным довольствием и жильем. В последние годы денежное довольствие военнослужащих регулярно повышается. Однако такое повышение по сути дела является поправкой на инфляцию, мало влияющей на экономическое положение военнослужащих. В настоящее время остается нерешенной стратегическая задача государства, состоящая в повышении уровня доходов военнослужащих. Возможно, именно по этой причине многие военнослужащие отказываются заключать новые контракты (Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год // Рос. газ. 2008. 14 марта).

Для надежного обеспечения безопасности страны, успешного отражения любой агрессии необходимы хорошо обученные и оснащенные, боеспособные Вооруженные Силы, могущие надежно защищать национальные интересы государства, гарантировать его суверенитет и территориальную целостность. В свою очередь, создание таких Вооруженных Сил невозможно без реальной заботы о военном человеке, который, несмотря ни на какие трудности, продолжает добросовестно и самоотверженно выполнять свой воинский долг (Иванов С. В. Вооруженные Силы России и их роль в обеспечении военной безопасности страны // Федер. справ. 2002. Дек.).

Следует признать, что в условиях существующей динамики роста потребительских цен, дороговизны жилья и услуг жилищно-коммунального хозяйства, реальные доходы военнослужащих необходимо увеличить минимум в два раза.

Заместитель Министра обороны России Л. К. Куделина отметила, что с 1 января 2007 г. индексация денежного довольствия военнослужащих составила 10 %; с 1 декабря указанного года – 15 %, а с 1 сентября 2008 г. – еще 15 % (Б-чка Рос. газ. 2007. Вып. 21. С. 6).

В связи с особым характером обязанностей, возложенных на военнослужащих, им предоставляются специальные гарантии и компенсации, в числе которых и право на вещевое и продовольственное обеспечение.

Конституция РФ устанавливает, что каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами; никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (ч. 2 и 3 ст. 35).

Однако с 1 января 2005 г. права военнослужащих на владение, пользование и распоряжение вещевым имуществом существенно ограничены. В настоящее время вещевое имущество индивидуального пользования (за исключением расходных материалов) с момента его получения передается лишь во владение и безвозмездное пользование военнослужащих.

В свою очередь, порядок и размеры обеспечения военнослужащих продовольствием и денежной компенсацией взамен положенного продовольственного пайка регулируются новым Положением о продовольственном

обеспечении Вооруженных Сил Российской Федерации на мирное время, утвержденным приказом Министра обороны Российской Федерации от 22 июля 2000 г. № 400 (Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 2000. 30 окт., 6 нояб.).

По нашему мнению, необходимо рассмотреть также еще одну проблему. Так, с 1 января 2000 г. военнослужащим выплачивалась в заниженном размере (20 руб. в сутки) денежная компенсация взамен продовольственного пайка.

До 1 января 2005 г. действовала норма, установленная абз. 4 п. 1 ст. 14 Федерального закона «О статусе военнослужащих», в которой было закреплено право военнослужащих на выплату по их желанию денежной компенсации взамен положенного продовольственного пайка (питания) в размере его стоимости.

Заниженный 20-рублевый суточный размер денежной компенсации взамен продовольственного пайка военнослужащим был определен еще Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2000 год». Данный размер денежной компенсации взамен продовольственного пайка не изменялся и в связи с принятием аналогичных федеральных законов на 2001 и последующие годы.

Вместе с тем с точки зрения социальной справедливости нельзя признать заниженную 20-рублевую суточную денежную компенсацию военнослужащим взамен продовольственного пайка адекватной реальным затратам военнослужащих на питание.

Неоднократные обращения Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в федеральные органы государственной власти о необходимости принятия мер по доведению размера денежной компенсации за продовольственный паек до уровня его реальной стоимости не были учтены.

Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения военнослужащих и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти» от 1 декабря 2007 г. № 311-ФЗ денежная компенсация взамен продовольственного пайка как форма продовольственного обеспечения военнослужащих была исключена (Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год).

Как известно, одной из самых сложных социальных проблем Вооруженных Сил, Спецстроя России сегодня является улучшение жилищных условий военнослужащих. К 2006 г. количество бесквартирных семей военнослужащих достигло 130,4 тыс., в том числе необеспеченных постоянным жильем – 80,6 тыс., служебным жильем – 49,8 тыс. (те, кто заключил контракт после 1998 г.). Кроме того, 31 тыс. семей военнослужащих требуется улучшение жилищных условий. Таким образом, общее количество нуждающихся в жилье составляет около 161,4 тыс. семей.

В докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации отмечается, что трудностям с получением жилья посвящена каждая пятая жалоба, поступившая к нему в 2007 г. (Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год).

Федеральное правительство неоднократно пыталось разрешить жилищную проблему военнослужащих. Так, увольняемым военнослужащим стали выдавать не квартиры, а ценные бумаги – жилищные сертификаты, которые можно было бы вложить в незавершенное строительство.

В соответствии с Федеральной программой «Государственные жилищные сертификаты» в 1998–2002 гг. 210 тыс. семей военнослужащих, увольняемых с военной службы, и сотрудников других силовых структур должны были получить постоянное жилье.

В конце 2002 г. истекло действие указанной программы и стало вполне очевидно, что ее реализация не смогла разрешить жилищную проблему военнослужащих. Из 210 тыс. семей военнослужащих, на которых была рассчитана указанная программа реально, улучшили свои жилищные условия порядка 83 270 семей военнослужащих, что составило всего 39,65 % от расчетного количества участников программы.

Среди нуждающихся в жилье военнослужащих отмечается все меньше доверия к государственным жилищным сертификатам. Причина состоит в невозможности приобретения жилья из-за высоких рыночных цен на квартиры в большинстве субъектов Российской Федерации и отсутствии необходимых собственных денежных средств для доплаты к номинальной стоимости получаемого государственного жилищного сертификата (Там же).

С 2005 г. начала действовать накопительная система обеспечения жильем военнослужащих. Ее участниками являются следующие категории военнослужащих: лица, окончившие военные образовательные учреждения профессионального образования и получившие в связи с этим первое воинское звание офицера с 1 января 2005 г.; офицеры, призванные на военную службу из запаса или поступившие в добровольном порядке на военную службу из запаса и заключившие первый контракт о прохождении военной службы начиная с 1 января 2005 г.; прапорщики и мичманы, общая продолжительность военной службы по контракту которых с 1 января 2005 г. составит три года; сержанты и старшины, рядовые и матросы, заключившие второй контракт о прохождении военной службы не ранее 1 января 2005 г. (О внесении изменений в статьи 15 и 24 Федерального закона «О статусе военнослужащих» : федер. закон от 8 мая 2006 г. № 66-ФЗ).

В течение 2007 г. участниками указанной Программы стали 299 молодых офицеров в 48 регионах страны. На сегодняшний день Военно-ипотечное управление открыло 64 тыс. именных накопительных счетов по всем силовым структурам (Офицерский размер // Рос. газ. 2008. 21 мая).

Кредит предоставляется банком под залог приобретаемой квартиры. При этом процесс накопления средств продолжается и после приобретения военнослужащим жилья с использованием ипотечного кредита и расчетов по кредиту, что позволит ему в последующем улучшить жилищные условия.

Программа предусматривает накопление средств на счету военнослужащего с таким расчетом, чтобы при достижении 20 лет выслуги военнослужащий мог приобрести собственное жилье в любом регионе, выбранном им для постоянного места жительства. При продолжении службы сверх 20 лет средства на счету военнослужащего будут увеличиваться, что позволит ему приобрести жилье, превышающее по площади социальную норму.

Однако очевидно, что накопительно-ипотечная система затрагивает интересы только армейской молодежи, т. е. тех военнослужащих, которые после 1 января 2005 г. выпускаются из военных образовательных учреждений или заключают первые контракты на прохождение военной службы.

При рассмотрении только трех аспектов социально-правовой защищенности военнослужащих возникает огромное количество требующих решения вопросов.

В заключение, по нашему мнению, следует привести слова Министра обороны Российской Федерации А. Э. Сердюкова: «Начну с главного: социально-правовой защищенности военнослужащих и членов их семей – и сейчас, и в перспективе – мы будем уделять первостепенное и неослабное внимание. Надо всем, кто этого еще не понял, наконец-то понять, что армия начинается с офицера и тех условий, в каких он служит, в каких отдыхает, в каких перспективно социально растет. От этого во многом зависит, как он будет относиться к службе в целом и к подчиненным, в частности.

Знаю, что сейчас всех военных, независимо от ранга, интересует, будет ли повышаться их, к сожалению, пока не очень обильное денежное довольствие. Отвечаю: будет. К 2009 г. дважды будут повышены оклады: на

15 % с декабря нынешнего года и на столько же – с сентября будущего года.

Сейчас Министерство обороны ищет внутренние резервы, чтобы материально поддержать младших офицеров, начиная с лейтенантов. Они в настоящее время – менее всех оплачиваемая категория офицеров, находящаяся к тому же в жестких условиях современной армейской службы. Мы рассматриваем несколько вариантов улучшения их материально-довольственного положения и обязательно положительно решим этот вопрос» (Б-чка Рос. газ. 2007. Вып. 21. С. 3).

Библиографический список

1. Иванов, С. В. Вооруженные Силы России и их роль в обеспечении военной безопасности страны / С. В. Иванов // Федер. справ. – 2002. – Дек.
2. О статусе военнослужащих : федер. закон : [от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ] // Рос. газ. – 1998. – 2 июня.
3. Спецстрой России. Время, события, люди. – М., 2004.

П. В. Ремизов,

соискатель кафедры

государственно-правовых дисциплин

Нижегородской академии МВД России

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА «КРИТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА»

Критика законодательства относится к разряду политико-правовых и морально-психологических явлений, повсеместно распространенных, кажущихся всем понятными и не нуждающимися в специальном научном исследовании.

И, действительно, вряд ли можно найти государство, законодательство которого с большей или меньшей интенсивностью не подвергалось критике, или обнаружить отрезок времени, когда население в целом было удовлетворено массивом законодательства.

Круг субъектов критики законодательства обширен – по существу, он совпадает с кругом субъектов права, ибо любой из них при желании может «войти» в данный процесс как официально, так и неофициально. Следует признать, что современная, доста-

точно значительная по объему критика законодательства характеризуется стихийностью и низкой результативностью.

До настоящего времени и в общетеоретической, и в отраслевой юридической науке отсутствуют не только монографические, но даже статейные разработки феномена «критика законодательства». Между тем это понятие весьма широко используется в научных юридических исследованиях и публицистических текстах. И что особенно примечательно – весьма богата практика критики законодательства. Достаточно напомнить, что фактически все диссертационные исследования (как кандидатского, так и докторского уровней), посвященные действующему и даже действовавшему законодательству, содержат в большей или меньшей степени критику законодательства. Именно на основе последней, как правило, формулируются положения, выносимые на защиту, и разрабатываются предложения по совершенствованию нормативных правовых актов.

Известно, что проблема (как система знаний) представляет собой логическое отражение проблемной ситуации и ее принято констатировать, если: а) налицо дефицит

знаний о том или ином явлении или имеется диалектическое противоречие между знанием и знанием незнания, устранение которого выступает осознанной потребностью данного общества; б) не преодолены существенные противоречия в постановке или решении исследуемой задачи; в) устаревшие средства и уровень исследования не могут привести к ее решению. Постановка проблемы основывается на предположении о том, что содержание объекта не исчерпывается известной действительностью и, следовательно, открыта возможность более полного знания. Формулировка проблемы предстает как субъективный образ цели познания, как необходимое звено в развитии теоретического знания.

Особенность политико-правового исследования заключается в том, что оно направлено на общественные проблемы, имеющие некоторые специфические характеристики (Баранов В. М. Истинность норм советского права (проблемы теории и практики). Саратов, 1989. С. 6–7 ; Жариков Е. С. Гносеологический смысл постановки проблемы // Вопр. философии. 1961. № 11. С. 36–42 ; Режабек Е. Я. Научный поиск и его этапы. Ростов н/Д, 1972. С. 21 и др.).

Исходя из вышеназванных методических предпосылок можно с уверенностью утверждать, что в отечественной общей теории государства и права существует проблема критики законодательства. Нет сомнений в том, что этот вопрос еще не решен с должными глубиной и полнотой.

Безусловно, общетеоретический анализ критики законодательства может дать значительный познавательный и практический эффект. При реализации данного исследовательского проекта мы получим реальное приращение знаний по целому ряду областей теории государства и права. Кроме того, итоги глубокого анализа критики законодательства могут по-иному «высветить» многие процессы правотворчества, грамотная и своевременная организация критики проектов нормативных правовых актов позволит избежать пробелов и иных дефектов предлагаемых законодательных решений.

Критика законодательства немыслима вне рамок правовой культуры и юридического воспитания, включая высшее юридическое образование. Иными словами, каче-

ство и результативность критики законодательства напрямую зависят от уровня правовой культуры критикующего.

Бездоказательная политизированная критика законодательства – одно из проявлений правового нигилизма и юридической демагогии. Словенскому писателю Жарко Петану принадлежит афористический тезис: «Здоровое общество перенесет даже нездоровую критику» (Цит. по: Душенко К. В. Универсальный цитатник политика и журналиста: 6000 цитат о политике, правосудии и журналистике. М., 2006. С. 127). Важен и дидактический аспект проблемы критики законодательства: в какой мере и для достижения каких учебных задач преподаватель юридического вуза может и должен использовать ее в процессе обучения. Дело в том, что в случае «перебора» отрицательно-критического материала у обучающегося может деформироваться «чувство законности» и появиться неуважение к праву и законности.

Таким образом, проблема критики законодательства представляет собой не кажущуюся, а реальную научно-практическую проблему, выступающую результатом объективного развития гуманитарной, особенно юридической, науки и возникающую из насущных потребностей практики правового регулирования и правового воспитания современного Российского государства.

Пожалуй, впервые внимание к проблеме критики законодательства как исследовательской задаче, ждущей своих разработчиков, привлекли В. М. Баранов и П. П. Баранов, когда в 1999 г. они издали информативное учебно-методическое пособие, содержащее малоисследованные темы по общей теории права (Баранов В. М., Баранов П. П. Общая теория права. Ретроспективный библиографический тематический указатель. Ростов н/Д; Н. Новгород, 1999).

В данном пособии был предложен примерный план освещения темы критики законодательства, снабженный библиографическим списком рекомендуемой литературы, включающим 16 источников.

Анализ этих и других источников, а также новейшей юридической практики свидетельствует, что проблема критики законодательства может быть охарактеризована как своего рода базовый центр, крупная «точка роста», способная положить начало новым фун-

даментальным и прикладным направлениям развития юридической науки.

Методологические предпосылки общетеоретического исследования феномена «критика законодательства» весьма разнообразны, и от их правильного выбора в значительной мере зависит качество научного анализа. Более того, определенное методологическое значение имеет последовательность применяемых приемов. Мы рассмотрим лишь такие методологические предпосылки, которые: во-первых, определяюще влияют на постановку и разрешение проблемы критики законодательства; во-вторых, неодинаково трактуются в философии, логике, социологии, психологии и правоведении; в-третьих, недостаточно освоены и редко либо неполно используются отечественной и зарубежной юридической наукой и практикой.

Логика научного исследования диктует начинать анализ с *генезиса* проблемы (интересные науковедческие аспекты рассматриваемой проблемы были обозначены в работе В. Д. Каткова «Кое-что о критике в юриспруденции», изданной в 1909 г. в Одессе) и прежде всего с обобщения опыта и уроков прошлого. Выбор и совершенствование методологического арсенала предполагает критическую оценку достигнутого в области критики законодательства. И здесь нет игры слов – знание типичных ошибок и просчетов, допущенных ранее в критике законодательства, предостережет нас от их повторения.

Действительно, историческая ретроспектива появления, развития и функционирования критики законодательства может не только «вскрыть» ее сущность, но и показать зависимость от политического режима. Так, в тоталитарных государствах реальная критика законодательства невозможна, а если и мыслима, то только в тех «дозах», которые устраивают власть. Хотя и в демократически организованных государствах, по всей видимости, допустима не всякая критика законодательства. Встает вопрос о разумных пределах и оправданных целях, ради которых масштабы и направленность критики законодательства могут или должны быть ограничены. При этом важно, чтобы сам законодатель был максимально критичен к плодам своего нормотворчества.

В ходе «социалистического строительства» критике и самокритике уделялось весьма

серьезное внимание, велись философские, социологические, психологические и педагогические разработки этого явления (Косяков В. М. О путях борьбы с зажимом общественной критики // Сов. государство и право. 1982. № 9 ; Роцинский С. Б. Социальная критика и ее воздействие на совершенствование советского социалистического общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1987 ; Эфиров С. А. Стереотипы критики и критика стереотипов // Социол. исслед. 1988. № 1). Полагаем, что некоторые результаты этих исследований сохраняют свою ценность до настоящего времени и они вполне (с учетом современных реалий) могут быть использованы при выявлении природы и закономерностей развития критики законодательства.

Фундаментальное значение для исследования различных аспектов проблемы критики законодательства имеет *определение* данного феномена. Речь идет о последовательном поиске существенных признаков рассматриваемого явления и формулировании на этой основе развернутой дефиниции. Очень непросто при характеристике логико-гносеологических основ критики законодательства установить, что это – понятие или категория. Не менее сложно с методологической точки зрения определить место понятия «критика законодательства» в категориальных рядах теории государства и права. По-видимому, данное понятие располагается на стыке теории правотворчества, теории правосознания, теории правовой культуры и воспитания, а также теории законности. Основную методологическую сложность представляет вопрос о конкретных линиях взаимосвязи и взаимодействия критики законодательства со смежными явлениями.

В качестве рабочего операционального можно дать определение понятия «критика законодательства», сформулированное В. М. Барановым, которое ни в коей мере не претендует на окончательную завершенность, но, пожалуй, соответствует достигнутому уровню разработки поставленной проблемы.

Критика законодательства – это особый вид познавательно-оценочной юридической деятельности, отражающей путем отрицания реальное состояние содержания, формы, развития и функционирования отдельного закона и законодательства в целом (Баранов В. М. Истинность норм со-

ветского права (проблемы теории и практики). С. 388). Из данной дефиниции вытекает, что эта критическая деятельность нацелена на выявление и раскрытие противоречий, дефектов, ошибок, возможностей в строении и реализации законодательства.

В первом приближении можно констатировать, что критика законодательства — относительно самостоятельный юридический феномен, который может быть подвергнут анализу в качестве:

- особого вида правовой деятельности;
- формы обобщения правового опыта;
- элемента истинного гражданского общества и развитого демократического государства;
- инструмента совершенствования демократии;
- метода рационального обоснования законов и оптимальной процедуры их подготовки, принятия, вступления в силу;
- способа торможения альтернативных конкретных законопроектов в целях продвижения собственных проектов законодательных актов;
- фактора стабилизации или дезорганизации при правовой регламентации общественных отношений;
- специальной юридической гарантии обеспечения законности;
- средства правовой демагогии;
- метода манипуляции сознанием;
- метода нагнетания напряженности при планировании и проведении правовых реформ;
- вида социального контроля над законотворчеством;
- разновидности правового нигилизма;
- средства выявления и преодоления консервативных правовых стереотипов и шаблонов;
- элемента правовой идеологии и психологии;
- вектора консолидации общественных объединений и граждан для достижения определенных политико-юридических целей;
- способа личного самоутверждения, повышения профессионального авторитета;
- средства развития правовой активности субъектов, индикатора их возможностей в реальном использовании права на выражение мнения;
- проявления правового плюрализма;

– элемента правового статуса гражданина, должностного лица, общественного объединения;

– фактора гласности в обществе и государстве;

– средства повышения эффективности действующего законодательства;

– элемента сравнительно-правового метода при оценке зарубежного законодательства;

– института социальной коммуникации;

– «лакмусовой бумажки» профессионализма и ответственности авторов законов, подвергнутых критике;

– метода выявления, обнародования и противодействия законодательным ошибкам и другим дефектам правовых актов;

– катализатора принятия новых законодательных актов, изменения или отмены действующих законов, стимула инновационных законодательных решений;

– способа защиты и самозащиты прав, свобод и законных интересов граждан.

Методологической ценностью обладает также вопрос о видах критики законодательства и проведении развернутой их классификации по юридически значимым критериям. В общеправовом ракурсе социальному исследованию подлежит специфика критики Конституции государства. Кроме того, характеризуется своеобразием отраслевая критика законодательства, поскольку основания оценок гражданского, уголовного, административного, экологического, процессуального, финансового законодательства не могут не отличаться. Критика частного права, естественно, отлична от критики публичного права. Интересен поиск взаимосвязей между официальной и неофициальной (личной, кулуарной) критикой законодательства. Прямая, косвенная, скрытая (закамуфлированная) — еще один ряд малоисследованных видов данного феномена. От юридической науки и практики можно ожидать рекомендаций относительно выбора резкой или мягкой критики законодательства. Ясно, что не лишена особенностей критика законодательства в условиях особых правовых режимов. Немалой познавательной ценностью может обладать как принципиальная, затрагивающая существо законодательства, критика, так и частная, посвященная несущественным технико-юридическим деталям. С логико-гносеологической позиции имеется резон исследовать подлинную или

ложную критику законодательства. К этой разновидности тесно примыкает деление критики законодательства на обоснованную, малообоснованную либо необоснованную. По направленности мотива введения может быть выделена и исследована корыстная и бескорыстная критика законодательства. Важно установить роль и место доктринальной, профессиональной (компетентной) и обыденной критики законодательства. Далеко не всегда обыденная критика законодательства является ошибочной и не имеющей смысла.

Мы специально не стали распределять вышеобозначенные виды критики законодательства по жестким разрядам и привязывать их к конкретным критериям. Дело не только в том, что в зависимости от угла зрения, точки отсчета та или иная разновидность критики законодательства может оказаться одновременно в разных группах. В данном случае наша цель заключается в другом — показать многообразие видов критики законодательства и продемонстрировать методологическую сложность выбора критериев их классификации.

К методологическим по уровню абстрагирования и логико-гносеологическим возможностям использования в отраслевых юридических науках необходимо отнести функциональную характеристику критики законодательства. Речь идет о том, что целесообразно выявить и охарактеризовать не только функции критики законодательства, но и осветить внутренние и внешние функциональные связи между рассматриваемым феноменом и взаимодействующими с ним явлениями.

Крупный методологический пласт в рамках исследуемой темы образуют ценностные аспекты критики законодательства, позволяющие формировать многоплановое системное отношение к роли и реальным возможностям рассматриваемого института. Анализируя ценность критики законодательства, желательно максимально широко использовать достижения в этой области иных отраслей гуманитарного знания (Бурцев С. А. Трансформация систем ценностей в переходном обществе : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008 ; Данилкина М. П. Концепция теории ценностей с позиции диалектической методологии : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2008 ; Лебедева Н. М. Ценности культуры и развития общества. М., 2007).

Серьезную методологическую трудность представляет вопрос о четком разграничении критики законодательства и критики науки теории государства и права (Иванов В. К. К критике современной теории государства. М., 2008 ; Пучков О. А. Теория государства и права: проблемы и перспективы // Правоведение. 2001. № 6. С. 4–13). Законотворчество — лишь один из конкретных предметов науки теории государства и права. И критика этого предмета, хотя и имеет отношение к оценке уровня теории государства и права, но далеко не исчерпывает ее и, конечно, не является определяющим фактором. Вместе с тем критика законодательства, присутствующая в общетеоретической научной и учебной литературе, выступает, как правило, иллюстративным материалом, который, безусловно, должен быть подвергнут общетеоретическому анализу, поскольку посредством его можно обеспечить интеграцию юридической науки и правового образования. При этом следует иметь в виду, что некоторые критически нацеленные работы нуждаются в объективной проверке и не могут быть положены в основу доктрины и практики критики законодательства без существенных оговорок. Так, вряд ли критика теории государства и права как науки и учебной дисциплины, представленная И. В. Табариным, может чем-то помочь в исследовании феномена «критика законодательства», если не брать в расчет многочисленные примеры надуманного им резко негативного толкования нормативных правовых актов. В частности, о своей работе автор пишет следующее: «Настоящая книга знаменует собой переход вообще всей юридической науки, а не только теории права, на качественно и принципиально иной высший уровень истинного научного знания. То есть наконец-то произошел тот долгожданный скачок от догматической юриспруденции к собственно НАУКЕ юриспруденции. В результате чего, после прочтения данной монографии, вряд ли уже кто-нибудь сможет благодушно читать прежнюю догматическую литературу, настолько чудовищно косноязычными и абсурдно-нелогичными покажутся Вам попытки умствования ученых-догматиков, чей наукообразный и терминологически нелепый пересказ банальных замшелых догм в избытке содержится на страницах всевоз-

можных догматических псевдоучебников» (Табарин И. В. Современная теория права: новый науч. курс. М., 2008. С. 4).

В юридической литературе уже отмечалось, что И. В. Табарин, критикуя законодательство, искажает суть и назначение отдельных норм права, не знает существующей судебной и иной практики их применения (Баранов В. М., Исаков В. Б., Жалинский А. Э. Техника юридической неграмотности // Юрид. техника. 2008. № 2). Речь идет об огульной критике законодательства ради собственного тщеславия, что само по себе представляет интерес с точки зрения юридической психологии.

Кроме того, существует не только этико-психологическая, но и организационно-правовая проблема, заключающаяся в том, что среди отечественных правоприменителей широко распространен консервативный стереотип, согласно которому они призваны исполнять закон, а не критиковать его. Этот стереотип (а точнее, шаблон) необходимо сломать, преодолеть, так как профессионалы-юристы лучше всех знают об изъянах законодательных норм и способны дать дельные предложения по их устранению. Не должно быть столь резкого противопоставления законотворчества и правоприменения.

Итоговый «методологический посыл» вышеприведенных рассуждений можно сконцентрировать в следующих суждениях.

Сбор и накопление отдельных фактов критики законодательства оставляет в стороне

обобщение сущности этого сложнейшего противоречивого динамичного феномена. Голый эмпирический опыт критики законодательства также не может привести к научному обобщению, ибо он отражает только некоторые грани, стороны ее (критики), а не явления в целом. Между тем «научное абстрагирование – исходный и базовый элемент любой методологии» (Матузов Н. И. О методологической ситуации в российском правоведении // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 7). Методологическим орудием познания, освоения критики законодательства может быть лишь теория критики законодательства, которая при определенных условиях выступает относительно автономным элементом теории государства и права. Без создания данной теории (или «подтеории») в условиях формирования правового государства и продолжающихся в России реформ немыслимо создание столь необходимой развернутой гибкой эффективно действующей многоуровневой системы критики законодательства.

Библиографический список

1. Баранов, В. М. Истинность норм советского права (проблемы теории и практики) / В. М. Баранов. – Саратов, 1989.
2. Иванов, В. К. К критике современной теории государства / В. К. Иванов. – М., 2008.
3. Эфиров, С. А. Стереотипы критики и критика стереотипов / С. А. Эфиров // Социол. исслед. – 1988. – № 1.

А. С. Рубан,

аспирант

Российского нового университета

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Принято считать, что следственный эксперимент проводится в три этапа: подготовительный, экспериментальный и заключительный, – каждый из которых имеет существенное значение. Вместе с тем особую роль в проведении следственного эксперимента играют подготовительный и заключительный этапы. Значение подготовительного этапа и в первую очередь подготовки плана эксперимента определяется

тем обстоятельством, что именно на этапе подготовки становится ясным весь ход последующих действий, закладываются составляющие успешного эксперимента в целом. От того, насколько тщательно спланирован и подготовлен эксперимент, зависят его результаты в целом. Значимость заключительного этапа и в первую очередь вопросы документирования хода и результатов следственного эксперимента определяются тем обстоятельством, что именно протокол следственного действия (следственного эксперимента) будет представлен в качестве доказательства в суде. Соответственно от того, насколько полно и юридически грамотно оформлен протокол и его приложения, зависят результаты рассмотрения дела в суде. Та-

ким образом, в рамках настоящей статьи будут изучены организационные вопросы следственного эксперимента.

Комплекс подготовительных мероприятий, как правило, осуществляется в два этапа: до выезда (выхода) на место проведения следственного эксперимента и по прибытии на него.

По мнению Р. С. Белкина, в число подготовительных мероприятий, которые осуществляются следователем до выезда на место производства следственного эксперимента, включаются: а) определение содержания и способа проведения опытов; б) установление очередности предполагаемых опытов; в) решение вопроса о времени проведения эксперимента; г) выбор места эксперимента; д) определение круга участников эксперимента и принятие мер по обеспечению их явки на место производства эксперимента; е) подготовка вещественных доказательств или заменяющих их предметов, которые понадобятся при проведении эксперимента; ж) проверка готовности и комплектности требуемых научно-технических средств; з) подготовка транспортных средств (Белкин Р. С. Теория и практика следственного эксперимента. М., 1969. С. 73).

А. П. Аленин к подготовительным мероприятиям следственного эксперимента относит: 1) определение круга его участников и контроль за их прибытием на место; 2) определение места и времени его проведения; 3) подготовка необходимых научно-технических средств; 4) составление плана его производства; 5) определение целей и возможностей его проведения; 6) уяснение содержания опытных действий и их последовательности; 7) подготовка реквизита и реконструкция обстановки; 8) предварительное ознакомление с обстановкой на месте его проведения (Аленин А. П. Тактика следственного эксперимента по делам о незаконном обороте наркотических средств // Наркоконтроль. 2007. № 1).

Согласно комментариям к ст. 181 УПК РФ мероприятиями подготовительного этапа являются: определение состава участников эксперимента; подбор членов группы испытуемых, если это требуется; установление набора технических средств, необходимых для опытных проверок и их фиксации; проведение консультаций со специалистами; составление плана проведения

эксперимента (Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. В. И. Радченко. М., 2004. Ст. 181).

Сравнительный анализ мероприятий подготовительного этапа, изложенных в работах различных авторов, показывает, что несмотря на особое выделение в работах тех или других мероприятий их перечень по своему содержанию совпадает. Например, указывается на необходимость продумывать мероприятия, обеспечивающие безопасность участников следственного эксперимента (Гаврилин Ю. В., Победин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия : учеб. пособие. М., 2006. С. 61–62).

Подготовительные мероприятия, выполняемые следователем после прибытия на место проведения следственного эксперимента, являются заключительным этапом (так же как и мероприятия заблаговременной подготовки) и достаточно подробно описаны в научной литературе (Гаврилин Ю. В., Победин А. В., Яшин В. Н. Указ. соч. С. 62).

Порядок подготовки не является исчерпывающим и строго регламентированным. Непосредственно на месте могут проводиться различные мероприятия, а также в определенной степени может меняться их последовательность.

По завершении подготовительной работы на месте проведения следственного эксперимента следователь подает сигнал к началу проведения опытных действий. Прежде всего перед ним стоит задача достоверного воспроизведения обстановки.

Исходя из определения понятия «следственный эксперимент» можно сделать вывод о том, что воспроизведение подлинной обстановки, условий, последовательности и других составляющих имевших место событий является главным условием эксперимента. Однако необходимо учитывать тот факт, что в большинстве случаев невозможно абсолютно точно воспроизвести обстановку события.

Именно поэтому при выборе способов проведения следственного эксперимента следователь должен определить: элементы воспроизведения, которые нужно осуществить; насколько точно необходимо воспроизведение; насколько точно позволяют произвести воспроизведение местные усло-

вия и имеющиеся сведения; каким образом точность воспроизведения повлияет на достоверность эксперимента.

Возможности и особенности воспроизведения во многом зависят от места и условий происшествия. Так, например, при проведении эксперимента с целью проверки возможности что-то видеть или слышать, на месте происшествия следует соблюдать дистанцию, учитывать условия видимости, распространения звуков (во время дождя или тумана) и т. д. Именно поэтому, в необходимых случаях осуществляется реконструкция обстановки места проведения указанного следственного действия. С учетом того, что порядок реконструкции обстановки процессуальным законодательством не оговорен, данное мероприятие проводится по усмотрению следователя.

Следует также учитывать, что обстановка должна быть зафиксирована с помощью технических средств (фотографирование, кино-, видеосъемка) как до реконструкции, так и после нее.

Вопросы реконструкции исследовали в своих работах А. М. Жуков, Н. И. Жукова, В. Д. Зеленский, А. А. Леви, И. М. Лузгин, Я. Г. Цыпарский и другие ученые (Жукова Н. И., Жуков А. М. Производство следственного эксперимента. Саратов, 1989. С. 77–79 ; Зеленский В. Д. Криминалистическая реконструкция // Вопросы теории и практики предварительного следствия в органах внутренних дел. Саратов, 1973 ; Леви А. А., Цыпарский Я. Г. Применение метода реконструкции при расследовании преступлений. М., 1975. С. 23 ; Лузгин И. М. Реконструкция в расследовании преступлений : учеб. пособие. Волгоград, 1982 ; Его же. Метод реконструкции в следственной практике // Соц. законность. 1970. № 7. С. 57). Так, по мнению В. Д. Зеленского, в криминалистическом значении реконструкция – «основанное на материалах уголовного дела материальное восстановление отдельных обстоятельств исследуемого события (места происшествия, внешности человека и др.) с целью получения достоверных результатов в процессе расследования» (Зеленский В. Д. Указ. соч. С. 150). При этом ученый наиболее распространенными считает следующие виды реконструкции: обстановки события; механизма события; внешности человека по ее материальным

остаткам или по описаниям ее отдельных признаков; предметов.

Обобщение следственной практики свидетельствует о том, что эксперимент не всегда может быть проведен на месте происшествия или же место происшествия претерпело необратимые изменения. Вместе с тем условия и правила проведения следственного эксперимента требуют максимального соответствия (приближения) места, времени и условий месту, времени и условиям, в которых происходило исследуемое событие. Максимальное сходство достигается, по мнению И. М. Лузгина, при использовании метода моделирования (Лузгин И. М. Моделирование при расследовании преступлений. М., 1981. С. 54–56).

Последовательность проведения следственного эксперимента, а также выполнения отдельных опытных действий, из которых состоит эксперимент, должна соответствовать последовательности проверяемых, воспроизводимых в опыте действий, имевших место в рамках реально происшедшего события.

Вполне понятно, что сами по себе действия следователя и иных участников эксперимента не могут породить никаких процессуальных последствий. Доказательной базой в суде являются не сами действия, а процессуально оформленные документы с результатами исследования. Таким образом, следственный эксперимент должен быть зафиксирован в процессуально установленном порядке.

Одним из широко применяемых способов фиксации хода следственного эксперимента является аудиозапись. Так, А. А. Левин и Ю. А. Горинов отмечают, что применение звукозаписи обеспечивает полноту и хорошую сохранность фиксируемой информации. Звукозапись позволяет сохранить не только содержание, но и эмоциональную окраску речи (Левин А. А., Горинов Ю. А. Звукозапись и видеозапись в уголовном судопроизводстве. М., 1983. С. 3–4).

Особую важность при рассмотрении дела в суде имеют материалы видеосъемки. Однако видеосъемку целесообразно производить не только в качестве получения доказательств в суде. Достаточно часто именно повторный просмотр видеозаписей позволяет обнаружить несоответствия, дополнительные улики, выдвинуть дополнительные версии. Смысл

видеозаписи состоит именно в том, чтобы показать все происходящее в динамике, с максимальной полнотой и наглядностью.

Важнейшим элементом (фактически результатом проведения) следственного эксперимента является составление соответствующего протокола.

Заполнение протокола обычно занимает достаточно много времени, что на месте проведения эксперимента не всегда удобно. Именно поэтому некоторые авторы считают возможным оформление протокола после завершения эксперимента, в рабочем кабинете следователя. Однако такой подход неправомерен. Участники эксперимента в соответствии с нормами УПК РФ не только письменно должны быть ознакомлены со своими правами, обязанностями и ответственностью до проведения эксперимента, но и протокол должны подписать на месте, и тем самым подтвердить свои ощущения, выводы и факты, свидетелями которых они стали в ходе эксперимента. В связи с этим, как отмечалось ранее, целесообразно подготовить проект протокола на предварительном этапе. Это может быть как простая подготовка бланков, так и заполнение тех граф протокола, которые, безусловно, будут соблюдены в ходе эксперимента, например, наименование эксперимента, его цели, задачи, место и порядок проведения и т. д.

Оценка хода и результатов следственного эксперимента является завершающим элементом его производства и представляет собой мыслительную деятельность, главным образом, следователя. Оценка результатов имеет логическую и объективную стороны.

Логическая сторона состоит в том, что следователь производит мыслительные операции по анализу результатов произведенного следственного действия. Он объединяет полученные результаты в единую картину, сопоставляет с иными, известными ему сведениями и формулирует выводы. Только логически верные суждения о связи между фактами могут обеспечить познание объективной истины в связи с расследуемым преступлением.

Объективная сторона заключается в том, что следователь в своей оценке основывается на объективных фактах, базирующихся на результатах проведенного эксперимента. Объективность обеспечивается также достоверностью тех материалов, которые получены опытным путем.

Оценивая результаты следственного эксперимента, следователь должен самостоятельно сделать вывод об их достоверности, т. е. определить, насколько полученные результаты соответствуют характеру проведенных опытов.

Вместе с тем сам следователь по результатам проведенных экспериментов формулирует собственные выводы.

Выводы следователя могут служить основой для доказательств, предъявляемых в суде, а также основой для принятия решений о проведении повторных или дополнительных следственных действий.

Нередко следователем принимается решение о проведении повторного эксперимента, например, когда результаты эксперимента не соответствуют имеющимся фактическим материалам дела, или когда у следователя имеются основания подозревать в скрытом сопротивлении (искажении фактов) в ходе проведенного эксперимента со стороны его участников – подозреваемых, свидетелей, потерпевших.

Успешное проведение следственного эксперимента зависит также от обеспечения сохранности полученных в ходе эксперимента материалов (доказательств). Так, например, по делу битцевского маньяка Александра Пичушкина, который признался в 48 убийствах и трех покушениях, 16.10.07 в суде приступили к просмотру видеозаписей следственного эксперимента, в ходе которого маньяк показывал места убийств. Но как только приступили к просмотру, выяснилось, что кассеты хранились в недопустимых условиях и просмотреть их невозможно (Даже если меня казнят – я в выигрыше! // Комсом. правда. 2007. 17 окт. С. 6).

Таким образом, каждый из этапов проведения следственного эксперимента имеет весьма существенное значение. Вместе с тем именно от того, насколько умело он подготовлен, зависит результат всего эксперимента в целом. Поэтому, на наш взгляд, в первую очередь эффективность проводимого эксперимента зависит от добросовестной подготовки плана предполагаемого эксперимента. Грамотно подготовленный, подробный план, составленный с соблюдением действующих уголовно-процессуальных норм, является залогом успешного проведения следственного эксперимента в целом.

Библиографический список

1. Белкин, Р. С. Теория и практика следственного эксперимента / Р. С. Белкин. – М., 1969.

2. Гаврилин, Ю. В. Следственные действия : учеб. пособие / Ю. В. Гаврилин, А. В. Победкин, В. Н. Яшин. – М., 2006.

В. В. Рябчиков,

доцент кафедры

уголовно-процессуального права

ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук

М. А. Бородкин,

адъюнкт кафедры

уголовно-процессуального права

ВЮИ ФСИН России

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУТА ДОЗНАНИЯ

В течение последних лет уголовно-процессуальное законодательство не раз подверглось существенным изменениям и дополнениям. В значительной мере это коснулось и института предварительного расследования.

В соответствии с УПК РСФСР установление всех обстоятельств совершенного преступления, имеющих значение для всестороннего и объективного разрешения уголовного дела, осуществлялось путем производства предварительного следствия, дознания и протокольной формы досудебной подготовки материалов.

Действующим уголовно-процессуальным законодательством установление вышеуказанных обстоятельств предусматривается путем производства предварительного следствия или дознания, причем последнее, соединив в себе черты протокольной формы досудебной подготовки материалов и дознания в полном объеме, по существу, представляет собой предварительное следствие, осуществляемое в более короткие сроки, без предъявления обвинения и составления обвинительного заключения (Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003. С. 40–41).

Таким образом, мы видим, что законодатель в 2002 г. пошел по пути интеграции форм расследования, отдав предпочтение процедуре расследования в форме дозна-

3. Жукова, Н. И. Производство следственного эксперимента / Н. И. Жукова, А. М. Жуков. – Саратов, 1989.

4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. В. И. Радченко. – М., 2004.

ния, которая в большей степени гарантирует соблюдение конституционных прав и законных интересов участников уголовного процесса, нежели протокольная форма досудебной подготовки материалов.

Даже после принятия УПК РФ институт дознания постоянно подвергается изменениям и дополнениям (был принят ряд федеральных законов о внесении изменений и дополнений в УПК РФ от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ, 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ, 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ, 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ, 24 июля 2007 г. № 214-ФЗ): увеличены сроки расследования, расширена подследственность, введен институт уведомления о подозрении в совершении преступления и т. п. С учетом внесенных в последнее время изменений, дознание все в большей степени представляет собой предварительное следствие, теряя такие характерные черты протокольной формы досудебной подготовки материалов, как ускоренность и процессуальная экономия. Другой формы расследования, содержащей названные черты, законодатель не предусмотрел.

Ряд авторов, в частности В. Н. Одинцов, еще в 2004 г. полагал, что проблема дифференциации форм уголовного судопроизводства продолжает оставаться актуальной, и приводил аргументы в пользу восстановления в УПК РФ института протокольной формы досудебной подготовки материалов как вида расследования (Одинцов В. Н. Производство дознания по розыску органами внутренних дел Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 17–21). Высказанная точка зрения представляется нам весьма справедливой. Подтверждением актуальности обозначенной проблемы служит и тот факт, что в настоящее время в Государственной Думе Федерального Собрания РФ находится на рассмотрении законопроект, подготовленный Генеральной прокуратурой РФ, в котором предусматривается введение сокращенного порядка досудебного производства. Анализируя этот законопроект, О. В. Хитрова

обращает внимание на положения, противоречащие не только общепринятым представлениям о форме уголовного судопроизводства и ее гарантиях, но и действующему УПК РФ. Она также полагает, что протокольная форма досудебной подготовки материалов в большей степени гарантировала права и свободы участников процесса, чем предлагаемый сокращенный порядок досудебного производства (Хитрова О. В. Сокращенный порядок досудебного производства: перспективы уголовного процесса // Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства : материалы межвуз. науч.-практ. конф. М., 2008. Ч. 1. С. 90–97).

Мы согласны с О. В. Хитровой в той части ее высказывания, которая касается необходимости разработки механизма защиты законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства, однако настаиваем на целесообразности восстановления такой формы расследования, которая позволяла бы осуществлять расследование совершенного преступления в упрощенном и ускоренном процессуальном режиме. Таким институтом могло бы стать дознание в той форме, в какой оно существовало до изменений действующего законодательства, внесенных Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ (т. е. срок производства 15 суток осуществляется только в отношении конкретного лица), поскольку, на наш взгляд, подобная модель дознания соединяет в себе такие черты, как ускоренность и процессуальная экономия при большей гарантии, нежели при реализации протокольной формы, соблюдения прав и свобод участников процесса. Данная форма предварительного расследования может быть названа, например, «дознание по преступлениям, совершенным в условиях очевидности».

Еще одним проблемным вопросом регламентации института дознания, на наш взгляд, представляется деятельность органов дознания по выполнению неотложных следственных действий.

До 2002 г. расследование в форме дознания осуществлялось в двух видах: дознание по делам, по которым предварительное следствие обязательно (в ч. 2 ст. 119 УПК РСФСР прямо указывалось на производство именно *дознания* (выделено нами. – В. Р., М. Б.), и дознание по делам, по которым предварительное следствие необязательно (ст. 120 УПК РСФСР).

В настоящее время УПК РФ не употребляет понятие «дознание» применительно к деятельности органов дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно. В ч. 1 ст. 157 УПК РФ сказано, что *при наличии признаков преступления, по которому предварительное следствие обязательно, орган дознания в порядке, установленном статьей 146 настоящего Кодекса, возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия*. Часть 1 ст. 150 УПК РФ предусматривает производство *предварительного расследования либо в форме предварительного следствия, либо в форме дознания*. Анализ норм УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что по действующему законодательству производство неотложных следственных действий органами дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно, не является по своей сути дознанием. В противном случае это может быть только предварительным следствием. Однако в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ *предварительное следствие производится следователями*, а ст. 157 УПК РФ предусмотрено производство *неотложных следственных действий органом дознания*.

Ни в комментариях к УПК РФ, ни в учебной и научной литературе мы не нашли разъяснений сложившейся ситуации. Все упомянутые источники говорят только о преобразовании дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно, в процессуальный институт – производство органом дознания неотложных следственных действий при обнаружении им признаков преступления, по которым предварительное следствие обязательно (Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьев. М., 2003. С. 112 ; Уголовный процесс : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002).

Так не лучше ли вернуть проверенные временем отдельные положения, существовавшие в УПК РСФСР? Например, изменить формулировку п. 8 ст. 5 УПК РФ, где предусмотреть дознание в двух видах: дознание по делам, по которым предварительное следствие обязательно, и дознание по делам, по которым предварительное следствие необязательно, как это уже было ранее в УПК РСФСР.

Кроме того, полагаем, что было бы целесообразно завершить трансформацию института дознания, и вернуться к той форме предварительного расследования, которую предусматривал УПК РСФСР по делам, по которым предварительное следствие необязательно. По нашему мнению, институт привлечения в качестве обвиняемого должен быть возвращен в дознание и заменить институт уведомления о подозрении, поскольку статус подозреваемого, по общему правилу, имеет лицо, в отношении которого не собрано достаточных доказательств виновности – оно лишь проверяется на причастность к преступлению. Согласно действующему законодательству, при осуществлении расследования в форме дознания лицо, в отношении которого уже собрано достаточно доказательств виновности, остается, тем не менее, в положении подозреваемого до составления обвинительного акта, т. е. до окончания расследования, что существенно нарушает его право на защиту. Обвинительный акт, составляемый по окончании дознания, по нашему мнению, целесообразно заменить обвинительным заключением.

Мы полагаем, не все новеллы УПК РФ выдержали проверку практикой. Это касается и выше рассмотренного института дознания, и института возбуждения уголовных дел, и т. п. Остаются неурегулированными некоторые вопросы, например о том, что собой представляет деятельность органов дознания по выполнению неотложных следственных действий.

Э. О. Самитов,
*старший преподаватель
кафедры государственно-правовых
дисциплин и гражданского права
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России*
Р. Р. Фатхуллин,
*начальник кафедры уголовно-правовых
и специальных дисциплин
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России*

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ЭЛЕМЕНТОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСТЯЗАНИЙ

Исходя из задач расследования в криминалистической характеристике истязаний как целостной системе целесообразно учитывать различные виды связей между ее элементами (Гриненко А. В. Руководство

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, нужно отметить следующее: безусловно принимая отдельные позитивные нововведения в УПК РФ, вместе с тем не следует отказываться от тех положений, которые имели место в ранее действующем законодательстве и прошли проверку многолетней практикой.

Библиографический список

1. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева ; науч. ред. В. П. Божьев. – М., 2003.
2. *Одинцов, В. Н.* Производство дознания по розыску органами внутренних дел Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
3. Уголовный процесс : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В. П. Божьева. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2002.
4. *Химичева, Г. П.* Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности / Г. П. Химичева. – М., 2003.
5. *Хитрова, О. В.* Сокращенный порядок досудебного производства: перспективы уголовного процесса / О. В. Хитрова // Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства : материалы межвуз. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – М., 2008. – 2 ч.

по расследованию преступлений : учеб. пособие. М., 2002. С. 245). Совокупность однозначных, вероятно-статистических и других связей между элементами криминалистической характеристики истязаний придает ей качество структуры и позволяет рассматривать ее как объект (систему), характеризующуюся свойством целостности, индивидуальности и относительной устойчивости.

Между элементами криминалистической характеристики целесообразно выделить два вида связи:

- 1) однозначная – в случае существования одного признака непременно является и существование другого связанного с ним признака;
- 2) вероятно-статистическая связь – указывает на вероятность совместно встречае-

мых тех или иных признаков (Балугина Т. С. Криминалистика. Общие положения методики расследования преступлений. Краснодар, 2002–2003. С. 87–89).

С нашей точки зрения, целесообразно выделить следующие взаимосвязи элементов криминалистической характеристики истязаний.

1. Взаимосвязь жертвы истязаний и личности преступника. В основе поиска преступника необходимо использовать данные о личности жертвы, поскольку между личностью преступника и жертвой истязания существует взаимосвязь, которая в одних случаях прямо указывает на свойства личности преступника; в других – устанавливается исходя из опыта расследования аналогичных преступлений или проведения специальных исследований определенного комплекса расследованных преступлений.

В данных случаях для разработки в отношении потерпевшего тактических приемов допроса необходимо изучение свойств его личности. В случае, когда потерпевший не может быть допрошен (находится в больнице или отсутствует по неизвестным следствию обстоятельствам и т. д.), особое внимание следует обратить на связи жертвы с членами ее семьи и ближайшим бытовым и служебным окружением. В процессе изучения связей выделяются лица, которые находились с жертвой в неприязненных либо конфликтных отношениях.

На взаимосвязь жертвы и преступника значительное влияние оказывает инсценировка. При ее создании используются сведения о пьянстве жертв или психическом заболевании. В процессе поиска преступника по делам об истязаниях необходимо учитывать следующее. Ряд инсценировок соотносится с конкретными лицами, которые в ряде случаев играют роль очевидцев события некриминального характера. Другие инсценировки обнаруживаются при отсутствии данных о личности преступника. В первом случае задача сводится к доказыванию виновности определенного лица, во втором – установлению личности преступника. Для его обнаружения прежде всего необходимо выделить такие сведения о жертве, которые определили характер и содержание смешанного способа противодействия расследованию.

Практика изучения архивных уголовных дел показала, что подобные инсценировки в основном осуществляются мужчинами из ближайшего окружения жертвы: супругами (7 %), родственниками (4 %), любовниками (3 %). Как правило, их возрастные и нравственно-психологические свойства соотносятся с соответствующими параметрами жертв.

При применении маскировочных и иных средств поиск преступников по их взаимосвязям с жертвой существенно различается в зависимости от применения маскировочных средств в момент посягательства или в последующий период. Применение маскировочных средств в момент совершения преступления прежде всего свидетельствует о его предумышленном характере. Как показывает анализ изучения архивных уголовных дел об истязаниях, это встречается очень редко (5 % случаев). Маскировочные действия совершают преимущественно мужчины в возрасте от 35 до 40 лет (92 %) с высшим образованием, страдающие психическими заболеваниями (85 %), привлекавшиеся ранее к уголовной ответственности (67 % случаев). Поиск преступников с такими характеристиками следует вести среди соседей, сослуживцев и иных хорошо знакомых жертве лиц. К изменению внешнего облика в последующий период прибегают только мужчины, половозрастные характеристики и образовательный уровень которых в полном объеме соотносится с теми же параметрами преступников, маскирующихся в момент совершения преступления. Изучение практики расследования истязаний показало, что к маскировке после совершения преступления прибегают в основном незнакомые с жертвой люди.

2. Взаимосвязь личности преступника и «знакомства с жертвой». В большинстве случаев ранее знакомы лица старшей возрастной категории (67 % случаев).

3. Взаимосвязь возраста преступника и возраста потерпевшей. Как показал анализ изучения архивных уголовных дел, в большинстве случаев (74 %) возраст истязателя и его жертвы одинаковый. Вместе с тем существует ряд особенностей: муж истязает жену (разница в возрасте составляет 5–10 лет); брат – сестру (5–10 лет); отчим – приемных детей (10–20 лет); истязания в

армии (1–3 года); в тюрьмах (10–20 лет), при этом истязателями являются лица более старшего возраста (13 %); в школах (1–5 лет); в спортивных секциях (1–3 года).

4. Взаимосвязь способа совершения преступления и личности преступника. К числу факторов, под воздействием которых преступник избирает определенный способ совершения истязания, можно отнести: особенности личности жертвы истязания; обстановку совершения преступления; цель и мотив преступного посягательства; наличие определенных знаний, навыков и умений; возможность использовать орудия преступления определенного вида и типа; психическое и физическое состояние лица и его особенности (страдающий алкоголизмом, психическими заболеваниями и т. д.). Под воздействием этих факторов и складывается конкретный способ действий истязателя, отличающийся присущими ему признаками, характеризующими конкретную личность.

В последнее время проведены исследования, выявившие определенные зависимости между способом сокрытия преступлений и социальными, психологическими и биологическими свойствами преступника (Балугина Т. С. Указ. соч. С. 67–69).

Для лиц 20–30 лет характерно использование физической силы в отношении своей жертвы, нанесение ударов в различные части тела руками, ногами или головой (34 %).

Старшая возрастная группа (31–41 лет) использует для совершения истязания предметы хозяйственно-бытового назначения (56 %), применяет комбинированные и изощренные способы совершения истязаний (31 %). Кроме того, истязатель часто с силой толкает потерпевшего на различные твердые предметы (23 %). Например, нанесение ударов в различные части тела руками и ногами, сопряженное с тасканием и вырыванием волос, укусами жертвы; с воздействием термических и химических факторов и других угроз в адрес потерпевшего.

5. Взаимосвязь между состоянием лица, совершившего истязание, и способом преступления. Истязатели, страдающие психическими заболеваниями (не исключаяющими вменяемости), совершали преступления путем щипания (33 %), выкру-

чивания рук (29 %), защемления той или иной части тела потерпевшего при помощи каких-либо приспособлений или без них (25 %), воздействия на него огнем или иными природными биологическими факторами (например, использования животных и насекомых) – 11 %, другими способами (2 %).

В состоянии наркотического опьянения истязатели совершали преступления путем защемления пальцев щипцами (23 %), втыкания иголок под ногти (12 %), причинения ожогов раскаленным металлическим предметом или электрическим током (22 %), воздействия на него огнем или иными природными биологическими факторами (например, использования животных и насекомых) (22 %), подвешивания над огнем (5 %), пытки (2 %), а также укусами жертвы (13 %) и другими способами (1 %).

В состоянии алкогольного опьянения истязания совершались путем нанесения ударов в различные части тела руками и ногами, сопряженного с тасканием и вырыванием волос (47 %), укусами жертвы (14 %); воздействием термических и химических факторов (13 %), а также путем выкручивания рук (24 %) и другими способами (2 %).

Таким образом, исследование взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики истязаний имеет большое значение для успешного расследования и раскрытия данной категории преступлений. Вышеизложенное позволяет проследить взаимосвязь и взаимообусловленность исследуемых особенностей криминалистической характеристики истязаний, что вызывает необходимость их взаимного изучения. По нашему мнению, взаимообусловленность приведенных категорий предполагает их влияние друг на друга, изменения в одной определяют изменения в другой.

Библиографический список

1. Балугина, Т. С. Криминалистика. Общие положения методики расследования преступлений / Т. С. Балугина. – Краснодар, 2002–2003.
2. Гриненко, А. В. Руководство по расследованию преступлений : учеб. пособие / А. В. Гриненко. – М., 2002.

О. В. Соколов,
старший преподаватель
кафедры уголовно-правовых
и специальных дисциплин
Казанского филиала
ВЮИ ФСИН России

**ПОНЯТИЕ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА
КАК АКТА ПРАВОСУДИЯ И ОСОБЕННОСТИ
ВСТУПЛЕНИЯ ЕГО В ЗАКОННУЮ СИЛУ**

В настоящее время институт оправдания вызывает особый интерес, поскольку в рамках продолжающейся в стране судебной реформы пересматриваются многие концептуальные положения, касающиеся статуса и роли судьи в уголовном судопроизводстве, оценки деятельности органов расследования, статуса оправданных лиц, приоритетов объектов судебной защиты и прочие. Уголовно-судебная статистика последних лет подтверждает особенность механизма оправдания в России и в полной мере отражает его специфичность (см. таблицу, составленную по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации).

Показатель \ Год	2005	2006	2007	9 мес. 2008
Общее число лиц, оправданных судом первой инстанции, чел.	10140 (+9 % к 2004 г.)	12325 (+21,5 % к 2005 г.)	10443 (-15,3 % к 2006 г.)	7203 (+0,1 % к 9 мес. 2007 г.)
Доля оправданных лиц, по которым вынесены судебные постановления, %	0,9	0,9	0,8	0,8

В ряде европейских стран существует устойчивый стереотип: низкий процент оправдательных приговоров рассматривается как свидетельство определенного непрофессионализма субъектов, их постановивших, поэтому нормой для европейского правосудия считается 20 % и более оправдательных приговоров от общего числа постановлений суда. В России же, как свидетельствуют официальные статистические данные, оправдательные приговоры составляют менее 1 % от общего числа постановлений суда. Однако такой низкий показатель не может расцениваться однозначно и говорить только о невысоком качестве правосудия либо

отсутствии стабильного четкого процессуального законодательства, данная проблема гораздо шире. Нужно иметь в виду, что становление российского правосудия – процесс сложный, требующий применения комплексных мер со стороны всех участвующих в нем субъектов.

Сегодня в России, на фоне столь малого количества случаев оправдания, получение ответа на поставленный вопрос о вступлении в законную силу оправдательного приговора суда приобретает все большую актуальность. Ответить на него, очевидно, можно будет после изучения понятия приговора как важнейшего акта правосудия, с одной стороны, и как разновидности постановлений суда, с другой.

В юридической литературе проблема приговора достаточно подробно исследовалась в работах таких ученых, как: Ю. М. Грошевой, А. С. Кобликов, П. А. Lupинская, М. Ф. Маликов, Е. А. Матвиенко, С. Г. Мирецкий, П. Ф. Пашкевич, И. Д. Перлов, Ф. Н. Фаткуллин и другие, что, несомненно, подчеркивает повышенный научный интерес к данной категории.

Не менее важным является и законодательное осмысление обозначенной проблемы. В п. 28 ст. 5 УПК РФ приговором признается решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции.

Конституционное положение (ст. 49) о том, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, определяет значение судебного приговора как важнейшего акта правосудия (О судебном приговоре : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 29 апр. 1996 г. № 1 // Рос. газ. 1996. 22 мая).

Социальное значение приговора заключается в том, что от имени государства дается негативная оценка конкретному преступлению и совершившему его лицу, что содействует повышению уровня правосознания граждан. Судебный приговор служит также эффективным средством воспитания

уважения к закону и суду (Уголовное судопроизводство России : учебник для вузов / под ред. канд. юрид. наук, доц. Н. И. Газетдинова. Казань, 2004. С. 33).

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что приговор суда есть важнейший акт правосудия, разрешающий по существу предъявленное подсудимому обвинение. Этим актом определяются виновность или невиновность подсудимого в совершении преступления, назначение ему наказания либо освобождение его от наказания. Приговор является индивидуальным актом применения норм права, служит эффективным средством повышения правосознания граждан, постановляется судом первой или апелляционной инстанции в судебном заседании с соблюдением специальных процессуальных гарантий и приобретает свойства, придающие ему силу закона.

Часть 1 ст. 302 УПК РФ предусматривает два вида приговора: оправдательный и обвинительный. Оправдательный приговор выносится в случае, если вина подсудимого не нашла своего подтверждения в судебном разбирательстве, а обвинительный – в случае доказанности виновности подсудимого.

Мы придерживаемся определения оправдательного приговора, предложенного О. Ю. Александровой: «Оправдательный приговор – это основной акт правосудия, обладающий свойствами обязательности, исключительности, неизменности, преюдициальности, истинности, завершающий стадию судебного разбирательства, в частности, и уголовное судопроизводство в целом, сущность которого состоит в установлении судом невиновности лица в совершении преступления, инкриминируемого ему органами» (Александрова О. Ю. Оправдательный приговор в уголовном процессе: теоретические основы и правоприменительная практика : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. С. 8).

Понятие «вступление приговора в законную силу» входит в довольно многочисленную группу правовых понятий, которыми оперируют участники уголовно-процессуальных отношений. «Законная сила приговора означает такую силу этого акта, которая приравнивает его к закону, придает ему силу закона, делает его обязательным для всех граждан, организаций, учреждений, поскольку приговор их каса-

ется; законная сила приговора ставит приговор в разряд актов, в которых государственная воля находит свое высшее выражение, наделяя приговор авторитетом и обязательностью этих актов», – писал по этому поводу Л. Г. Шустер. «Законная сила в этом высшем ее выражении внутренне присуща приговору, она вытекает из самой природы приговора, его сущности» (Шустер Л. Г. Приговор советского суда и его законная сила : дис. ... канд. юрид. наук. Баку, 1953. С. 62).

Законная сила приговора означает, что приговор, во-первых, обладает юридической силой как процессуальный акт судопроизводства, во-вторых, при постановке приговора находит свое выражение материальный закон – УК РФ, т. е. происходит материализация приговора как акта процессуального права, в-третьих, приговор выносится и провозглашается от имени государства, в отличие от иных процессуальных решений.

Вступление приговора в законную силу есть приобретение им свойства непоколебимости, исключающего возможность его отмены или изменения с помощью обычных процессуальных средств, что позволяет говорить о нем как об окончательном судебном решении. Именно о такого рода решениях говорится в п. 1 ст. 4 Протокола № 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющем принцип, согласно которому никто не должен быть повторно судим или наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое это лицо уже было окончательно оправдано или осуждено в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163). Кроме того, вступивший в законную силу приговор приобретает свойства исключительности, общеобязательности и исполнимости. Исключительность приговора предполагает невозможность существования наряду с ним какого-либо иного решения по тем же вопросам. В соответствии со ст. 392 УПК РФ вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда обязательны для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснитель-

ному исполнению на всей территории Российской Федерации; неисполнение судебного решения влечет уголовную ответственность (ст. 315 УК РФ).

Так, согласно ст. 390 УПК РФ приговор суда первой инстанции вступает в законную силу по истечении срока его обжалования в апелляционном или кассационном порядке, если он не был обжалован сторонами. Приговор суда апелляционной инстанции вступает в законную силу по истечении срока его обжалования в кассационном порядке, если он не был обжалован сторонами.

Обвинительный приговор приводится в исполнение по вступлении его в законную силу, а оправдательный приговор и приговор, освобождающий подсудимого от наказания, приводится в исполнение после его провозглашения. В случае нахождения подсудимого под стражей, суд освобождает его в зале судебного заседания (ст. 311, 346, 388, 391 УПК РФ). Из этого следует, что оправдательный приговор приводится в исполнение самим судом, его постановившим, причем сразу после провозглашения, еще до истечения кассационного срока, т. е. до вступления в законную силу, не давая, таким образом, реабилитированному нахо-

диться в условиях лишения свободы даже в течение короткого срока.

Полагаем, что приведение в исполнение оправдательного приговора – это еще не завершение уголовного дела по существу. Оправдательный приговор является первой ступенью судебного разрешения вопросов по уголовному делу, первоосновой для дальнейшего развития всех форм судебного надзора в апелляционном, кассационном, надзорном производстве, и возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Исполнением оправдательного приговора, очевидно, не исчерпываются возможности участников процесса, в том числе оправданного и потерпевшего, отстаивать свои права и защищать интересы как до, так и после вступления приговора в законную силу.

Библиографический список

1. Газетдинов, Н. И. Уголовное судопроизводство России : учеб. для вузов / Н. И. Газетдинов. – Казань, 2004.
2. Суханова, Н. Н. Оправдательный приговор в российском уголовном судопроизводстве: понятие, значение, основания : учеб. пособие / Н. Н. Суханова. – Иркутск, 2008.

Т. А. Ткачук,

доцент кафедры криминалистики

ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук, доцент

УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

РОЗЫСКА В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящее время очевидно, что развитие криминалистики на пути узкопредметных разработок явно ограничено, малоперспективно и не соответствует реальным потребностям практики раскрытия и расследования преступлений. По данной причине разрабатываемые в криминалистике методы, средства, приемы собирания и исследования доказательств нередко остаются достижением узкого круга криминалистов-ученых и практиков. Наглядно прослеживается необходимость соответствующего организационного, правового обеспечения;

уголовного судопроизводства (Горячев Э. К. Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступления : дис. ... канд. юрид. наук, М., 2004. С. 12–13). Обозначенные проблемы тесно взаимосвязаны, а их решение взаимообусловлено и может быть обеспечено только в рамках соответствующей деятельности, важную, если не сказать определяющую, роль в которой занимает криминалистика. Представляется, что именно с этих позиций следует рассматривать возникновение и дальнейшую разработку проблемы криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

В толковом словаре русского языка слово «обеспечить» означает: «...снабдить чем-либо в нужном количестве, сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым...» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2001. С. 427). Начало самой разработке, как и использование в научных кругах понятия «криминалистическое обеспече-

ние», было положено В. Г. Коломацким (Коломацкий В. Г. Криминалистическое обеспечение деятельности ОВД : лекция. М., 1979). По его мнению, криминалистическое обеспечение – это система «внедрения в практическую деятельность должностных лиц, подразделений, служб и органов внутренних дел по охране общественного порядка и борьбе с преступностью криминалистических знаний, воплощенных в умении работников использовать научные, методические и тактические криминалистические рекомендации, технико-криминалистические средства и технологии их применения» (Его же. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений // Криминалистика. М., 1994. Т. 1. С. 62).

Уже в 90-х гг. XX в. появились работы, в том числе учебные пособия, посвященные криминалистическому обеспечению раскрытия и расследования преступлений. Однако по существу в них в традиционном для курса криминалистики аспекте излагались вопросы криминалистической тактики и методики расследования преступлений, даже не всегда раскрывалось понятие «криминалистическое обеспечение» (Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насилованных преступлений. М., 2003). А наряду с организационными и тактическими вопросами предварительного расследования рассматривались такие как: соотношение и связи криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности, оперативная информация и ее роль в расследовании, строго говоря выходящие за рамки организационного и тактического обеспечения предварительного расследования преступлений (Там же).

С нашей точки зрения, интересно, хотя и не бесспорно, обозначена проблема криминалистического обеспечения в книге под редакцией В. А. Образцова, представляя по сути своей традиционный курс криминалистики. Ее название как и содержащиеся в ней разделы сформулированы следующим образом: «техничко-криминалистическое обеспечение», «тактико-криминалистическое обеспечение» и т. д. (Криминалистическое обеспечение предварительного расследования / под ред. В. А. Образцова. М., 1992). Возможно, под влиянием таких публикаций сформировалось мнение Г. И. Седовой и В. В. Сте-

панова, которые криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений по существу отождествляют с криминалистикой, отмечая, что понятие «криминалистическое обеспечение» носит не столько научный, сколько практический характер, что оно «не несет никакой смысловой нагрузки» (Седова Г. И., Степанов В. В. Дознание. Функции и организация деятельности. М., 2003. С. 22–23).

Р. С. Белкин, по существу разделяя мнение В. Г. Коломацкого, отмечал, что криминалистическое обеспечение – это система «криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений сотрудников использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии их использования в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений» (Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. М., 1997. С. 64). Этой же позиции придерживается и А. М. Ишин (Ишин А. М. Теоретические аспекты информационного обеспечения органов предварительного следствия в ходе расследования преступлений. Калининград, 2003. С. 103).

Однако В. Г. Коломацкий, продолжая разрабатывать проблему криминалистического обеспечения, в последующем пришел к выводу, что «система криминалистического обеспечения» включает в себя три элемента: криминалистическую науку, криминалистическое образование, криминалистическую технику. При этом криминалистическое обеспечение стало рассматриваться одним из элементов системы управления деятельностью органов, осуществляющих борьбу с преступностью (Коломацкий В. Г. К истории криминалистического обеспечения расследования преступлений // Информационный бюллетень № 13 по материалам криминалистических чтений «Криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью». М., 2001. С. 19–21). С такой позицией трудно согласиться, так как по существу подвергается сомнению сама возможность отнесения криминалистического обеспечения к предмету криминалистики.

Следует отметить, что проблема криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений была предметом

ряда докторских и кандидатских диссертаций (Напр.: Волынский В. А. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений (организационные, правовые и методологические проблемы) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991 ; Его же. Закономерности и тенденции развития криминалистической техники : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001 ; Скорченко П. Т. Проблемы технико-криминалистического обеспечения досудебного уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000 и др.). Результаты этих исследований нашли отражение в качестве самостоятельной главы в учебнике по криминалистике (Криминалистика : учебник / под ред. проф. А. Ф. Волынского. М., 1999. С. 64–84). При этом практически все авторы едины во мнении, что криминалистическое обеспечение представляет собой специфическую деятельность, или организационно-функциональную систему. Такая деятельность направлена на совершенствование организации, правового регулирования, научно-технического и методического обеспечения деятельности субъектов раскрытия и расследования преступлений, в частности использования ими криминалистических методов и средств.

Исходя из этого определяются не только задачи криминалистики, но и ее социальные функции, которые условно можно разделить на четыре группы: познавательные, созидательные, образовательные и практические.

Познавательные функции реализуются через выявление и изучение закономерностей: а) самой преступности, тенденций ее развития, способов преступлений и преступной деятельности; б) интеграции современных достижений науки и техники в криминалистику, а через нее в практику борьбы с преступностью; в) правового, организационного и научно-исторического обеспечения использования криминалистических методов, средств, рекомендаций в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений.

Созидательные функции криминалистики проявляются: в разработке новых и модернизации имеющихся методов, средств и рекомендаций собирания, исследования и использования розыскной и доказательственной информации; содействии внедрению результатов таких разработок в практику раскрытия и расследования преступ-

лений; совершенствовании организации и правового регулирования осуществляемой в этих целях деятельности.

Образовательные функции выражаются: в криминалистической подготовке субъектов раскрытия и расследования преступлений, предполагающей освоение ими криминалистических знаний и формирование у них навыков и умений реализовывать такие знания на практике; разработке учебно-методических материалов, а также совершенствовании организации и методики учебного процесса по курсу «Криминалистика».

Практические функции криминалистики как прикладной науки реализуются в повседневной деятельности правоохранительных органов по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. Через них в конечном итоге проявляются предназначение и общественно значимая роль данной науки.

Несмотря на разнообразие и разнонаправленность социальных функций криминалистики, они не могут быть представлены иначе как в органическом единстве, отражающем прикладной характер самой криминалистики. Интересно, что наличие социальных функций криминалистики (иногда их называют служебными) и необходимость их реализации, как одного из важнейших условий дальнейшего развития криминалистики и совершенствования криминалистической практики, никем не отрицается, однако изучению их сущности, системы и механизма действия пока не уделяется должного внимания. В учебниках по криминалистике они, за редким исключением, даже не упоминаются. Вместе с тем все чаще в криминалистической литературе отмечается, что между достижениями криминалистики, ее потенциальными возможностями и результатами их внедрения в практику раскрытия и расследования преступлений образовался «разрыв», который все больше увеличивается по мере ускоряющегося развития научно-технического прогресса и трансформации его достижения в систему криминалистических знаний.

Взаимосвязь социальных функций криминалистики с криминалистическим обеспечением наиболее выражено проявляется при исследовании последнего как специфического двухуровневого вида деятельности, направленной:

а) на создание условий постоянной готовности правоохранительных органов к реализации возможностей криминалистических методов, средств и рекомендаций в раскрытии и расследовании преступлений;

б) реализацию таких условий в повседневной практической деятельности правоохранительных органов.

Криминалистическое обеспечение выступает по существу в качестве формы реализации социальных функций криминалистики. Не случайно созвучно им условно именуются названные уровни криминалистического обеспечения: первый (а) – созидательный; второй (б) – деятельностный (Криминалистика : учебник / под ред. проф. А. Ф. Волынского и проф. В. П. Лаврова. М., 2008. С. 52–56). Соответственно его субъектами в силу должностных обязанностей являются сотрудники научно-исследовательских учреждений, преподаватели учебных заведений, руководители и сотрудники подразделений правоохранительных органов, призванных раскрывать и расследовать преступления, и т. д. В конечном итоге круг данных субъектов определяется исходя из содержания социальных функций, реализуемых в порядке криминалистического обеспечения и решаемых при этом задач.

Применительно к предмету нашего исследования объектом воздействия криминалистического обеспечения следует считать криминалистическую науку и практику, проблемы организации, правового регулирования, научно-технического и методического обеспечения установления и розыска неизвестных лиц в ходе раскрытия и расследования преступлений.

К целям и задачам можно отнести научную разработку и реализацию согласованных, взаимосвязанных решений указанных проблем, совершенствование на этой основе организационного, правового, научно-технического и методического обеспечения использования криминалистических методов, средств и рекомендаций в практике установления и розыска участников уголовного процесса при раскрытии и расследовании преступлений.

Субъектами указанной деятельности на созидательном уровне являются органы законодательной власти и управления в сфере борьбы с преступностью, научно-исследовательские учреждения, экспертно-

криминалистические подразделения, учебные заведения, следственные и оперативно-розыскные аппараты – все те организации, учреждения, подразделения, для которых указанные цели и задачи криминалистического обеспечения являются служебной (должностной) обязанностью. От их деятельности в конечном итоге зависят:

- состояние и уровень научных разработок криминалистических средств, методов и рекомендаций, внедрение их результатов в практику;

- состояние правового обеспечения применения криминалистических средств, методов и рекомендаций;

- состояние организации применения криминалистических средств, методов и рекомендаций;

- состояние криминалистической подготовки субъектов, применяющих криминалистические средства, методы и рекомендации в раскрытии и расследовании преступлений.

На практическом уровне криминалистического обеспечения как вида деятельности субъектами выступают руководители следственных, оперативно-розыскных, экспертно-криминалистических подразделений и их сотрудники, т. е. должностные лица, по закону уполномоченные, а по должности обязанные осуществлять поисково-розыскную деятельность, устанавливать (идентифицировать) участников уголовного процесса, раскрывать и расследовать преступления.

На основании вышеизложенного систему криминалистического обеспечения розыска можно представить следующим образом:

- организационное обеспечение;
- правовое обеспечение;
- научно-техническое обеспечение;
- методическое обеспечение;
- кадровое обеспечение (криминалистическая подготовка кадров).

Указанные выше элементы криминалистического обеспечения в своем развитии характеризуются сложной системой взаимосвязей и взаимообусловленностей, в том числе генетических, функциональных, управленческих и др. (Жбанков В. А. Принципы системного подхода в криминалистике и в практической деятельности органов внутренних дел при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств. М.,

1977. С. 16–18). Последние имеют исключительно важное значение, поскольку реализуются через организационную структуру криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Возможно, именно поэтому, как уже отмечалось ранее, В. Г. Коломацкий управленческому аспекту криминалистического обеспечения уделял особое внимание, утверждая: «Криминалистическое обеспечение расследования находится на стыке криминалистики и науки управления» (Коломацкий В. Г. К истории криминалистического обеспечения расследования преступлений. С. 23).

В рассматриваемом аспекте деятельность по установлению и розыску неизвестных лиц представляется как искусство руководства данным процессом в целом, распределение приоритетов при проверке версий и определении границ этапов, в рамках которых планируется тактика операций и отдельных следственных действий, направленных на решение главных стратегических задач раскрытия и расследования преступления. Выступая в роли стратега, следователь, представитель органа дознания должны обладать способностью к последовательной системе мыслительных действий, определяющих оптимальность розыскной деятельности.

Безусловно, установление и розыск неизвестных лиц в ходе раскрытия и расследования преступлений – это достаточно сложный процесс человеческой деятельности, требующий от следователя, оперативного сотрудника, других участников расследования вполне определенных знаний и навыков. Основы таких знаний и навыков приобретаются в юридических вузах на лекциях, семинарских и практических занятиях. Однако их бывает явно недостаточно, когда речь идет о квалифицированном применении технико-, тактико- и методико-криминалистических средств для обнаружения, фиксации и изъятия вещественных доказательств, а также извлечения из них розыскной и доказательственной информации. Существенную помощь в этом виде деятельности оказывают экспертно-криминалистические подразделения и другие службы при правоохранительных органах.

В этой связи отчетливо просматривается исключительно важная роль сочетания следственных действий и оперативно-розыскных

мероприятий, взаимодействия различных служб правоохранительных органов в розыскной деятельности следователя. При этом необходимо отметить, что успешный розыск и установление участников уголовного процесса не следует отождествлять с раскрытием преступления, так как по многим уголовным делам даже после того, как, согласно с принятой в ОВД системой учета, преступление считается раскрытым, продолжают осуществляться практические функции криминалистического обеспечения розыска, которые являются неотъемлемой частью раскрытия и расследования преступлений.

Розыск, осуществляемый в ходе расследования, представляется живым организмом, в котором есть стратегический центр – главная цель, подчиняющая себе тактические задачи отдельных следственных действий, оперативно-розыскных и организационных мероприятий. Каждое действие, производимое представителями различных служб, обладает также системой целей, среди которых есть главные и второстепенные, промежуточные и конечные, которые в комплексе должны быть подчинены главной цели – установлению и розыску участников уголовного процесса, т. е. определенной следствием стратегии. А значит, розыскная деятельность следователя осуществляется параллельно с расследованием, в его процессе, как необходимый и существенный элемент.

Остановливаясь подробнее на розыскной деятельности следователя, необходимо отметить, что в зависимости от следственной ситуации, решающее значение в которой играет информационный аспект, можно выделить следующие направления установления и розыска неизвестного лица с использованием данных о его личности:

- по свойствам и признакам внешности;
- по способу преступления¹;
- с использованием данных о предметах и объектах преступного посягательства;
- с использованием данных о личности потерпевшего;
- с использованием данных о месте события.

¹ Здесь и далее способ преступления включает в себя: способ подготовки, совершения и сокрытия преступления.

Поисковый эвристический характер деятельности по установлению личности неизвестного лица предопределяет использование при выдвижении версий о нем не только традиционных логических методов (индукции, дедукции, аналогии и т. д.), но и других, имеющих сугубо эвристическую направленность, в частности метода конфигурации идей (например, при выдвижении версии о личности преступника по результатам осмотра места происшествия). В таких случаях, по мнению В. П. Лаврова и В. Е. Сидорова, действия следователя и взаимодействующих с ним оперативных работников нередко бывают столь целеустремленными и интенсивными, что по сути своей имеют характер преследования неизвестного преступника по выявленным следам, отражающим признаки и свойства его личности (Лавров В. П., Сидоров В. Е. Расследование преступлений по горячим следам : учеб. пособие. М., 1989. С. 10–13), а специальные исследования приобретают роль неотложных мероприятий.

Установление и розыск неизвестного лица могут производиться по любому отдельно взятому следу, содержащему информацию о его признаках и свойствах. Это могут быть: следы частей тела и выделений человека (рук, ног, зубов, крови, пота, слюны, волос и т. п.); следы, в которых отражаются психологические свойства, профессиональные и функциональные навыки человека, например, почерка и письма, изготовления каких-либо предметов, машинописных текстов; следы-предметы, оставленные человеком на месте происшествия (предметы одежды, головные уборы, обувь, орудия преступления, окурки и т. п.).

При этом необходимо учитывать, что контактируя с окружающей средой (при совершении преступления), как правило, человек оставляет некую совокупность следов. Их количество и разнообразие увеличиваются при совершении, например, одним и тем же лицом серии преступлений. В таких ситуациях появляется реальная возможность соединить уголовные дела в одно производство и организовать поисково-розыскные мероприятия соответствующего

лица по комплексу его признаков и свойств.

Такая информация позволяет не только более содержательно оформить розыскную ориентировку, но и по существу представить своеобразную модель искомого лица, его пол, возраст, рост, групповую принадлежность, профессиональные навыки и т. п. Однако извлечь из соответствующих источников указанную информацию возможно лишь при соответствующем криминалистическом обеспечении данного вида деятельности, а следовательно, успех в установлении и розыске неизвестных лиц, проходящих по уголовному делу, напрямую зависит от уровня криминалистического обеспечения данной деятельности. В этой связи, как справедливо отмечает А. Ф. Волынский, ученым-криминалистам важно популяризировать результаты своей деятельности, формировать общественное мнение, в том числе на уровне органов управления и законодательной власти (Волынский А. Ф. Социальные функции и задачи наук криминального цикла в условиях реформирования уголовного судопроизводства // Проблемы криминалистической теории и практики. Ростов н/Д, 2004).

Библиографический список

1. *Белкин, Р. С.* Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2 / Р. С. Белкин. – М., 1998.
2. *Волынский, А. Ф.* Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1999.
3. *Коломацкий, В. Г.* Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений / В. Г. Коломацкий // Криминалистика. Т. 1. – М., 1994.
4. Криминалистика : учебник / под ред. Н. П. Яблокова. – М., 2005.
5. Криминалистика : учебник / под ред. проф. А. Ф. Волынского и проф. В. П. Лаврова. – М., 2008.
6. *Крылов, И. Ф.* Розыск, дознание, следствие / И. Ф. Крылов, А. И. Бастрыкин. – Л., 1984.

О. Д. Третьякова,
*декан юридического факультета
Владимирского государственного
гуманитарного университета
кандидат исторических наук, доцент*

ПОНЯТИЕ ДИВЕРГЕНЦИИ ПРАВА

Дивергенция права – это процесс, противоположный конвергенции права. Конвергенция (от лат. *convergens* – совпадающий, сходящийся) в биологии обозначает появление сходства в строении и функциях у относительно далеких по происхождению групп организмов в процессе эволюции, результат обитания в сходных условиях и одинаково направленного естественного отбора. В социальных науках конвергенция – одна из концепций западного обществоведения, считающая определяющей особенностью современного общественного развития тенденцию к сближению социально-политических систем, сглаживанию экономических, политических и идеологических различий между капитализмом и социализмом, их последующему слиянию. Конвергенцию права имеет смысл рассматривать как процесс взаимодействия отдельных элементов национальной правовой системы, а также отдельных правовых систем в форме повышения степени связанности и согласованности правового регулирования общественных отношений (Третьякова О. Д. Понятие правовой конвергенции // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2008. № 3. С. 39–43).

Дивергенцию права по аналогии с конвергенцией можно рассматривать как процесс «расхождения» правовых предписаний, вместе с тем это не означает исключительно коллизии законодательства. Для установления сущности дивергенции права обратимся в качестве примера к правовому регулированию процессов гражданской самоорганизации современного российского общества.

В настоящее время различные способы самоорганизации граждан несут в себе огромный потенциал демократического развития России. Дело в том, что гражданская самоорганизация общества формирует относительно независимый от государства социальный слой, который позволяет членам общества самостоятельно либо в коо-

перации с другими гражданами брать на себя решение своих и общих проблем, излишне не обременяя государство. Представляется, что процесс реформирования российского общества невозможен без развитого гражданского общества, являющегося противовесом исключительной самостоятельности публичной власти и заставляющего ее функционировать в интересах свободного большинства населения. В свою очередь, государство должно формировать нормативно-правовую базу гражданского общества, поддерживать его институты, расширяя возможности их участия в государственных делах.

Следует отметить, что в научной литературе нет однозначного понимания гражданского общества, но в целом преобладает мнение, что оно представляет собой неполитические отношения в обществе, проявляющиеся через ассоциации и организации граждан, законодательно огражденные от прямого вмешательства государства (Хлопин А. Д. Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность // *Pro et Contra*. 2002. № 1. С. 120 ; Энкарнасьон О. Г. Миссионеры Токвиля. Пропаганда гражданского общества и поддержка демократии. URL: http://nicbar.narod.ru/teoria_democraty10.htm и др.). Однако, несмотря на понятийную неопределенность, в последние годы термин «гражданское общество» стал символом новой панацеи от всех социальных болезней. Заявления о необходимости создания гражданского общества или его дальнейшем развитии почти неизбежно присутствуют в типичном наборе политических программ и партийных платформ, выступлениях политических деятелей. Как считают некоторые ученые, и с этим можно согласиться, есть все основания ожидать, что термин «гражданское общество» может повторить судьбу другого слогана, широко используемого в конце 1980 – начале 1990-х гг. – «правовое государство». По мнению А. Домрина, «отсутствие консенсуса в отношении того, что понимать под "правовым государством", широкая интерпретация термина, использование его как популистского лозунга в политической демагогии ведет к откровенному нарушению самой концепции правового государства» (Домрин А. «Гражданское общество» в

России // Пром. ведомости. 2008. № 10–11). Подобно тому, как безумная попытка осуществить построение правового государства и рыночной экономики в минимальные сроки привела к разрушению и государства, и экономики, точно так же спешная, непродуманная и оторванная от национальной специфики разворачивающаяся кампания по построению гражданского общества в России грозит иметь скорбные последствия (Там же). Иными словами, гражданская самоорганизация общества, несмотря на привлекательность и нужность самой идеи, пока полностью не реализуется и в какой-то степени «пробуксовывает».

Законодательство об элементах и формах гражданской самоорганизации российского общества начало складываться лишь с начала 1990-х гг. (О местном самоуправлении в Российской Федерации : закон РФ от 6 июля 1991 г. № 1550-1 // Ведомости Совета нар. депутатов и Верхов. Совета РФ. 1991. № 29, ст. 1010), хотя в отдельных нормативных актах более раннего периода признавался специальный статус организаций, действующих в общественных интересах.

Конституцией РФ гарантирована свобода деятельности общественных объединений и право граждан на объединение (ст. 30). С принятием первой части Гражданского кодекса РФ и федеральных законов «Об общественных объединениях» от 25 мая 1995 г. № 83-ФЗ, «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ, «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ была сформирована нормативная основа гражданского общества.

Несмотря на определенные недостатки, законодательство 1990-х гг. создало предпосылки для формирования гражданского общества в России. Содержащиеся в указанных законах нормы права достаточно согласованно регулировали отношения, связанные с некоммерческими организациями, органами местного самоуправления и т. д. Можно сказать, что право первоначального периода развития гражданского общества в России находилось во внутренней и внешней конвергенции. С одной стороны, внутренняя конвергенция обуславливалась объединением требований права и закона (по сравнению с советским пе-

риодом развития права). С другой стороны, она выражалась в систематизации правовых предписаний, регламентирующих деятельность гражданского общества. Внешняя конвергенция права выражалась в том, что отечественное законодательство «сблизилось» с общемировыми стандартами в области правового регулирования взаимодействия государства и гражданского общества.

Однако декларативность некоторых норм, регулирующих отношения в нарождающемся гражданском обществе, изменения в его социальной структуре, смена приоритетов и ориентиров во внутренней и внешней политике обусловили необходимость дополнительного правового регулирования отношений, возникающих в связи с гражданской самоорганизацией российского общества. В связи с данными обстоятельствами на рубеже конца 1990 – начала 2000-х гг. был издан еще целый ряд законов и подзаконных актов.

Так, программой социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006–2008 годы), утвержденной распоряжением Правительства РФ от 19 января 2006 г. № 38-р, приоритетными направлениями развития организаций гражданского общества определены: модернизация законодательства, регулирующего деятельность различных элементов гражданской самоорганизации, в том числе некоммерческих организаций (далее: НКО) (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 5, ст. 589).

Законодательство предусматривает более 20 различных организационно-правовых форм НКО. В отличие от коммерческих организаций организационно-правовые формы НКО не ограничены Гражданским кодексом РФ и в ближайшем будущем их число увеличится. Деятельность значительной части НКО регулируется отдельными законами, принятыми в разное время и в определенных аспектах, поэтому не вполне согласующимися друг с другом. Гражданский кодекс РФ регулирует лишь наиболее общие вопросы, касающиеся НКО, не затрагивая проблем их текущей деятельности.

В период с 1996 по 2004 г. был принят целый ряд дополнительных федеральных законов, развивающих базовое законодательство и регламентирующих деятельность различ-

ных видов НКО, в частности: «О благотворительных организациях и благотворительной деятельности» от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ, «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ, «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ, «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ, «О кредитных потребительских кооперативах граждан» от 7 августа 2001 г. № 117-ФЗ и т. д. Кроме того, в этой области было принято значительное число нормативных актов на уровне субъектов Федерации и органов местного самоуправления.

Активно развивается законодательство, регулирующее взаимодействие НКО и государственных органов. Так, широкий перечень способов конструктивного взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с НКО указан в ст. 31 Федерального закона «О некоммерческих организациях», ст. 17 Федерального закона «Об общественных объединениях», ст. 18 Федерального закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», а также предусмотрен Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ. Значительное число форм государственной поддержки молодежных и детских общественных объединений предусмотрено гл. 2 Федерального закона «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений». Участие НКО в реализации государственных и муниципальных заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд регулируется ст. 72 Бюджетного кодекса РФ, а также Федеральным законом «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ. Кроме того, Принципы реструктуризации бюджетного сектора в Российской Федерации в 2003–2004 гг. и на период до 2006 г., разработанные Министерством финансов РФ, включают нормы о государственном (муниципальном) социальном заказе.

Федеральный закон «О местном самоуправлении в Российской Федерации» в последних редакциях фактически предоставил возможность территориальным органам местного самоуправления (поселковым сельским советам) осуществлять локальное правотворчество.

В целом расширение законодательной базы помимо детализации регулятивного воздействия на отдельные механизмы и отношения, складывающиеся в сфере гражданской самоорганизации российского общества, повлекло дивергенцию права, регулирующего отношения в данной сфере. Этому способствовали следующие обстоятельства.

Во-первых, дифференциация законодательства, регулирующего деятельность отдельных элементов гражданского общества (НКО, религиозных объединений, профессиональных союзов и т. д.), уже сама по себе является иллюстрацией дивергенции, так как детализация предполагает специализацию.

Во-вторых, предоставление права отдельным институтам гражданского общества осуществлять локальное правотворчество породило на практике множество курьезов и коллизий с региональным и федеральным законодательством.

В-третьих, это процессы так называемой «раскодификации», когда нормы Гражданского кодекса РФ, регулирующие деятельность НКО, конкретизировались в целом ряде выше перечисленных законов и подзаконных актов.

Таким образом, с учетом анализа развития законодательства, регулирующего гражданскую самоорганизацию современного российского общества, можно сконструировать признаки дивергенции.

Прежде всего, это форма взаимодействия права в виде так или иначе внешне выраженного процесса, характеризующегося возникновением, изменением и прекращением внутренних и внешних связей права, которые носят диалектический характер и могут трансформироваться в свои противоположности (например, дивергенция может перерасти в конвергенцию и наоборот).

Дивергенция права – это процесс, противоположный конвергенции права, выражающийся в расхождении форм организации правовых норм и их требований. Данная ситуация может возникать и в случае

изменения конструкции самих норм права (норма-правило может трансформироваться в исходную норму; регулятивная – в охранительную; дозволение – в запрет и т. д.).

Дивергенция права – это сложный процесс, проявляющийся в различных формах. Можно наблюдать дивергенцию права и закона, когда в действующем законодательстве не учитываются или искажаются естественные и неотчуждаемые права и свободы человека, но при этом первоначально они должны составлять одно целое. Дивергенция права может осуществляться и в форме десистематизации законодательства. В данном случае происходит либо формальное (на законодательном уровне), либо фактическое (путем принятия множества актов, регламентирующих тот же круг отношений) упразднение систематизированных актов. Дивергенция права может происходить и в результате расхождения требований права и иных социальных норм. При этом система социального регулирования не «разрывается», а лишь смещаются акценты регулятивного воздействия на поведение человека. Дивергенция может происходить и между национальными правовыми системами, которые в предшествующий период развития составляли одно целое или сближались (например, дивергенция правовых систем стран, ранее составлявших СССР).

Дивергенция права – это процесс обратимый, так как в зависимости от различ-

ных обстоятельств может остановиться либо перерасти в свою противоположность – конвергенцию права. В связи с данным обстоятельством можно сказать, что дивергенция права носит поступательный характер и обуславливается всем спектром социально-политических и экономических условий функционирования общественной системы.

Таким образом, на основании анализа гражданской самоорганизации современного российского общества предлагаем следующее определение дивергенции права: *это сложный и многосторонний процесс внутреннего и внешнего взаимодействия элементов права и правовой системы, выраженный в расхождении организации форм права, требований правовых норм, а также частей единых или близких правовых систем общества.*

Библиографический список

1. Домрин, А. «Гражданское общество» в России / А. Домрин // Пром. ведомости. – 2008. – № 10–11.
2. Третьякова, О. Д. Понятие правовой конвергенции / О. Д. Третьякова // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2008. – № 3.
3. Хлопин, А. Д. Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность / А. Д. Хлопин // Pro et Contra. – 2002. – № 1.

Р. Н. Халилов,
*старший преподаватель
кафедры уголовного права
Казанского государственного университета*

ПОНЯТИЕ

**«РЕЖИМ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ»
В УЧРЕЖДЕНИЯХ, ИСПОЛНЯЮЩИХ
НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Концептуальной основой исполнения наказания в виде лишения свободы является режим отбывания данного наказания. Неслучайно в законодательном перечне основных средств исправления осужденных режим занимает первое место, поскольку именно через режим отбывания наказания реализуется кара, которая является сущностью любого наказания.

Вместе с тем мы разделяем мнение тех авторов, которые полагают, что кара не является конечной целью исполнения наказания, а выступает в качестве побудительного средства, помогающего виновному осознать, что назначенная кара, которая переносится и физически, и морально, выступает следствием причиненного другим гражданам, обществу и государству вреда преступлением, за которое он наказан, и что единственный способ не навлечь на себя кару вновь – отказаться от совершения преступлений в будущем (Бражник Ф. С., Лобов Я. В. Понятие, основные элементы режима в местах лишения свободы и средства его обеспечения // Уголовно-исполнительное право : курс лекций / отв. ред. А. А. Толкаченко. СПб., 2004. С. 145).

Режим отбывания наказания в виде лишения свободы является самым первым фундаментальным средством исправления осужденных, так как все остальные, причем не менее значимые, средства исправления, такие как воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка, социальная работа, общественное воздействие, базируются на строгом соблюдении режимных требований и жесткой регламентации всей жизни осужденных в исправительном учреждении.

Данный тезис находит подтверждение и на законодательном уровне. Так, согласно ч. 2 ст. 82 УИК РФ режим создает условия для применения других средств исправления осужденных.

В этой связи следует отметить, что режим и условия отбывания наказания в исправительных учреждениях представляет собой разные правовые институты, поскольку изменение условий отбывания наказания, по утверждению И. Т. Фаттахова, зависит от воли и желания самого осужденного. «Гуманизировав условия отбывания лишения свободы, – пишет автор, – УИК РФ в то же время ввел более углубленную дифференциацию этих условий, поставив их в зависимость, прежде всего, от поведения осужденного» (Фаттахов И. Т. Наказания, ограничивающие личную свободу осужденного : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 193), в то время как деятельность по обеспечению режима в исправительных учреждениях осуществляют администрация и создаваемые для этих целей структурные подразделения. Кроме того, как подчеркивает О. Г. Перминов, «вопросы режима и средств его обеспечения в исправительных учреждениях регулируются гл. 12 УИК РФ, а условия отбывания наказания в этих учреждениях – гл. 13» (Перминов О. Г. Уголовно-исполнительное право : учеб. пособие для вузов. М., 1999. С. 137).

Впервые, в отличие от ранее действовавшего законодательства, ст. 82 УИК РФ содержит определение понятия режима в исправительных учреждениях: установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осуж-

денных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания (ч. 1 ст. 82 УИК РФ).

Правовому институту уголовно-исполнительного права «Режим в исправительных учреждениях и средства его обеспечения» посвящено большое количество научных работ (Васильев А. И., Маслихин А. В., Фелелов В. А. Режим в исправительно-трудовых учреждениях. Рязань, 1979 ; Зубков А. И., Дорофеев Н. К. Строго регламентированный внутренний распорядок ИТУ и его реализация. Томск, 1972 ; Стручков Н. А., Папуашвили А. В. Режим в исправительно-трудовых учреждениях и его правовое регулирование : учеб. пособие. Рязань, 1985). Однако в условиях гуманизации исполнения наказания, с учетом изменений в уголовно-исполнительном законодательстве, данная проблема по-прежнему остается актуальной.

В условиях правового государства, утверждения в качестве основных приоритетов защиты законных прав и свобод человека и гражданина законодатель ввел в УИК РФ 1996 г., в частности в ч. 1 ст. 82, принципиально новые требования, предъявляемые к режиму, отличающиеся от требований, указанных в ч. 1 ст. 22 ИТК РСФСР.

Таковыми являются: обеспечение реализации прав и законных интересов осужденных и обеспечение личной безопасности осужденных и персонала. Тем более, что данная законодательная позиция вполне согласуется с положениями Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, в которых отмечается, что «режим, принятый в заведении, должен стремиться сводить до минимума разницу между жизнью в тюрьме и жизнью на свободе, которая убивает в заключенных чувство ответственности и сознание человеческого достоинства» (Защита прав человека в местах лишения свободы : сб. норматив. актов и офиц. док. М., 2003. С. 49).

Содержательную сторону режима исполнения и отбывания лишения свободы составляют:

1) права и обязанности тех, кто исполняет наказание в виде лишения свободы, в частности сотрудники ФСИН России. В Положении о Федеральной службе исполнения наказаний (Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний : указ Президента РФ от 13 окт. 2004 г. № 1314 // Рос. газ. 2004. 19 окт.), подчеркивается, что ФСИН России осуществляет свою деятельность непосредственно и (или) через свои территориальные органы, учреждения, исполняющие наказания, следственные изоляторы, а также предприятия и учреждения, специально созданные для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы;

2) права и обязанности тех, кто отбывает наказание в виде лишения свободы, т. е. осужденных;

3) права и обязанности лиц, которые в целом не имеют прямого отношения к процессу исполнения и отбывания лишения свободы, но соприкасаются с данным процессом, а также оказывают содействие и помощь в работе учреждений и органов, исполняющих наказания и принимающие участие в исправлении осужденных (например, представители общественных и религиозных объединений, наблюдательных комиссий; администрация предприятий и организаций, где работают осужденные; должностные лица государственных органов, которые посещают учреждения уголовно-исполнительной системы, и т. д.).

Тем не менее режим исполнения и отбывания лишения свободы в соответствии с принципами уголовного и уголовно-исполнительного законодательства должен в первую очередь обеспечить охрану и изоляцию осужденных, при этом не нарушая их прав и не ограничивая их законных интересов.

Главенствующую роль в обеспечении режима исполнения и отбывания лишения свободы и его составляющих, т. е. охраны и изоляции осужденных, в частности, играют территориальные управления ФСИН России.

Охрана учреждений УИС может осуществляться выставлением часовых, оперативным дежурством караула. Часовые осуществляют охрану учреждений как наблю-

дением с вышек, так и патрулированием вокруг объекта по установленному направлению. Особую роль в охране учреждений играют кинологические подразделения, задачами которых являются усиление охраны на уязвимых в побеговом отношении участках периметра; обнаружение наркотических средств, взрывчатых веществ, оружия и боеприпасов; розыск и задержание бежавших осужденных к лишению свободы.

Мы разделяем точку зрения О. В. Мазура, согласно которой побег общественно опасен не потому, что его так оценил законодатель, а потому, что он по своему объективному содержанию противоречит нормальным условиям существования общества. Побег из мест лишения свободы препятствует реализации функций правосудия и достижению целей наказания, нарушают нормальное функционирование исправительных учреждений (Мазур О. В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с побегами из мест лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1997. С. 9).

Таким образом, в реализации основных средств исправления, в особенности режима исполнения и отбывания наказания особая роль принадлежит территориальным органам ФСИН России и их структурным подразделениям (оперативному отделу, отделам безопасности, розыска, службе охраны и т. д.). Именно они обеспечивают охрану и изоляцию осужденных, надзор за осужденными, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных.

Библиографический список

1. *Бражник, Ф. С.* Понятие, основные элементы режима в местах лишения свободы и средства его обеспечения / Ф. С. Бражник, Я. В. Лобов // Уголовно-исполнительное право : курс лекций / отв. ред. А. А. Толкаченко. – СПб., 2004.

2. *Стручков, Н. А.* Режим в исправительно-трудовых учреждениях и его правовое регулирование : учеб. пособие / Н. А. Стручков, А. В. Папуашвили. – Рязань, 1985.

3. *Фаттахов, И. Т.* Наказания, ограничивающие личную свободу осужденного : дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2004.

М. В. Ходжич,
докторант кафедры
теории и социологии управления ОВД
Академии управления МВД России
кандидат психологических наук

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ КАК ФУНКЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Как известно, в управлении обычно выделяют четыре его обобщенные функции – планирование, организацию, мотивацию и контроль. В каждой из них, если речь идет о стратегическом управлении, в большей или меньшей степени представлена стратегическая ориентация. Но в наибольшей степени это касается планирования, в котором выделяют особый его вид – стратегическое планирование, занимающее важное место в решении стратегических задач организации.

В научной литературе понятие «**стратегическое планирование**» не имеет четкого определения. Известно, что оно зародилось и получило интенсивное развитие в военной области в значении «искусства генерала» находить правильные пути к достижению победы, т. е. искусства ведения крупных военных операций и войны в целом (Советская военная энциклопедия / под ред. А. М. Прохорова. М., 1983). Именно *искусство стратегии* позволило Александру Македонскому завоевать мир. Сегодня данное понятие уже не является монополией военных, оно стало достоянием других сфер деятельности, в результате чего изменилось и его значение.

По определению Хейса, «...стратегическое планирование было скорее картой, служащей для выбора путей, ведущих к той или иной цели, чем компасом, призванным помочь найти правильные ориентиры в сложных ситуациях» (Цит. по: Хасби Д. Стратегический менеджмент : учеб. пособие. М., 1998).

В настоящее время многие организации начинают осознавать значение стратегического планирования и пытаются использовать его методы в своей деятельности. Однако в России стратегическое планирование не нашло еще достаточно полного применения. Одна из причин этого заключается в том, что методы стратегического планирования, используемые в зарубежной практике, не адаптированы к отечественной экономике, и, как следствие, результаты их применения оказываются не

всегда удовлетворительными. Другая причина связана с несогласованностью используемых методов и средств планирования, что, в свою очередь, объясняется недостаточно полным пониманием значения существующих взаимосвязей средств и методов стратегического планирования. Многие практики, сосредоточивая внимание на отдельных популярных методах и средствах, упускают из виду стратегическое планирование как единое целое.

По мнению американского ученого Р. Акоффа, о стратегическом планировании «правильно думать как об управлении неким сонмом проблем, проблемным месивом». «Проблемное месиво», как всякая система, обладает свойствами, отсутствующими у его частей. Когда система расчленяется на части, эти свойства теряются. Кроме того, каждая из частей системы обладает свойствами, пропадающими, если части рассматриваются в отдельности. Решение «проблемного месива» зависит от того, как взаимодействуют решения его частей. Это означает, что если не предпринять определенных действий, то наступление желаемого будущего маловероятно, а если надлежащие действия осуществлены, то вероятность такого будущего возрастет. Следовательно, планирование необходимо рассматривать как сумму взаимозависимых проблем (Акофф Р. Л. Планирование будущего корпорации : пер. с англ. М., 2002).

Основная цель стратегического планирования заключается в моделировании будущей успешной деятельности организации. В частности, стратегические планы намечают направления развития организации, в них обозначаются определенные «ниши» для конкретной деятельности, которые в дальнейшем подлежат заполнению средствами оперативного планирования.

В работах по проблемам управления стратегическое планирование рассматривается как процесс определения целей организации и их изменений, ресурсов, необходимых для их достижения, и политики, направленной на приобретение и использование данных ресурсов. Иными словами, стратегическое планирование предполагает установление целей и их увязку с ресурсами, которые будут использованы для их достижения. Поскольку эти цели и характер использования ресурсов влияют на перспективное развитие организации, стратегическое планирование ориентировано в будущее.

Отечественные экономисты А. Д. Вачугов и В. Р. Веснин определяют стратегическое планирование как «...набор конкретных целей, которые необходимо достичь к определенному периоду. Они охватывают наиболее общие проблемы развития производства и распределения ресурсов на много лет вперед и разрабатываются самостоятельно по различным направлениям, но при этом подчиняются определенной иерархии. По своему характеру эти планы близки к прогнозам» (Вачугов Д. Д., Веснин В. Ф. Стратегия планирования. Основы менеджмента и рынка // Соц.-полит. журн. 1998. № 8).

По мнению В. П. Грузинова, стратегическое планирование – «это видение предприятия в будущем, его места и роли в экономике и общественно-политическом устройстве страны, а также основных путей и средств достижения этого нового состояния. При этом оно выражено не в плане с детально разработанными показателями, а в наброске, взгляде в будущее, сделанных на основе различных прогнозов (экономики, науки и техники, политики, демографии и т. д.)». «Что очень важно, – отмечает далее автор, – стратегическое планирование целиком и полностью является прерогативой высшего руководства предприятия» (Грузинов В. П. Экономика предприятия : учебник. М., 1998).

Э. А. Уткин под стратегическим планированием понимает «...особый вид практической деятельности людей – плановую работу, состоящую в разработке стратегических решений (в форме прогнозов, проектов, программ и планов), предусматривающих выдвижение таких целей и стратегий поведения соответствующих объектов управления, реализация которых обеспечивает их эффективное функционирование в долгосрочной перспективе, быструю адаптацию к изменяющимся условиям внешней среды» (Уткин Э. А. Стратегическое планирование. М., 1998).

Различное, хотя и похожее, толкование сущности стратегического планирования приводит к затруднениям в его практическом использовании. По-видимому, следует исходить, прежде всего, из содержательной стороны словосочетания «*стратегическое планирование*». Базовым словом в данном случае является «*планирование*», под которым понимается процесс или совокупность действий хозяйствующего субъекта по установлению целей и задач его функционирования.

За рубежом термин «стратегическое планирование» был введен, чтобы отграничить его от понятия долгосрочного планирования и отразить отличие планирования, осуществляемого на уровне управления организацией в целом или ее самостоятельных хозяйственных единиц, от планирования на более низких уровнях управления. Интерес к стратегическому управлению был обусловлен следующими причинами:

1. Осознание того, что любая организация является открытой системой и главные источники успеха организации находятся во внешней среде.

2. В условиях обострения конкурентной борьбы стратегическая ориентация деятельности организации является одним из решающих факторов ее выживания и процветания. Стратегическое планирование позволяет адекватным образом отреагировать на факторы неопределенности и риска, присущие внешней среде.

3. Поскольку будущее предсказать практически невозможно и экстраполяция, используемая в долгосрочном планировании, не работает, необходимо использовать сценарный и ситуационный подходы, хорошо вписывающиеся в идеологию стратегического управления.

4. Для того чтобы организация наилучшим образом реагировала на воздействие внешней среды, ее система управления должна обладать адаптационными способностями.

В отечественную науку термин «стратегическое планирование» пришел в 70-е гг. XX в. в переводных книгах западных специалистов. В плановой практике тех лет в нашей стране использовался термин «долгосрочное перспективное планирование». Между этими двумя понятиями существовало принципиальное различие. Так, главная идея, парадигма, лежащая в основе разработки долгосрочных планов, заключалась в следующем: «Сегодня лучше, чем было вчера, а завтра будет лучше, чем сегодня». При этом отрицалась какая-либо неопределенность. Отсюда ведущий принцип планирования – разработка плановых заданий «от достигнутого» часто в рамках имеющихся ресурсных возможностей путем простой экстраполяции, причем, чем больше наращивали выпуск той или иной продукции, тем лучше. Априори считалось, что внешняя среда практически меняться не будет. Акцент делался на анализ внутренних возможностей и ресурсов организации.

Стратегический же план использует другую парадигму: «Завтрашний день обязательно будет лучше настоящего». И если ситуационный анализ обнаружит падение спроса на какую-либо продукцию, то даже при наличии необходимых ресурсов руководство данного предприятия не станет наращивать объемы ее выпуска, а скорее выберет стратегию уменьшения выпуска или переключения на выпуск другой продукции.

Таким образом, исходя из изученных тенденций развития простая экстраполяция на будущее из прошлого, используемая ранее в долгосрочном планировании, не годится. Разработка стратегического плана основывается на анализе перспектив развития организации при определенных предположениях об изменении внешней среды, в которой она функционирует. Если долгосрочный и годовой планы организации предполагают планирование выбранных направлений развития организации, то в рамках стратегического планирования решаются вопросы о том, какие новые направления следует развивать, а какие из существующих ликвидировать. Стратегическое планирование направлено на адаптацию деятельности организации к постоянно меняющимся условиям внешней среды и извлечение выгод из новых возможностей.

Однако стратегическое планирование не может дать исчерпывающей картины будущего. Дело в том, что формируемое им изображение – это не детальное описание внешнего и внутреннего положения организации, а скорее сценарное, носящее вероятностный характер. Вместе с тем очевидно, что даже несовершенное описание будущего лучше, чем его отсутствие. В целом стратегическое планирование – это симбиоз интуиции и искусства высшего руководства организации по постановке и достижению стратегических целей, опирающийся на владение конкретными методами предпланового анализа и разработки стратегических планов.

При осуществлении стратегического планирования основное внимание, как правило, уделяется разработке стратегического плана. Однако важнейшей составляющей планирования является реализация стратегического плана, что предполагает в первую очередь создание организационной (корпоративной) культуры, позволяющей воплотить выбранные стратегии, формирование систем мотивации и организации труда, достижение определенной гибкости в организации и т. п., иными

словами, использование всех инструментов стратегического управления.

Можно выделить три основные задачи разработки стратегического плана организации:

1) анализ состояния, в котором находится организация в настоящее время (определение ключевых факторов окружающей среды, экономических, коммерческих, научно-технических и других тенденций развития организации);

2) определение основных целей и задач развития организации с точки зрения эффективного использования капитала и обеспечения окупаемости инвестиций;

3) определение стратегии мобилизации ресурсов организации для достижения основных целей и задач ее развития.

Указанные задачи предопределяют логическую последовательность разработки стратегического плана организации в целом. В первую очередь осуществляется оценка текущего состояния бизнеса и перспектив его развития. Далее формулируются миссия организации, ее стратегические цели и выбираются стратегии ее развития.

Итак, стратегическое планирование является одной из важнейших проблем теории стратегического управления и представляет собой непрерывный циклический творческий процесс в силу двух существенных причин. Первая причина заключается в существующей неопределенности будущего, а вторая – в том, что организации каждый раз заново определяют или меняют свои цели на основе стратегического контроля, если полное достижение первоначальных целей практически завершено или невозможно.

Основное преимущество стратегического планирования состоит в большей степени обоснованности плановых показателей и вероятности реализации планируемых сценариев развития событий. Современный темп изменений в экономике и политике настолько быстрый, что стратегическое планирование представляется единственным способом формального прогнозирования будущих проблем и возможностей.

Библиографический список

1. *Акофф, Р. Л.* Планирование будущего корпорации : [пер. с англ.] / Р. Л. Акофф. – М., 2002.
2. *Грузинов, В. П.* Экономика предприятия : учебник / В. П. Грузинов. – М., 1998.
3. *Уткин, Э. А.* Стратегическое планирование / Э. А. Уткин. – М., 1998.

М. В. Антонова,
*аспирант Московского
гуманитарно-экономического института*

**ЗНАЧЕНИЕ РЕФОРМАТОРСКИХ ИДЕЙ
М. М. СПЕРАНСКОГО
ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

С целью повышения эффективности деятельности государства в сфере управления обществом во многих странах проводятся государственные реформы, направленные на реорганизацию государственной власти, уменьшение либо усиление влияния государства на экономику, обеспечение демократизации управления. Процессы, связанные с подобными реформами, проходят и в России.

Однако в последнее десятилетие утрачено понимание и недооценивается значение целевой деятельности системы органов государственной власти, в том числе исполнительной. За это время осуществлены многочисленные реорганизации федеральных органов исполнительной власти, нередко неоправданные и не вызванные объективной необходимостью. В решении вопросов о том, какие ведомства сохранить, а какие упразднить, объединить или переименовать, очень часто преобладал исключительно субъективный фактор (Хаманева Н. Ю. Нужна ли реформа исполнительной власти? // Гражданин и право. 2002. № 1. С. 16–19).

Государство как открытая система характеризуется не только наличием связей и отношений между образующими ее элементами (правотворческими и правоприменительными органами государственной власти, населением, хозяйствующими субъектами, территорией с природными ресурсами), но и неразрывным единством с окружающей средой (политическими партиями, институтами гражданского общества, местными органами власти, религиозными и иными общественными организациями, другими государствами), во взаимодействии с которой государство проявляет свою целостность.

Иерархичность, многоуровневость, структурность – это свойства не только построения государства как системы, но и его функционирования. Отдельные уровни структурных элементов системы обуславливают и определенные аспекты ее поведения, нередко противоречивого. Поэтому целостное функционирование государства как системы является результатом взаимодействия всех элементов его структуры.

Каждый из названных элементов представляет собой своего рода подсистему с определенными составными частями. При этом между элементами существуют устойчивые и вместе с тем противоречивые связи. Следует отметить, что игнорирование данного факта приводит к ошибкам в государственном масштабе.

Несмотря на это, в анализе государства как социальной системы преобладает упрощенно элементный подход, что, в свою очередь, приводит к преувеличенной оценке роли одного элемента структуры и недооценке других, а следовательно, к утрате их системных связей и взаимных влияний.

Подобные ошибки обнаруживаются в процессе развития государства, о чем наглядно свидетельствует минувший и современный опыт строительства отечественной и зарубежной государственности (Тихомиров Ю. А. О модернизации государства // Журн. рос. права. 2004. № 4. С. 3–16). Вместе с тем это не означает, что в решении проблемы совершенствования организации и деятельности государственной власти не следует использовать данный опыт.

В этой связи целесообразно обратиться к реформаторским проектам и планам государственного преобразования, разработанным М. М. Сперанским, который, к сожалению, до настоящего времени не оценен в полной мере как теоретик государственного управления (Исполнительная власть в России. История и современность, проблемы и перспективы развития. К 80-летию Института государства и права РАН / А. С. Автономов [и др.] ; отв. ред. Н. Ю. Хаманева. М., 2004. С. 6–8).

Концепция М. М. Сперанского характеризуется комплексностью и системностью в решении проблем организации государственной власти страны. При этом под системностью понимается анализ явлений как системы, имеющей определенную структуру и связь между отдельными элементами этой структуры и внешней средой, а под комплексностью – учет совокупности факторов, влияющих на систему для принятия правильных научно обоснованных и политически целесообразных решений.

М. М. Сперанский пишет: «Каждое государство имеет силы, самую природу в известной степени ему данные. Силы государства суть:

- 1) силы физические или личные каждого члена, государство составляющего;
- 2) силы промышленности или народного труда;
- 3) силы народного уважения или чести – других сил вообразить не можно».

Анализируя всемирную историю, М. М. Сперанский пришел к выводу, что «каждое государство имеет нужду в таком средстве, которое бы каждому доставило способ беспрепятственно пользоваться своими силами физическими, произведениями своего труда и своим степеней уважения в обществе». В качестве такового он называет правительство – «к обеспечению личности, собственности и чести каждого, народом избранное и частью сил его одетое».

Если бы «государство могло быть одно на свете и составлено было из людей равно мощных или равно справедливых», то, по мнению М. М. Сперанского, необходимость в правительстве отпадает. Однако «никакое еще государство до сего степени просвещения на земле не достигло, да и достигнуть, кажется, не может» (Сперанский М. М. Проекты и записки. М. ; Л., 1961. С. 29).

В зависимости от «образа народных мыслей» состав правительства и «образ правления» могут быть различными. В частности, государство можетверить его либо одному лицу, либо многим, либо всем.

М. М. Сперанский «во всяком образе правления» различает «две степени»:

– первая степень характеризуется тем, что народ «к общим условиям о сохранении личности, собственности и чести не присовокупляет никаких подробных правил, но оставляет

на волю правительства постановлять по лучшему усмотрению его сии правила и проводить их в исполнение». В этом случае «образ правления» является деспотическим;

– вторая степень – тем, что народ нашел нужным к общим условиям, по которым установлены правительства, присоединить частные правила, «чего именно народ желает», тогда «образ правления» представляет собой ограниченную монархию, или умеренную аристократию (Там же. С. 30–31).

Данные правила автор называет «коренными государства законами», а их собрание – «общим государственным положением, или конституцией». По его мнению, «коренные государства законы должны быть творением народа» и определять «пределы самодержавной воле».

Кроме того, в государствах, «ныне существующих или в древности процветавших», М. М. Сперанский различает «два образа правления»: внешний и внутренний.

Под внешним «образом правления» он понимает «все те гласные и открытые постановления, грамоты, учреждения, уставы, коими силы государственные содержатся между собою в видимом равновесии», а под внутренним – такое «расположение государственных сил, по коему ни одна из них не может взять перевеса в общей системе, не разрушив всех ее отношений» (Там же).

На основе анализа влияния «внешнего образа правления на постоянство и непеременимость законов» М. М. Сперанский установил, что из утверждения коренных законов, «установления законодательных сословий, охранительных властей, парламентов, сенатов, государственных советов» еще не следует, что:

- определены «истинные пределы правительства»;
- «власть исполнительная» желает «приводить их в действие»;
- законодатели имеют средства для того, чтобы «заставить исполнительную власть приводить волю их в действие».

В связи с этим автор делает следующие выводы:

- «внешний образ правления никак не определяет существа его, он весьма может быть отличен от внутреннего и даже быть совершенно ему противным»;
- «внешний образ правления, как бы ни был он составлен, если не утвержден он на

внутреннем, не может дать неподвижного основания законам» (Сперанский М. М. Указ. соч. С. 33).

Таким образом, по мнению М. М. Сперанского, ошибаются многие, которые думают, что «права, разным состояниям дарованные, или преимущества, разным условиям судебным или законодательным данные, могут сделать законы твердыми или установить образ правления – это здание, воздвигнутое на песке» (Там же).

Рассуждая о влиянии внутреннего образа правления «на постоянство и непременимость законов», М. М. Сперанский отмечает, что деятельность «всякого на земле законного правительства» должна основываться на следующих истинах:

- данное правительство «устанавливается общей волей государства»;
- «никакое правительство не может иметь другой цели в установлении своем, как только охранение граждан в их личности, в их имуществе, в их чести»;
- «всякое правительство получает силы свои на тот только конец, чтоб достигнуть этой цели»;
- «никакой силы собственной правительство иметь не может – источник сил его есть государство»;
- «всякое правительство существует на условиях, и пока оно исполняет эти условия, до тех пор оно законно».

Иными словами, любое правительство должно иметь в своем составе «две стихии, или два элемента: 1) общую волю и 2) силу, народом ему уделенную». Как считает М. М. Сперанский, «никакой образ правления не может быть ограничен, если не положатся точные пределы не только общей воле, но и силам, вверенным правительству» (Там же. С. 34).

Таким образом, сила правительства ограничивается только силой народа. Они одинаковы в своем источнике, но их количество и свойства весьма различны. Силы народа в количестве своем несравненно превышают силы правительства. М. М. Сперанский пишет по этому поводу: «Странно бы было вообразить себе такое государство, в коем бы было более войска, нежели людей, более денег, нежели произведений народного труда, и более почестей, нежели сколько мнение народное оправдать и ут-

вердить их может». Хотя при этом автор отмечает, что силы в руках правительства соединены в одну массу, а оставшиеся силы у народа остались рассеянными: «...ни в каком благоустроенном государстве не можно допустить, чтоб частные общества выпускали под своею печатью государственную монету», также нельзя «дозволить, чтоб частные люди имели свои войски и раздавали бы почести. Это не было бы одно государство, но множество удельных систем, соединенных некоторым союзом. Образ правительства бедственный и нелепый» (Сперанский М. М. Указ. соч. С. 34–35).

Вышеперечисленные обстоятельства обуславливают «первое преимущество сил народных пред силами правительства», а второе преимущество состоит в том, что «не правительство рождает силы народные», а «народ составляет силы его».

Следовательно, народ всегда имеет в самом себе достаточную силу, чтобы уравновесить или ограничить силу правительства.

Однако для ограничения силы правительства необходимо, чтобы:

- «сила народа действовала только на пределах власти и никак бы их не преступала»;
- «каждый член народа знал сии пределы и готов бы был защищать их при малейшем к ним прикосновении»;
- народ «должен быть соединен в своих видах во всей его массе» (Там же. С. 36).

При отсутствии данных условий, по мнению М. М. Сперанского, во всех правлениях силы народные делаются ничтожными и утверждается самовластие. Первое, что следует предпринять государству для ограничения самовластия, – это ликвидировать раздробленность народа на мелкие классы с их исключительными правами и объединить силы народа. В противном случае «все будет управляемо неограниченною волею, коя знаменем во всех веках была: раздели и царствуй, *divide et impera*». Кроме того, необходимо наличие особенного класса людей, который «став между престолом и народом, был довольно просвещен, чтоб знать точные пределы власти, довольно независим, чтоб ее не бояться, и столько в пользах своих соединен с пользами народа, чтоб никогда не найти выгоды своих изменить ему. Это будет живая

стража, которую народ вместо себя поставит на пределах государственных сил» (Там же. С. 36–37).

М. М. Сперанский отмечает, что «два только великие разделения можно допустить в государстве ограниченном: высший класс народа, предоставленный на стражу и охранение закона, и низший класс народа, разделенный именем и наружностью, но пользами с первым соединенный».

По его мнению, высший класс народа, чтобы соответствовать своему великому предназначению, должен отвечать следующим требованиям:

- «стражи закона» должны «родиться таковыми», иметь «независимость бытия» и быть признанными государством;
- быть независимыми «в местах государственных от назначений верховной власти»;
- пользы высшего класса народа должны быть соединены «с пользами народа» и «дети сих людей, исключая первородных, были в числе народа»;
- в данный класс должно «возводиться правительством определенное число отмеченных им людей»;
- он «должен соединять в себе уважительную часть богатства государственного»;
- быть «силен по политическому своему положению» и соразмерен по своей численности (Сперанский М. М. Указ. соч. С. 37–40).

Положению низшего класса народа М. М. Сперанский дает следующую характеристику:

- «народ есть все то, что не принадлежит к высшему малочисленному классу государства. Дети первого государственного чиновника, исключая первородного, должны принадлежать к народу»;
- «не может никакое сословие народа иметь исключительного права на владение какою-либо собственностью в государстве, но все могут обладать тем, что ими в собственность приобретено»;
- «народ должен участвовать в составе законов, если не всех, то, по крайней мере, коренных»;
- «охранение законов народ вверяет высшему классу, силу его в этой части представляющему»;
- «все имения народа наследственны, но должности его все избирательны»;
- «суд народа проистекает от равных ему».

Критерии разделения государственных сил, по мнению М. М. Сперанского, «должны быть везде, во всех веках и во всех ограниченных монархиях одинаковы. Подробности их зависят от коренных правил, кои по положению государства, по степени просвещения его могут быть различны» (Там же. С. 40–41).

Подводя итог рассуждениям об «образе правления», М. М. Сперанский коротко резюмирует:

- законы – это правила, по которым «силы государственные действуют к охранению лица, чести и имущества народного»;
- законы «неподвижны», если «пределы сил правительства были непременно ограничены»;
- «образ правления» обусловлен расположением этих пределов;
- «образ правления» бывает внешним и внутренним;
- внешний «образ правления» не определяет пределы сил;
- внутренний «образ правления» характеризуется ограничением сил правительства «равновесием сил народных»;
- «равновесие сил народных» требует, чтобы «власть, стерегущая пределы, была отделена и независима»;
- прочие части народа должны быть «совершенно равны в правах своих» и едины.

Далее М. М. Сперанский пишет, что «во всяком благоустроенном государстве должны быть начала законодательства положительные, постоянные, непреложные, неподвижные, с коими бы все другие законы могли быть соображаемы. Сии положительные начала суть коренные государственные законы».

Три силы движут и управляют государством: сила законодательная, исполнительная и судная. Начало и источник сих сил в народе: ибо они не что другое суть, как нравственные и физические силы людей в отношении их к общежитию. Но силы сии в рассеянии их суть силы мертвые. Они не производят ни закона, ни прав, ни обязанностей.

Чтоб сделать их действующими, надлежало их соединить и привести в равновесие. Соединенное действие сил составляет державную (государственную) власть. Сопряжения их в державной власти могут быть многообразными. Из сих многообразных сопряжений государственные коренные законы опре-

деляют один постоянный и непременный. Итак, предмет и свойство государственных коренных законов есть определить образ, коим силы государственные сопрягаются и действуют в их соединении» (Сперанский М. М. Указ. соч. С. 145–146).

М. М. Сперанский установил наличие взаимосвязи между изменениями государственной формы власти на протяжении нескольких веков и своевременностью проведения политических перемен. Он пишет по этому поводу: «Царства земные имеют свои эпохи величия и упадка, и в каждой эпохе образ правления должен быть соразмерен той степени гражданского образования, на коей стоит государство. Каждый раз, когда образ правления отстает или предварае сию степень, он испровергается с большим или меньшим потрясением... Никакое правительство, с духом времени не сообразное, против всемогущего его действия устоять не может. Посему первый и главнейший вопрос, который в самом преддверии всех политических перемен разрешить должно, есть благовременность их начинаний» (Там же. С. 153–154).

К признакам своевременности проведения политических перемен М. М. Сперанский относит следующие:

- «перемена в предметах народного уважения», которая объясняется с тем, что «разум начинает распознавать цену свободы»;
- «ослабление власти», обусловленное тем, что «образ мыслей настоящего времени» находится «в совершенной противоположности с образом правления»;
- «невозможность частных исправлений», связанная с отсутствием «твердых законов государственных»;
- «всеобщее неудовольствие, общее выражение пресыщения и скуки от настоящего вещей порядка», обусловленное «совершенным изменением мыслей, глухим, но сильным желанием другого вещей порядка».

Автор обращает внимание на то, что «все исправления частные, все, так сказать, пристройки к настоящей системе были бы весьма непрочны. Пусть составят какое угодно министерство, распорядят иначе части, усилят и просветят полицейские и финансовые установления, пусть издадут даже гражданские законы: все сии введения, быв основаны единственно на личных

качествах исполнителей, ни силы, ни твердости иметь не могут» (Сперанский М. М. Указ. соч. С. 164).

В итоге М. М. Сперанский приходит к следующему заключению: «Нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет и составлять закон, и исполнять его. Отсюда необходимость установлений, действующих в составлении закона и его исполнении. Из тройкого порядка государственных сил возникает тройкий порядок сих установлений. Одно из них должно действовать в образовании закона, другое – в исполнении, третье – в части судной. Разум всех сих установлений может быть различен. Первое и главное различие происходит от самой силы установлений и внешних их форм».

По мнению автора, «порядок законодательный слагается из трех начал: из предложения закона, уважения его и утверждения. Предположив по общему разуму коренных законов бытие законодательного сословия, в действии верховной власти должно определить, какие из сих трех начал принадлежат ей исключительно» (Там же).

В России, как подчеркивает М. М. Сперанский, «предложение закона должно исключительно присвоить державной власти». Будучи окруженной «во всех своих важных деяниях Государственным советом, коего бытие устанавливается не произволом ее, но коренным государственным законом, нет сомнения, что власть державная всегда будет иметь более способов предлагать законы в зрелости, нежели каждый член законодательного сословия. И, впрочем, какая польза для нее отлагать предложение закона полезного или предлагать закон вредный? Первым она стеснит только себя в собственных своих деяниях, а второй будет отвергнут в законодательном сословии».

При этом автор указывает на исключения из данного правила.

1) «когда какою-либо мерою правительства явное сделано будет нарушение коренному государственному закону, ... личной или политической свободе»;

2) «когда правительство в установленное время не представит узаконенных отчетов».

Только в этих двух случаях законодательное сословие «может собственным своим движением, предварив, однако же, правительство, предложить дело на уважение и возбу-

дить узаконенным порядком следствие против того министра, который подписал сию меру и просить вместе с тем ее отмены».

По мнению М. М. Сперанского, «хотя уважение закона собственно принадлежит законодательному сословию, нельзя, однако же, исключить из оного министров. Если подвержены они ответственности в мерах, ими принимаемых, то самая справедливость требует дозволить им лично объяснять и поддерживать предложения правительства» (Сперанский М. М. Указ. соч. С. 170).

Исполнительная часть в России также, как считает М. М. Сперанский, должна принадлежать «власти державной». При этом автор отмечает, что «образ исполнения может столько отступить от разума закона, что, если часть сия составлена будет без всякой связи с порядком законодательным, она может сделать самый закон игрищем прихоти и произвола. Отсюда происходит необходимость ответственности, коей формы могут быть различны, но существо одинаково».

«Существо ответственности», по М. М. Сперанскому, основывается на следующих предположениях:

- «власть державная, предлагающая и отвергающая закон, никогда не может действовать сама собою против его разума»;

- «Совет, яко сословие, содействовавшее предложению и утверждению закона, не может поступить против его разума»;

- «всякая мера, приемлемая в нарушение закона, вменяется не державной власти и не Совету ее, но подчиненным ей исполнителям или министрам, кои посему лично, каждый по своей части, подвергаются за них ответу, и сие обязательство приемлют они на себя самым подписыванием актов»;

- «подписание актов всегда предполагается совершенно свободным»;

- «внешние формы сей ответственности должны быть самые простейшие и постановиться правилом, чтоб члены законодательного сословия имели право предъявлять обвинения их против министров, и, когда предъявление их большинством голосов за благо будет принято, тогда приступали бы к предметам самого обвинения. Когда обвинение большинством голосов признано будет основательным и вместе с тем утверждено будет державною властью, тогда наряжается суд или следствие».

По мнению М. М. Сперанского, «в сих пределах ответственности власть державная, действуя в исполнении закона, всегда будет освещаемая мнением народным и, следовательно, будет действовать с достоверностью и без всякого внимания к слухам посторонним» (Там же. С. 171–172).

Рассматривая вопрос о «действии державной власти в порядке судном», автор пишет: «Власть судная в источнике своем не что другое есть, как власть исполнительная. Всякое дело, всякий спор, предмет суда составляющий, есть не что другое в существе своем, как жалоба на нарушение закона. Власть судная удостоверяется в сем нарушении и восстанавливает закон в его силу, то есть приводит его в исполнение».

«Ответственность в суде может быть двоякая: в существе дела и в судебных обрядах. Власть державная, вверив лицам, избранным суд в существе его, не могла, однако же, вверить им охранение обрядов. Обряды судные составляют часть публичного права; они по всей необходимости требуют единообразия. Они столько суду существенны, что часто перемена или нарушение их изменяет самое существо дела».

По мнению М. М. Сперанского, понятие о судном порядке «слагается из двух установлений: первое из них, относящееся к существу дела, державная власть вверяет свободному выбору подданных и, слагая вследствие того ответственность сей части, передает ее, так сказать, тому же началу, от коего истекает и власть законодательная. Второе установление – надзор и охранение форм судебных, остается и с ответственностью, к тому принадлежащую, исключительно в порядке исполнительном». Из этого следует, что «действие власти державной в суде должно быть ограничено одним установлением власти, надзирающей и охраняющей судебные обряды» (Сперанский М. М. Указ. соч. С. 172–173).

Далее автор рассуждает «о разуме законов органических»: «Законы органические коренные должны определить устройство тех установлений, коими силы государственные действуют. Установления сии суть: Совет, законодательное сословие, Сенат и министерства. В общем разуме сих установлений должно означить: 1) состав каждого из них, 2) предметы его и 3) порядок дейст-

вия. Каждое из сих установлений, соединяясь в державной власти и образуя первенствующие государственные сословия от них, должно простираться на всю империю и, разделяясь постепенно, нисходить к самым последним селениям» (Там же. С. 189).

При этом М. М. Сперанский отмечает, что, прежде чем «определить порядок сих установлений в высших их отношениях, нужно рассмотреть и назначить те степени, чрез кои они проходить должны. Сие ведет к разделению империи в порядке законодательном, в судном и в порядке управления».

Такое разделение должно основываться на следующих правилах:

- по возможности «все степени сил государственных совместить между собою. Сего требует экономия их упражнений, надзора и издержек»;

- «избегая излишней раздробительности, доставить всем подданным, в установлениях сих участвующим, удобность в них действовать»;

- все «устройства, слишком сложные и составленные из великого числа людей, движутся медленно; напротив, те установления, кои не имеют достаточных сил, вместе действующих, обыкновенно падают в слабость и неуважение. Следовательно, в числе лиц, составляющих сословия, должна быть средняя мера»;

- «установления законодательные по существу своему требуют содействия многих лиц в суждении и единства в утверждении. Установления судные требуют также содействия многих лиц в суждении и единства в надзоре. Установления исполнительные, напротив, требуют единства во всех своих действиях» (Там же. С. 189–190).

В целях соблюдения законодательного, судного и исполнительного порядка во всех степенях данного государственного устройства М. М. Сперанский предлагает следующее административно-территориальное деление России: на области и губернии, а последние – на округа и волости. В результате «первая степень порядка законодательного, судного и исполнительного будет в волостных городах, округ составляющих. Вторая степень – в окружном городе. Третья – в губернском. Четвертая – в столице. В сих четырех степенях силы государственные, образуясь, восходят, наконец, к

державной власти и в ней соединяются» (Сперанский М. М. Указ. соч. С. 192).

С целью формирования законодательной власти автор предложил систему волостных, окружных, губернских дум, созываемых для избрания выборщиков следующего уровня дум и соответственно волостного правления, окружного и губернского советов, а также выборов членов окружного и губернского судов, решения нужд своей территории.

М. М. Сперанский пишет: «Порядок исполнительный ... слагается из четырех главных разделений: 1) управление государственное или министерство, 2) управление губернское, 3) окружное и 4) волостное. Начало, на коем порядок сей должен быть устроен, есть единство действия и ответственность. Поелику порядок сей истекает из державной власти, то все нижние его разделения должны быть сколь можно более сообразны высшему» (Там же. С. 201).

По мнению автора, «устроением министерств в 1802-м году положено весьма важное начало устройству государственного управления. Следовательно, должно не только сохранить его, но по возможности усовершенствовать и усилить, а для сего нужно рассмотреть настоящие его несовершенства».

М. М. Сперанский рассматривает три источника этих «несовершенств»:

- «недостаток ответственности» – связан с отсутствием «особенного порядка составления закона и его охранения», «ибо, где закон сам не стоит на твердом основании, там и отвечать перед ним нельзя». Как отмечает автор, «ответственность государственная состоит в том, что правительство, приемля на себя уставы и учреждения, обязуется пред законом не допускать в них ему противного. Обязанность сия не должна состоять только в словах; она должна быть существенною, а чтобы быть таковою, она должна предполагать особенный порядок составления закона и его охранения, следовательно, установив государственную ответственность, надлежало установить и государственное сословие, перед коим она должна быть изъясляема»;

- «некоторая неточность и несоразмерность в разделении дел» – обусловлена отсутствием «истинной соразмерности в разделении дел». «Должно прежде всего найти сию соразмерность в общих ее основа-

ниях, чтобы потом определить, до какой степени может она быть приложена к местным обстоятельствам каждого государства. Сей один есть истинный способ открыть настоящую черту разделения дел, с коею можно соображаться в многосложных и разнообразных его приложениях. Порядок исполнительный по самому существу и именованию своему есть не что другое, как способ, коим законы приводятся в действие. Следовательно, сколько есть разнообразных частей закона, столько должно быть отдельных частей исполнения... Нельзя предполагать, чтоб во всяком государстве каждая из сих частей имела одинаковое пространство. Естественно, одна другой должна быть сложнее и обширнее. Отсюда происходят разделения каждой части»;

– «недостаток точных правил или учреждения, на коем должно действовать министерство» – обусловлен тем, что «внутренний порядок и правильное разделение работ» не были устроены после «установления министерств». «Отсюда произошло, что дела, не быв разделены на свои степени, все по-прежнему стекаются в одни руки и естественно производят пустое многоделие и беспорядок. Время главного начальника непрестанно пожирается тем, что должен бы был делать один из низших его подчиненных. Отсюда происходит, что развлеченное на множество текущих дел внимание не может обозреть их в целости и вместо того, чтоб остановиться на главных и существенных усмотрениях, непрестанно рассеивается в мелком надзоре исполнения. Отсюда происходит, что при самых лучших намерениях, управлять с честью никому не можно, не переменяв их устройства; невозможно управлять большим кругом дел, где нет другой постепенности, как только министр, докладчик и писец» (Сперанский М. М. Указ. соч. С. 202–207).

М. М. Сперанский считает, что «ответственность министерская сама собою установится» после учреждения законодательного сословия с правом требовать в положенные сроки отчетов и определения в учреждениях министерства их подробных форм.

Для устройства исполнительной части, по мнению М. М. Сперанского, нужны два вида постановлений: 1) устав и 2) учрежде-

ние. «Устав должен определить с точностью главные правила, на коих министр должен управлять вверенною ему частью. Учреждение должно установить предметы его, пределы его власти, образ его действия и постепенность исполнения... На сих основаниях составленное министерство, окруженное законною ответственностью, соразмерное в делах своих естественной их связи и снабженное уставами и учреждениями, будет действовать с силою и уважением и станет на той высоте, которую ему первое его установление предназначило, но коей доселе оно не могло еще достигнуть» (Там же. С. 212–213).

Составы губернского, окружного и волостного управлений должны быть «основаны на том же правиле единства и постепенности, которая всему порядку исполнительному свойственна», и отличаются только по размерам «предметов внутреннего управления, какие и в министерстве». Как считает М. М. Сперанский, это позволит все части управления привести в надлежащее единообразие, и от министра до последнего волостного начальника дела пойдут, так сказать, прямою линией, не кружась, как ныне, во множестве изворотов, где не можно найти ни конца, ни следов разным злоупотреблениям» (Сперанский М. М. Указ. соч. С. 216).

Важное место «в порядке государственных установлений» М. М. Сперанский отводит Государственному совету, «в коем все действия части законодательной, судной и исполнительной в главных их отношениях соединяются и чрез него восходят к державной власти и от нее изливаются. ... все законы, уставы и учреждения в первообразных в их начертаниях предлагаются и рассматриваются в Государственном совете и потом действием державной власти поступают к предназначенному им совершению. Никакой закон, устав и учреждение не исходит из Совета и не может иметь своего совершения без утверждения державной власти» (Там же. С. 216–217).

Иными словами, в Государственном совете соединялись вертикали исполнительной (министерства – управления губернские – управления окружные – управления волостные), законодательной (Государственная дума – думы губернские – думы ок-

ружные – думы волостные) и судебной власти (Сенат – суды губернские – суды окружные – суды волостные), и все они восходили к императору. «Состав Совета, существо и главные формы и его действия определяются коренным государственным законом» (Там же. С. 225–231).

Таким образом, взгляды М. М. Сперанского по совершенствованию государственного управления основываются на следующих положениях:

- государство должно иметь постоянную и неизменную конституцию, с которой все другие законы согласовываются;

- власть в государстве следует разделить на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Они должны находиться в равновесии между собой, сдерживать друг друга и иметь многоуровневую вертикаль власти, соответствующую уровням административно-территориального деления государства. Пределы их полномочий и ответственность определяются конституцией и законами государства;

- для обеспечения устойчивого развития сфер государственной и общественной жизни, оперативного реагирования на происходящие социально-экономические, научно-технические и иные процессы государству необходимо своевременно совершенствовать методы и приемы управления;

- преобразования должны носить объективный характер необходимости с соблюдением определенных правил и не связываться с личными качествами исполнителей;

- систему органов исполнительной власти следует создавать исходя из функций органов государства на основе истинной соразмерности в разделении дел;

- деятельность органов исполнительной власти на разных уровнях должна основываться на единых правилах регламентации и ответственности.

Именно в этом проявились системный и комплексный подходы М. М. Сперанского к решению проблемы совершенствования государственных преобразований. Реформаторские проекты М. М. Сперанского представляли собой попытку сверху, административным приемом создать возможности для эволюционного пути преобразований российской государст-

венности. Однако в феодально-крепостнической Российской империи не было объективных социально-экономических предпосылок для таких преобразований, в частности, не оформился класс буржуазии, а русское купечество в этом смысле нельзя было принимать в расчет не столько по незначительности его влияния на государство, сколько вследствие того, что оно исповедовало другие социальные ценности, основанные на православно-общинной психологии. В определенном смысле, можно сказать, что комплексный и системный подходы были использованы при проведении буржуазных реформ в России во второй половине XIX столетия при Александре II.

По нашему мнению, реформы сверху можно проводить в следующих случаях:

- если для этого имеются необходимые социально-экономические предпосылки;

- данные преобразования отвечают общим государственным интересам и проводятся комплексно и системно;

- их (реформы) поддерживает народ (либо его большая и социально активная часть).

Таким образом, реформаторские проекты государственных преобразований М. М. Сперанского являются наглядным примером комплексного и системного подходов к совершенствованию государственной власти. Поэтому, на наш взгляд, в современных условиях, когда реформирование системы исполнительной власти в России продолжается, игнорировать идеи М. М. Сперанского было бы неосмотрительно.

Библиографический список

1. Исполнительная власть в России. История и современность, проблемы и перспективы развития. К 80-летию Института государства и права РАН / А. С. Автономов [и др.] ; отв. ред. Н. Ю. Хаманева. – М., 2004.

2. Сперанский, М. М. Проекты и записки / М. М. Сперанский. – М. ; Л., 1961.

3. Тихомиров, Ю. А. О модернизации государства / Ю. А. Тихомиров // Журн. рос. права. – 2004. – № 4.

4. Хаманева, Н. Ю. Нужна ли реформа исполнительной власти? / Н. Ю. Хаманева // Гражданин и право. – 2002. – № 1.

**ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ДЕМОКРАТИИ. РЕАЛИЗАЦИЯ
КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ
НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ В СССР**

Нормы советского государственного права, ведущее место среди которых принадлежало конституционным нормам, устанавливали основополагающие принципы всех сфер государственной деятельности, в том числе предварительного следствия. В частности, несмотря на то, что ни в одной из советских Конституций не использовались термины «следователь» и «предварительное следствие», многие нормы Основного закона были обращены к следственному аппарату и его сотрудникам. Так, социалистический общественный строй, закрепленный в Конституции СССР 1977 г., предопределял социально-политическую, экономическую основы и классовую природу следственного аппарата, а конституционные принципы деятельности государственных органов представляли собой юридический фундамент его деятельности.

Особое значение имели конституционные положения: о социалистической законности (ст. 4), осуществлении правосудия только судом (ст. 151), национальном языке судопроизводства (ст. 159), презумпции невиновности (ст. 160), участии представителей общественных организаций и трудовых коллективов в уголовном судопроизводстве (ст. 162), прокурорском надзоре (ст. 164), а также неприкосновенности личности и других основных правах граждан (ст. 54–58, 158, 161).

Конституция СССР закрепляла важнейшие институты социалистической демократии. Как известно, демократия – это форма государства и политический режим, способ осуществления власти и метод управления. Иными словами, это и форма организации всей политической жизни, и политическое мировоззрение.

Сущность социалистической демократии проявлялась в реальном осуществлении власти трудящимися, реализации ими широких прав и свобод, почетных обязанностей.

XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза (далее: КПСС) взял курс на дальнейшую демократизацию общества:

«Демократия была и остается важнейшим рычагом упрочения социалистической законности, а прочная законность – неотъемлемой частью нашей демократии» (Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 61).

Важную роль в укреплении Советского государства съезд КПСС отвел демократизации политической системы советского общества, укреплению правовых основ государственной и общественной жизни, повышению качества работы правоохранительных органов.

Во исполнение решений XXVII съезда КПСС на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, наметившем первоочередные направления перестройки, которую предстояло осуществить в СССР, было признано необходимым совершенствовать работу следственных органов, в частности, предполагалось повысить уровень партийного руководства следственными подразделениями, эффективности следственной работы, ее результативность; усилить роль общественных организаций, трудовых коллективов в осуществлении их прав, укрепить гарантии прав личности на предварительном следствии; повысить уровень профессионального правосознания и культуры следователей. Данные меры должны были способствовать успешному выполнению следственным аппаратом своих функций в целях обеспечения социалистической законности и правопорядка, а также борьбы с преступностью (О перестройке и кадровой политике партии : постановление Пленума ЦК КПСС от 28 янв. 1987 г. // Правда. 1987. 29 янв.).

Следует отметить, что в последние годы существования СССР роль следователя как организатора раскрытия преступлений и должностного лица, несущего основную ответственность за проведение предварительного расследования, оказалась приниженной. Будучи загруженным значительным количеством уголовных дел, следователь не располагал временем для планирования и всестороннего ведения расследования по каждому из них и во многих случаях фактически превращался в канцелярского работника, оформителя юридических документов. Основную часть рабочего времени он вынужден был тратить на выполнение не свойственных ему «бумажных» операций. Нерациональное распределение его сил, безусловно, сказывалось на качестве расследования.

В создавшейся обстановке требовалось не увеличение числа следователей, не устранение процессуальных документов, а решительное изменение условий труда следственных работников, что предполагало всестороннее научное исследование условий следственной работы.

Кроме того, следственные подразделения необходимо было оснастить современной криминалистической техникой, автотранспортом, оргтехникой. Последнее требовало изучения возможностей компьютеризации труда следователей.

Советское право обеспечивало гарантии достижения объективной истины и соблюдения социалистической законности на предварительном следствии, но эти гарантии также требовали комплексного усовершенствования.

Общеизвестно возникшее с течением времени противоречие между правовым и фактическим статусами следователя. Следственные подразделения, включенные наряду с другими службами в состав разных ведомств, рассматривались порой как обычные административно-служебные структуры, а являющиеся их сотрудниками следователи – как рядовые служащие. По смыслу же уголовно-процессуального законодательства СССР следователь – это должностное лицо, наделенное государственно-властными полномочиями, важнейший субъект уголовно-процессуальных и иных правоотношений. В ряде случаев он выступал и как субъект конституционных правоотношений. Роль следователя в стадии предварительного расследования не менее важна, чем роль судьи в стадии судебного разбирательства. В определенном смысле права следователя были даже шире, так как важнейшие правомочия судья осуществлял в составе коллегии – совместно с народными заседателями.

Демократизацию предварительного следствия правильнее связывать с повышением роли следователя в уголовном процессе. Точнее, фактическое положение следователя не должно было противоречить его правовому статусу. В целях повышения общественного престижа следователя в СССР было решено в дальнейшем ввести наименование «народный следователь», а также внести изменения в законодательство, приравнивающие юридическое положение следователя к правовому статусу народного судьи.

В частности, обсуждался вопрос о распространении на следователей принципа выборности, что позволило бы, во-первых, расширить права трудящихся в сфере обеспечения законности и правопорядка, а значит, способствовало бы развитию социалистического правосознания, социальной активности; во-вторых, укрепился бы уголовно-процессуальный институт самостоятельности следователя (ст. 127 УПК РСФСР), которая в то время нередко выступала просто формальностью, ибо следователи в дисциплинарном порядке подчинялись руководителям различных административных служб, органов дознания (например, следователь РОВД – начальнику РОВД). Недостаточность гарантий процессуальной самостоятельности следователя позволяла осуществлять давление на следователей вплоть до расправы над ними, если они отказывались подчиняться указаниям вышестоящих руководителей (Иллеш А., Макаров Ю. Следствие и последствия // Известия. 1982. 10 авг. С. 1).

Уголовно-процессуальный институт самостоятельности следователя был тесно связан с конституционным институтом независимости судей и народных заседателей (ст. 155 Конституции СССР). Процессуальная самостоятельность следователя обеспечивала его объективность, законность следственных действий, гарантировала недопустимость давления на него со стороны лиц, заинтересованных в искажении истины. Разумеется, суд был юридически независим в оценке собранных следователем доказательств, которые находились в уголовном деле. Однако, если недоброкачественный материал был представлен следователем, зависимым от посторонних влияний, возможность вынесения неправосудного приговора становилась реальной, поскольку, во-первых, не исключалась добросовестная ошибка в оценке собранных следователем доказательств; во-вторых, встречались факты, когда органы правосудия «слепо... следовали "доказательствам", полученным незаконным путем на предварительном следствии» (Закон на страже справедливости // Правда. 1986. 14 февр. С. 5).

Причины некритического отношения судов к материалам предварительного следствия различны. Нередко в этом проявлялось их нежелание «ссориться» с органами следствия (Яковлев А., Гамаюнов И. В пользу справедливости // Лит. газ. 1989. 2 окт. С. 3). Имели значение и другие обстоятельства:

складывающаяся порой на местах взаимная поддержка судебно-следственных работников, объединенных узковедомственными или местными интересами; формализм, бездушие, нежелание вникнуть в существо дела; стремление поскорее отчитаться за «раскрытое» преступление, карьеристский интерес и т. д.

По нашему мнению, процессуальная самостоятельность следователя могла быть реально обеспечена:

- перестройкой структуры следственного аппарата, четким определением его взаимоотношений с другими правоохранительными органами и службами;

- правильным решением вопросов об оценке труда следователей, их дисциплинарной ответственности.

Необходимость перестройки структуры следственных органов объясняется тем, что в СССР никогда не существовало единого следственного аппарата, организационно обособленного от других государственных органов. Следователи входили в различные ведомства и подчинялись им, что обуславливалось задачами борьбы с преступностью в конкретных исторических условиях. Вместе с тем в печати обсуждался вопрос о целесообразности создания единого следственного аппарата. Так, по мнению председателя Верховного Суда СССР В. И. Теребилова, следственные органы прокуратуры следовало передать в МВД СССР или создать Следственный комитет при Совете Министров СССР (Теребилов В. И. Правосудие и время. М., 1988. С. 24).

До распада СССР в государстве существовало три вида следственных органов: внутренних дел, прокуратуры, государственной безопасности. С точки зрения подчиненности они относились к системе органов государственного управления (подчинялись МВД СССР и КГБ СССР) и прокуратуры. Данные органы отличались подследственностью, т. е. разграничением расследования по уголовным делам различных категорий.

Однако, полагаем, что несмотря на подчиненность различным ведомствам, указанные следственные органы можно рассматривать как формирующийся единый советский следственный аппарат, в котором имелись руководящие звенья – органы, осуществлявшие организацию следственной работы и руководство следователями (следственные управления, отделы и т. д.), и органы предва-

рительного следствия – должностные лица, в законодательном порядке наделенные правом выполнять следственные функции.

Вывод о формирующемся едином следственном аппарате уместен по следующим соображениям. Во-первых, следователи всех ведомств осуществляли расследование уголовных дел на единой правовой основе: они руководствовались конституционными, уголовно-процессуальными, уголовно-правовыми и иными нормами. Во-вторых, органы предварительного следствия в СССР имели общие основные задачи (ст. 2 УПК РСФСР), хотя, безусловно, существовали и специфические задачи, определяемые подследственностью (ст. 126 УПК РСФСР).

Таким образом, объединение следственных органов всех видов в целостную организационно обособленную систему с одним центром управления способствовало обеспечению процессуальной самостоятельности следователя. Первым шагом в этом направлении стало выведение следственных подразделений из системы горизонтального подчинения местным органам с сохранением их подчинения по вертикали вышестоящим следственным управлениям.

Как было отмечено выше, реальность процессуальной самостоятельности следователя могла быть обеспечена эффективным решением вопросов об оценке его труда. Критерии данной оценки основывались на формально-бюрократических показателях. Так, на практике возвращение судом дела для дополнительного расследования независимо от действительной вины следователя расценивалось как недостаток в работе последнего. Обоснованное прекращение следователем правомерно возбужденного им уголовного дела нередко квалифицировалось как брак и могло повлечь за собой дисциплинарное взыскание. Внутриведомственные инструкции предусматривали такие процедуры оценки результатов работы следователей, которые стимулировали обвинительный уклон, необъективность расследования. Например, при юридической квалификации действий обвиняемого следователь, опасаясь возвращения дела для дополнительного расследования, стремился включить в формулу обвинения статью уголовного закона, предусматривающую более суровую ответственность, чем та, которую

обвиняемый должен понести при объективной оценке установленных фактов.

Таким образом, разработка научно обоснованных критериев оценки следовательского труда имела существенное значение для обеспечения конституционного принципа социалистической законности. Представляется, что основанием дисциплинарной ответственности следователя должны были быть не какие-либо формальные показатели, а проступки, явившиеся результатом его недобросовестного отношения к служебным обязанностям либо недостаточной компетентности. Правом наложения дисциплинарных взысканий целесообразно было бы наделять только особые дисциплинарные коллегии, созданные при следственных управлениях. Следователь должен быть защищен от возможных несправедливых обвинений, узковедомственных оценок, необоснованных дисциплинарных взысканий.

КПСС требовала решительно покончить с проявлениями предвзятости, тенденциозного подхода при проведении предварительного следствия (О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан : постановление Пленума ЦК КПСС от 20 ноября 1986 г. // Правда. 1986. 30 нояб.). Осуществление этого требования связывалось с последовательной реализацией принципа презумпции невиновности (ст. 160 Конституции СССР).

Следует отметить, что в данном вопросе существовали определенные теоретические трудности. В частности, на предварительном следствии обвиняемый считался невиновным. Значит, невиновным должен был считать обвиняемого и следователь. А если это так, то почему он предъявлял обвинение, избирал меру пресечения и совершал иные следственные действия в отношении невиновного человека? Либо следователь должен был считать обвиняемого виновным в совершении преступления, либо действия следователя были лишены юридических и нравственных оснований. По нашему мнению, обвиняемый еще не виновный. Если его считать виновным, то правосудие теряет всякий смысл, поскольку нет необходимости рассматривать в суде дело лица, которое заранее признается виновным. Как гласит народная мудрость: «Суд – не на осуд, а на рассуд».

В начале предварительного следствия следователь не мог и не вправе был считать (даже на уровне своего внутреннего убеждения) кого-либо виновным, хотя у него и могли быть различные предположения по этому поводу. Ему предстояло выяснить, совершено ли преступление вообще, и если совершено, установить другие обстоятельства, указанные в ст. 68 УПК РСФСР.

Применяя задержание, избирая меру пресечения, осуществляя обыск и т. д., следователь должен был стремиться к всестороннему, полному и объективному исследованию материалов дела, обеспечению законных прав и интересов всех участников процесса. Как справедливо замечал известный дореволюционный процессуалист В. К. Случевский: «Предположение о невиновности подсудимого должно проявляться во всех процессуальных действиях» (Случевский В. К. Русский уголовный процесс : учебник. СПб., 1998. С. 70). Данное высказывание вполне могло быть распространено и на обвиняемого.

Постановление о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительное заключение не являлись официальными документами, удостоверяющими вину обвиняемого в совершении преступления. Составляя их, следователь должен был иметь достаточно улик, изобличающих обвиняемого, и быть убежденным в их доброкачественности. Это – и правовая, и нравственная основа следственной деятельности.

Закон не уполномочивал следователя формулировать юридический вывод о виновности обвиняемого. В обязанности следователя входило проведение объективного расследования. При обнаружении обвинительных доказательств он передавал дело со своими выводами прокурору для последующего направления в суд, а при отсутствии таких доказательств прекращал дело. Внутреннее же убеждение следователя должно было полностью соответствовать его действиям.

Одним из направлений демократизации органов предварительного следствия в СССР стало усиление общественного контроля за их деятельностью. «Без гласности нет и не может быть демократизма... коммунистам всегда и при всех обстоятельствах нужна правда» (Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 60). Конституция СССР гарантировала расширение гласно-

сти и постоянный учет общественного мнения (ст. 9), свободу слова, печати (ст. 50), право на критику, на получение информации от органов государственной власти (ст. 49, 94). Вне критики не мог функционировать ни один государственный орган, ни одно должностное лицо, в том числе следователь.

На предварительном следствии обеспечивались некоторые элементы гласности (Митрохин Н. П. Законность и демократизм предварительного следствия : дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 1979. С. 136–143). В полном объеме принцип гласности проявлялся в стадии судебного разбирательства. «Данные предварительного следствия, – указано в ст. 139 УПК РСФСР, – могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя или прокурора и в том объеме, в каком они признают это возможным». Приведенное правило было установлено в целях быстрого раскрытия преступлений, обеспечения эффективного собирания и проверки доказательств, предотвращения распространения всевозможных слухов, которые могли воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу.

Следователь наделялся правом информировать общественность о ходе расследования. В частности, эти данные в определенном объеме предоставлялись трудовому коллективу, представителям прессы, радио, телевидения. С материалами предварительного следствия имел право знакомиться защитник обвиняемого – адвокат; некоторые факты становились известными понятным. Следственные органы при осуществлении своих функций также взаимодействовали с общественностью. В необходимых случаях следователь был обязан предупредить лиц, присутствующих при производстве следственных действий, о недопустимости разглашения без его разрешения данных предварительного следствия и потребовать у них подписку с предупреждением об ответственности по ст. 184 УК РСФСР.

После апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС в советской печати выросло число критических выступлений в адрес следственных органов. Эти выступления во многих случаях способствовали воспитанию граждан в духе социалистического правосознания, мобилизовали общественность для оказания помощи следственным органам, вскрывали недостатки в их работе. Вместе с

тем, как отмечал в свое время заместитель Генерального прокурора СССР И. В. Черменский, «в нашем деле... остро ощущается дефицит гласности» (Цит. по: Ваксберг А. Кому это нужно? М., 1997. С. 57).

Статьи, заметки и письма, опубликованные в печати, становились поводами к возбуждению уголовных дел (ст. 108 УПК РСФСР). Вместе с тем выступления прессы, которые могли повлиять на независимость судей, народных заседателей, самостоятельность следователей в расследовании и разрешении находящихся в производстве уголовных дел, считались неправомерными, так как указанные принципы гарантировались ст. 155 Конституции СССР и ст. 30 Основ уголовного судопроизводства СССР (например, недопустимо было в печати называть кого-либо преступником до вступления судебного приговора в законную силу).

Важное значение имела борьба с бюрократизмом в следственных органах. Это противоречащее природе социализма явление выражалось в том, что существо дела приносилось в жертву форме, игнорировались интересы государства, общества, граждан ради личных или узковедомственных интересов, проявлялось бездушное отношение к людям. Главная особенность канцелярско-бюрократического стиля – формализм, т. е. стремление соблюдать внешнюю форму в ущерб содержанию.

В следственной деятельности бюрократизм проявлялся многообразно. Типичными его формами являлись: волокита в производстве по уголовному делу, подмена действительного руководства работой следователей потоком директив со стороны вышестоящих инстанций, «разбухание» отчетности, рутинное делопроизводство.

Для бюрократа имело значение не реальное решение вопросов, не результат работы, а ее видимость. Как неоднократно замечал В. И. Ленин, бюрократизм – это «подчинение интересов дела интересам карьеры, обращение сугубого внимания на местечки и игнорирование работы».

Важными направлениями демократизации следственного аппарата стали преодоление негативных явлений и утверждение ленинского стиля в работе.

Развитие демократических начал в следственном аппарате означало дальнейшую гуманизацию всей его деятельности.

Относительно предварительного следствия все права и обязанности граждан делились на две группы: те, которые реализовывались в процессе его проведения (например, права на неприкосновенность личности, на защиту), и те, которые непосредственно с ним не связывались, но могли быть ограничены в результате следственных действий (например, избирательные права задержанных, арестованных).

На предварительном следствии, как и во всех сферах жизни социалистического общества, должно было обеспечиваться право на честь и достоинство, а также другие основные права и обязанности граждан. Охрана этих благ являлась одной из важнейших целей следственного аппарата. Борьба с преступностью способствовала упрочению социалистического образа жизни, немыслимого без уважения к гражданину, его правам и обязанностям.

В последние годы существования Советского государства, особенно в ходе перестройки, предстояло всесторонне воплотить принципы, зафиксированные в ст. 20, 57, 58, 158 Конституции СССР.

Вместе с тем, по нашему мнению, кроме указанных выше недостатков в осуществлении предварительного следствия, существовали неурегулированные вопросы, касающиеся обеспечения прав участвующих в нем лиц, например, не была законода-

тельно предусмотрена в отдельном нормативном акте возможность для любого лица (задержанного, арестованного, потерпевшего и т. д.), права которого нарушены действиями следователя, обратиться в суд за защитой. Это стало бы существенным дополнением к прокурорскому надзору за соблюдением законности и прав граждан в СССР. Требовали также усовершенствования юридические гарантии прав, вытекающих из ст. 158, 161 Конституции СССР, в частности, необходимо было предоставить право всем гражданам, защищающим свои интересы на предварительном следствии, пользоваться услугами адвоката в любой его стадии, начиная с возбуждения уголовного дела, поскольку в защите прав и законных интересов личности заключался основной смысл советской Конституции и правовой системы социализма в целом.

Библиографический список

1. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1977. – № 41, ст. 617.
2. *Иллеш, А.* Следствие и последствия / А. Иллеш, Ю. Макаров // Известия. – 1982. – 10 авг.
3. *Теребилов, В. И.* Правосудие и время / В. И. Теребилов. – М., 1988.

С. В. Рузин,

*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

А. В. Шагушина,

*старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

На рубеже 80–90-х гг. XX в. в России начал возрастать интерес к вопросам правосознания, что было связано с переломным этапом в историческом развитии страны. Проблема правосознания стала особенно значимой и актуальной в периоды общественной трансформации, когда происходило разрушение большинства институ-

циональных и нормативных образцов, менялись цели и установки, претерпевали существенные изменения ценностные ориентации, а в обществе устанавливались новые правила правового взаимодействия.

Правосознание нередко определяется как система правовых чувств, эмоций, идей, взглядов, оценок, установок, представлений и других проявлений, выражающих отношение людей как к действующему праву, к юридической практике, правам, свободам, обязанностям граждан, так и к «желаемому праву» и другим правовым явлениям.

Для понимания того, что есть правосознание, следует рассмотреть его разновидности. Основаниями разделения правосознания на виды могут быть уровень осознания необходимости права, глубина проникновения в сущность права и правовых явлений в обществе, которые позволяют дать его как бы качественную характеристику.

По данным критериям правосознание делится на три уровня.

1. *Обыденное правосознание.* Данный уровень свойствен основной массе членов общества, формируется на базе повседневной жизни граждан в сфере правового регулирования. Люди так или иначе сталкиваются с правовыми предписаниями: с помощью средств массовой информации, а также наблюдают юридическую деятельность государственных органов, должностных лиц и т. д. Для людей с этим уровнем правосознания характерно знание общих принципов права, здесь правовые воззрения тесно переплетаются с нравственными представлениями.

2. *Профессиональное правосознание.* Складывается в ходе специальной подготовки (например, при обучении в юридическом учебном заведении), в процессе осуществления практической юридической деятельности. Субъекты данного уровня обладают специализированными, детализированными знаниями действующего законодательства, умениями и навыками его применения. Формированию профессионального правосознания должно быть уделено особое внимание в современных условиях. Отсутствие профессионализма в правотворчестве и в правоприменении является одной из главных проблем нашего общества.

3. *Научное, теоретическое правосознание.* Оно характерно для исследователей, научных работников, занимающихся вопросами правового регулирования общественных отношений.

По субъектам (носителям) правосознание можно разделить на индивидуальное и коллективное. Одним из видов коллективного правосознания выступает групповое правосознание, т. е. правовые представления и чувства тех или иных социальных групп, классов, слоев общества, профессиональных сообществ. В ряде случаев правосознание одной социальной группы может существенно отличаться от правосознания другой. Например, зримые различия существуют в правосознании классов в обществе с ярко выраженными классовыми противоречиями. В марксистско-ленинской литературе подчеркивается противоположность, противоречивость правосознания эксплуататоров и эксплуатируемых. Наблюдаются различия в правосознании возрастных слоев населения в обществе, профессиональном правосознании юристов разной специализации: работников прокуратуры, су-

да, адвокатуры, МВД России. Групповое правосознание следует отличать от массового, которое характерно для нестабильных, временных объединений людей (митинги, демонстрации, бунтующая толпа). Для характеристики макроколлективов (население страны, континента, исторической эпохи) используется понятие «общественное правосознание». Сюда можно отнести также правовые воззрения наций и народностей.

На оформление правосознания российского общества оказали влияние объективные причины: геоклиматический, географический (наличие большой неосвоенной территории), геополитический (расположение России – между Востоком и Западом – определило характер ее военно-политических действий, милитаризованность) факторы. А жесткая централизация (для обеспечения нужд страны) диктовала определенную стратегию выживания: авторитаризм, абсолютизм сверху и общинность, коллективизм снизу. Подобное сочетание обостряло внутреннюю конфликтность, определяло тенденцию к расколу социального целого.

Культурно-цивилизационная обусловленность правосознания выступает в качестве основы его преемственности. Правосознание подвержено постоянной динамике и изменениям в зависимости от развития общественных отношений, государственности, трансформации правовой системы. Истоки правосознания россиян уходят в глубь веков. Именно культурно-исторические условия обусловили формы восприятия правовых процессов. Российскому правосознанию всегда был присущ взгляд на право как на обязательные предписания стоящих на вершине власти людей, что свойственно обществам традиционно-патриархального типа.

Формирование и эволюция российской правовой культуры и правового сознания происходили в рамках оппозиции права и морали. Особенностью российского правосознания стала неразрывная связь права с нравственными духовными началами и христианской добродетелью. В правосознании россиян нравственное право в целом всегда доминировало над юридическим. В России было общепринято поступать не по писаным законам, а по законам совести. Юридический закон был замещен законом моральным, вместо правового сознания функционировала религиозно ориентированная совесть.

Россия всегда была, а во многом и сегодня остается страной правового нигилизма. При этом действительность постоянно «подпитывала» правовой нигилизм. У людей выработалось недоверие к праву, потому что они часто сталкивались с отсутствием праворегулирования и заменой его актами власти имущих.

Особую важность имеет такая отражающая специфику правосознания дореволюционного российского общества черта, как его слабость, несформированность. Эта слабость выражается в том, что закон в историческом развитии России всегда воспринимался как чуждая, внешняя и давящая сверху сила (из-под которой простому человеку надо уметь увертываться), в нем никогда не видели права самого гражданина, гарантированного государством и обществом. Это объясняется тем, что закон в России был государственно ориентированным и государство защищающим.

Существенной особенностью российской правовой культуры является слабость и поверхностный характер либеральных традиций. В условиях самодержавия они и не могли сложиться, окрепнуть и прочно обосноваться в народе.

Уважение к праву и закону, вошедшее в нравы и образ жизни россиян, является важнейшей характеристикой правосознания. Однако наряду с уважением к закону в правовой психологии многих граждан и целых групп может преобладать неуважение к закону, пренебрежение им.

Формирование господствующего слоя как носителя правовых начал долгое время основывалось на кровно-родственных отношениях, ему было присуще понимание больше родовой, чем личной чести. Геополитическая ситуация на Руси, необходимость консолидации перед лицом внешней угрозы привели к тому, что государственность складывалась в форме деспотии, жестоко подавляющей свой народ. Уничтожение родовой знати, замена ее опричным, служилым классом вызвали рост «холопского» самосознания даже в среде правящего класса.

В целом развитие российской правовой системы в X–XIX вв., восприятие ею византийской культуры, православия, а также североевропейских влияний позволяют сделать вывод о вхождении ее в романо-германскую

семью правовых систем на правах особой – евразийской – разновидности. Особенности эти состоят в следующем:

1. Высокая, приоритетная защита общих интересов, общего дела, дух соборности в ущерб личным притязаниям индивида, его правам и интересам, составляющие, с нашей точки зрения, смылосодержательный корень, основание права и правовой культуры как таковых.

2. Слабость личностного и, следовательно, правового начала в культуре вообще.

3. Широкое распространение неправовых регуляторов в обществе: моральных, морально-религиозных, корпоративных и т. д.

4. Отрицательное отношение православной религии к фундаментальным устоям правового общества, а тем самым и к праву, правовой культуре.

5. Высокая степень «присутствия» государственности в общественной жизни, идеологии, огосударствление многих сторон общественной жизни, подчиненность права государству.

Другим обстоятельством, серьезно отразившимся на специфике нашего национального правосознания в дореволюционный период, был коллективизм как принцип жизни народа. Общинный коллективизм не только препятствовал выделению индивидуальности, но и приводил к фактическому отрицанию личного права.

В качестве еще одного фактора, отразившегося на правосознании россиян в обозначенный период, можно рассматривать состояние правовой необеспеченности большинства российского населения, исторически сформировавшееся в период генезиса крепостнических отношений.

Культурно-историческая традиция определяла эволюцию и вместе с тем преемственность правосознания в России. При этом исторически сложились принципиальные различия между Россией и Западом, важнейшее из которых в том, что Западу свойственно «поклонение государству», стремление построить жизнь на юридических основах, а Россия предпочитает им порядок, основанный на нравственных началах, патернализме, христианских идеалах и соборности. В России право никогда не претендовало на то, чтобы в системе социальных ценностей стоять выше нравственности. Российскому правосознанию всегда был присущ

этатизм, т. е. чрезмерная и неоправданная ориентация на государственную власть.

Российское общество и государство в дореволюционный период отличал дефицит права и правосознания. Юридический менталитет в России издавна отличался отрицательным отношением к праву. Юридические ценности никогда не воспринимались в качестве необходимых для существования общества.

Таким образом, особенности формирования российской правовой системы и правосознания обусловлены глубинными социокультурными и государственными началами: а) самобытность российской государственности; б) особый тип социального статуса личности, для которой характерно преобладание коллективистских элементов правосознания; в) тесная связь традиционной основы права и государственности со спецификой православия с его акцентом на духовную жизнь человека с соответствующими этическими нормами (нестяжание, благочестие и т. п.).

Особенностями российского правосознания в дореволюционный период стали этикоцентризм, оппозиция права и морали, правовой нигилизм, патернализм и этатизм. Следует отметить, что в современной России сквозь новый формирующийся политико-правовой слой прорываются архетипы российской культуры в ее традиционном виде. Идет воспроизводство присущих традиционной российской политико-правовой культуре установок на этатизм, патернализм и отрицание закона.

В целом сегодня необходима кардинальная переоценка ценностей, установок сознания. Однако теперь основное внимание направлено на смену приоритетов: от прежней

системы «государство – общество – личность» к новой системе отношений «личность – общество – государство». Таким образом, в центре должна находиться личность, ее права и свободы. А для этого следует формировать и воспитывать личности, которые ощущали бы необходимость главенства права, осознавали потребность в создании развитой системы законодательства, соотносили правовые ценности с нормами морали и политики, поскольку от уровня и состояния правового сознания зависит характер поведения людей в правовой сфере.

Именно через сознание и волю людей право регулирует общественные отношения. Чтобы нормы права имели в обществе нормативно-регулирующее значение и более эффективно осуществлялись в конкретных правоотношениях, их в первую очередь необходимо довести до сознания широких масс в качестве общих норм поведения, социальных ценностей. В противном случае данные нормы потеряют свое общественное значение.

Библиографический список

1. *Гранат, Н. Л.* Правосознание и правовая культура. Общая теория государства и права / Н. Л. Гранат // Правосознание и правовая культура. Общая теория государства и права. – М., 2001.

2. *Мартышин, О. В.* О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры / О. В. Мартышин // Государство и право. – 2003. – № 10.

3. *Певцова, Е. А.* Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию / Е. А. Певцова // Журн. рос. права. – 2004. – № 3.

И. В. Михеева,

доцент кафедры конституционного и административного права

Нижегородского филиала

Государственного университета –

Высшая школа экономики

кандидат юридических наук, доцент

РОССИЙСКИЕ МИНИСТЕРСТВА В XIX ВЕКЕ: ОПЫТ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время нормотворчество является основным содержанием функциональной деятельности российских мини-

стерств (Указ Президента Рос. Федерации «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» от 9 марта 2004 г. № 314 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 11, ст. 945). В рамках административной реформы идет активное преобразование государственного управления, совершенствование методов правового регулирования различных сфер жизни Российского государства и общества. Наиболее распространенными правовыми средствами являются законодательное регулирование и подзаконное нормотворчество. При этом содержание издаваем-

мых министерствами нормативных актов охватывает самые разнообразные отрасли государственного управления.

В дореволюционной России министры также широко пользовались нормотворческими полномочиями. И это можно считать традицией Российского государства. Между тем преемственность правовых институтов Российской империи предполагает не только позитивные тенденции в их развитии, но и заложенные прошлыми столетиями недостатки.

Акты государственного управления всегда были базовой формой государственного управления. В теории административного права определения правового акта государственного управления различны. Вместе с тем можно выделить наиболее важные его признаки: издается уполномоченными на то субъектами государственного управления в пределах их компетенции, рамки которой определены законодательством; занимает определенное место в иерархической системе актов управления, что подразумевает соответствие одних актов управления другим, изданным вышестоящими звеньями системы исполнительной власти; характеризуется определенной процедурой принятия (подготовки проекта, обсуждения, визирования, правовой экспертизы, согласования, утверждения и т. д.) и обязательным соответствием текста управленческого акта правилам юридической техники (Административное право : учебник / под ред. Л. Л. Попова. М., 2002 ; Бахрах Д. Н. Административное право России : учеб. для вузов. М., 2000 и др.).

Данные требования имеют исторические аналогии. Так, разграничивая административные распоряжения от законов, русский ученый-правовед А. С. Алексеев относил названные законодательством требования к актам управления. Согласно ст. 51, 57 Свода основных государственных законов административные распоряжения: исходят от подчиненных мест; вращаются в пределах законов существующих и определяют лишь меры, применимые к исполнению закона; доводятся до сведения тех лиц и мест, к которым они принадлежат (Алексеев А. С. Русское государственное право. М., 1897. С. 295–296). Интересно, что в Общем наказе министерствам Учреждения министерств

содержатся и требования, предъявляемые непосредственно к предписаниям министра. Так, министерские распоряжения должны: во-первых, издаваться в пределах закона (ст. 191); во-вторых, иметь установленную форму (ст. 193); в-третьих, ограничиваться тем кругом дел, который установлен для каждого министерства (ст. 194) (Учреждение министерств. Раздел II. Общий наказ министерствам // Свод законов Российской империи / под ред. Ф. Волкова, Ю. Филиппова. Изд. 3-е. [Спб.], 1900. Т. 1., ч. 2. URL: http://mirror2.garant.ru/webclient/index.dsp?topic=6086298&page=1&revision=1222376400&block=11323&msg_id=1®no=&crc=110472280).

Перечисленные признаки предопределяют требования к содержанию и форме, которым акт государственного управления, будучи подзаконным, должен отвечать. Несмотря на то, что несоблюдение этих требований может привести к приостановлению или отмене правовых актов управления, Ю. А. Тихомиров полагает, что «неизбежным спутником правотворчества и правоприменения являются правотворческие ошибки» (Тихомиров Ю. А. Юридическая техника – инструмент правотворчества и правоприменения // Юрид. техника. 2007. № 1. С. 15). Именно они препятствуют достижению желаемой гармонии в системе действующего законодательства.

Ретроспективный анализ позволил обнаружить присутствие этих «неизбежных спутников» в нормотворчестве имперских министерств еще два века назад. Дело в том, что, несмотря на законодательно закрепленный запрет устанавливать новый закон или отменять существующий административным распоряжением, по словам современников, нормотворческая практика данному законоположению не соответствовала (Алексеев А. С. Указ. соч. С. 297). А регулятивная деятельность центральных органов управления содержала целый ряд недостатков, так называемых нормотворческих ошибок.

Следует отметить, что административные распоряжения не только «разъясняли смысл законов и выясняли недоразумения, встречающиеся при исполнении законов», а подчас создавали новые нормы, выходя таким образом «за пределы закона», «захва-

тывая» предмет верховного правотворчества. Издаваемые министерские установления порой нарушали субординационные связи с элементами существующей в то время общей системы нормативных правовых актов, входили в противоречие с высочайше утвержденными правилами, в развитие которых эти министерские установления должны были издаваться. Часто не наблюдалась взаимосвязь и взаимозависимость содержания и формы подзаконных актов. Формальные виды нормативных актов министров были бессистемны, различные вопросы управления содержались в одинаковых по форме актах, и наоборот, сходные вопросы управления регламентировались разными формами подзаконных актов.

Типичные нормотворческие ошибки в деятельности министерств Российской империи схожи с современными, но имеют свою историческую предопределенность. Следует отметить, что неразделенность государственной власти в Российской империи не только не предполагала четкости соотношения управленческих полномочий высших и центральных органов управления, но и не давала более или менее ясного представления об иерархии нормативных установлений.

Сам спектр управленческих отношений, по которому министры были призваны принимать акты управления, был очень широк. В Общем наказе министерствам назывались два рода министерских предписаний: «в одних объявляются именные высочайшие повеления, в других министр действует собственно его властью» (Манифест об Общем учреждении министерств от 25 июня 1811 г. § 258 // Российское законодательство X–XX вв. М., 1988. Т. 6. С. 119). Был дан ограниченный перечень таких действий, который, однако не исчерпывал подведомственность каждого министерства. И большинство управленческих решений министра требовало подтверждения – особого высочайшего разрешения. Это были «все предметы управления, предполагающие новый распорядок или дополнение правил, также ограничение, распространение или отмену мер, прежде правительством принятых и высочайше утвержденных» (Там же. С. 117). Вместе с тем практика министер-

ской исполнительно-распорядительной деятельности объективно выходила за рамки этих установленных ограничений, поскольку адекватных управленческим задачам министерства границ распорядительной деятельности не устанавливалось. В связи с этим одной из главных проблем в правотворчестве российских министерств, так же как и сегодня, можно назвать проблему установления (вернее, неустановления) пределов нормотворчества и предопределяемые этой проблемой нормотворческие ошибки. Министерскими предписаниями регламентировались вопросы, явно относимые к сфере верховного управления, и министры выходили за отведенные им пределы нормотворческих полномочий.

Существовавшая в Российской империи неопределенность форм и содержания управленческой деятельности министров лишала четкого нормативного основания принимаемых ими решений. Министры иногда были вынуждены искать аналогии собственным полномочиям, необходимым для разрешения конкретного управленческого дела, поскольку их статутное регулирование носило модельный и казуальный характер. Можно привести пример из практики деятельности министра путей сообщения. Министерство путей сообщения было трансформировано из Главного управления водяных и сухопутных сообщений в 1865 г. Как и любому другому, министру путей сообщения было предоставлено право «издавать специальные указы, определяющие меры, которыми может быть достигнуто целесообразное исполнение законов, и разрешать, по представлениям подчиненных мест, все затруднения, встречающиеся при исполнении законов» (Правящая Россия: Полный сборник сведений о правах и обязанностях административных учреждений и должностных лиц Российской империи от Государственного совета до сельского старосты. Спб., 1904. Ч. 1. С. 49).

Между тем пределы предмета нормотворчества данного министерства установлены не были. В некоторых случаях приходилось искать правовую основу для решения конкретной управленческой задачи в законодательных актах, регулирующих полномочия других должностных лиц. Так,

в 1876 г. в устьях канала императора Александра II скопление судов вызывало заторы. Министр путей сообщения под давлением Санкт-Петербургского биржевого комитета и местного судоходного начальства вынужден был для разрешения этой острой ситуации включить в существующие правила судоходства дополнительные положения для навигации 1876 и 1877 г. Однако при продлении измененных правил на период следующей навигации 1877 г. возник вопрос об их обязательной силе, законности. В качестве юридического обоснования распоряжения министра был назван закон, определяющий исполнительно-распорядительные полномочия не министра (поскольку такового не было), а губернаторов и градоначальников (Коркунов М. Н. Указ и закон. СПб., 1984. С. 401). После обсуждения данного вопроса на заседании комитета министров в 1877 г. министру путей сообщения было предоставлено право устанавливать правила о порядке и условиях следования судов, расстановки в местах стоянок и пропуска через искусственные сооружения (Там же. Ст. 86). Однако предоставление такого права носило временный характер «впредь до общего пересмотра действующих постановлений о судоходстве по внутренним водяным сообщениям» (Там же. С. 401).

Приведенный пример подтверждает, что отсутствие четкого определения нормотворческих полномочий министров служило своего рода фоном пробельного регулирования целого ряда управленческих сфер. Это вызывало так называемое опережающее нормотворчество, свойственное и правотворческому процессу современной России. При отсутствии определения предмета и предела указной власти министров во многих случаях допускалось опережающее министерское нормотворчество, но первоначально лишь в качестве временной меры, до выработки законодательной меры, на какой-то срок.

Таким образом, высшая власть на определенный период делегировала центральным органам управления полномочия по нормативной регламентации подчиненной им сферы управления. При этом часто конкретно установленный временный срок удлинялся. Временная мера превращалась в

постоянную, а временно делегированное высшей властью полномочие трансформировалось в повседневную нормотворческую практику. Примером может служить предоставленное в 1870 г. министру внутренних дел право изменять действующие правила по почтовой и телеграфной части (сначала на три года). Предполагалось в 1874 г. подготовить и принять новый почтовый и телеграфный устав, однако он не был принят. А заявленный временный срок продлевался и действовал вплоть до 6 декабря 1895 г.

Отсутствие четкости в регламентации указной власти министров не могло не привести в их нормотворчество ошибки, связанные с выходом за пределы своих полномочий. Иногда министры своей властью распространяли действие закона на новые местности, меняли «по соображениям практического удобства» «постановления закона». Министр финансов, например, применял табачный устав к Сибири, Туркестанскому краю, Семиреченской и Закаспийской областям «с необходимыми по местным условиям изменениям и отступлениям» (Коркунов М. Н. Указ. соч. С. 402). Случалось, что министерскими указами регламентировался порядок исполнения установленных законом обязанностей. Именно так определялись районы взимания сборов; расширялись указанные в законе льготы по платежу налогов; определяли круг предметов, подлежащих налогообложению, и др.

При этом министрам настоятельно рекомендовалось без Высочайшего разрешения и без особого данного законом предписания издавать только те указания, которые будут обязательны для исполнения подчиненными им лицами и учреждениями. Сама суть министерской власти определялась только как исполнительная: «никакой закон, никакое новое учреждение или отмена прежнего не могли быть устанавливаемы властью министра» (Манифест об Общем учреждении министерств от 25 июня 1811 г. § 208. С. 112). Между тем многие указы, на издание которых были уполномочены министры, затрагивали права частных лиц и вступали в противоречие с действующим имперским законодательством, обозначая очередной круг нормотворческих ошибок

министерской деятельности. Данные ошибки были связаны с нарушением министерскими установлениями субординационных связей с элементами существующей тогда общей системы нормативных правовых актов.

Современники приводят примеры министерских указов, которые в развитие действовавших Высочайше утвержденных административных правил устанавливали нормы уголовного права, содержащие карательные санкции. При этом ужесточали предусмотренное в действующих правилах наказание, в рамках которых должно было идти распоряжение министра. Как следствие принимаемые акты вступали в противоречие с действующим тогда законодательством, создавая правовую коллизию.

В качестве примеров можно привести следующий. В Российской империи действовали Высочайше утвержденные Правила об охотничьем порохе от 6 мая 1874 г. (Устав горный. Ст. 37 // Русское горное законодательство с разъяснениями. СПб., 1905. Ч. 1. URL: http://mirror2.garant.ru/webclient/index.dsp?topic=6601896&page=1&revision=1222376400&block=9902&msg_id=1®no=&crc=-1702487864). В развитие этих Правил министру государственных имуществ Положением комитета министров от 22 февраля 1880 г. было предоставлено право издать Временные правила об употреблении взрывчатых составов при горных работах применительно к действующим, с установлением наказаний за их нарушение. Такие временные правила были подготовлены и утверждены министром, но вступали в явное противоречие с базовым нормативным актом. Так, за нарушение этих Правил министром устанавливались меры наказания в виде тюремного заключения на срок до 8 месяцев, в то время как Высочайше утвержденные Правила об охотничьем порохе устанавливали наказания не свыше 4 месяцев тюремного заключения (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., ст. 861 и 986). Кроме того, Временные правила об употреблении взрывчатых составов при горных работах вводили и совсем другую диспозицию охранительной нормы. За нарушение правил хранения взрывчатых веществ предусматривался арест до 3 месяцев. Однако если

последствием нарушения правил была кража, то срок тюремного заключения увеличивался на срок до 8 месяцев. При этом лицо, плохо хранившее похищенное, наказывалось строже похитителя, поскольку кража этих веществ не составляла квалифицированного вида кражи.

Аналогична диспозиция в совместных управленческих указах министров финансов, военных, внутренних дел, изданных по вопросам «устройства капсюльных заведений» (Устав промышленный, ст. 274). В них санкцией являлся арест до 3 месяцев или денежный штраф до 300 рублей; если же последствием несоблюдений правил был пожар, взрыв, раны, увечья, смерть – тюрьма от 2 до 8 месяцев (Собрание узаконений и распоряжения правительства за 1884 г. № 84, ст. 660).

Исследователи-правоведы того времени отмечали, что «для издания подобных указов, прямо затрагивающих и определяющих права и обязанности граждан, министры – совершенно неподходящие органы» (Коркунов М. Н. Указ. соч. С. 405).

Министры выполняли свои функции в рамках определенной отрасли управления. Решая управленческие задачи, они исходили прежде всего из интересов своего ведомства, не имея возможности объективно соотнести публичный интерес государства и частный интерес подданных, разграничив эти интересы с помощью юридической нормы. Принятие правил, затрагивающих как публичные, так и частные интересы, предполагало необходимость учета самых разнообразных задач государственного управления, возлагая функции по принятию подобного рода норм на учреждения, составлявшие «единое управление» (Манифест об Общем учреждении министерств от 25 июня 1811 г. § 241. С. 112). Интересно, что в законодательстве начала XX в. постепенно прослеживается тенденция принятия решений совместно несколькими министрами. При издании указов по ряду предметов сразу нескольких отраслей управления становится необходимым предварительное обсуждение проекта указа в совещательных учреждениях из представителей разных ведомств. Так, например, по Учреждению министерств аптекарская такса устанавливалась министром внутренних

дел после предварительного обсуждения в медицинском совете (ст. 396), куда входили все ведомства, имеющие в своем составе медицинскую часть (ст. 388). Особенное значение имело участие в издании указов по железнодорожному управлению совета по железнодорожным делам и совета по тарифным делам. В случае несогласия председательствующего в них министра с представителями других ведомств дело переносилось на обсуждение кабинета министров (Учреждение министерств, ст. 495, 732). Это, безусловно, повышало качество принимаемых нормативных министерских указов.

Определенное значение для предупреждения нормотворческих ошибок имел и прямой контроль за законностью издаваемых министрами нормативных указов. Он осуществлялся в двух формах: 1) через представление указов министра в сенат для издания в Собрании узаконений и Распоряжениях правительства и 2) через принятие жалоб на издавшего указ министра в первый департамент сената (Учреждение сената. Ст. 1, 19, п. 3 // Свод законов Российской империи / под ред. Ф. Волкова, Ю. Филиппова. Изд. 3-е. Спб., 1900. Т. 1, ч. 2. URL: http://mirror2.garant.ru/webclient/index.dsp?topic=6086298&page=1&revision=1222376400&block=11323&msg_id=1®no=&rc=110472280).

В большинстве случаев в постановлениях, предоставляющих министрам право издавать указ, оговаривалась обязательность представления издаваемых министерских указов сенату для обнародования. При этом отмечалось, что «если испрошенное Высочайшее повеление носит более или менее общее значение, то оно публикуется правительствующим сенатом в Собрании узаконений и Распоряжениях правительства; если же данное Высочайшее повеление состоялось по частному делу, то оно приводится в исполнение самим министром или сообщается им подлежащему учреждению или лицу» (Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Спб., 1902. Т. XXIV а. С. 627). Однако и без таких «оговорок» Общее учреждение министерств (ст. 176, п. 6) указывало на обязательность представлять «дела общие исполнительные на разрешение сената – когда предстанет

нужда сделать общее (циркулярное) предписание». Сенат, в свою очередь, предварительно перед обнародованием проверял законность полученного указа. При этом, найдя указ министра в чем-то незаконным, сенат возвращал этот указ министру для согласования с существующими законами (Коркунов М. Н. Указ. соч. С. 407 ; Проект правил о судоходстве по реке Кальмиус // Собр. узаконений и Распоряжения правительства. 1885. № 5, ст. 592).

После издания и обнародования указа допускалось обращение частных лиц и общественных установлений с жалобой на издавшего указ министра в первый департамент сената (Учреждение сената, ст. 1, 19, п. 3). В 1873 г. по результатам рассмотрения одной из таких жалоб было Высочайше утверждено мнение государственного совета, признающее «в тех случаях, на кои нет отдельного предписания закона, право административных властей, особенно высших, определять подробности, ускользающие от законодательства». В то же время указывалось, что «если изданное в административном порядке постановление находится в противоречии с действующими законами, или по самому существу предмета подлежало утверждению власти законодательной, то всем тем, чьи права и интересы от применения оного терпят ущерб, несомненно, принадлежит право возражать против обязательной силы оного» (Цит. по: Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 404).

Важная группа нормотворческих ошибок связана с произвольным использованием формы подзаконных актов министерствами. Различные вопросы управления содержались в одинаковых по форме актах, и наоборот, сходные вопросы управления регламентировались разными формами подзаконных актов. Вместе с тем эти ошибки тоже имели свое историческое обоснование. Дело в том, что в Российской империи закон неоднократно объявлялся высшей формой веления государственной власти, подчиняющей себе все остальные формы. Однако, несмотря на старания провести строгое различие между законом и подзаконным актом, на практике это различие, по мнению А. Романовича-Славатинского, всегда обуславливается строем государства – отношением между властями за-

конодательной и правительственной. В России сосредоточение всех государственных властей в особе императора привело к тому, что правительственные постановления не отличались от законов. В Своде законов Российской империи не проведено это различие, так как в нем «законы безразлично перемешаны даже с постановлениями властей подчиненных» (Романович-Славатинский А. Пособие для изучения русского государственного права (по методу историко-догматическому). Киев, 1872. Вып. 1. С. 60–61).

Благодаря аналитической работе ученых и практиков того времени проявлялись «очертания» подзаконного нормотворчества. Выделялись указы и инструкции, положения, циркуляры, административные распоряжения, правила и др. (Михеева И. В. Виды нормативных установлений в Российской империи (теоретический аспект) // Источники права: проблемы теории и практики : материалы конф. М., 2008. С. 230–239). Однако четких критериев их разграничения не было. В одном случае абсолютно разнородные по структуре и назначению акты относились к одному виду (например, утверждаемые МВД уставы обществ взаимного страхования и судебные уставы 1864 г.). В другом случае сходную структуру и содержание, включая цели деятельности, состав, процедуру наделения полномочиями должностных лиц, круг этих полномочий, финансовую основу деятельности учреждения и т. п. имели разные виды актов (правила, уставы, положения).

Таким образом, можно выделить группы наиболее типичных ошибок правоустановительной деятельности центральных органов управления Российской империи, свойственных и современному министерскому нормотворчеству. К первой группе относится нарушение пределов компетенционных полномочий министерств по созданию норм. Ко второй – нарушение издаваемыми министерскими установлениями субординационных связей с элементами существующей тогда системы нормативных правовых актов, вхождение в противоречие с Высочайше утвержденными правилами, в развитие которых эти министерские установления издавались. В третью группу входит употребление различных видов

подзаконных актов без четкого разграничения содержания (это в большой степени относилось не только к подзаконным, но и законодательным актам).

Данные правотворческие ошибки, как правило, являлись результатом несоблюдения существовавших в Российской империи требований к изданию министрами правовых актов управления. Вместе с тем не следует забывать, что названные ошибки часто имели объективную историческую обусловленность, становились следствием «неоформленности» ветвей власти в монархическом государстве, несовершенства процессуальной и материальной регламентации правотворческого процесса в Российской империи, пробельности так называемого «статутного» регулирования, размытости компетенционного блока деятельности министерств. Многие недостатки организации нормотворческого процесса Российской империи имеют свои аналогии в современной России. Остается надеяться, что обобщение прошлого опыта поможет нам критично оценить современное состояние министерского нормотворчества и трансформировать правотворческие ошибки из «неизбежных спутников правотворчества» в «попутчиков» случайных и недолгих...

Библиографический список

1. Алексеев, А. С. Русское государственное право : конспект лекции / А. С. Алексеев. – Изд. 4-е. – М., 1897.
2. Правящая Россия. Полный сборник сведений о правах и обязанностях административных учреждений и должностных лиц Российской империи от Государственного совета до сельского старосты. В 3 ч. Ч. 1. – Спб., 1904.
3. Романович-Славатинский, А. В. Пособие для изучения русского государственного права по методу историко-догматическому проф. ун-та св. Владимира А. Романовича-Славатинского / А. В. Романович-Славатинский. – Киев, 1872. – Вып. 1, 2.
4. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М., 1988. – ISBN 5-7260-0009-9.

Д. А. Ерин,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

ПРОМЫШЛЕННАЯ МИЛИЦИЯ В СИСТЕМЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ВИДОВ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ РСФСР (1919–1921 гг.)

Одним из основных направлений организационно-правового развития милиции следует считать проведенную в 1919–1920 гг. специализацию, которая способствовала повышению эффективности ее деятельности (История советской милиции : в 2 т. М., 1977 ; Мулукаев Р. С. Организационно-правовые основы становления советской милиции (1917–1920). М., 1975 ; Органы внутренних дел России. 1802–2002 : в 2 т. М., 2002 ; Органы и войска МВД России : крат. ист. очерк. М., 1996 ; Петров А. В. Полиция и милиция Урала и Западной Сибири в начале XX века (историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 40 и др.)

В феврале 1919 г. были приняты постановления ВЦИК РСФСР «Об организации железнодорожной милиции и железнодорожной охраны», «Положение о железнодорожной охране», Положение «О рабоче-крестьянской железнодорожной милиции», в апреле этого же года – декрет «О речной советской рабоче-крестьянской милиции» (Собр. узаконений и распоряжений рабоче-крестьян. правительства. 1919. № 5, ст. 46–48), в которых в качестве главных целей формирования специализированных подразделений милиции указывались охрана общественного порядка и борьба с преступностью на железнодорожном и водном транспорте. Однако ни в перечисленных нормативно-правовых актах, ни в принятом 3 апреля 1919 г. декрете СНК «О советской рабоче-крестьянской милиции» (Там же. 1919. № 13, ст. 133) ничего не было сказано о создании специальной милиции, осуществляющей охрану промышленных объектов молодого Советского государства.

Впервые промышленная милиция РСФСР упоминается в положении «О рабоче-крестьянской милиции» от 10 июня 1920 г. (Там же. 1920. № 79, ст. 371). Одна-

ко в данном документе констатировался только сам факт наличия промышленной милиции в составе рабоче-крестьянской милиции РСФСР, в то время как организационно-правовой статус подразделений водной и железнодорожной милиции был определен достаточно подробно. Отсутствие общегосударственного нормативно-правового акта, регламентирующего организационно-правовой статус промышленной милиции, привело к тому, что ее организация и деятельность регламентировались декретами советской власти, касающимися советской милиции в целом, а также ведомственными нормативно-правовыми актами НКВД.

В течение 1920 г. отдел промышленной милиции Главного управления милиции НКВД РСФСР разрабатывал несколько проектов декрета о промышленной милиции, а также положение о ней, в которых подробным образом определялись бы порядок ее организации, структура, основные функции и задачи, а также порядок взаимодействия с остальными видами советской милиции. Однако принятие такого декрета и соответственно положения не состоялось, в силу чего промышленная милиция выполняла обязанности и пользовалась правами общей (уездно-городской) милиции, указанными в общих инструкциях.

В отличие от остальных подразделений милиции (общей, уголовно-розыскной) и специальных (железнодорожной и водной), созданных в 1918–1919 гг., организация промышленной милиции РСФСР началась только осенью 1919 г.

Анализ данных, представленных в отчете отдела промышленной милиции за период с марта по октябрь 1920 г., позволяет сделать вывод, что частично или полностью промышленная милиция была создана в Тверской, Ярославской, Пензенской, Калужской, Нижегородской, Екатеринбургской, Смоленской, Вологодской, Курской, Витебской, Костромской, Тульской, Череповецкой, Царицынской, Симбирской, Архангельской, Тамбовской, Казанской и Московской губерниях (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 23. Д. 39. Л. 7).

Следует отметить, что процесс становления промышленной милиции в РСФСР оказался весьма растянувшимся во времени и протекал в течение всего периода ее сущест-

ования, т. е. с начала 1920 г. до второй половины 1921 г. В целом же в масштабах Советского государства (включающего Украину, Белоруссию, Закавказье, Туркестан, Забайкалье, Дальний Восток) данный вид милиции существовал до 1922 г.

По нашему мнению, тот факт, что промышленная милиция оказалась последним по времени создания видом милиции, позволяет сделать определенные предположения о степени ее важности и необходимости для советского руководства. В частности, согласно архивным документам и в центре, и на местах не только местные органы советской власти, но и уездно-городские управления милиции относились к промышленной милиции как к второсортному виду милиции, что выражалось в комплектовании и материально-техническом обеспечении территориальных подразделений по остаточному принципу.

Вместе с тем Главное управление милиции предписывало усилить влияние партии коммунистов в органах милиции, для чего направило в территориальные органы приказ от 15 августа 1920 г. № 7, в котором доводило до их сведения соответствующее циркулярное распоряжение ЦИК РКП(б). В нем, в частности, говорилось: «...предлагает всем губернским и уездным комитетам уделять возможно больше внимания органам милиции, стремясь к созданию действительно коммунистической милиции... с этой же целью необходимо рекомендовать на посты начальников милиций надежных коммунистов» (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 23. Д. 11. Л. 5).

Однако, учитывая общую малочисленность партии большевиков, на командные должности могли назначаться люди, «преданные в лице советской власти интересам рабочего класса и беднейшего крестьянства... по рекомендации социалистических партий, стоящих на платформе советской власти, профессиональных союзов и местных советов депутатов». Так, например, на должности начальника отдела промышленной милиции Главного управления милиции НКВД РСФСР и его заместителя были назначены беспартийные работники, в то время как должности начальников инспекторского, уездно-городского, отделов водной и железнодорожной подразделений милиции занимали члены ВКП(б) (Там же. Д. 10. Л. 680).

Наибольшую трудность вызывало комплектование кадрами промышленной милиции согласно штатам, установленным в июле 1920 г. отделом промышленной милиции Главного управления милиции НКВД РСФСР.

В Петрограде для охраны промышленных предприятий требовалось 20 000 человек, однако к началу 1921 г. в рядах промышленной милиции города насчитывался всего 1641 милиционер, т. е. 13 % от требуемой численности (Павлов А. Н. Петроградская милиция: ее развитие и деятельность в условиях нэпа (1917–1925 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 64). Аналогичная ситуация складывалась почти по всему государству.

В ответ на поступающую с мест информацию о трудностях, возникающих при комплектовании промышленной милиции, руководство Главного управления милиции НКВД РСФСР в своих указаниях предлагало различные способы ее кадрового обеспечения. Характерным примером является приказ Главного управления милиции от 1 октября 1920 г. № 9, в котором территориальным органам промышленной милиции предлагалось для срочного проведения набора: «1) самым широким образом усилить существующую охрану в лице сторожей, производя им надлежащую чистку, проводя среди них военную дисциплину и инструктируя их...; 2) оповестить население о создании промышленной милиции, особенно рабочие массы, с целью привлечения наиболее сознательных в ее ряды...; 3) привлечь к несению службы охраны лиц, подходящих под постановление Совета Труда и Оборона от 13 февраля 1920 года (демобилизованные красноармейцы); 4) если же по исчерпанию этих способов штаты окажутся неуккомплектованными, то открыть прием женщин» (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 23. Д. 7. Л. 69).

Относительно п. 3 указанного приказа следует отметить, что постановлением от 13 февраля 1920 г. для пополнения всех видов рабоче-крестьянской милиции новыми сотрудниками предоставлялось право поступать на службу в милицию «красноармейцам, родившимся в 1891 г. и ранее, участвовавшим в боях и эвакуированным из действующей армии в лечебные заведения или получившими отпуска за ранениями и болезнями» (ГАВО (Гос. арх. Владим. обл.). Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 20. Л. 4).

Однако, несмотря на то, что согласно данному постановлению в ряды милиции к но-

ябрю 1920 г. поступило 30 тыс. человек (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 23. Д. 109. Л. 5), проблема кадров в промышленной милиции не решилась. Как было отмечено в отчете 3-го Калужского губернского съезда начальников городской и уездных милиций: «...невозможно подыскать необходимые кадры людей, несмотря на постановление Совета Труда и Оборона о приеме красноармейцев 1892 года рождения...». При этом основной причиной этого являлось отсутствие у 99 % желающих поступить в промышленную милицию справок, подтверждающих их нахождение на фронте в течении шести месяцев (Там же. Д. 75. Л. 24–25).

Кроме того, даже те красноармейцы, которые по формальным признакам, прежде всего по возрасту, попадали под действие указанного нормативно-правового акта, не всегда соответствовали ожидаемым требованиям. Так, например, в январе 1921 г. во Владимирский уезд Владимирской губернии на комплектование промышленной милиции поступило (было прислано) 20 красноармейцев из трудового батальона (ГАВО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 85. Л. 4). Однако этот контингент решал только проблему количественного состава милиции, а не качественного, так как в трудовые батальоны Красной Армии зачислялись лица, которые по тем или иным причинам не могли служить с оружием в руках в строевых частях.

Отношение местных органов власти к проблемам кадрового обеспечения промышленной милиции наглядно иллюстрирует пример Пермской губернии, где в октябре–ноябре 1920 г., приступив к организации данного подразделения, руководство губернской милиции столкнулось с тем, что «...губком по труду отказывается дать возможность набрать милиционеров...». В результате на 3 декабря 1920 г. некомплект промышленной милиции в этой губернии составлял: старших милиционеров – 87 %, младших – 96 % (Довгяло В. К. Становление и развитие органов милиции на территории Пермской губернии (февраль 1917 – март 1921 г.) : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2004. С. 224).

Одна из составляющих кадрового обеспечения как милиции в целом, так и промышленной милиции, в частности, была связана с подготовкой вновь принятых на службу милиционеров. Следует отметить, что служба в

промышленной милиции имела свою специфику по сравнению со службой в общей, железнодорожной, уголовно-розыскной и водной милиции. Однако руководство Главного управления милиции НКВД РСФСР только спустя год после создания промышленной милиции попыталось в какой-то мере наладить процесс обучения ее сотрудников. Об этом свидетельствует приказ по Главному управлению милиции НКВД РСФСР от 10 января 1921 г. № 1, в котором предписывалось «...организовать со всеми вновь принятыми на службу в промышленную милицию... занятия для ознакомления их с обязанностями по несению службы охраны и для специализации (курсив наш. – Д. Е.) их как милиционеров промышленной милиции...» (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 31. Д. 7. Л. 11). Вместе с тем факты проведения таких занятий не обнаружены. По-видимому, если таковые и проводились, то крайне нерегулярно и бессистемно.

Только впоследствии в соответствии с Программой курсов комсостава при губернских и областных управлениях милиции, утвержденной 15 апреля 1921 г., было введено обязательное изучение гарнизонной и караульной службы в течение 16 учебных часов, тогда как на проведение занятий по строевой подготовке отводилось 60 часов, а политграмоты – 72 часа (Там же. Л. 145).

Ограниченное количество часов, отводимых на изучение основ гарнизонной и караульной службы, привело к тому, что большинство будущих руководителей среднего звена не получали должных знаний и навыков несения службы по охране объектов, а значит, не могли качественно ее организовать в соответствии с требованиями Устава караульной службы.

В свою очередь, для других подразделений милиции, например, водной, на местах организовывались специальные курсы по подготовке сотрудников с учетом ее специфики. Так, 13 февраля 1921 г. приказом начальника волжской водной милиции были открыты двухмесячные курсы для 300 человек младшего начсостава. Кроме того, была разработана программа для морской милиции, в перспективе предполагалось организовать трехмесячные первоначальные курсы и шестимесячные курсы для старшего начсостава. В программу включа-

лись вопросы, связанные со спецификой водной милиции и водного дела, а также вопросы по счетоводству, хозяйственной части, краткие сведения по пожарному делу и первой медицинской помощи (Кожевина М. А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование (1918–1991 гг.) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 82).

При исследовании процесса становления и функционирования промышленной милиции Советского государства необходимо также проанализировать материально-техническое обеспечение ее деятельности. Одним из наиболее острых вопросов в этой области был вопрос о вещевом снабжении милиционеров. Следует отметить, что проблема обеспечения обмундированием существовала во всех видах советской милиции, однако, как показывают материалы официального делопроизводства, в промышленной милиции ситуация была критической. Так, в отчете о деятельности промышленной милиции Владимирской губернии от 1 ноября 1920 г. отмечалось, что «...обмундирования совершенно нет никакого...» (ГАВО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 13. Л. 110–111).

В железнодорожной и водной милиции снабжение всеми видами довольствия и наблюдение за хозяйственной частью при линейных, областных, районных и участковых управлениях осуществлялись специальными хозяйственными подразделениями, в то время как распределение предметов обмундирования и снаряжения промышленной милиции осуществлялось централизованно из Главного управления милиции НКВД РСФСР через губмилиции и уездно-городские управления. Однако такая схема не всегда выглядела эффективной. Как показывала практика, руководство территориальных органов и подразделений общей (уездно-городской) милиции старалось в первую очередь обеспечить обмундированием и снаряжением милиционеров последней. В результате подразделения промышленной милиции снабжались либо по остаточному принципу, либо вообще оказывались без вещевого довольствия.

В рамках государства данное явление приобрело почти повсеместный характер, что нашло отражение в п. 12 приказа от 10 января 1921 г. № 1 начальника Главного

управления милиции НКВД РСФСР: «...замечено, что при распределении обмундирования, получаемого из ГУМа (Главного управления милиции. – Д. Е.)... таковое целиком поступает на обмундирование уездно-городской милиции, в то время как промышленной милиции не отпускается...» (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 31. Д. 7. Л. 11).

Кроме того, в качестве примера того, как органы местного управления относились к формированию и организации деятельности промышленной милиции приведем результаты инспекции начальника Владимирского губернского отдела промышленной милиции в ноябре 1921 г. в Вязниковском, Муромском и Меленковском уездах: «...все местные власти вплоть до начальника Вязниковской уездной милиции организации промышленной милиции содействуют плохо – военком не снабжает проммилицию пайками... начальник уездной милиции в этой области не сделал ничего, а если что приобретет начальник проммилиции, то... забирает все себе для общей милиции... например, забрал себе все хорошие винтовки, а плохие оставил проммилиции... также, отказывает в выдаче лошадей» (ГАВО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 42. Л. 23).

Наряду с проблемами в обеспечении подразделений промышленной милиции обмундированием не менее остро стоял вопрос о ее техническом оснащении. Так, в отделе промышленной милиции Главного управления милиции НКВД РСФСР осенью 1920 г., т. е. после семи месяцев ее функционирования, имелась только одна печатная машинка. Сам промышленный отдел занимал всего две комнаты, а средства связи были представлены одним телефоном, находящимся на квартире помощника начальника отдела промышленной милиции (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 23. Д. 24. Л. 30 ; Д. 27. Л. 72).

Кроме того, если сравнить количество транспортных единиц, например, велосипедов, положенных по штату на все отделы Главного управления милиции, то на 14 октября 1920 г. они распределялись следующим образом: инспекторский отдел – 5 велосипедов, отдел уездно-городской милиции – 5, отдел снабжения – 5, Центррозыск – 3, отдел водной милиции – 3, отдел железнодорожной милиции – 3, отдел промышленной милиции – всего 1 (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 23. Д. 10. Л. 187, 581).

Об общем состоянии материально-технического обеспечения промышленной милиции Советского государства можно судить по тем сведениям, которые содержатся в отчете от 1 декабря 1920 г. о деятельности промышленной милиции Владимирского района Владимирской губернии: «...телефона до сих пор не имеется, при управлении нет даже освещения... оружием никто не снабжает, теплой постовой одежды можно сказать нет, за исключением нескольких пар валенок да трех тулупов» (ГАВО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 42. Л. 21).

Важное значение в осуществлении промышленной милицией своих функций на местах имело вооружение сотрудников. Однако и по этому показателю промышленная милиция Советского государства находилась в крайне невыгодном положении по сравнению с другими подразделениями. Так, например, по данным начальника отдела промышленной милиции Владимирской губернии, на 1 ноября 1920 г. на 800 милиционеров промышленной мили-

ции приходилось всего 110 винтовок различных систем и 965 патронов к ним.

Таким образом, и центральные органы управления промышленной милиции, и местные находились в условиях неудовлетворительного кадрового и материально-технического обеспечения.

Вместе с тем, несмотря на трудности, за весьма непродолжительный период своего существования промышленная милиция выполнила поставленную перед ней задачу по охране национализированных промышленных объектов Советского государства.

Библиографический список

1. История советской милиции : в 2 т. – М., 1977.
2. Мулукаев, Р. С. Организационно-правовые основы становления советской милиции (1917–1920) / Р. С. Мулукаев. – М., 1975.
3. Органы внутренних дел России. 1802–2002 : в 2 т. – М., 2002.
4. Органы и войска МВД России : крат. ист. очерк. – М., 1996.

В. А. Шагаев,

доцент кафедры теории и истории государства и права

Военно-технического университета

при Федеральном агентстве

специального строительства

кандидат юридических наук, доцент

ВОПРОСЫ ВОЕННОГО ПРАВА В СОБОРНОМ УЛОЖЕНИИ 1649 ГОДА

Соборное уложение 1649 г. (далее: Уложение) вполне обоснованно считается выдающимся явлением в истории отечественного права. Данное Уложение содержит нормы, регулировавшие разнообразные общественные отношения почти два столетия. Кроме того, оно регламентировало такую важную для государства и общества отрасль, как военное право. Вместе с тем Уложение регулировало главным образом внутреннее управление государством; военного дела оно касалось лишь настолько, насколько войско было связано с населением страны.

В прямой постановке вопросам военного права посвящены три главы Уложения: VII «О службе всяких ратных людей Москов-

ского государства»; XXIII «О стрельцах»; XXIV «Указ об атаманах и казаках». Однако, поскольку ратные люди жили обособленно только во время похода, большая часть их жизни, протекавшая в условиях мирного времени, ничем не отличалась от всех остальных подданных. Различные законоположения о правах и обязанностях ратных людей были разбросаны по всему Уложению в виде отдельных статей других 22 глав.

В главе VII основное внимание законодателя уделялось несению службы ратными людьми во время похода и их отношению к населению. От всякого воина прежде всего требовалось, чтобы он, будучи призван на службу, отбывал ее добросовестно до тех пор, пока это будет необходимо государству. В середине XVII в. такое требование нуждалось в постоянных подтверждениях. С одной стороны, в памяти служилого люда еще были живы предания удельно-вечевое периода, когда каждый дружинник мог отъехать со службы в любое время. Однако уже с XII в. князья начали ограничивать право отъезда только временем мира. С другой стороны, служебная недобросовестность из корыстных мотивов укоренилась в служилом сословии до такой

степени, что царские воеводы очень часто отпускали со службы ратных людей из-за посулов и взяток, даже и в прямой ущерб интересам порученного им государственного дела. Таким образом, бессрочное освобождение служилого человека от несения служебных обязанностей могло состояться только по указу царя. Это запрещение «отпускать ратных людей с Государевой службы без Государева указа» подтверждалось неоднократно (Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ). Спб., 1830. Собр. 1, т. 1, № 234), что свидетельствует о прочно укоренившемся обычае злоупотреблять разрешением этого отпуска. При этом не только бессрочный отпуск, но и кратковременная отлучка из рядов войска без государева указа и разрешения самого воеводы запрещалась под страхом наказания. Согласно ст. 15 и 16 Уложения: «сотенным Головам без Государева указа и без Воеводского ведома служилых людей для своей корысти никуда не ропускать. А будет который сотенный Голова отпустит куда-нибудь из сотни своей и за то сотенным Головам сказав им вину при ратных многих людях чинить наказание: бить батогами да вкинути в тюрьму, чтобы на то смотря иным сотенным Головам не повадно было так делать». Недоверие к служилым людям укоренилось так глубоко, что даже простая отлучка рядового бойца на несколько дней могла быть разрешена только воеводою, т. е. лицом, исполнявшим обязанности начальника большого отряда. Очевидно, при малейшей возможности воины бросали свои ряды и «расползались» во все стороны. И только страх жестокого наказания заставлял их предпочитать подкуп начальника, «хотя бы и значительною суммою», простому побегу со службы.

По мнению П. Ф. Заустинского, к середине XVII в. дворянское ополчение отношением к службе уже принципиально отличалось от своей родоначальницы – княжеской дружины удельного периода (Заустинский П. Ф. Кодификация русского военного права в связи с историей развития русского войска до реформ XIX века. Спб., 1909. С. 125). Последняя комплектовалась из добровольцев, жила у князя, военные походы приносили ей славу и добычу. Помещики-дворяне московских царей должны были сами содержать себя как в мирное, так и большей частью в военное время за счет нередко слишком ма-

леньких и не обеспеченных рабочей силой поместий в «порожних землях и диких полях». Военный поход сулил все меньше выгод, но почти обязательно разорял хозяйство.

Само правительство хорошо понимало, какой огромный вред причиняла каждая война его служилым людям, и потому разрешало временный отпуск дворянина по его обоснованному и подтвержденному ходатайству для поправления расстроенного хозяйства. В случае, если «ратные люди на Государевой службе учнут бити челом Боярам и Воеводам об отпуске с Государевы службы своим домовым разорением, или людским побегом, или иным каким самым нужным делом», то воевода имел право «с Государевы службы отпущати на время», предварительно проведя опрос всех соседей просителя «сыскивать в полках Дворян и детей Боярских и всяких чинов служилых людей», и взяв у них письменное подтверждение тех домашних обстоятельств, на которые ссылается проситель (ст. 13 Уложения). Увольнение в отпуск по иным, менее важным обстоятельствам не разрешалось. Осложнение обстановки, рост вероятности начала боевых столкновений с противником делали невозможными отпуска даже по особым обстоятельствам.

Полное освобождение от службы, т. е. увольнение в отставку, обуславливалось лишь физической неспособностью нести службу «за старостью, или за увечьем, или за болезнью». Причем тех челобитчиков об отставке, которые получают из полков от бояр и воевод «отписку или память» об увечьях или ранах, сначала должны были воеводы или же сам Разряд «на Москве и городах осматривать». И только в том случае, если по этому медицинскому осмотру челобитчики окажутся, действительно, неспособными к службе, они получали «отставную Великого Государя указную грамоту» и вместе с нею освобождение от личной явки на службу, но вместо себя должны были «на Государеву службу посылати со всею своею службою и с запасы детей своих, и братьев, и племянников, и внучат беспоместных, которые на Государеву службу поспели, в восемнадцать лет, и никакие Государевы службы не служат и ни в какие чины не написаны... А будет у них таких детей и братьев... не будет... и у них взять на Государеву службу даточных людей, или деньги

смотря по их поместьям и вотчинам и по прожиткам» (ст. 14 Уложения).

Таким образом, служба помещиков была не только личной и пожизненной, но даже люди, физически неспособные к службе, должны были вместо себя выставлять на службу кого-либо из своих ближайших родственников или откупаться даточными людьми или деньгами в зависимости от величины своего земельного владения. При этом не учитывалось, было ли оно пожаловано ему царем за службу или перешло по наследству, или даже приобретено собственным трудом. То есть власти смотрели на землевладение как на условие отбывания воинской повинности как лично самим владельцем, так и поставкой в ряды армии определенного числа вооруженных людей.

Вместе с тем жалованное царское поместье не отбиралось у служилого человека, сделавшегося неспособным к службе, а оставлялось в его пользовании до самой его смерти (ст. 8 гл. XVI Уложения).

Весьма снисходительно относился законодатель к ложному заявлению служилого человека о его неспособности к службе. В ст. 18 Уложения говорится: «будет которые служилые люди... скажутся стары, или увечны, или больны, а по осмотру на Государевой службе им быть мочно: и таких на Государеву службу высылати самих». В этой снисходительности, по нашему мнению, проявлялся сохранившийся от прежних времен взгляд на военную службу как на личный договор между государем и служилым человеком: «до тех пор, пока действием служилого человека еще не причинен прямой ущерб службе, его не следует подвергать наказанию, так как заключенный с ним договор еще может быть приведен в исполнение в натуре». Кроме того, за уклонение от службы под другим предлогом, если оно уже причинило вред службе, налагалось взыскание.

Однако помимо законного освобождения от исполнения служебных обязанностей путем увольнения в отпуск или в отставку, в русском войске широко практиковался и неправомерный способ освобождения от службы – побег. Здесь интересам службы причинялся уже явный и ощутимый вред: служилый человек на службу явился, государево денежное жалованье

получил и вошел в состав войска как боевая единица. Уклонение таких отдельных единиц от исполнения своих обязанностей могло причинить непоправимый вред всему государеву делу. При таких условиях уклонение от службы уже не могло рассматриваться как простое нарушение служебного договора; оно заключало в себе уже признаки государственного преступления, и законодатель относился к провинившемуся служилому человеку без снисхождения. Ответственность виновного зависела от степени вреда, причиняемого преступлением. Согласно ст. 9 Уложения побег по степени наказания подразделялся на первый, второй и третий: «кто сбежит в первые, и его бити кнутом; а будет тот же сбежит в другой раз, и его бити кнутом же, да поместного окладу у него убавить пятьдесят четвертей, да денег с поместного его окладу со ста четвертей по рублю; а будет он сбежит в третий раз, и его бити кнутом же, да у него отняти поместье и отдати в роздачу». Однако это применялось только по отношению к помещикам. Тех, кто не имел поместий, а получал полное содержание от казны натурой, в виде денег и хлеба, т. е. служилые «по прибору» (иностранные наемники, стрельцы, солдаты и др.) и даточные люди, поставленные на службу общинами, наказывались иначе. За неимением у них поместий: их били кнутом¹ и высылали вновь на службу «с приставы», а «незаслуженное жалованье», полученное ими вперед при вступлении на службу, взыскивалось с них «по расчету» за все то время, которое они провели в бегах; за даточных же людей, сбежавших со службы, отвечало также общество, поставившее их, уплачивая за каждого беглеца по 20 руб.

За побег помещиков во время военных действий законодатель налагал несравненно более строгое наказание: «а будет который служилый человеку будучи на государевой службе, с бою сбежит к себе в дом: и у таких за тот побег из поместных их и из денежных окладов убавити половина; да у них же из поместий их взяти на государя половину же, да

¹ Впоследствии к наказанию кнутом присоединялась еще ссылка на службу во вновь завоеванные города, например стрельцов ссылали в Азов (ПСЗ. Т. 3, № 1552).

им же за то чинити наказание: бити кнутом нещадно» (ст. 19 Уложения). Если наказанный не погибал, то после выздоровления он отправлялся к месту службы, так как и помещный оклад, т. е. право на известное количество земли, и действительное его поместье, т. е. земля, находящаяся в фактическом его владении, оставались за ним (хотя и уменьшенный вдвое), а следовательно, за ним сохранялась и обязанность нести службу соразмерно своему окладу. Впоследствии, когда побег участились чрезвычайно, увеличилось наказание за них и всякий побег карался смертью (ПСЗ. Т. 1, № 388).

В отношении к тем служилым людям, которые переходили на сторону неприятеля, в ст. 20 Уложения говорится следующее: «А будет кто, будучи на Государевой службе в полках, учнет изменою из полков переезжати в неприятельские полки и сказывать про вести... и такого переезжика казнить смертью, повесить против неприятельских полков, а поместья его и вотчины, и животы взять на Государя». Если изменнику по каким-либо причинам сохранялась жизнь, то он все равно терял свои имущественные права: «А будет кто изменник из Московского государства отъедет в иное государство, а после его людям его дана будет воля... а после того тот изменник из измены воротится, и Государь пожалует его, положит на милость, за ту его измену смертью его казнить не влит, а до тех людей, которым без него дана будет воля, дела ему нет» (ст. 33 гл. XX Уложения).

Определив довольно подробно продолжительность и характер отбывания воинской повинности ратными людьми, законодатель рассмотрел вопрос об отношениях войска к населению тех местностей, в которых оно расположилось для военных действий, или по которым оно проходило походным порядком (гл. VII Уложения).

Каждый помещик, вышедший на службу, и каждый даточный человек, поставленный от общины в ряды войск, должны были иметь собственные запасы продовольствия и фуража. По обычаю каждый воин должен был иметь при себе такой запас пищи, которого хватило бы ему на все время службы. Пока походы были непродолжительными, такой способ снабжения войск продовольствием мог применяться. Однако к XVII в. в связи с ростом продолжительности боевых

действий такой порядок стал фактически невозможен, и правительство должно было принять меры для снабжения войск продовольствием тогда, когда собственные запасы ратных людей иссякали, так как иначе войска были вынуждены грабить окрестных жителей (что и происходило постоянно).

Скудное государево денежное жалованье не обеспечивало должного содержания ратных людей, но нельзя было нещадно их наказывать за насильственное завладение съестными припасами, так как сама рать не могла бы просуществовать долго. Поэтому, было установлено следующее наказание: «А будет кто служилые люди, будучи на Государевой службе, учнут у кого имати хлебные запасы и конские кормы насильством, или учнут кого грабить, или дворы и огороды, где они стоят, учнут пустошiti... и в том на них будут челобитчики... и на тех людей, кто кому какие убытки учинит, те убытки править вдвое» (ст. 22 Уложения).

Ограждая хлебные запасы и конские корма от насилия ратных людей, законодатель в то же время принял меры к тому, чтобы нужда их в съестных припасах не эксплуатировалась населением. Если рыночные цены на предметы первой необходимости возрастали из-за увеличения спроса в местах концентрации войск так высоко, что государево жалованье, полученное ратными людьми, становилось недостаточным для покупки съестных припасов, то «по указу Царского Величества и по Воеводскому рассмотрению» назначалась «хлебным запасам и конским кормам указная цена, дешевле торговой цены», и всякий служилый человек, израсходовавший свои собственные запасы, имел право требовать, чтобы тот обыватель, «у которого хлебные запасы и конские кормы будут в лишке за его домашними расходами», продал ему необходимое количество припасов по указной цене (ст. 21 Уложения). Если же ратный человек показал «облыжно», что у него не хватило хлебных запасов и конских кормов, и возьмет у кого-нибудь эти запасы по указной цене, а впоследствии «сыщется про то допряма, что у него опричь того и свои запасы и конские кормы есть», то за все взятые таким образом запасы виновный должен был уплатить продавцу их «против указной цены вдвое, чтобы на то смотря иным не повадно было так делати» (ст. 25 Уложения).

Столь существенная привилегия предоставлялась ратным людям лишь в то время, когда они уже прибыли на государеву службу. До тех пор, пока они не достигли сборных пунктов, им приходилось покупать съестные припасы «прямою ценою», т. е. по вольной рыночной цене (ст. 3 и 5 Уложения), но в любом случае не по цене, искусственно преувеличенной продавцом; в противном случае продавец должен был возвратить ратному человеку деньги, излишне взятые с него по сравнению с обыкновенной рыночной ценой (ст. 7 Уложения). Если же ратные люди «идучи на государеву службу учнут каким людям насильство чинити», то с них не только должны были быть взысканы причиненные ими убытки, но и им надлежало «чинить наказание, смотря по вине» (ст. 6 Уложения).

Такое различие в правах ратных людей на покупку съестных припасов объясняется тем, что всякий служилый человек, призванный на службу, должен был везти с собою запас «кормов» на несколько месяцев. Следовательно, необходимость прибегать в пути к покупке съестных припасов доказывала, что служилый человек, отправляясь на службу, не исполнил своей обязанности запастись довольствием на определенный срок. Единственное облегчение им делалось лишь в том, что они могли ставить своих лошадей на чужих лугах «безпенно», когда «луга не будут заперты», т. е. до Троицы, так как после него съеденная лошадьми на лугах трава уже больше не может отрасти до покоса.

Следует отметить, что в России строго каралось всякое другое насилие ратных людей над обывателями. Поэтому «за смертное убийство и за насильство женскому полу» виновных надлежало «казнить смертию». А «за иное за всякое насильство и за грабеж чинити им наказание, смотря по вине» (ст. 30–32 Уложения).

К числу тяжких преступлений специального характера Уложение относит кражу лошади и оружия, так как оба эти преступления влекут значительное понижение боеспособности воина, потерпевшего от них. За кражу оружия виновный должен был «бит кнутом нещадно» (ст. 28 Уложения), а за кражу лошади виновному надлежало «за такую татьбу руку отсечь» (ст. 29 Уложения).

Таким образом, прежде всего обеспечивались интересы государственной службы в той ее сфере, которая относилась непосред-

ственно к боевой деятельности войска. С этой целью подробно регламентированы правила удержания ратных людей в рядах войска: предусмотрены разные случаи закономерного и преступного оставления рядов армии, причинения вреда войску изменою, затруднения в обеспечении армии продовольствием, а также случаи понижения боеспособности отдельных членов армии посредством кражи лошади и оружия.

Кроме того, в гл. VII рассмотрен порядок призыва ратных людей на службу. В ст. 1 и 2 Уложения говорится: «В которое время изволит Государь кому своему Государеву недругу мстити недружбу и укажет послать на них своих Государевых Бояр и Воевод, а с ними всяких чинов ратных людей и для той службы велит Государь своим Государевым ратным людям всего Московского государства дати свое Государево жалованье; и на то Государево жалованье ратным людям деньги сбирати со всего Московского государства, а побор положить смотря по службе... В которых местах в то время ратным людям на Государевой службе быти и на который срок им на Государеву службу приехати, и о том посылати в города к Воеводам и к приказным людям Государевы грамоты, и велити ратных людей на Государеву службу в указные места высылати без всякого мотчания».

Помимо вышерассмотренной гл. VII Уложения в других главах данного документа встречается немало статей, так или иначе касающихся русского войска в первой половине XVII в. В них рассматривается отношение ратных людей к остальному населению Руси. Так, с нашей точки зрения, все статьи можно объединить в две группы: одни рассматривают имущественные льготы, предоставленные различным чинам русского войска, живущим среди обывателей на общегражданском положении; другие регулируют их тяжёбые отношения к обывателям или друг к другу.

В гл. XXIII установлена особая подсудность для стрельцов. Согласно ст. 1 «стрельцов во всяких делах опричь разбою и татьбы с поличным, судити и управа меж ними чинити в Стрелецком приказе». Однако иски стрельцов «на стороннем человеке», а также встречные иски сторонних людей должны были разбираться «в ином приказе», т. е. в приказе, где ведом был ответчик (ст. 2 Уло-

жения). За бесчестье, причиненное стрельцом стрельцу же, или его жене, виновный должен был заплатить потерпевшему деньгами по общим правилам. Но если денег для уплаты наложенного взыскания у обидчика не было, и он просил о замене денежного взыскания другим наказанием, то надлежало «бити его кнутом, чтобы ему и иным таким не повадно было свою братью стрельцов и их жен бесчестить» (ст. 3 Уложения).

Вместе с тем необходимо заметить, что специальная подсудность применялась по Уложению в весьма ограниченных размерах. Все дела, возникшие между служилыми людьми до явки их на службу, рассматривались в общих судах «в те поры, как им Государева служба минется потому, что меж ими те обиды учинилися до Государевой службы в полках». Аналогично иски сторонних людей на бояр, воевод и всех вообще служилых людей, призванных на службу, рассматривались в общих местах, а служилым людям, находящимся на службе, давалась отсрочка во всех делах, кроме убийственных, разбойных и татинных, впредь до окончания службы; в делах же об убийстве, разбое и краже суд производился обычным порядком без отсрочки. Из общей подсудности выделялись только обиды между служилыми людьми в полках. В таких делах надлежало «судить и расправа чинити полковым Воеводам или судьям, которым судьям полковые Воеводы прикажут» (ст. 149 гл. X Уложения). Однако впоследствии специальная военная подсудность была постепенно расширена.

Глава XXIV заключает в себе некоторые постановления о суде среди казаков. Специальной подсудности для них установлено не было и они судились по общим правилам. Различие состояло в том, что их мелкие иски не свыше 12 руб. были освобождены от судебных пошлин (ст. 1 Уложения). Вторая статья названной главы содержит цены за бесчестье казаков, т. е. сумма штрафа, уплачиваемого за личные обиды, кем-либо причиненные разным чинам казачьим. Помимо этого в указанной главе содержится еще одна статья, в которой приведена расценка исков по предмету иска, если цена его не обозначена истцом.

В других главах Уложения указаны следующие судебные льготы служилых людей. Освобождение 12-рублевого иска от уплаты

судебных пошлин было предоставлено и стрельцам по их искам. Если же иски были предъявлены к ним и присуждены с них, то ответчик-стрелец освобождался от уплаты судебных пошлин с исков ценою и больше 12, но меньше 100 руб.; причем эта льгота предоставлялась не только самим стрельцам, но и ближайшим их родственникам, имевшим одно общее с ними хозяйство (ст. 126 гл. X Уложения). Кроме льгот по уплате судебных пошлин, служилым людям были предоставлены и другие льготы при производстве суда, свидетельствующие о том, что их интересы учитываются и правительство старается поднять престиж их среди населения. Так, например, свидетельские показания служилых людей принимались на суде за более достоверные, чем показания людей неслужилых. В случае, когда кто-нибудь из тяжущихся ссылался на стольников и стряпчих или дворян и детей боярских, то если бы противная сторона и предъявила отвод против указанных лиц, они все-таки допрашивались судом, и «по их сказкам» дело решалось окончательно на сумму до 50 руб. (ст. 158 гл. X Уложения).

К числу весьма существенных судебных льгот в исполнительном порядке судопроизводства следует также отнести освобождение служилых людей от правежа. По общему правилу, тяжущийся, присужденный к уплате известной суммы денег, подвергался правежу, т. е. телесному наказанию (обычно били палками по ногам) до тех пор, пока не уплатит всей присужденной суммы денег, причем продолжительность правежа определялась в зависимости от величины этой суммы (по одному месяцу на каждые 100 руб.). Если же и после указанного срока ответчики денег не платили, то у них отбирали «дворы и животы и отдавали в истцов иск»; в случае отсутствия у них дворов и животных их отдавали истцам головою до полной отработки присужденных денег.

Общие правила взыскания присужденных денег применялись к служилым людям с некоторыми ограничениями. Прежде всего их не выдавали истцам головою, а стрельцов не ставили и на правеж. В свою очередь, дворянам было предоставлено право ставить на правеж своих крепостных людей вместо себя. Вследствие этого можно считать освобождение служилых людей от правежа общим правилом. В случае же неплатежа служилым человеком присужденных денег и после указанного срока закон разрешал вопрос об удовлетво-

рении истца следующим образом: на дворянах и на их людях долговые деньги надлежало «править безо всякой пощады», т. е. путем продажи имущества, а долги стрельцов выплачивались «из Государева денежного жалования на год по четыре рубли»; довольствоваться же на службе стрельцы-ответчики должны были одним хлебным жалованием. Эта льгота не распространялась на пушкарей, казаков и затинщиков, которые по истечении указного месяца выдавались истцам «головою до искупу», считая по 5 руб. в год за работу мужчины и по 2,5 руб. за работу женщины (ст. 261–266 гл. X Уложения).

Эти льготы были предоставлены служилым людям преимущественно в ограждение интересов государевой службы. Люди, отданные истцам головою, фактически были лишены возможности принимать участие в походе на время отработки своего долга. На пушкарей, казаков и затинщиков подобная льгота не распространялась, так как они исполняли свои служебные обязанности в том городе, где проживали, а следовательно, при необходимости могли быть привлечены на службу.

Служебным интересом объясняется и такая судебная льгота служилых людей, как их право требовать без письменного доказательства возврата поклажи у тех людей, у которых они стояли постоем во время своей службы (ст. 190 гл. X Уложения). Отсюда и вытекает требование закона, чтобы хозяева охраняли под своей личной ответственностью запасы и рухлядь служилого человека, бросившего их без присмотра вследствие спешности исполнения служебных обязанностей.

Помимо судебных льгот, служилым людям также были предоставлены разные имущественные льготы. Так, стрельцам, драгунам и казакам было предоставлено право торговли на льготных условиях в тех городах, где они жили и несли службу, а именно «без платежа тягла, которым были обложены все другие торговцы» (ст. 11 гл. XIX Уложения). Этот торг не должен был превышать 50 руб. в год. Однако законодатель придавал этой льготе большое значение потому, что всякая торговля в то время была обложена почти одинаковым и притом очень большим тяглом. Он исходил из того предположения, что все горожане, посадские люди «всякими торговыми промыслами промышляют» и должны поэтому

платить «Государевы подати» (ст. 1 гл. XIX Уложения). Таким образом, эта льгота могла считаться существенной, тем более, что указная государева грамота на нее выдавалась без взимания печатных пошлин (ст. 53 гл. XVIII Уложения). Вместе с тем ратные люди полковой службы, т. е. дворяне, должны были платить тягло за свои промыслы и лавки «в ряд с черными людьми», т. е. наравне со всеми другими торговцами, так как их поместье давало им достаточные средства к жизни (ст. 4 гл. XIX Уложения).

Стремление законодателя облегчить денежные повинности служилых людей проявилось также в уменьшении полоняничного сбора с них. Для выкупа всех русских людей, взятых в плен, с Московского государства ежегодно собирались особые деньги. На выкуп пленных дворян и детей боярских назначалось по 20 руб. на каждые 100 четвертей их оклада, если они были взяты в плен «на боях», и по 5 руб. если они были взяты в плен «не на бою и не на посылках», т. е. не при исполнении служебных обязанностей; на выкуп стрельцов полагалось по 40 руб. на человека и т. д. Суммы на выкуп требовались довольно значительные (Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Спб., 1840. С. 69) и полоняничный сбор был достаточно велик: по 8 денег¹ со двора, но служилые люди платили в 4 раза меньше, т. е. по 2 деньги со двора (ст. 1 гл. VIII Уложения).

Своеобразной льготой для всех служилых людей было право беспошлинного проезда по всем дорогам и мостам во всем государстве и право беспошлинного провоза своих запасов «не на продажу» без уплаты «перевозу, мыту и мостовщины» (ст. 1 гл. IX Уложения).

Обеспечивая своим служилым людям возможный материальный достаток, государство основное внимание обращало на поместное дворянство. Поэтому значительная часть статей Уложения посвящена вопросу о поместьях и поместных землях. В поместья давались земли, никому в частную собственность (в вотчину) не принадлежавшие и ни в чьем законном владении не состоявшие. Помест-

¹ В середине XVII в. основная мелкая денежная единица. В одном рубле считалось 200 денег (московских), гривне – 20, алтыне – 6, копейке (новгородской деньге) – 2.

ные оклады, т. е. величина поместья, определялись в зависимости от звания служилого человека. Служилые люди, числившиеся по московскому списку, т. е. в государевой свите, наделялись поместьями в Московском уезде, где земля была очень дорогой. В Уложении указаны поместные оклады для Московского уезда: боярам по 200 четвертей, окольников – 150, стольникам, стряпчим и полковым головам московских стрельцов – 100; внесенным в московский список выборным дворянам – 70, сотникам (сотенным головам) московских стрельцов – 50 (ст. 1 гл. XVI Уложения). Здесь же были также указаны и оклады детям боярским в Украинных городах¹, где из-за большой населенности этих местностей свободных земель было немного, поэтому и оклады были уменьшены на 70 %: вместо 100 четвертей отводилось только 30².

Несмотря на то, что поместная земля давалась только в пожизненное владение («в прожиток») за службу, помещикам предоставлялось право распоряжения этой землей. Так, согласно Уложению, они могли меняться между собою поместьями с разрешения Поместного приказа (ст. 2 гл. XVI) и даже обменивать поместную землю на вотчинную землю другого дворянина (ст. 5), с правом перевода своих прежних крестьян на землю, полученную в обмен (ст. 7); могли переуступать, «сдать», свое поместье ближайшему беспоместному родственнику (брату, племяннику), с возложением на него обязательства «до его живота кормить», т. е. давать ему, сдатчику, содержание до смерти (ст. 8), иными словами, могли извлекать из своего поместья по своему усмотрению возможно большую выгоду, лишь бы только поместье не обесценивалось и из службы не выходило. Вследствие этого нельзя было переводить крестьян из своих поместий на свои же вотчинные земли, принадлежащие на праве собственности. Если же кто-либо из служилых людей сводил крестьян

с поместной на вотчинную землю, а впоследствии это поместье досталось за службу кому-либо другому, то новый помещик имел право требовать возврата прежних крестьян «со всеми их крестьянскими животы, с хлебом стоячим и молочным» на ту поместную землю, с которой они были сведены (ст. 31 гл. XI Уложения). Аналогично не разрешалось продавать поместных земель в вотчину иначе как «по Государеву именному указу» (ст. 9 гл. XVII Уложения).

Выше отмечалось, что служилые люди, сделавшиеся неспособными к службе, могли оставлять поместье за собою под условием поставки на службу кого-либо из своих беспоместных родственников или же соответственной поставки даточных людей. Это право подтверждено ст. 8 гл. XVI Уложения, предписывающей отказывать тем челобитчикам, которые будут просить о наделении их поместьями, данными отставленным от службы «старым дворянам и детям Боярским на прожиток». Семья служилого человека получала на прожиток некоторую часть его поместья, в зависимости от того, при каких условиях умер служилый человек. Если его «на Государевой службе в полках убьют воинские люди», то в прожиток его жене выделялось по 20 четвертей из каждых 100 четвертей поместного оклада, а дочерям – 10; если он «на Государевой же службе в полках умрет», то жене давалось по 15 четвертей, а дочерям по «семи четвертей с осьминою» с каждых 100 четвертей оклада; если его «не станет дома, а не на службе», то жене давалось по 10 четвертей, а дочерям – 5 со 100 четвертей оклада. Таким образом, величина этого пенсионного обеспечения семьи служилого человека подвергалась довольно резким колебаниям, т. е. смерть служилого человека в бою должна обуславливать большее право его семьи на призрение со стороны государства, чем смерть при исполнении служебных обязанностей в мирное время, а эта последняя должна стоять выше, чем смерть вне службы. Следует заметить, что закон предоставлял одинаковое право на призрение осиротевшим семьям тех служилых людей, которые умерли на службе, и тех, которые умерли дома, но были уволены со службы «для их болезней до указного отпуску», т. е. до окончания войны (ПСЗ. Т. 1, № 54). Прожиточное поместье оставалось во владении «вдов и девок», т. е. дочерей, пожизненно, до пострижения в монашество или

¹ Города Вольное, Хотмыжск, Карпов, Белгород, Нижегородск, Короча, Яблонев, Новый Оскол, Верхнесосенск, Ольшанск, Коротояк и др., входившие в «Белгородскую черту», охранявшие юго-западную и южную границу Российского государства.

² Впоследствии было запрещено давать поместья в землях Севского и Белгородского полков всем кроме коренных местных дворян, и даже московские дворяне не могли получать здесь пустошей «чтобы от того Севского и Белгородского полку служилым людям утеснения и изгоны и в землях оскудения не было» (ПСЗ. Т. 1, № 516).

до замужества, причем в последнем случае жених после сговора, но до свадьбы, мог просить об укреплении за ним прожиточного поместья своей невесты, и в таком случае разрешалось его «сравливать» за ним.

Необходимо отметить, что правительство следило за тем, чтобы государственная земля вообще не переходила в частную собственность иначе, как по государеву указу, в награду за службу. Поэтому оно ограничивало и покупку порожних земель (ст. 37, 47 гл. XVII Уложения). Кроме того, Уложение запретило монашествующему духовенству и монастырям не только покупать где бы то ни было земли, но даже принимать их по духовному завещанию «в вечный помянок по душам» (ст. 42 Уложения).

Обозначив размеры некоторых поместных окладов, Уложение определило в общих чертах и порядок подачи просьб, челобитных о наделении служилых людей этими окладами. Обычно отцовское поместье наделялось сыну, записанному в государеву службу. Если у помещика было несколько сыновей, то он мог «справить», т. е. передать свое поместье одному из них, а всех остальных мог «написать в отвод», чтобы они, «поверставшись» в службу, могли получить самостоятельный надел в поместье. Если же сыновья, «получив малые новые дачи», станут впоследствии бить челом, чтобы «Государь пожаловал их, велел им то отца их поместье дать всем», то отцовское поместье вместе с новыми дачами поступало в общую массу, которая и делилась между всеми братьями поровну, «изверстав живущее и пустое по вытню, по четвертям, чтобы никто ни от кого изобижен не был» (ст. 34 гл. XVI Уложения). Следовательно, поместный оклад указывал только наибольшие размеры поместного надела; в действительности же надел мог быть и меньше оклада. Если отцовское поместье было разорено, то сыновья могли от него отказаться, и в таком случае им наделялось новое поместье, буде «старое поместье прямо пусто и служить им не с чего» (ст. 24 Уложения). Часто бывали и такие случаи, что сыновья просили себе новое поместье, сохраняя и отцовское, не объявляя об этом «Поместному приказу», получали новый надел. Однако за это у них отнималось от нового поместья столько четвертей, сколько они утаи-

ли, и отдавалось челобитчику, просившему о наделении его поместьем и обнаружившему этот подлог (ст. 25 Уложения).

Таким образом, государство, наделяя служилых людей поместьями, следило за тем, чтобы, во-первых, никто из людей, предназначенных по своему происхождению к государевой службе, не уклонялся от своевременного «верстания» на службу; во-вторых, чтобы никто из поверстанных и уже «испомещенных» служилых людей не «избывал» из службы. Так, боярские дети, не имели права, уклоняясь от службы, записывать себя в холопство к кому-нибудь, и Холопий приказ не мог давать кабальных грамот на детей боярских (ст. 2 гл. XX Уложения). За нарушение этого их ждало серьезное наказание (ст. 69 гл. XVI Уложения).

Оберегание интересов дворянства объясняется тем, что дворянин – служилый человек, будучи «поверстан» в службу, обязан был без всякого вознаграждения служить государству до конца своей жизни (ст. 4,5 гл. XXI, ст. 72 гл. XX Уложения).

В заключение следует отметить, что в Уложении не рассматриваются такие важные вопросы военного быта, как вопросы о комплектовании армии, ее организации, поддержании дисциплины, воспитании и обучении, довольствии и хозяйстве и т. д. Очевидно, они решались по личной инициативе и находчивости государевых воевод, назначенных руководить боевыми действиями созданного войска.

Библиографический список

1. *Владимирский-Буданов, М. Ф.* Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов н/Д, 1995.
2. *Заустинский, П. Ф.* Кодификация русского военного права в связи с историей развития русского войска до реформ XIX века / П. Ф. Заустинский. – Спб., 1909.
3. *Ключевский, В. О.* История сословий в России : полный курс лекций / В. О. Ключевский. – Минск, 2004.
4. Отечественное законодательство XI–XX веков : пособие для семинаров. Часть I (XI–XIX веков) / под ред. проф. О. И. Чистякова. – М., 2000.
5. Полное собрание законов Российской империи. – Спб., 1830. – Собр. 1, т. I.

Т. В. Пашкова,

преподаватель кафедры

*боевой и тактико-специальной подготовки
ВЮИ ФСИН России*

ПРАВОСОЗНАНИЕ

В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Новый этап в развитии китайского общества сопровождается изменениями в правовом сознании, обусловленными трансформацией правовой идеологии и правовой психологии. В настоящее время в китайском обществе правосознание все чаще рассматривается как важный элемент духовной цивилизации. Сегодня в общественном сознании Китая все большую роль играют такие понятия, как «право», «законность», «ответственность». Необходимость популяризации правовых знаний обусловлена тем, что в стране долгие годы царил дух отрицания права, а в современном правосознании сохранилось и недоверчивое отношение народа к закону, и боязнь обращения в государственные органы, и «юридическая слепота» кадровых работников государственного и партийного аппарата (Куманин Е. В. Юридическая политика и правовая система КНР. М., 1990. С. 78–79).

Для рассмотрения правосознания в Китае необходимо дать общее определение сознания, правового сознания, изучить его структуру и факторы, влияющие на его изменения.

Существует множество определений понятия «сознание». С нашей точки зрения, под сознанием следует понимать высшую форму отражения реальной действительности, представляющую собой совокупность психических процессов, позволяющих человеку ориентироваться в окружающем мире, времени, собственной личности и обеспечивающих преемственность опыта, единства и многообразия поведения ([URL: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?ROh\\$lxylttul!xuntgtol](http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?ROh$lxylttul!xuntgtol)).

Основными формами сознания являются индивидуальное и общественное, обыденное и специальное. Правосознание выступает частью (видом) общественного сознания.

Под правосознанием в юридической науке понимается совокупность идей, теорий, представлений, чувств, взглядов, эмоций и т. п., выражающих отношение и оценку людей, их коллективов и общностей к ранее действовавшим, ныне существующим и желаемым юридически значимым явлениям, процессам и состояниям, служащая внутренней детерминантой любой юридической деятельности (поведения) (Карташов В. Н. Теория правовой системы общества : учеб. пособие. Ярославль, 2006. Т. 2. С. 19).

Особенность правосознания как специфической формы общественного сознания выражается в следующем:

1. В правосознании отражаются лишь те явления, которые составляют правовую сторону жизни общества. Оно охватывает процесс создания правовых форм, реализацию их требований в общественной жизни. Политические, нравственные и другие идеи и представления тоже активно воздействуют на формирование и реализацию норм права. Однако прежде чем получить выражение в правовых нормах, практике их применения, они должны пройти через правосознание, т. е. получить правовую форму в виде правовых идей и представлений.

2. Особенность правосознания выражается также в способе отражения явлений общественной жизни. Осознание правовых явлений жизни общества осуществляется посредством специальных юридических понятий и категорий. К их числу относятся, например, такие понятия, как правомерность, неправомерность, правоотношение, юридическая ответственность, законность. Нравственное же сознание оценивает окружающий мир с помощью собственных понятий: добра, зла, справедливости, несправедливости, чести, достоинства.

Правосознание традиционно делится на две составляющие: правовую идеологию и правовую психологию.

Правовая идеология представляет собой систематизированное научное выражение правовых взглядов, принципов, требований общества, классов, различных групп и слоев населения.

Она должна формироваться как процесс выявления теоретического сознания, координации и согласования различных общественных интересов через достижение социального компромисса. В этом случае правовая идеология будет содержать большой нравственный потенциал, подразумевающий приоритет прав и свобод личности, разделение властей, политический плюрализм, высокую роль суда как антипода командно-бюрократическому управлению, что свойственно идеологически и экономически здоровому обществу с развитой общей и правовой культурой. Правовая идеология обосновывает и оценивает существующие или возникающие правовые отношения, законность и правопорядок. В разработке правовой идеологии участвуют юристы, политологи, экономисты, учитывающие конкретно-исторические условия жизни общества, расстановку сил, уровень общественного сознания, социальную психологию, волю и интересы как большинства, так и меньшинства, другие факторы.

Правовая психология охватывает совокупность чувств, ценностных отношений, настроений, желаний или переживаний, характерных для всего общества в целом или конкретной социальной группы (групп). Она является наиболее непосредственным отражением жизненных отношений членов общества, составляющих нации, народности, различные группы и слои населения. Через правовую психологию реализуются: а) органически присущие правовой культуре обычаи и традиции и в целом все то, что вошло в привычку, быт и культуру личности; б) ее самооценка, т. е. умение критически оценить свое поведение с точки зрения его соответствия нормам права (Лазарев В. В. Общая теория права и государства. М., 1996. С. 201–202).

Правосознание – сложное комплексное явление, на формирование которого воздействуют разнообразные причины и условия. Систему причин, влияющих на уровень правового сознания и правовой культуры, принято называть факторами. Оказываемое ими влияние на правовое сознание может быть различным. Одни действуют опосредованно, другие оказывают прямое воздействие и их легко удастся проследить. Однако, как правило, они создают совокупности или комплекс факторов, которые и определяют

качество правосознания отдельной личности, группы, нации или народа.

Комплексный подход к анализу формирования и развития правосознания позволяет выделить следующие основные группы факторов, влияющих на уровень правового сознания: социально-политические, социально-экономические, социально-правовые, организационно-управленческие, социально-психологические и др. (Борщева Е. В. Социально-экономические факторы, влияющие на уровень правосознания // Юрист-онлайн : электрон. юрид. журн. URL: <http://www.shkolny.com/sotsialno-ekonomicheskie-faktoryi-vliyayuschie-na-uroven-pravosoznaniya/>).

Все эти факторы могут оказать как положительное влияние на уровень общественного правового сознания, увеличивая социально-правовую активность граждан, формируя законопослушные стереотипы поведения, так и отрицательное, порождая неверие в силу права, справедливое решение дела, идеалы гражданского общества и правового государства.

Обозначив общие теоретические основы понятия правосознания, следует рассмотреть особенности правосознания Китайской Народной Республики.

В ходе реформ конца XX в., которые постепенно охватывали все стороны общественной жизни Китая, изменилась не только его экономическая система, произошла и ломка общественного сознания, меняется мировоззрение и психология людей. Китайское общество, выглядевшее однообразным, изолированным от свежих веяний, стало многомерным (Делюсин Л. Китай: полвека – две эпохи. М., 2001. С. 264).

Анализ теоретических основ правосознания показал, что оно представляет собой совокупность двух составляющих – правовой идеологии и правовой психологии. В связи с этим следует отметить, что правовая психология – это больше внутренние переживания и эмоции, а идеология – это модель внешняя, поэтому, чтобы показать изменения и модернизацию правосознания в целом, в настоящем исследовании мы будем опираться на правовую идеологию.

Прежде всего необходимо выявить идеологии, положенные в основу правосознания китайского общества. С нашей точки зрения, ими являются следующие три идеологии:

конфуцианство, марксизм-ленинизм и германская правовая идеология.

Говоря о влиянии немецкой идеологии, нужно заметить, что она была занесена в момент образования Китая и существовала вплоть до социальной революции; именно немцы привнесли в Китай западные традиции права. Одним из примеров такого влияния является первая конституция Китая 1912 г. Она установила в стране «республиканский строй, основанный на народовластии и разделении властей», являющимися традиционными европейскими принципами (Попов А. П. Политические системы и политические режимы в Китае XX века. М., 2007. С. 66). По сути она представляла собой основу специально-юридического сознания, носителями которого были китайские юристы.

Говоря в общем о сознании китайского общества и его правосознании, в частности, следует рассмотреть фундаментальное идеологическое учение великого китайского мыслителя Конфуция, основные положения из учения которого до сих пор выступают эталоном поведения и жизненных принципов китайского народа.

Актуальность идей конфуцианских мыслителей во многом обусловлена тем, что основной темой их рассуждений были человек, общество и государство. Заложенные ими социально-политические нормы и принципы явились основой теоретических разработок проблем общественного и государственного обустройства. Учение Конфуция и его учеников сыграло значительную роль в непосредственном процессе формирования государственности Китая.

Секрет удивительных темпов экономического развития, наряду с гармоничным сочетанием историко-культурной традиции и технологической модернизации, состоит в бережном сохранении конфуцианского наследия и его демократических ценностей (Прушенова Е. Ц. Идеология Конфуцианства как отражение становления государственности в Китае : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007).

Конфуцианство, оказывавшее огромное влияние на китайскую культуру с IV в. до н. э., по своей сути не является религией. Это гуманистическая философия, возведенная в ранг государственной религии, которая определяла ценности и моральные

принципы системы правления и социальной структуры в Китае, а также поведенческую мораль членов китайского общества.

Конфуций (Кун-цзы) жил в VI–V вв. до н. э. Современные ученые допускают, что философская система, называемая нами сегодня конфуцианством, не является творением одного человека. Более вероятно, что ее формированию мы обязаны целому ряду древних мыслителей, которые переписывали свитки учения Конфуция для передачи потомкам. Вдохновленные идеями философа, они развивали их и усовершенствовали, в результате появилась знакомая нам философская система. В древнем Китае их обозначили термином «жу», который можно условно перевести как «ученый». Именно благодаря этим людям правящий класс Китая был ознакомлен с ритуальным и поведенческим кодексом, или «ли», разработанным их учителем.

Идеи Конфуция прекрасно вписывались в систему мировоззренческих взглядов древних китайцев о социальном порядке, гармонии и культе поклонения предкам. До Конфуция законность властных полномочий китайских правителей подтверждалась Небесным мандатом, доказывавшим их моральное право на управление простыми людьми. Однако во все времена и особенно в период правления династии Чжоу в Китае не прекращались борьба за власть, конфликты и коррупция. Поэтому неминуемо должен был возникнуть вопрос: «если у Небес есть мандат на смещение плохих правителей и замену их хорошими, справедливыми правителями, как и возможность влиять на общий ход событий на Земле, то почему они тогда допускают, чтобы люди страдали так сильно?» Размышления над данным вопросом неизбежно приводили к выводу о том, что если так происходит, значит, что-то не так. Конфуций дал точный ответ на поставленный вопрос, предложив три ключевых идеи.

Первая – «жэнь» (означает человечность, гуманность). Это «основное правило» конфуцианства заключается в том, что люди должны жить в любви и доброте. Для Конфуция осознание этой идеи влечет за собой реализацию истинного потенциала людей. Любовь и доброта, по Конфуцию, проявляются в уважении и терпимости к другим.

Вторая – «ли». По мнению Конфуция, людям не только следует быть человечными, но и надлежит исполнять «ли» – соблюдать ритуал. То есть каждый человек должен высказывать уважение, доброе расположение и истинную веру не только во время официальных церемоний, но и в повседневном общении с членами своей семьи и друзьями. Иными словами, люди должны постоянно проявлять человечность.

Третья – «юнцзы». Человека, демонстрирующего гуманность и соблюдающего ритуал, Конфуций называет «сверхличностью». Причем превосходство такого человека над всеми прочими заключается не только в его происхождении, но и в его нравственных качествах и самоконтроле.

Эти идеи совершили переворот в сознании китайцев. Сформированные Конфуцием этические принципы существуют в китайской культуре и в настоящее время. Основываясь на данных принципах, Конфуций и его ученики выстроили целую философскую систему, раскрывающую пути достижения социальной гармонии. Залогом же успеха в построении гармоничного общества Конфуций считал следование вышеперечисленным правилам всех членов китайского общества, и прежде всего его правителей – императоров. Выступая воплощением добродетели, император являлся примером, на который должны были равняться все обитатели Поднебесной (Уиткомб В. Л., Бенсон М. Современный Китай. М., 2006. С. 87–89).

В связи с этим возникает вопрос о том, почему конфуцианство относилось и относится к праву. Формирование государственности во времена Конфуция сопровождалось появлением отличных от морали способов социальной регуляции (прежде всего права). Во времена Конфуция в отдельных царствах впервые стали вводиться законы, которые показали резко отрицательную реакцию со стороны Конфуция и сыграли решающую роль в дальнейшей мотивации его проповеднической деятельности и усиленного обращения внимания на учение о «ли», которое Конфуций пытался противопоставить закону «фа» (Прушенова Е. Ц. Указ. соч. С. 12). Поэтому неудивительно, что до сих пор китайцы не испытывают особого доверия к праву.

Китайская философия утверждает, что гармония, от которой зависят равновесие в мире и счастье людей, предстает в двух аспектах. Во-первых, как гармония между человеком и природой. Поведение людей должно соответствовать естественному порядку. Чтобы избежать эпидемии, неурожая, наводнения и землетрясения, а также совершая те или иные действия общественного и личного плана, следует учитывать расположение планет, время года и т. п. Правители должны особо подавать пример жизни в соответствии с естественным порядком – это их основная задача. Добродетель и мораль являются более важными качествами правителей, чем их практические познания.

Во-вторых, гармония необходима в отношениях людей друг с другом. В общественных отношениях на первом плане должны находиться идея согласия и поиск консенсуса. Следует избегать осуждений, санкций, решений большинства. Несогласия должны как бы растворяться, а не решаться. Предложенный выход необходимо свободно принять участникам, считающим его справедливым, и при этом никто не должен «потерять лицо». На первое место следует ставить воспитание и убеждение, а не власть и принуждение.

Вследствие таких взглядов китайцы отрицательно относятся к западной идее права с его строгостью и абстрактностью. Человек не должен настаивать на своих правах, поскольку долг каждого – стремиться к согласию и забывать о себе в интересах всех. К юристам китайцы относятся с недоверием. Используя абстрактные нормы, юристы создают препятствия к достижению компромиссов, тем самым способствуя недостойному поведению, несовместимому с интересами общества. В любом случае конкретное решение должно отвечать справедливым и гуманным чувствам, а не быть помещенным в рамки юридической схемы. Возмещение вреда не должно ложиться непомерным грузом на плечи должника и вести его семью к разорению.

Законы не являются нормальным средством решения конфликтов между людьми. Их полезная роль ограничивается тем, что они предлагают образцы поведения и предостерегают тех, кто повел бы себя антиобщественным образом. Однако речь не

должна идти о буквальном следовании законам; при их исполнении и применении должна сохраняться большая свобода усмотрения, а идеал в том, чтобы законы вообще не применялись и судебные решения не выносились.

Традиционная китайская концепция не отрицает права, но полагает при этом, что оно предназначено для варваров, тех, кто не заботится о морали, неисправимых преступников, а также иностранных граждан, для которых чужда китайская цивилизация. Китайский же народ прекрасно обходится и без права. Люди не интересуются тем, какие нормы содержат законы, не обращаются в суд и регулируют межличностные отношения так, как им подсказывает смысл, следуя не праву, а соглашению и гармонии. Эту гармонию легко восстановить благодаря тому, что китайцы воспитаны так, что ищут причины конфликта не в злой воле или неспособности противника, а в своих собственных ошибках, нерадении, оплошности. В атмосфере, где каждый готов признать свои ошибки, людей не трудно заставить пойти на уступки и согласиться на вмешательство посредника; страх перед общественным мнением может придать этому согласию принудительный характер (Рене Д. Основные правовые системы современности. М., 1998. С. 356–357).

Однако все вышесказанное не свидетельствует о том, что в Китае не ведется разработка и принятие законов и иных нормативных правовых актов. Напротив, современный Китай вышел на новый этап развития в аспекте разработки, принятия и реализации нормативной базы; за последние годы в Китайской Народной Республике все больше отраслей права регулируются на законодательном уровне. Государство пытается внедрять в население правовые знания.

Дело в том, что особенностью китайского пути к социализму является уважительное отношение к национальным традициям и духовному наследию. Его изучение и освоение рассматриваются как противоядие вестернизации Китая и как средство сохранения своей самобытности. В связи с этим особые надежды возлагаются на конфуцианство, которое должно сыграть важную, благотворительную роль в строительстве социализма с китайской спецификой, обла-

городить предпринимательскую деятельность, искоренить дух стяжательства, повысить культуру и этический уровень общества (Делюсин Л. Указ. соч. С. 271).

В 1950-х гг. в Китайской Народной Республике конфуцианство, наряду с другими религиями, было запрещено и подвержено суровой критике как устаревшая и ненаучная идеология. Главной причиной такого к нему отношения послужило то, что китайские коммунисты видели в нем источник бедствий, постигших страну. Вместо конфуцианских принципов сначала Мао, а затем и все его приемники активно утверждали марксистскую идеологию, основным постулатом которой является идея, гласящая: «Партия знает, что для народа лучше» (Уиткомб В. Л., Бенсон М. Указ. соч. С. 99).

Марксистско-ленинская философия стала определяющим элементом духовной культуры китайского общества и выполняла социальную функцию в обществе. Марксизм-ленинизм проявил две стороны: познавательную (в осуществлении функции познания мира) и идеологическую (представляя собой часть идеологической надстройки).

Марксизм в социалистических странах, в отличие от философской доктрины в тех же западных странах, является официально признанным учением. Марксизм-ленинизм раскрыл законы, определяющие развитие общества, основанного на гармонии и согласии.

По марксизму-ленинизму, решающую роль в обществе играют экономическая инфраструктура, условия, в которых используются средства производства. Все находится в зависимости от экономической структуры: идеи людей, нравы, мораль, решения. Аналогично этому право, являясь надстройкой, служит интересам тех, в чьих руках находятся рычаги власти в данном обществе. Право – это средство подавления эксплуатируемого класса.

Кроме того, не вдаваясь в подробности основных постулатов марксизма-ленинизма, необходимо отметить, что он также пропагандировал господство рабочего класса, коллективизм и, безусловно, руководящую роль коммунистической партии как основного и единственного звена политической системы социализма.

Возникает вопрос о том, почему конфуцианство, существующее ни одно тысяче-

летие, так легко адаптируется к современным условиям социализма. Это происходит потому, что многие постулаты социализма и конфуцианства имеют сходства. Обе идеологии достижение порядка в государстве видят в торжестве норм именно государства, а не естественных норм природы или каких-либо иных. Конфуций в своих учениях всегда делал акцент на строжайшее повиновение старшим и, естественно, подобное отношение к родителям проецируется у Конфуция на род, клан и в конечном счете на государство (Мареев С. Н., Мареева Е. В. История философии. М., 2004. С. 44). Так же как и конфуцианство социализм прежде всего делает акцент на государстве, партии, коллективизме и т. д. Конфуций в своем учении построил немало моральных принципов, которым должны следовать члены общества. Борьба за утверждение социалистической морали, морального кодекса также является одним из важнейших направлений идеологической деятельности партии, государственных и общественных организаций в условиях социализма (Прохоров А. М. Большая советская энциклопедия. М., 1976. Т. 24. С. 224). Таких параллелей существует множество, что позволяет сделать вывод о том, что указанные идеологии совершенно безболезненно могут сосуществовать в одном обществе.

Таким образом, в современном Китае взаимодействуют два идеологических источника — конфуцианство и марксизм-ленинизм, которые по сути и составляют идеологическую базу китайского правосознания. Вместе с тем не следует забывать и о таком источнике, как германское право, являющемся частью глобального международного права, под которое так стремится адаптироваться современный Китай.

Однако необходимо отметить, что не только идеи конфуцианства и марксизма оказали влияние на правосознание китайского общества. Само государство и государственная политика также повлияли на правовой менталитет своего народа.

В течение довольно продолжительного периода, увеличенного «культурной революцией», право в Китайской Народной Республике либо отрицалось совсем, либо его роль сводилась, главным образом, к функции борьбы с контрреволюцией. Его созидательные регулятивные функции не использовались.

«За тридцать лет существования КНР, — пишет китайский юрист Чэнь Башоу, — право рассматривалось только в качестве орудия классовой борьбы, при этом забывались его регулятивные функции по упорядочению общественной жизни... Политика подменяла закон, а гражданские споры решались партийными и административными органами, которые ставили себя выше юстиции» (Цит. по: Гудошников Л. М. Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978–2005. М., 2007. С. 210).

Поэтому в настоящее время усилия правовой науки Китайской Народной Республики направлены на снижение в правовом сознании китайского общества, правовом мышлении юристов-практиков такой функции права, как «бить по врагам». Они отмечают, что первостепенная задача социалистического права должна состоять в защите народа, решении противоречий внутри народа, а не в ударах по врагам. Необходимость такого курса вполне очевидна, поскольку усиление политического элемента в праве приводит к установлению линейной связи между политическими решениями и правом, применению санкций, т. е. происходит решение политических проблем правовыми средствами.

Имеются чрезвычайно важные аспекты соотношения политики и права Китая, которые с традиционалистских позиций объясняют значение их источников. Речь идет об исторических особенностях взаимодействия права и политики, сформировавшихся в условиях специфической китайской цивилизации. Политический элемент в китайском праве сохраняется и в силу действия старокитайской правовой традиции. Как известно, в Китае право в большей степени тяготеет к нравственным и духовным критериям, нежели к писаным законам. Это давало эффект в виде правосознания. Поэтому в конфликтной ситуации следовало прежде всего обращение к правосознанию как выражению соотношения права с нравственностью, а носителем правосознания выступала определенная личность. Таким образом, за политическим элементом как социальным регулятором просматривалось индивидуальное мировоззрение конкретного человека (Гудошников Л. М. Указ. соч. С. 212).

С нашей точки зрения, следует отметить, что государство, стремясь повысить уровень правовых знаний у населения, принимает для этого специальные меры.

С 90-х гг. XX в. в Китайской Народной Республике начали предприниматься попытки модификации правового сознания путем распространения правовых знаний, которые призваны преодолеть традиционный акцент на выполнение гражданами своих обязанностей и недооценку субъективных прав. Современным политическим мероприятиям по распространению правовых знаний, воспитанию у граждан уважения к закону предшествовал длительный период реализации крайне противоречивых подходов к правовой пропаганде. Так, в 1951 г. было принято Временное положение об охране государственной тайны, которое закрыло материалы о законодательстве, юстиции, прокуратуре, следственных органах. В годы «культурной революции» стала обычной практикой всеобщего устрашения путем организации массовых судилищ на глазах многотысячных толп.

В Китае и сегодня используется такая «экзотическая» форма правовой пропаганды, как публичные казни лиц, совершивших тяжкие преступления.

Необходимость в новой правовой культуре обуславливается не только стремлением руководства «сбросить путы феодальной покорности» с китайского народа, но и низкой эффективностью нового законодательства, которому отводилась немаловажная роль в модернизации страны, но о котором значительная часть населения имела слабое представление.

Знакомство людей с правом осуществляется в разнообразных организационных формах. Для горожан организуются специальные курсы, правовое образование становится частью программы университетов, начальной и средней школы. В сельской местности представители местной власти несут ответственность за доведение до каждого деревенского жителя сути и смысла закона.

В последние годы в Китае возросли уровень и престиж юридического образования, которому раньше в стране не уделялось должного внимания. Основная задача юридического образования – подготовка спе-

циалистов для судов, прокуратуры, государственных органов, а также преподавателей для учебных заведений и сотрудников научно-исследовательских учреждений (Куманин Е. В. Указ. соч. С. 78–82).

Вне всякого сомнения, Китай вышел на новый уровень развития как права, так и правового воспитания граждан, меняется отношение членов китайского общества к праву.

В целом на рубеже 90-х гг. XX в. и в начале XXI в. в системе нормативного регулирования китайского общества наблюдается постепенный отказ от традиционалистических подходов к регулированию социальных процессов, последовательный переход к правовым методам, а следовательно, появляется доверие членов общества к праву. Конечно, это не говорит о том, что эти изменения означают мгновенный перелом традиционного подхода к пониманию права и отношению к праву. В менталитете китайского народа еще слишком сильны традиции, которые не дают в полной мере приблизить его членов к праву и правовому решению возникающих конфликтов. Однако положительные сдвиги, безусловно, наблюдаются, народ начинает интересоваться, изучать право. Молодежь все больше стремится профессионально заниматься правом, поступает на юридические факультеты. В свою очередь, государство помогает народу в просвещении. Кроме того, следует отметить тот факт, что за последние 10 лет законодательство Китая значительно расширилось и появилось много новых сфер правового регулирования.

Библиографический список

1. *Гудошников, Л. М.* Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978–2005 / Л. М. Гудошников. – М., 2007.
2. *Мареев, С. Н.* История философии / С. Н. Мареев, Е. В. Мареева. – М., 2004.
3. *Попов, А. П.* Политические системы и политические режимы в Китае XX века / А. П. Попов. – М., 2007.
4. *Прохоров, А. М.* Большая советская энциклопедия / А. М. Прохоров. – М., 1976. – Т. 24.
5. *Уиткомб, В. Л.* Современный Китай / В. Л. Уиткомб, М. Бенсон. – М., 2006.

Ю. Н. Шаталов,
*начальник отдела координации,
организации и планирования
научно-исследовательской работы
НИИ ФСИН России*

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО МОНИТОРИНГА ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В ВЕНГРИИ

Первое устройство электронного мониторинга (далее: ЭМ) было разработано в США в середине 1960-х гг. Свое законодательное закрепление устройства ЭМ получили в 1968 г., когда впервые был принят Закон об электронном наблюдении, однако активно электронные браслеты («кандалы») применяются в Западной Европе и США лишь с 1995 г. Основное назначение этих устройств состоит в контроле условно осужденных или лиц, находящихся под домашним арестом, а также осужденных, отбывших срок за тяжкие преступления. С января 2006 г. электронными браслетами снабжаются выпущенные под залог члены преступных группировок, а в штате Калифорния вместо них преступникам выдают пейджер, который они обязаны носить с собой.

Главными целями разработки и внедрения устройств ЭМ в пенитенциарную практику являются экономия тюремных мест и денежных средств, снижение ущерба тюрьмам, а также снижение повторных правонарушений. С другой стороны, использование указанных устройств позволит осужденному оставаться дома, работать, не покидать семью.

В теории права существует различие между домашним арестом как мерой пресечения в уголовном судопроизводстве и как основным видом наказания. В качестве основного вида наказания домашний арест применяется, например, в США. Напротив, в уголовном судопроизводстве Венгрии данный вид ареста используется как мера пресечения, применяемая к подозреваемому и обвиняемому до судебного разбирательства.

Домашний арест в качестве альтернативы тюремному заключению (с использованием электронного мониторинга или без такового) позволяет лицу, заключенному в тюрьму на определенный срок, находиться дома, приносить пользу своей семье, обществу, государству. Подтверждением нахождения осужденного в установленном месте является наличие электронного сенсорного датчика, застегнутого на

лодыжке ноги такого осужденного, а также телефонных линий, связанных с центральным компьютером, постоянно посылающим сигнал. Если этот сигнал прерывается осужденным, вышедшим за пределы предписанного радиуса действия ресивера, то домашний компьютер регистрирует дату и время пропавшего сигнала. Компьютер также фиксирует дату и время возобновления сигнала. Если происходит прерывание сигнала в период, когда осужденный должен находиться дома, то на проверку выезжает сотрудник службы пробации и в последующем при установлении факта нарушения такой осужденный может быть подвергнут заключению под стражу.

Электронный мониторинг обеспечивает сокращение расходов на содержание осужденных, а также служит действенным средством его ресоциализации.

Существуют два основных вида устройств ЭМ: первое устройство работает по технологии передачи сигнала, второе является запрограммированным контактом. Система, постоянно посылающая сигнал, или как ее называют «активная форма», состоит из трех основных частей: передатчика, ресивера и центрального компьютера. Передатчик в форме браслета застегивается на осужденном и начинает передавать кодированный сигнал регулярными интервалами на подключенный к телефонной линии ресивер. Последний, получая такие сигналы, передает их на центральный компьютер. Компьютер сопоставляет любые прерванные сигналы с установленным временем пребывания осужденного дома и посылает сигнал тревоги сотруднику службы пробации в случае незаконного отсутствия.

При запрограммированном контакте или пассивной форме системы ЭМ компьютер программируется на звонки осужденному в любое время или в специально определенные часы и затем регистрирует такие результаты. Когда звонок поступает домой или на работу, осужденный может подтвердить свое присутствие разными способами. Некоторые осужденные могут носить устройство, зафиксированное на запястье, которое посылает сигнал на телефон, тем самым подтверждая присутствие осужденного на месте во время проведения проверки. Некоторые запрограммированные контактные системы можно использовать с помощью технологии подтверждения голоса. Таким образом, при звонке система сличает

голос осужденного с его же голосом, но ранее записанным на компьютер. Другие системы работают через пейджер, которые звонят по специальному номеру. Такие системные технологии помогают установить месторасположение осужденного (дом, работа, школа и т. д.) в определенный момент времени.

Ранее ни одно из мониторинговых устройств не было способным отслеживать весь путь передвижения осужденного. Скорее всего они просто подтверждали факт наличия или отсутствия осужденного в определенные часы. Сравнительно недавно ряд американских компаний разработали специальную трекингую систему для использования в уголовно-исполнительной системе. Это так называемая GPS (global positioning satellite) – система, позволяющая круглосуточно отслеживать маршруты передвижения осужденных. Если осужденный нарушил условия ЭМ, то GPS-система может запеленговать его местонахождение, тем самым облегчая для правоохранительных органов операцию по его задержанию.

В течение 2000 г. в Европе ЭМ применялся более чем к 31 тыс. осужденных. При этом необходимо отметить, что данный эксперимент привел к положительным результатам. Однако вопросы, касающиеся эффективности устройств ЭМ, снижения издержек, уровня ресоциализации осужденных все еще остаются открытыми.

Нижеприведенная таблица отображает результаты применения ЭМ в некоторых странах Западной Европы с 1995 по 2001 г. (Weber J. P. Das elektronisch überwachte Hausarrest und seine versuchsweise Einführung in der Schweiz. Helbing&Lichtenhahn Basel/Genf/München, 2004. P. 86–87).

Страна	Начало использования, г.	Всего осужденных до 2003 г., человек	Стоимость, евро/день	Эффективность, %
Англия, Уэльс	1995	70 тыс. 195	21–28	80–90
Шотландия	1998	около 900	–	73
Швеция	1994	18 тыс. 200	70–85	93,5–98
Нидерланды	1995	1 тыс. 900	–	93
Бельгия	1998	2 тыс. 500	48	–
Германия (Хиссен)	2000	52	49	87
Франция	2000	670	15	94
Испания	2000	97	6	97
Италия	2001	100	–	–

Выше было отмечено, что домашний арест в Венгрии является мерой пресечения и используется вместо заключения под стражу. Данный вид ареста ограничивает право подсудимого на свободное передвижение и свободный выбор места своего пребывания. При этом подсудимый может покидать предписанное ему место нахождения по причинам, определенным судебным решением, и прежде всего для медицинского лечения. Порядок и сроки исполнения домашнего ареста как меры пресечения регулируются положениями, относящимися к порядку исполнения досудебного заключения. Суд с согласия подсудимого может возложить функции по мониторингу его месторасположения на полицию. При этом порядок осуществления ЭМ регулируется специальным нормативным правовым актом, имеющим свои особенности. В частности, домашний арест не применяется к военнослужащим, проходящим срочную службу в вооруженных силах.

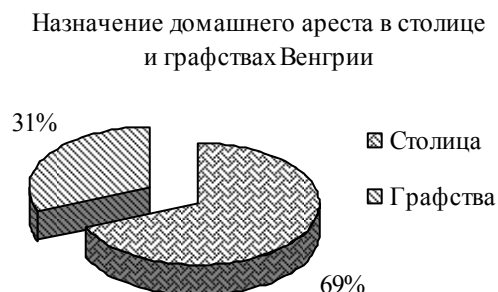
Если подсудимый нарушает правила домашнего ареста или без уважительных причин не посещает установленные законом процессуальные процедуры, он может быть заключен под стражу. В таких случаях домашний арест в отношении подсудимого может быть заменен на содержание под стражей с наложением дисциплинарного взыскания или без такового.

Суд, назначая домашний арест, устанавливает место жительства, в котором подозреваемый обязан пребывать. Полиция может контролировать это посредством патрулирования, при котором сотрудники могут проверить подсудимого в любой момент как лично, так и с помощью ЭМ. Однако в последнем случае необходимо согласие самого подозреваемого. После получения такого согласия подсудимый должен явиться в отдел полиции для фиксации необходимого оборудования (браслета), который крепится на невидимом другим людям месте тела и не должен сковывать движения осужденного и нарушать его повседневную жизнедеятельность. Полиция в обязательном порядке предоставляет лицу информацию по эксплуатации полученного электронного оборудования.

Несмотря на положительные результаты, достигнутые в использовании устройств ЭМ, статистические данные свидетельст-

вуют, что домашний арест в Венгрии не получил широкого распространения.

В представленной ниже диаграмме видно, что разница в назначении домашнего ареста между столицей и другими графствами Венгрии достаточно велика.

Домашний арест в Венгрии является сравнительно молодым, но динамично развивающимся правовым институтом, имеющим по сравнению с другими странами свои особенности. По мнению одного из аспирантов университета Пекс Венгрии А. Тан, «общество не приемлет такую форму заключения, и, кроме того, Венгрия не готова к ЭМ. Скорее всего, ответ на этот

вопрос кроется в культуре, менталитете людей, общественном взгляде и, возможно, политической воле».

Тем не менее изучение венгерского опыта по осуществлению домашнего ареста с помощью ЭМ позволяет подойти к решению вопроса об исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, и в России. Анализ недостатков и достоинств электронных браслетов в практике их применения за рубежом позволяет определить аспекты правового и организационного обеспечения применения ЭМ в уголовно-исполнительной системе России.

Библиографический список

1. *Бастрыкин, А. И.* Борьба с организованной преступностью в США / А. И. Бастрыкин // Правоведение. – 1992. – № 3.
2. *Дворянсков, И. В.* Применение альтернативных видов наказания в Западной Европе, США и России : сравнительно-прав. исслед. / И. В. Дворянсков, В. В. Сергеева, Д. Е. Баталин. – М., 2003.
3. *Миньковский, А.* Будьте как дома. – Режим доступа: <http://www.informpravo.ru>.

Требования к рукописям, представляемым для опубликования в «Вестнике Владимирского юридического института»

К рассмотрению принимаются рукописи объемом не более 1 авторского листа. Критерии отбора: новизна научной мысли, актуальность исследования, теоретическая и практическая значимость работ, обоснованность полученных результатов.

Требования к оформлению рукописей: формат А4; гарнитура шрифта Times New Roman; кегль 14-й; абзацный отступ – 1,25 см; междустрочный интервал полуторный; поля слева, справа, сверху, снизу – 2,5 см.

Рукопись должна включать: сведения об авторе (указываются фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, ученое звание (если имеются), контактные телефоны, почтовый адрес, e-mail); основной текст (печатается в программе Microsoft Word); ключевые слова; библиографические ссылки и библиографический список (5–7 источников), оформленные в соответствии с ГОСТ Р7.05-2008 «Библиографическая ссылка» и ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». **Обращаем внимание авторов на то, что совокупность библиографических ссылок не является библиографическим списком. В случае изменения сведений об авторе, последний обязан уведомить об этом редакцию до момента выхода журнала из печати.**

К представляемой рукописи необходимо приложить аннотацию и рецензию.

Аннотация, ключевые слова, сведения об авторе и библиографический список должны быть подготовлены в двух вариантах: на русском и английском языках.

Работы авторов, не соответствующие вышеназванным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Рукописи представляются в редакционно-издательский отдел научного центра института в распечатанном и электронном виде.

Бумажный вариант рукописи вместе с сопроводительным письмом, аннотацией и рецензией необходимо выслать заказным письмом или бандеролью по адресу: 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е, электронный вариант – по e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru.

Рукописи адъюнктов и аспирантов публикуются бесплатно, всех других авторов – на платной основе. Стоимость одной публикации 1800 руб.

По вопросам опубликования материалов обращаться в редакционно-издательский отдел научного центра ВЮИ ФСИН России по тел.: (4922) 32-49-73, 32-25-60, e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru.

Образец заполнения платежного поручения

Получатель (ОКАТО 17401000000) ИНН 3329012372 КПП 332901001 УФК по Владимирской области (ВЮИ ФСИН России л/с 03281175960)	Сч. №	40503810900001000001
Банк получателя ГРКЦ ГУ БАНКА РОССИИ ПО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛ. Г.ВЛАДИМИР	БИК	041708001
	Сч. №	
Назначение платежа: 32030201010010000130 п.3 Доход от издательской деятельности (реализация журнала «Вестник»)		

Дорогие читатели!

Подписывайтесь на «Вестник Владимирского юридического института»!

Оформить подписку на наш журнал вы можете в любом почтовом отделении связи.

Информация об издании содержится в каталоге агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» на 2-е полугодие 2009 г.

Подписной индекс журнала 36614.

Каталожная цена одного номера 236 руб., двух номеров – 472 руб.

Даты выхода издания в свет: 25 сентября, 25 декабря.

Заполните абонемент, вырежьте его

и оформите подписку на журнал в почтовом отделении связи.

Ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ

на журнал

36614

Индекс издания

Количество комплектов

(наименование издания)

Вестник Владимирского юридического института

на 2009 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

36614

(индекс издания)

пв

место

ли-тер

(наименование издания)

Вестник Владимирского юридического института

Стои-мость

подписки

— — — — руб.

— — — — коп.

Количество комплектов

Переад-ресовки

— — — — руб.

— — — — коп.

на 2009 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)